

ЖИЗНЬ ВЕРИ

19

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Москва
«ТЕРРА»
1998

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том двенадцатый

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ
КАПИТАН

ШКОЛА
РОБИНЗОНОВ

Романы

Москва
«ТЕРРА»
1998

УДК 82/89
ББК 84 (4 Фр)
В35

Художники
Л. ЧЕРНЫШЕВ, А. КАПНИНСКИЙ

Составитель
В. НИКИТИН

Верн Жюль

В35   Собрание сочинений: В 20 т. Т. 12: Пятнадцатилетний капитан: Роман / Пер. с фр. И. Петрова; Школа Робинзонов: Роман / Пер. с фр. Н. Брандис. — М.: ТЕРРА, 1998. — 384 с.

ISBN 5-300-01610-1 (т. 12)

ISBN 5-300-01303-X

Жюль Верн (1828–1905) — всемирно известный французский писатель, один из создателей жанра научной фантастики. Наука, ее история, ее современное состояние и будущее, научные дерзания, вера в беспредельные возможности разума, способного проникнуть в неведомые тайны природы, — все это определяет творчество Ж. Верна.

В двенадцатый том Собрания сочинений вошли известные романы «Пятнадцатилетний капитан» о молодом путешественнике Дике Сэнде и «Школа Робинзонов» о приключениях на необитаемом острове.

УДК 82/89
ББК 84 (4 Фр)

ISBN 5-300-01610-1 (т. 12)

ISBN 5-300-01303-X

© Издательство «ТЕРРА», 1998

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ КАПИТАН

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Шхуна-бриг «Пилигрим»

Второго февраля 1873 года шхуна-бриг «Пилигрим» находилась под 43°57' южной широты и 165°19' западной долготы от Гринвича. Это судно водоизмещением в четыреста тонн было снаряжено в Сан-Франциско для охоты на китов в южных морях.

«Пилигрим» принадлежал богатому калифорнийскому судовладельцу Джеймсу Уэлдону; командовал судном в продолжение многих лет капитан Гуль.

Джеймс Уэлдон ежегодно отправлял целую флотилию судов в северные моря, за Берингов пролив, а также в моря Южного полушария, к Тасмании и к мысу Горн. «Пилигрим» считался одним из лучших кораблей флотилии. Ход у него был отличный. Превосходная оснастка позволяла ему с небольшой командой доходить до самой границы сплошных льдов Южного полушария.

Капитан Гуль умел лавировать, как говорят моряки, среди плавающих льдин, дрейфующих летом южнее Новой Зеландии и мыса Доброй Надежды, то есть на более низких широтах, чем в северных морях. Правда, это только небольшие айсберги, уже потрескавшиеся и размытые теплой водой, и большая часть их быстро тает в Атлантическом или Тихом океанах.

На «Пилигриме» под началом капитана Гуля, прекрасного моряка и одного из лучших гарпунщиков южной флотилии, находились пять опытных матросов и один новичок. Этого было недостаточно: охота на китов требует довольно большого экипажа для обслуживания шлюпок и для разделки добытых туш. Но мистер Джеймс Уэлдон, как и другие судовладельцы, считал выгодным вербовать в Сан-Франциско лишь матросов, необходимых для управления кораблем. В Новой Зеландии среди местных жителей и дезертиров всех национальностей не было недостатка в искусных гарпунщиках и матросах, готовых наняться на один сезон. По окончании кампании они получали расчет и на берегу дожидались следующего года, когда их услуги снова могли понадобиться китобойным судам. При такой системе су-

доладельцы экономили немалые суммы на жалование судовой команды и увеличивали свои доходы от промысла.

Именно так поступил и Джемс Уэлдон, снаряжая в плавание «Пилигрим».

Шхуна-бриг только что закончила китобойную кампанию на границе южного Полярного круга, но в ее трюмах оставалось еще много места для китового уса и немало бочек, не заполненных ворвань. Уже в то время китовый промысел был нелегким делом. Киты стали редкостью: сказывались результаты их беспощадного истребления. Настоящие киты начали вымирать, и охотникам приходилось промысливать полосатиков¹, охота на которых представляет немалую опасность.

То же самое вынужден был делать и капитан Гуль, но он рассчитывал пройти в следующее плавание в более высокие широты — если понадобится, вплоть до земель Клары и Адели, открытых, как это твердо установлено, французом Дюмоном д'Юрвилем, как бы это ни оспаривал американец Уилкс.

«Пилигриму» не повезло в этом году. В начале января, в самый разгар лета в Южном полушарии и, следовательно, задолго до конца промыслового сезона, капитану Гулю пришлось покинуть место охоты. Вспомогательная команда — сборище довольно темных личностей — вела себя дерзко, нанятые матросы отлынивали от работы, и капитан Гуль вынужден был расстаться с ней.

«Пилигрим» взял курс на северо-запад и 15 января прибыл в Вайтемату, порт Окленда, расположенный в глубине залива Хаураки на восточном берегу северного острова Новой Зеландии. Здесь капитан высадил китобоев, нанятых на сезон.

Постоянная команда «Пилигрима» была недовольна: шхуна-бриг не добрала по меньшей мере двести бочек ворвани. Никогда еще результаты промысла не были столь плачевны.

Больше всех недоволен был капитан Гуль. Самолюбие прославленного китобоя было глубоко уязвлено неудачей: впервые он возвращался с такой скудной добычей; он проклинал лодырей и тунеядцев, которые сорвали промысел.

Напрасно пытался он набрать в Окленде новый экипаж: моряки были уже заняты на других китобойных судах. Пришлось, таким образом, отказаться от надежды доплна нагрузить «Пилигрим». Капитан Гуль собирался уже уйти из Окленда, когда к нему обратились с просьбой принять на борт пассажиров. Отказать в этом он не мог.

Миссис Уэлдон, жена владельца «Пилигрима», ее пятилетний сын Джек и ее родственник, которого все называли «кузен Бенедикт», находились в это время в Окленде. Они приехали

---

¹ Настоящие киты дают охотникам ворвань (китовый жир) — ценное промышленное сырье — и китовый ус. Китовый ус — роговые пластины — употребляется для изготовления разных изделий. Полосатики дают только ворвань, пластины китового уса у них развиты слабо.

туда с Джемсом Уэлдоном, который изредка посещал Новую Зеландию по торговым делам, и предполагали вместе с ним вернуться в Сан-Франциско. Но перед самым отъездом маленький Джек серьезно занемог. Джемса Уэлдона призывали в Америку неотложные дела, и он уехал, оставив жену, заболевшего ребенка и кузена Бенедикта в Окленде.

Прошло три месяца, три тяжких месяца разлуки, показавшихся бесконечно долгими бедной миссис Уэлдон. Когда маленький Джек оправился от болезни, она стала собираться в дорогу. Как раз в это время «Пилигрим» пришел в Оклендский порт.

В ту пору прямого сообщения между Оклендом и Калифорнией не существовало. Миссис Уэлдон предстояло сначала поехать в Австралию, чтобы там пересесть на один из трансокеанских пароходов компании «Золотой век», связывающих пассажирскими рейсами Мельбурн с Панамским перешейком через Папэте. Добравшись до Панама, она должна была ждать американский пароход, курсировавший между перешейком и Калифорнией.

Такой маршрут предвещал длительные задержки и пересадки, особенно неприятные для женщин, путешествующих с детьми. Поэтому, узнав о прибытии «Пилигрима», миссис Уэлдон обратилась к капитану Гулю с просьбой доставить ее в Сан-Франциско вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и Нан — старухой негритянкой, которая выныщила еще самое миссис Уэлдон.

Совершить путешествие в три тысячи лье на парусном судне! Но судно капитана Гуля всегда содержалось в безукоризненном порядке, а время года было еще благоприятно по обе стороны экватора.

Капитан Гуль согласился и тотчас предоставил в распоряжение пассажирки свою каюту. Ему хотелось, чтобы во время плавания, которое должно было продлиться дней сорок — пятьдесят, миссис Уэлдон была окружена возможно большим комфортом на борту китобойного судна.

Таким образом, для миссис Уэлдон путешествие на «Пилигриме» имело много преимуществ. Правда, шхуна-бриг должна была сначала зайти для разгрузки в порт Вальпараисо в Чили, лежащий в стороне от прямого курса. Зато от Вальпараисо до самого Сан-Франциско судну предстояло идти вдоль американского побережья при попутных береговых ветрах.

Миссис Уэлдон, опытная путешественница, не раз делившая с мужем тяготы дальних странствований, была храбрая женщина и не боялась моря; ей было около тридцати лет, и она отличалась завидным здоровьем. Она знала, что капитан Гуль отличный моряк, которому Джемс Уэлдон вполне доверял, а «Пилигрим» надежный корабль и на отличном счету среди американских китобойных судов. Случай представился — надо было им воспользоваться. И миссис Уэлдон решила совершить

плавание на борту судна небольшого тоннажа. Разумеется, кузен Бенедикт должен был сопровождать ее.

Кузену было лет пятьдесят. Несмотря на солидный возраст, его нельзя было выпускать одного из дому. Скорее сухопарый, чем худой, и не то чтобы высокий, но какой-то длинный, с огромной взлохмаченной головой, с золотыми очками на носу — таков был кузен Бенедикт. С первого взгляда в этом долговязом человеке можно было распознать одного из тех почтенных ученых, безобидных и добрых, которым на роду написано всегда оставаться взрослыми детьми, жить на свете лет до ста и умереть с младенческой душой.

«Кузеном Бенедиктом» звали его не только члены семьи, но и посторонние: такие простодушные добряки, как он, кажутся всеобщими родственниками. Кузен Бенедикт никогда не знал, куда ему девать свои длинные руки и ноги; трудно было найти человека более беспомощного и несамостоятельного, особенно в тех случаях, когда ему приходилось разрешать обыденные, житейские вопросы.

Нельзя сказать, что он был обузой для окружающих, но он как-то ухитрялся стеснять каждого и сам чувствовал себя стесненным собственной неуклюжестью. Впрочем, он был неприспособлен, покладист, нетребователен, нечувствителен к жаре и холоду, мог не есть и не пить целыми днями, если его забывали накормить и напоить. Казалось, кузен Бенедикт принадлежит не столько к животному, сколько к растительному царству. Он был как бесплодное, почти лишенное листьев дерево, не способное ни приютить, ни накормить путника. Но у него было доброе сердце. Он охотно оказывал бы услуги людям, если бы в состоянии был оказывать их, как сказал бы Прюдом, и его все любили, несмотря на его слабости, а может быть, именно за них. Миссис Уэлдон смотрела на него как на своего сына, как на старшего брата маленького Джека.

Следует, однако, оговориться, что кузена Бенедикта никто бы не назвал бездельником. Напротив, это был неутомимый труженик. Единственная страсть — естественная история — поглощала его целиком.

Сказать «естественная история» — это значит сказать очень многое. Известно, что эта наука включает в себя зоологию, ботанику, минералогию и геологию. Но кузен Бенедикт ни в какой мере не был ни ботаником, ни минералогом, ни геологом.

Был ли он в таком случае зоологом в полном смысле слова — кем-то вроде Кювье¹ Нового Света, способным аналитически разложить или синтетически воссоздать любое животное? Посвятил ли он свою жизнь изучению тех четырех типов — позво-

---

¹ Жорж Кювье (1769—1832) — известный французский натуралист, прославившийся исследованиями ископаемых животных, предложил классификацию животного мира, разделив его на четыре основных типа; эта классификация теперь устарела.

ночных, мягкотелых, суставчатых и лучистых,— на какие современное естествознание делит весь животный мир? Изучал ли этот наивный, но прилежный ученый разнообразные отряды, подотряды, семейства и подсемейства, роды и виды этих четырех типов?

Нет!

Посвятил ли себя кузен Бенедикт изучению позвоночных: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб?

Нет и нет!

Быть может, его занимали моллюски? Быть может, головоногие и мшанки раскрыли перед ним все свои тайны?

Тоже нет!

Значит, это ради изучения медуз, полипов, иглокожих, простейших и других представителей лучистых он до глубокой ночи жег керосин в лампе?

Надо прямо сказать, что не лучистые поглощали внимание кузена Бенедикта.

А так как из всей зоологии остается только раздел суставчатых, то само собой разумеется, что именно этот раздел и был предметом всепоглощающей страсти кузена Бенедикта. Однако и тут требуется сделать уточнение.

Суставчатых насчитывают шесть отрядов: насекомые, многоногие, паукообразные, ракообразные, усоногие, кольчатые черви.

Кузен Бенедикт, откровенно говоря, не сумел бы отличить земляного червя от медицинской пиявки, домашнего паука от лжескорпиона, морского желудя от креветки, кивсяка от сколопендры.

Кем же был в таком случае кузен Бенедикт?

Только энтомологом и никем иным!

На это могут возразить, что энтомология есть часть естественной истории, занимающаяся изучением всех суставчатых. Вообще говоря, это верно. Но обычно в понятие «энтомология» вкладывается более ограниченное содержание. Этот термин применяется только для обозначения науки о насекомых, то есть суставчатых беспозвоночных, в теле которых различаются три отдела — голова, грудь и брюшко — и которые снабжены одной парой сажков и тремя парами ног, почему их и называли шестиногими.

Итак, кузен Бенедикт был энтомологом, посвятившим свою жизнь изучению насекомых.

Из этого не следует, что кузену Бенедикту нечего было делать. В этом классе не менее десяти отрядов.

Прямокрылые (представители: кузнечики, сверчки и т. д.).

Сетчатокрылые (представители: муравьиные львы, стрекозы).

Перепончатокрылые (представители: пчелы, осы, муравьи).

Чешуекрылые (представители: бабочки).

Полужесткокрылые (представители: цикады, блохи).

Жесткокрылые (представители: майские жуки, бронзовки).

Двукрылые (представители: комары, москиты, мухи).

Веерокрылые (представители: стилопсы, или веерокрылы).

Паразиты (представители: клещи).

Низшие насекомые (представители: чешуйницы).

Но среди одних лишь жесткокрылых насчитывается не менее тридцати тысяч разных видов, а среди двукрылых — шестьдесят тысяч¹, поэтому нельзя не признать, что работы для одного человека здесь больше чем достаточно.

Жизнь кузена Бенедикта была посвящена безраздельно и исключительно энтомологии. Этой науке он отдавал все свое время: не только часы бодрствования, но также и часы сна, потому что ему даже во сне неизменно грезились насекомые. Немыслимо сосчитать, сколько булавок было вколото в обшлага его рукавов, в отвороты и полы его пиджака, в поля его шляпы. Когда кузен Бенедикт возвращался домой с загородной прогулки, всегда предпринимаемой с научной целью, его шляпа представляла собою витрину с коллекцией самых разнообразных насекомых. Наколотые на булавки, они были припилены к шляпе как снаружи, так и изнутри.

Чтобы дорисовать портрет этого чудака, скажем, что он решил сопровождать мистера и миссис Уэлдон в Новую Зеландию исключительно ради того, чтобы удовлетворить свою страсть к новым открытиям в энтомологии. В Новой Зеландии ему удалось обогатить свою коллекцию несколькими редкими экземплярами, и теперь кузен Бенедикт с понятным нетерпением рвался назад, в Сан-Франциско, желая поскорее рассортировать драгоценные приобретения по ящикам в своем рабочем кабинете.

Так как миссис Уэлдон с сыном возвращались домой на «Пилигриме», то вполне понятно, что кузен Бенедикт ехал вместе с ними.

Миссис Уэлдон меньше всего могла рассчитывать на помощь кузена Бенедикта в случае какой-нибудь опасности. К счастью, ей предстояло совершить лишь приятное путешествие по морю, спокойному в это время года, и на борту судна, которое вел капитан, заслуживающий полного доверия.

В продолжение трех дней стоянки «Пилигрима» в Вайтемате миссис Уэлдон успела сделать все приготовления к отъезду. Она очень торопилась, так как не хотела задерживать отправление судна. Рассчитав туземную прислугу, она 22 января перебралась на «Пилигрим» вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и старой негритянкой Нан.

Кузен Бенедикт со всеми предосторожностями уложил свою драгоценную коллекцию в особую жестяную коробку, которую

---

¹ Теперь известно более миллиона видов насекомых, из них свыше двухсот тысяч разновидностей жуков.

он носил на ремне через плечо. В этой коллекции, между прочим, хранился экземпляр жука-стафилина — плотоядного жесткокрылого, с глазами, расположенными в верхней части головки, которого до этого времени считали присущим только новокаледонской фауне. Кузену Бенедикту предлагали захватить с собой ядовитого паука «катино», как его называют маори¹, укус которого смертелен для человека. Но паук не принадлежит к насекомым, его место среди паукообразных, и, следовательно, он не представлял никакого интереса для кузена Бенедикта; наш энтомолог пренебрежительно отказался от паука и считал самым ценным экземпляром своей коллекции новозеландского жука-стафилина.

Конечно, кузен Бенедикт застраховал свою коллекцию, не пожалев денег на уплату страхового взноса. Эта коллекция, на его взгляд, была дороже, чем весь груз ворвани и китового уса, хранившийся в трюме «Пилигрима».

Когда миссис Уэлдон и ее спутники поднялись на борт шхуны-брига и настала минута сниматься с якоря, капитан Гуль подошел к своей пассажирке и сказал:

— Само собой разумеется, миссис Уэлдон, вы принимаете на себя всю ответственность за то, что выбрали «Пилигрим» для плавания через океан.

— Что за странные слова, капитан Гуль?

— Я вынужден напомнить вам это, миссис Уэлдон, потому что не получил никаких указаний от вашего супруга. Это, в-первых. А во-вторых, шхуна-бриг в смысле безопасности, конечно, уступает пакетботам², специально приспособленным для перевозки пассажиров.

— Как вы думаете, мистер Гуль, если бы муж был здесь, решился бы он совершить это плавание на «Пилигриме» вместе со мной и с нашим сыном?

— О да, несомненно! — ответил капитан. — Сам я, не задумываясь, взял бы на борт «Пилигрима» свою семью. «Пилигрим» — отличное судно, хоть в этом году оно неудачно закончило промысловый сезон. Я уверен в нем так, как только может быть уверен в своем судне моряк, командующий им много лет. Я задал вам этот вопрос, миссис Уэлдон, только для очистки совести да еще для того, чтобы лишний раз извиниться за то, что у меня нет возможности окружить вас удобствами, к которым вы привыкли.

— Если все дело сводится к удобствам, капитан Гуль, это не остановит меня. Я не принадлежу к числу тех капризных пассажиров, которые досаждают капитанам жалобами на тесноту кают и плохой стол.

---

¹ Маори — коренное население Новой Зеландии.

² Пакетбот — устарелое название почтово-пассажирского судна.

Посмотрев на своего маленького сына, которого она держала за руку, миссис Уэлдон закончила:

— Итак, в путь, капитан!

Капитан Гуль тотчас же приказал поднять якорь. Через короткое время «Пилигрим», поставив паруса, вышел из Оклендского порта и взял курс к американскому побережью.

Однако через три дня после отплытия с востока задул сильный ветер, и шхуна-бриг вынуждена была лечь на левый галс, чтобы следовать против ветра. Поэтому 2 февраля капитан Гуль еще находился в широтах более высоких, чем он желал, — в положении моряка, который намеревался бы обогнуть мыс Горн, а не плыть кратчайшим путем к западному берегу Нового Света.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дик Сэнд

Погода стояла хорошая, и, если не считать отклонения от курса и удлинения пути, плавание совершалось в сносных условиях.

Миссис Уэлдон устроили на борту «Пилигрима» как можно удобнее. На корме не было ни юта, ни рубки, и, следовательно, отсутствовали каюты для пассажиров. Миссис Уэлдон предоставили крошечную каюту капитана Гуля. Это было лучшее помещение на судне. Да еще пришлось уговаривать деликатную женщину занять его. В этой тесной камерке с нею поселились маленький Джек и старуха Нан. Там они завтракали и обедали вместе с капитаном и кузенном Бенедиктом, которому отвели клетушку на носу судна. Капитан Гуль перебрался в каюту, предназначенную для его помощника. Но экипаж «Пилигрима» ради экономии не был укомплектован полностью, и капитан обходился без помощника.

Команда «Пилигрима» — пять искусных и опытных моряков, державшихся одинаковых взглядов и одинаковых привычек, — жила мирно и дружно. Они плавали вместе уже четвертый промысловый сезон. Все матросы были американцами, все с побережья Калифорнии и с давних пор знали друг друга.

Эти славные люди были очень предупредительны по отношению к миссис Уэлдон как к жене судовладельца, к которому они питали беспредельную преданность. Надо сказать, что все они были широко заинтересованы в прибылях китобойного промысла и до сих пор получали немалый доход от каждого плавания. Если они и трудились, не жалея сил, так как судовая команда была весьма невелика, то всякая лишняя работа увеличивала их долю в доходах при подведении баланса по окончании сезона. На этот раз, правда, не ожидалось почти никакого дохода, и потому они с достаточным основанием проклинали «этих негодяев из Новой Зеландии».

Только один человек на судне не был американцем по происхождению. Негоро, выполнявший на «Пилигриме» скромные

обязанности судового кока, родился в Португалии. Впрочем, и он отлично говорил по-английски. После того как в Окленде сбегал прежний кок, Негоро предложил свои услуги. Этот хмурый на вид, неразговорчивый человек сторонился товарищей, но дело свое знал неплохо. У капитана Гуля, который его нанял, очевидно, был верный глаз: за время своей работы на «Пилигриме» Негоро не заслужил ни малейшего упрека.

И все-таки капитан Гуль сожалел, что не успел навести справки о прошлом нового кока. Внешность португальца, вернее, его бегающий взгляд, не очень нравились капитану. В том крохотном, тесном мирке, каким является китобойное судно, каждый человек на счету, и, прежде чем допустить незнакомца в этот мирок, необходимо все узнать о его прежней жизни.

Негоро было около сорока лет. Худощавый, жилистый, черноволосый и смуглый, он, несмотря на небольшой рост, производил впечатление сильного человека. Получил ли он какое-нибудь образование? По-видимому, да, если судить по замечаниям, которые у него изредка вырывались. Негоро никогда не говорил о своем прошлом, о своей семье. Никто не знал, где он жил и что делал раньше. Никто не ведал, чего ждет он от будущего. Известно было только, что он намерен списаться на берег в Вальпараисо. Окружающие считали его странным человеком.

Негоро, очевидно, не был моряком. Больше того — товарищи по шхуне заметили, что в морских делах он смыслит меньше, чем всякий кок, который значительную часть своей жизни провел в плаваниях. Но ни боковая, ни килевая качка на него не действовали, морской болезнью, которой подвержены новички, он не страдал, а это уже немалое преимущество для судового повара.

Негоро редко выходил на палубу. Весь день он проводил на своем крохотном камбузе, большую часть площадки которого занимала кухонная плита. С наступлением ночи, погасив огонь в плите, Негоро удалялся в свою каморку, отведенную ему на носу. Там он тотчас же ложился спать.

Как уже было сказано, экипаж «Пилигрима» состоял из пяти бывалых матросов и одного юного новичка.

Этот пятнадцатилетний матрос был сыном неизвестных родителей. В младенческом возрасте его нашли у чужих дверей, и вырос он в воспитательном доме.

Дик Сэнд — так звали его — по-видимому, родился в штате Нью-Йорк, а может быть, и в самом городе Нью-Йорке.

Имя Дик, уменьшительное от Ричарда, было дано подкидышу в честь сострадательного прохожего, который подобрал его и доставил в воспитательный дом. Фамилия Сэнд служила напоминанием о том месте, где был найден Дик, — о песчаной косе Сэнди-Гук в устье реки Гудзона, у входа в Нью-Йоркский порт.

Дик Сэнд был невысок и не обещал стать в дальнейшем выше среднего роста, но крепко сколочен. В нем сразу чувствовался англосакс, хотя он был темноволос и с огненным взглядом голубых глаз. Трудная работа моряка уже подготовила его к жи-

тейским битвам. Его умное лицо дышало энергией. Это было лицо человека не только смелого, но и способного дерзать.

Часто цитируют три слова незаконченного стиха Вергилия: «Audaces fortuna juvat...» («Смелым судьба помогает...»), но цитируют неправильно. Поэт сказал: «Audentes fortuna juvat...» («Дерзающим судьба помогает...»). Дерзающим, а не просто смелым почти всегда улыбается судьба. Смелый может иной раз действовать необдуманно. Дерзающий сначала думает, затем действует. В этом тонкое различие. Дик Сэнд был «audens» — дерзающий.

В пятнадцать лет он умел уже принимать решения и доводить до конца все то, на что обдуманно решился. Его оживленное и серьезное лицо привлекало внимание. В отличие от большинства своих сверстников Дик был скуп на слова и жесты. В возрасте, когда дети еще не задумываются о будущем, Дик осознал свою участь и пообещал себе «стать человеком» своими силами.

И он добился своего: он был уже взрослым в ту пору, когда его сверстники еще оставались детьми. Ловкий, подвижный и сильный, Дик был одним из тех одаренных людей, о которых можно сказать, что они родились с двумя правыми руками и двумя левыми ногами: что бы они ни делали — им все «с руки», с кем бы они ни шли — они всегда ступают «в ногу».

Как уже было сказано, Дика воспитывали за счет общественной благотворительности. Сначала поместили его в приют для подкидышей, каких много в Америке. В четыре года стали учить его чтению, письму и счету в одной из тех школ штата Нью-Йорк, которые содержатся на пожертвования великодушных благотворителей. Восьми лет его пристроили юнгой на судно, совершавшее рейсы в южные страны; к морю у него было врожденное влечение. На корабле он стал изучать морское дело, которому и следует учиться с детских лет. Судовые офицеры хорошо относились к пытливому мальчугану и охотно руководили его занятиями. Юнга вскоре должен был стать младшим матросом в ожидании лучшего.

Тот, кто с детства знает, что труд есть закон жизни, кто смолоду понял, что хлеб добывается только в поте лица (заповедь Библии, ставшая правилом для человечества), тот предназначен для больших дел, ибо в нужный день и час у него найдутся воля и силы для свершения их.

Капитан Гуль, командовавший торговым судном, на котором служил Дик, обратил внимание на способного юнгу. Бравый моряк полюбил смелого мальчика, а вернувшись в Сан-Франциско, рассказал о нем Джемсу Уэлдону. Тот заинтересовался судьбой Дика, определил его в школу в Сан-Франциско и помог окончить ее; воспитывали его в католической вере, которой придерживалась и семья самого судовладельца.

Дик жадно поглощал знания, особенно его интересовали география и история путешествий; он ждал, когда вырастет и начнет изучать ту часть математики, которая имеет отношение к на-

вигации. Окончив школу, он поступил младшим матросом на китобойное судно своего благодетеля Джемса Уэлдона. Дик знал, что «большая охота» — китобойный промысел — не менее важна для воспитания настоящего моряка, чем дальние плаванья. Это отличная подготовка к профессии моряка, чреватой всяческими неожиданностями. К тому же этим учебным судном оказался «Пилигрим», плававший под командованием его покровителя — капитана Гуля. Таким образом, молодому матросу были обеспечены наилучшие условия для обучения.

Стоит ли говорить, что юноша был глубоко предан семье Уэлдона, которой он был стольким обязан? Пусть факты говорят сами за себя. Легко представить себе, как обрадовался Дик, когда узнал, что миссис Уэлдон с сыном совершат плавание на «Пилигриме». Миссис Уэлдон в продолжение нескольких лет заменяла Дику мать, а маленького Джека он любил как родного брата, хотя и понимал, что положение у него совсем иное, чем у сына богатого судовладельца. Но его благодетели отлично знали, что семена добра, которые они посеяли, упали на плодородную почву. Сердце сироты Дика было полно благодарности, и он, не колеблясь, отдал бы жизнь за тех, кто помог ему получить образование и научил любить бога.

В общем, пятнадцатилетний юноша действовал и мыслил, как взрослый человек тридцати лет, — таков был Дик Сэнд.

Миссис Уэлдон высоко ценила Дика и понимала, что может всецело положиться на его преданность. Она охотно доверяла ему своего маленького Джека. Ребенок льнул к Дику, понимая, что «старший братец» любит его.

Плавание в хорошую погоду в открытом море, когда все паруса поставлены и не требуют маневрирования, оставляет матросам много досуга. Дик все свободное время отдавал маленькому Джеку. Молодой матрос развлекал ребенка, показывал ему все, что могло быть для мальчика занимательным в морском деле. Миссис Уэлдон без страха смотрела на то, как Джек взбирался по вантам на мачту или даже на салинг брам-стенги¹ и стрелой скользил по снастям вниз на палубу. Дик Сэнд всегда был возле малыша, готовый поддержать, подхватить его, если бы ручонки пятилетнего Джека вдруг ослабели. Упражнения на вольном воздухе шли на пользу ребенку, только что перенесшему тяжелую болезнь; морской ветер и ежедневная гимнастика быстро возвратили здоровый румянец его побледневшим щекам.

В таких условиях совершался переход из Новой Зеландии в Америку. Не будь восточных ветров, у экипажа «Пилигрима» и пассажиров не было бы никаких оснований к недовольству.

Однако упорство восточного ветра не нравилось капитану Гулю. Ему никак не удавалось лечь на более благоприятный

---

¹ Стеньга — продолжение мачты, прикрепленное к ее основной (нижней) части; брам-стенга — третья часть составной мачты, служащая продолжением стеньги.

курс. К тому же он опасался на дальнейшем пути попасть в полосу штилей у тропика Козерог, не говоря о том, что экваториальное течение могло больше отбросить его на запад. Капитан беспокоился главным образом о миссис Уэлдон, хотя и сознавал, что он неповинен в этой задержке. Если бы неподалеку от «Пилигрима» прошел какой-нибудь океанский пароход, направляющийся в Америку, он непременно уговорил бы свою пассажирку пересесть на него. Но, к несчастью, «Пилигрим» находился под такой высокой широтой, что трудно было надеяться встретить пароход, следующий в Панаму. Да и сообщение между Австралией и Новым Светом через Тихий океан в то время не было столь частым, каким оно стало впоследствии.

Капитану Гулю оставалось только ждать, пока погода не смилостивится над ним. Казалось, ничто не должно было нарушить однообразия этого морского перехода, как вдруг 2 февраля, под широтой и долготой, указанными в начале этой повести, произошло неожиданное событие.

День был солнечный и ясный. Часов около девяти утра Дик Сэнд и Джек забрались на салинг фор-брам-стенги; оттуда им видна была вся палуба корабля и плещущий далеко внизу океан. Кормовая часть горизонта заслонялась грот-мачтой, которая несла косой грот и топсель. Перед их глазами над волнами поднимался острый бушприт с тремя туго натянутыми кливерами, похожими на три крыла неравной величины. Под ногами у них вздувалось полотнище фока, а над головой — фор-марсель и брамсель. Шхуна-бриг держалась возможно круче к ветру.

Дик Сэнд объяснял Джеку, почему правильно нагруженный и уравновешенный во всех своих частях «Пилигрим» не может опрокинуться, хотя он и дает довольно сильный крен на штир-борт¹, как вдруг мальчик прервал его восклицанием:

— Что это?!

— Ты что-нибудь увидел, Джек? — спросил Дик Сэнд, выпрямившись во весь рост на рее.

— Да, да! Вон там! — сказал Джек, указывая пальчиком на какую-то точку, видневшуюся в просвете между кливером и стакселем.

Вглядевшись в ту сторону, куда указывал Джек, Дик Сэнд крикнул во весь голос:

— С правого борта, впереди, под ветром, обломок судна!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Судно, потерпевшее крушение

Возглас Дика Сэнда всполошил весь экипаж. Свободные от вахты матросы бросились на палубу. Капитан Гуль вышел из своей каюты. Миссис Уэлдон, Нан и даже невозмутимый кузен

---

¹ Штир-борт — правая сторона (борт) судна.

Бенедикт, облокотившись о поручни штирборта, с пристальным вниманием разглядывали обломок судна, видневшийся на море.

Только Негоро остался в каморке, которая служила на судне камбузом. Из всей команды лишь его одного не заинтересовала эта неожиданная встреча.

Замеченный мальчиком предмет покачивался на волнах примерно в трех милях от «Пилигрима».

— Что бы это могло быть? — спросил один из матросов.

— По-моему, плот! — ответил другой.

— Может быть, там люди?.. Несчастные терпят бедствие... — сказала миссис Уэлдон.

— Подойдем поближе — узнаем, — ответил капитан Гуль. — Однако мне кажется, что это не плот, скорее, это опрокинувшийся набок корпус корабля...

— Нет!.. По-моему, это гигантское морское животное! — заявил кузен Бенедикт.

— Не думаю, — сказал юноша.

— А что же это, по-твоему, Дик? — спросила миссис Уэлдон.

— Я полагаю так же, как и капитан Гуль, что это накренившийся набок корпус судна, миссис Уэлдон. Мне сдается, что я различаю даже, как блестит на солнце его обшитый медью киль.

— Да... да... теперь и я вижу, — подтвердил капитан.

И, повернувшись к рулевому, он скомандовал:

— Спускайся под ветер, Болтон, держи прямо на это судно!

— Есть, капитан! — ответил рулевой.

— Я остаюсь при своем мнении, — заявил кузен Бенедикт. — Бесспорно, перед нами морское животное.

— В таком случае это медный кит, — сказал капитан Гуль. — Глядите, как он сверкает на солнце.

— Если это и кит, кузен Бенедикт, то, во всяком случае, мертвый, — заметила миссис Уэлдон. — Ясно видно, что он лежит без движения.

— Что ж из этого, кузина Уэлдон? — настаивал на своем ученый. — Мало ли было случаев, когда корабли встречали спящих на воде китов!

— Совершенно верно, — сказал капитан Гуль. — И все-таки перед нами не спящий кит, а судно.

— Посмотрим, — ответил упрямец.

Впрочем, кузену Бенедикту не было никакого дела до китов, и он променял бы всех млекопитающих арктических и антарктических морей на одно редкое насекомое.

— Одерживай, Болтон, одерживай! — крикнул капитан Гуль. — Не надо подходить к судну ближе чем на кабельтов¹. Мы-то уж ничем не можем повредить этому обломку, но мне

---

¹ Кабельтов — морская мера длины, равная 0,1 морской мили, или 185,2 метра.

вовсе не улыбается, чтобы он помял бока «Пилигриму». Приводи в бейдевинд!¹

Легким движением руля «Пилигрим» повернули немного влево.

Шхуна-бриг находилась на расстоянии одной мили от погибшего корабля. Матросы с жадным любопытством вглядывались в опрокинувшееся набок судно. Быть может, в трюмах его хранился ценный груз, который удастся перегрузить на «Пилигрим»? Известно, что за спасение груза с тонущего корабля выдается премия в размере одной трети его стоимости. Если содержимое трюма не повреждено водой, экипаж «Пилигрима» мог получить «хороший улов» — за один день возместить неудачу целого сезона.

Через четверть часа «Пилигрим» был уже в полумиле от плавающего предмета. Теперь не осталось никаких сомнений: это действительно был корпус опрокинувшегося набок корабля. Палуба его стояла почти отвесно. Мачты были снесены. От всех снастей остались лишь повисшие обрывки троса и порванные такелажные цепи. На скуле правого борта зияла большая пробоина. Крепление и обшивка были вмяты внутрь пробоины.

— Этот корабль столкнулся с каким-то другим судном! — воскликнул Дик Сэнд.

— Да, несомненно, — подтвердил капитан Гуль. — Но меня поражает, что он тут же не затонул. Это просто чудо.

— Будем надеяться, что корабль, который налетел на это судно, снял с него всю команду, — заметила миссис Уэлдон.

— Да, будем надеяться, миссис Уэлдон, — ответил капитан Гуль. — Но вполне возможно, что экипажу после столкновения пришлось спасаться на собственных шлюпках. К сожалению, морская практика знает случаи, когда виновники аварии, не забывая об участии пострадавшей команды, спокойно продолжали свой путь.

— Не может быть, капитан! Ведь это ужаснейшая бесчеловечность!

— К сожалению, так бывает, миссис Уэлдон. Примеров сколько угодно. Судя по тому, что на этом корабле не осталось ни одной шлюпки, надо полагать, что команда покинула его. Будем надеяться, что несчастных подобрало встречное судно. Ведь отсюда почти невозможно добраться до суши на шлюпках — слишком велико расстояние до ближайших островов и тем более до американского континента.

— Удастся ли когда-нибудь разгадать тайну этой катастрофы? — сказала миссис Уэлдон. — Как вы думаете, капитан Гуль, остался на судне кто-нибудь из команды?

— Это маловероятно, миссис Уэлдон, — ответил капитан Гуль. — Нас бы уже давно заметили и подали какой-нибудь сиг-

---

¹ Бей девинд — курс под острым углом к встречному ветру.

нал. Впрочем, мы сейчас проверим это... Держи немного круче к ветру, Болтон, приводи в крутой бейдевинд! — крикнул капитан, указывая рукой направление.

«Пилигрим» был всего в трех кабельтовых от потерпевшего крушение корабля. Теперь уже не было никаких сомнений, что команда покинула его.

Внезапно Дик Сэнд жестом попросил всех замолчать.

— Слушайте! Слушайте! — воскликнул он.

Все насторожились.

— Кажется, собака лает...

Из корпуса тонущего корабля действительно доносился собачий лай. Там, несомненно, была живая собака. Должно быть, она не могла выйти, потому что люки были закрыты. Во всяком случае, ее не было видно.

— Если даже там осталась одна лишь собака, — спасем ее, капитан, — сказала миссис Уэлдон.

— Да, да, — воскликнул маленький Джек. — Надо спасти собачку! Я сам буду кормить ее. Она нас полюбит... Мама, я сейчас сбегая принесу ей кусочек сахару!

— Стой на месте, сынок, — улыбаясь, сказала миссис Уэлдон. — Бедное животное, должно быть, умирает с голоду и, вероятно, предпочло бы похлебку твоему сахару.

— Так отдай ей мой суп, — сказал мальчик. — Я могу обойтись без супа!

Между тем лай с каждой минутой слышался все явственнее. Между двумя кораблями было теперь менее трехсот футов расстояния. Вдруг над бортом показалась голова крупного пса. Уцепившись передними лапами за фальшборт, животное отчаянно лаяло.

— Говик! — позвал капитан боцмана. — Ложитесь в дрейф и велите спустить на воду шлюпку.

— Держись, собачка! Держись! — кричал Джек, и собака, казалось, отвечала ему глухим лаем.

Паруса «Пилигрима» быстро были обрасоплены¹ таким образом, что он оставался почти неподвижным в полукабельтове от потерпевшего крушение судна.

Шлюпка уже покачивалась на волне. Капитан Гуль, Дик Сэнд и два матроса соскочили в нее.

Собака цеплялась за фальшборт, срываясь с него, падала на палубу и лаяла, не переставая; но казалось, что она лаяла не на быстро приближавшуюся шлюпку. Может быть, она звала пассажиров или матросов, запертых, как в тюрьме, на потерпевшем крушение судне?

«Неужели там есть живые люди?» — думала миссис Уэлдон.

---

¹ Обрасопить — поставить паруса в другое положение, поворачивая реи при помощи брасов (прикрепленных к ним снастей).

Шлюпка была уже близка к цели — еще несколько взмахов весел, и она подойдет к опрокинувшемуся корпусу судна.

Собака снова залаяла. Но теперь она уже не призывала своим лаем спасителей на помощь. Наоборот, в ее лае и рычание слышалась яростная злоба. Всех удивила такая странная перемена.

— Что с собакой? — спросил капитан Гуль, когда шлюпка огибала корму судна, чтобы пристать к борту, погружившемуся в воду.

Ни капитан Гуль, ни даже оставшиеся на «Пилигриме» матросы не заметили, что собака стала угрожающе рычать как раз в ту минуту, когда Негоро, выйдя из камбуза, появился на баке.

Неужели собака знала судового кока? Предположение совершенно неправдоподобное.

Как бы там ни было, но, мельком взглянув на бешено лающего пса и ничем не выразив удивления, Негоро только нахмурился на мгновение, повернулся и ушел обратно на камбуз.

Шлюпка обогнула корму судна. Надпись на корме гласила: «Вальдек».

Наименование порта, к которому приписано судно, не было обозначено. Но по форме корпуса, по некоторым особенностям конструкции, которые сразу бросаются в глаза моряку, капитан Гуль установил, что корабль американский. Да и название подтверждало эту догадку. Корпус — вот все, что уцелело от большого брига водоизмещением в пятьсот тонн.

На носу «Вальдека» зияла широкая пробоина — след рокового столкновения. Благодаря тому, что судно дало крен, пробоина поднялась над водой на пять-шесть футов, и «Вальдек» не затонул.

На палубе не было ни души.

Собака, оставив борт, добралась по наклонной палубе до открытого центрального люка и, просунув в него голову, отчаянно залаяла.

— Очевидно, этот пес — не единственное живое существо на корабле, — заметил Дик Сэнд.

— Я и сам так думаю, — сказал капитан Гуль.

Шлюпка плыла теперь вдоль полузатонувшего борта. Первая же большая волна неминуемо должна была пустить «Вальдек» ко дну.

На палубе брига все было начисто сметено. Торчали только основания грот-мачты и фок-мачты, переломленные в двух футах от пяртнерса¹. Очевидно, мачты рухнули при столкновении и упали за борт, увлекая за собой паруса и снасти. Однако сколько видел глаз, нельзя было обнаружить никаких обломков. Из этого можно было сделать только один вывод: катастрофа с «Вальдеком» произошла уже много дней назад.

---

¹ Пяртнерс — отверстие в палубе, через которое проходит мачта.

— Если люди и уцелели после столкновения, — сказал капитан Гуль, — то, вероятнее всего, они погибли от жажды и голода: ведь камбуз залит водой. Должно быть, на борту судна остались одни трупы.

— Нет! — воскликнул Дик Сэнд. — Нет! Собака не стала бы так лаять. Тут есть живые.

И он позвал собаку. Умное животное тотчас же соскользнуло в море и, едва перебирая лапами от слабости, поплыло к шлюпке. Когда собаку втащили в лодку, она с жадностью набросилась не на сухарь, который протянул ей Дик Сэнд, а на ведро с пресной водой.

— Бедная собака умирает от жажды! — воскликнул Дик Сэнд.

В поисках удобного места для причала шлюпка отошла на несколько футов от палубы тонувшего корабля. Собака, очевидно, решила, что ее спасители не хотят подняться на борт. Схватив Дика Сэнда за полу куртки, она громко и жалобно залаяла.

Все движения собаки и ее лай были понятнее всяких слов.

Шлюпка подошла к крамболу левого борта. Матросы надежно закрепили ее, а капитан Гуль с Диком Сэндом поднялись на палубу, взяв с собой собаку. Не без труда, ползком, добрались они до отверстия центрального люка, зиявшего между двумя обломками мачт, и спустились в трюм.

В наполовину затопленном трюме не было никаких товаров. Балластом бригу служил песок; теперь он пересыпался на бак-борт¹ и своей тяжестью удерживал судно на боку. Надежды на ценный груз не оправдались. Тут нечего было спасать.

— Здесь нет никого, — сказал капитан Гуль.

— Никого, — подтвердил юноша, пройдя в переднюю часть трюма.

Но собака на палубе продолжала заливаться лаем, как будто настойчиво требовала внимания людей.

— Здесь делать нечего, — сказал капитан Гуль. — Идем назад.

Они поднялись на палубу.

Собака подбежала к ним, потом поползла к юту², как будто звала их туда.

И люди пошли за нею.

Пять человек — вероятно, пять трупов — лежали в кубрике³.

При ярком дневном свете, проникавшем в отверстие между двумя балками, капитан Гуль увидел, что это были негры.

Дику Сэнду, переходившему от одного к другому, показалось, что несчастные еще дышат.

---

¹ Б а к б о р т — левая сторона (борт) судна.

² Ю т — кормовая часть палубы судна.

³ К у б р и к — жилое помещение для команды.

— На борт «Пилигрима»! Всех на борт! — приказал капитан Гуль.

Матросы, оставшиеся в шлюпке, были призваны на помощь. Они помогли вынести потерпевших крушение из кубрика.

Это было нелегкое дело, но через несколько минут всех пятых спустили в шлюпку. Никто из них не приходил в сознание. Однако капитан Гуль надеялся, что несколько капель лекарства и глоток другой воды возвратят этих людей к жизни.

«Пилигрим» лежал в дрейфе всего в полукабельтове, и шлюпка быстро подплыла к нему.

При помощи подъемного горденя¹, спущенного с грот-мачты, потерпевших крушение поочередно поднимали на палубу «Пилигрима». Собака также не была забыта.

— О, несчастные! — воскликнула миссис Уэлдон при виде пяти распростертых неподвижных тел.

— Они живы, миссис Уэлдон! — сказал Дик Сэнд. — Они еще живы. Мы их спасем!

— Что с ними случилось? — спросил кузен Бенедикт.

— Дайте им прийти в себя, и они расскажут нам свою историю, — ответил капитан Гуль. — Но сначала их надо напоить водой и дать им немножко рому.

И, повернувшись к камбузу, он громко крикнул:

— Негоро!

При этом имени собака вся вытянулась, словно делая стойку, глухо заворчала, а шерсть у нее поднялась дыбом.

Кок не показывался и не отвечал.

— Негоро! — еще громче крикнул капитан Гуль.

Собака яростно зарычала.

Негоро вышел из камбуза.

Не успел он сделать и шагу, как собака прыгнула, стремясь вцепиться ему в горло.

Португалец отшвырнул ее ударом кочерги, которой он вооружился, выходя из камбуза. Двое матросов схватили собаку и удержали ее силой.

— Вы знаете этого пса? — спросил капитан Гуль у кока.

— Я? — удивленно воскликнул Негоро. — И в глаза его никогда не видел!

— Вот странно! — прошептал Дик Сэнд.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Спасенные с «Вальдека»

Работоторговля все еще широко распространена во всей Экваториальной Африке. Несмотря на то что вдоль берегов континента крейсируют английские и французские военные корабли, суда работоторговцев по-прежнему вывозят из Анголы и Мозам-

---

¹ Гордень — снасть, проходящая через неподвижный блок. Используется для подъема грузов или натягивания парусов.

бика негров-невольников. Спрос на «черный товар» все еще велик во многих странах, и, надо сказать,— даже цивилизованного мира.

Капитану Гулю это было известно.

Хотя та часть океана, где сейчас находился «Пилигрим», лежала в стороне от обычных путей невольничьих судов, капитан Гуль подумал, что спасенные негры, вероятно, принадлежали к партии рабов, которых «Вальдек» вез для продажи в какую-нибудь колонию на Тихом океане.

На «Пилигриме» спасенных негров окружили самым заботливым уходом. Миссис Уэлдон с помощью Нан и Дика Сэнда поила их с ложки холодной водой, которой они, вероятно, были лишены несколько дней.

В конце концов вода, которой они так долго были лишены, и несколько глотков бульона вернули бедных негров к жизни. Один из них — на вид старик лет шестидесяти — говорил по-английски; вскоре он уже был в состоянии отвечать на вопросы.

— Что случилось с «Вальдеком»? — спросил прежде всего капитан Гуль. — Он столкнулся с другим судном?

— Дней десять тому назад, темной ночью, когда все спали, на нас налетел какой-то корабль, — ответил старый негр.

— Что случилось с командой «Вальдека»?

— Не знаю. Когда мы поднялись на палубу, там уже никого не было, господин.

— Вы думаете, что экипаж «Вальдека» успел перебраться на борт того судна, которое столкнулось с «Вальдеком»?

— Надо надеяться, что так было, господин.

— И это судно после столкновения не остановилось, чтобы подобрать пострадавших?

— Нет.

— Может быть, оно затонуло?

— О нет, — покачив головой, ответил старый негр, — мы видели, как оно удалялось.

То же самое утверждали и все спасенные с «Вальдека». Как бы это ни казалось невероятным, однако действительно часто случается, что капитан корабля, по вине которого произошло какое-нибудь ужасное столкновение, спешит поскорее скрыться, нимало не заботясь о несчастных, которых он обрек на гибель, и даже не пытается оказать им помощь!

Строгого осуждения заслуживает возница, наехавший на улице на прохожего и пытающийся скрыться, предоставляя другим заботу о жертве своей неосторожности. Но пострадавшему от несчастного случая на улице быстро окажут первую помощь. А что же сказать о людях, которые бросают на произвол судьбы утопающих в открытом море? Такие люди позорят человеческий род!

Капитан Гуль мог бы рассказать о многих случаях такой бесчеловечной жестокости. Он повторил миссис Уэлдон, что, как

ни чудовищны подобные факты, они, к сожалению, не так уж редки.

Затем он продолжал допрос:

— Откуда шел «Вальдек»?

— Из Мельбурна.

— Значит, вы не рабы?

— Нет, господин,— живо ответил негр, выпрямившись во весь рост.— Мы жители Пенсильвании, граждане свободной Америки.

— Друзья мои,— сказал капитан,— знайте, что на борту «Пилигрима», американского брига, никто не будет покушаться на вашу свободу.

Действительно, пять негров, спасенных «Пилигримом», были из штата Пенсильвания. Самого старого из них продали в рабство шестилетним ребенком. Из Африки его доставили в Соединенные Штаты. Здесь он получил свободу после отмены рабства. Младшие его спутники родились свободными гражданами, и никто из белых не вправе был назвать их своей собственностью. Они даже не знали того жаргона, на котором говорили негры перед войной¹, жаргона, где не существовало спряжения и глаголы всегда употреблялись только в неопределенном наклонении. Эти негры как свободные граждане покинули Америку и свободными же гражданами возвращались обратно.

Старик негр рассказал капитану Гулю, что его спутники и сам он поступили на плантацию некоего англичанина неподалеку от Мельбурна, в Южной Австралии. Они проработали там три года и, скопив денег, по окончании контракта решили вернуться на родину.

Они уплатили за проезд на «Вальдеке» как обыкновенные пассажиры и 5 января отплыли из Мельбурна. Спустя семнадцать суток, темной ночью, «Вальдек» столкнулся с каким-то большим кораблем. Негры спали. Их разбудил страшный толчок. Через несколько секунд они выбежали на палубу.

Мачты уже рухнули за борт, и «Вальдек» лежал на боку; но он не пошел ко дну, так как в трюм попало сравнительно немного воды.

Капитан и команда «Вальдека» исчезли: вероятно, одних сбросило в море, другие уцепились за снасти налетевшего корабля, который после столкновения с «Вальдеком» поспешил скрыться.

Пятеро негров остались на потерпевшем крушение судне, в тысяче двухстах милях от ближайшей земли.

Старшего из негров звали Томом. Спутники признавали его своим руководителем. Этим Том был обязан не только возрасту, но и своей энергии и большому опыту, накопленному за долгую

---

¹ Речь идет о Гражданской войне 1861—1865 годов в Северной Америке между северными и южными штатами. Северяне официально отменили рабство негров.

трудовую жизнь. Остальные негры были молодые люди в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет. Звали их: Бат, Остин, Актеон и Геркулес. Бат был сыном старика Тома.

Все четверо были рослыми и широкоплечими молодцами — на невольничьих рынках Центральной Африки за них дали бы высокую цену. Сейчас они были изнурены, измучены, но все же сразу бросалась в глаза могучая стать этих великолепных представителей крепкой черной расы и чувствовалось также, что на них наложило свою печать некоторое воспитание, полученное ими в одной из многочисленных школ Северной Америки.

Итак, после катастрофы Том и его товарищи остались в одиночестве. Они не могли ни исправить повреждения «Вальдека», ни покинуть его, потому что обе шлюпки разбились при столкновении. Спасти их могла только встреча с каким-нибудь кораблем. Потеряв управление, «Вальдек» стал игрушкой ветра и течения. Этим и объясняется, что «Пилигрим» встретил потерпевшее крушение судно в стороне от его курса, много южнее обычного пути кораблей, следующих из Мельбурна в Соединенные Штаты.

В течение десяти дней, которые прошли с момента катастрофы до появления «Пилигрима», пятеро негров питались продуктами, найденными в буфете кают-компании. Бочки с пресной водой, хранившиеся на палубе, разбились при столкновении, а камбуз, в котором можно было достать спиртные напитки, был залит водой.

На девятый день Том и его товарищи, жестоко страдавшие от жажды, потеряли сознание; «Пилигрим» как раз вовремя подоспел на помощь.

В немногих словах Том рассказал все это капитану Гулю. Не было никаких оснований сомневаться в правдивости рассказа старого негра. Сами факты говорили за это, да и спутники Тома подтверждали его слова.

Другое живое существо, спасенное с тонущего корабля, вероятно, повторило бы то же самое, будь оно наделено даром речи. Речь идет о собаке, которая пришла в такую ярость, когда увидела Негоро. Было что-то странное в этой антипатии животного к судовому коку.

Динго — так звали собаку — был из породы крупных сторожевых собак, какие водятся в Новой Голландии¹. Однако капитан «Вальдека» приобрел Динго не в Австралии. Два года назад капитан нашел полумертвую от голода собаку на западном берегу Африки близ устья реки Конго. Ему понравилось прекрасное животное, и он взял его к себе на корабль. Однако Динго не привязался к новому владельцу. Можно было подумать, что он тоскует по прежнему хозяину, с которым его насильно разлучи-

---

¹ Новая Голландия — старинное название Австралии.

ли и которого невозможно было разыскать в этой пустынной местности.

Две буквы — «С» и «В», выгравированные на ошейнике, — вот все, что связывало собаку с ее прошлым, остававшимся для нового хозяина неразрешимой загадкой.

Динго был большим, сильным псом, крупнее пиренейских собак, и мог считаться превосходным образцом новоголландской породы собак. Когда он вставал на задние лапы и вскидывал голову, то был ростом с человека. Мускулистые, сильные, необычайно подвижные родичи Динго, не колеблясь, нападают на ягуара и пантеру и не боятся в одиночку бороться с медведем. Шерсть у Динго была густая, темно-рыжая, с белесоватыми подпалинами на морде, хвост длинный, пушистый и упругий, как у льва. Такая собака в разъяренном состоянии могла стать опасным врагом, и неудивительно, что Негоро не был в восторге от приема, который ему оказал этот сильный пес.

Динго не отличался общительностью, но его нельзя было назвать и злым. Скорее он казался грустным. Старый Том еще на «Вальдеке» заметил, что Динго как будто недолюбливает негров. Он не пытался причинить им зло, но неизменно держался от них в стороне. Быть может, во время его блужданий по африканскому побережью туземцы дурно обращались с ним? Так или иначе, но он не подходил к Тому и его товарищам, хотя это были славные, добрые люди. В те десять дней, которые они провели вместе на борту потерпевшего крушение корабля, Динго по-прежнему сторонился товарищей по несчастью. Как и чем он питался в эти дни, осталось неизвестным, но так же, как и люди, он жестоко страдал от жажды.

Вот и все, кто уцелел на потерпевшем крушение судне. При первом же волнении на море оно должно было затонуть и, конечно, унесло бы с собой в пучину океана лишь трупы. Но неожиданная встреча с «Пилигримом», который задержался в пути из-за штилей и противных ветров, дала возможность капитану Гулю совершить доброе дело.

Надо было только довести это дело до конца, вернув на родину спасенных с «Вальдека» негров, которые в довершение несчастья лишились всех своих сбережений, скопленных за три года работы. Это и предполагалось сделать. «Пилигрим», разгрузившись в Вальпараисо, должен был подняться вдоль американского побережья до берегов Калифорнии. И миссис Уэлдон великодушно обещала Тому и его спутникам, что там они найдут приют у ее мужа, мистера Джемса Уэлдона, и он снабдит их всем необходимым для возвращения в Пенсильванию. Несчастные могли теперь быть уверенными в будущем, и им оставалось лишь благодарить миссис Уэлдон и капитана Гуля. Действительно, бедные негры были им многим обязаны и, чувствуя себя в долгу перед ними, надеялись когда-нибудь доказать им на деле свою благодарность.

«Пилигрим» пошел дальше, стараясь, насколько возможно, держать курс на восток. Упорные штили немало беспокоили капитана Гуля. В том, что переход из Новой Зеландии в Вальпараисо продлится лишнюю неделю или две, не было ничего тревожного. Однако эта непредвиденная задержка могла утомить пассажиров.

Но миссис Уэлдон не жаловалась и терпеливо сносила все неудобства плавания.

К вечеру этого дня, 2 февраля, корпус «Вальдека» исчез из виду.

Капитан Гуль первым долгом постарался поудобнее устроить Тома и его спутников. Тесный кубрик «Пилигрима» не мог вместить лишних пять человек, и капитан решил отвести им место на баке¹. Впрочем, эти закаленные люди, привыкшие работать в тяжелых условиях, были непривередливы. В хорошую погоду — а дни стояли жаркие и сухие — они вполне могли там оставаться на все время плавания.

Жизнь на судне, однообразное течение которой лишь ненадолго нарушила встреча с «Вальдеком», снова вошла в колею.

Том, Остин, Бат, Актеон и Геркулес рады были всякой работе. Но когда ветер дует все время в одном направлении и паруса уже поставлены, на судне нечего делать. Зато, когда нужно было лечь на другой галс², старый негр и его товарищи спешили на помощь экипажу. И надо сказать, что, когда гигант Геркулес принимался тянуть какую-нибудь снасть, остальные матросы могли стоять сложа руки. Этот могучий человек, ростом в шесть футов с лишком, мог заменить собой лебедку.

Маленький Джек с восхищением смотрел, как работает великан. Он нисколько не боялся Геркулеса, когда тот высоко подкидывал его в воздух, словно куклу. Джек визжал от восторга.

— Еще выше, Геркулес! — кричал он.

— Извольте, мистер Джек, — отвечал Геркулес.

— А тебе не тяжело?

— Да вы, как перышко!

— Тогда подними меня высоко-высоко! Как можно выше!

И когда Геркулес, подставив свою широкую ладонь, предлагал Джеку стать на нее обеими ножками и, вытянув руку, ходил с мальчиком по палубе, словно цирковой атлет, Джек глядел на всех сверху вниз и, воображая себя великаном, от души веселился. Он старался «сделаться тяжелее», но Геркулес даже не замечал его усилий.

¹ Ба к — носовая часть верхней палубы.

² Судно идет левым или правым галсом в зависимости от того, с какого борта (левого или правого) дует ветер.

Таким образом, у маленького Джека уже стало два друга: Дик Сэнд и Геркулес.

Вскоре он приобрел и третьего друга — Динго.

Как уже упоминалось, Динго был необщительным псом. Возможно, это свойство развилось у него на «Вальдеке», где люди пришлось ему не по вкусу. Но на «Пилигриме» характер собаки быстро изменился. Джек, очевидно, сумел завоевать сердце Динго. Собака с удовольствием играла с мальчиком, а ему эти игры доставляли большую радость. Скоро стало видно, что Динго был из тех собак, которые особенно любят детей. Правда, Джек никогда не мучил его. Но превращать пса в резвого скакуна, разве это не заманчиво? Можно смело сказать, что всякий ребенок предпочтет такую лошадку самому красивому деревянному коню, даже если у того к ногам привинчены колеса. Джек часто с упоением скакал верхом на Динго, который охотно выполнял эту прихоть своего маленького друга; худенький мальчуган был для него не более тяжелой ношей, чем жокей для скакового коня.

Зато какой урон терпел ежедневно запас сахара на камбузе!

Динго скоро стал любимцем всего экипажа. Один Негоро старался избегать встреч с Динго, который с первого же мгновения, непонятно почему, возненавидел его.

Однако увлечение собакой не охладило любви Джека к старому другу — Дику Сэнду. По-прежнему юноша проводил со своим маленьким приятелем все часы, свободные от вахты. Миссис Уэлдон, само собой разумеется, была очень довольна этой дружбой.

Однажды — это было 6 февраля — она заговорила с капитаном Гулем о Дике Сэнде. Капитан горячо хвалил молодого матроса.

— Ручаюсь вам, — говорил он миссис Уэлдон, — что этот мальчик станет замечательным моряком. Право, у него врожденный инстинкт моряка. Меня поражает, с какой быстротой он усваивает знания в нашем деле, хотя не имеет теоретической подготовки, и как много он узнал за короткое время!

— К этому надо добавить, — сказала миссис Уэлдон, — что он честный и добрый юноша, не по летам серьезный и очень прилежный. За все годы, что мы знаем его, ни разу он не подал ни малейшего повода к недовольству им.

— Что и говорить! — подхватил капитан Гуль. — Славный малый этот Дик! Недаром все его так любят.

— Когда мы вернемся в Сан-Франциско, — продолжала миссис Уэлдон, — муж отдаст его в морское училище, чтобы он мог впоследствии получить диплом капитана.

— И очень хорошо сделает мистер Уэлдон, — заметил капитан Гуль. — Я уверен, что Дик Сэнд когда-нибудь станет гордостью американского флота.

— У бедного мальчика было тяжелое сиротское детство. Он прошел трудную школу, — сказала миссис Уэлдон.

— Уроки ее не пропали даром. Дик понял, что только упорный труд поможет ему выбиться в люди, и сейчас он на правильном пути.

— Да, он будет человеком долга.

— Вот посмотрите на него, миссис Уэлдон,— продолжал капитан Гуль.— Он несет сейчас вахту у штурвала и не спускает глаз с фока. Он весь — сосредоточенность и внимание, поэтому судно не рыскает, а идет прямо по курсу. У мальчика уже сейчас сноровка старого рулевого. Хорошее начало для моряка! Знаете, миссис Уэлдон, ремеслом моряка надо заниматься с детства. Кто не начал службы юнгой, тот никогда не будет настоящим моряком, по крайней мере, в торговом флоте. В детстве из всего извлекаешь уроки, и постепенно твои действия становятся не только сознательными, но и инстинктивными, и в результате моряк привыкает принимать решения так же быстро, как и маневрировать парусами.

— Однако, капитан, есть ведь немало отличных моряков и в военном флоте,— заметила миссис Уэлдон.

— Разумеется. Но насколько я знаю, почти все лучшие моряки с детства начали службу. Достаточно вспомнить Нельсона¹, да и многих других, начинавших службу юнгами.

В эту минуту из каюты вышел кузен Бенедикт. Погруженный, по обыкновению, в свои мысли, он с рассеянным видом блуждал по палубе, заглядывая во все щели, шаря под клетками с курами, проводя пальцами по швам в обшивке борта,— там, где вар облупился.

— Как вы себя чувствуете, кузен Бенедикт? — спросила миссис Уэлдон.

— Благодарю вас, хорошо, кузина. Как всегда... Но мне не терпится поскорее вернуться на землю.

— Что вы там ищете под скамьей, мистер Бенедикт? — спросил капитан Гуль.

— Насекомых, сударь, насекомых! — сердито ответил кузен Бенедикт.— Что, по-вашему, я могу искать, если не насекомых?

— Насекомых? К сожалению, вам придется потерпеть: в открытом море вам вряд ли удастся пополнить свою коллекцию.

— Почему же так, сударь? Разве нельзя себе представить, что на корабле окажется несколько экземпляров...

— Нет, кузен Бенедикт, вы ничего тут не найдете,— прервала его миссис Уэлдон.— Сердитесь не сердитесь на капитана Гуля, но он содержит свой корабль в такой безукоризненной чистоте, что все ваши поиски будут напрасны.

Капитан Гуль рассмеялся.

— Миссис Уэлдон преувеличивает,— сказал он.— Однако мне кажется, вы действительно потеряете напрасно время, если будете искать насекомых в каютах.

---

¹ Нельсон (1758—1805) — английский адмирал.

— Знаю, знаю! — досадливо пожав плечами, воскликнул кузен Бенедикт. — Я уже обшарил все каюты сверху донизу...

— Но в трюме, — продолжал капитан Гуль, — вы, пожалуй, найдете несколько тараканов, если они вас, конечно, интересуют!

— Разумеется, интересуют! Как могут не интересоваться меня эти ночные прямокрылые насекомые, которые навлекли на себя проклятия Вергилия и Горация! — возразил кузен Бенедикт, гордо выпрямившись во весь рост. — Как могут не интересоваться меня эти близкие родственники «*Periplaneta orientalis*» и американского альбиноса, тараканы, обитающие...

— Грязнящие... — сказал капитан Гуль.

— Царящие на борту! — гордо поправил его кузен Бенедикт.

— Тараканье царство!

— О, сразу видно, что вы не энтомолог, сударь!

— Ни в какой мере!

— Послушайте, кузен Бенедикт, — улыбаясь, сказала миссис Уэлдон, — надеюсь, вы не потребуете, чтобы из любви к науке мы безропотно отдали себя на съедение тараканам?

— Я ничего не требую, кузина! — ответил пылкий энтомолог. — Единственно, чего я добиваюсь, — это украсить свою коллекцию каким-нибудь редким экземпляром.

— Вы недовольны своими новозеландскими находками?

— Напротив, очень доволен, кузина. Мне посчастливилось поймать там экземпляр жука-стафилина, которого до меня находили только в Новой Каледонии, то есть на несколько сот миль дальше.

В эту минуту Динго, который все время играл с Джеком, подбежал к кузену Бенедикту.

— Поди прочь, поди прочь! — закричал тот, отталкивая собаку.

— О мистер Бенедикт! — воскликнул капитан Гуль. — Как можно любить тараканов и ненавидеть собак?

— Да еще таких хороших собачек! — сказал маленький Джек, обхватив обеими ручками голову Динго.

— Да... может быть... — проворчал кузен Бенедикт. — Но это мерзкое животное обмануло мои надежды.

— Как, кузен Бенедикт! — воскликнула миссис Уэлдон. — Неужели вы и Динго собирались зачислить в отряд двукрылых или перепончатокрылых?

— Нет, конечно, — вполне серьезно ответил ученый. — Но ведь Динго, хоть он и принадлежит к австралийской породе собак, был подобран на западноафриканском побережье!

— Совершенно верно, — подтвердила миссис Уэлдон. — Том слышал, как об этом говорил капитан «Вальдека».

— Так вот... я думал... я надеялся... что на этом животном окажутся какие-нибудь насекомые, присущие только западноафриканской фауне...

— О небо! — воскликнула миссис Уэлдон.

— И я полагал, что, может быть, на нем найдется какая-нибудь особенно злая блоха еще не известного, нового вида...

— Слышишь, Динго? — сказал капитан Гуль. — Слышишь, пес? Ты не выполнил своих обязанностей!

— Но я напрасно вычесал ему шерсть, — продолжал с нескрываемым огорчением энтомолог, — на нем не оказалось ни одной блохи!

— Если бы вам удалось найти блох, надеюсь, вы бы немедленно уничтожили их? — воскликнул капитан.

— Сударь, — сухо ответил кузен Бенедикт, — вам не мешает знать, что сэр Джон Франклин¹ никогда напрасно не убивал насекомых, даже американских комаров, укусы которых несравненно болезненнее блошиных укусов. Полагаю, вы не станете оспаривать, что сэр Джон Франклин в морском деле кое-что смыслил?

— Верно! — с поклоном ответил капитан Гуль.

— Однажды его страшно искусал москит. Но Франклин только дунул на него и, отогнав, учтиво сказал: «Пожалуйста, уйдите. Мир достаточно велик для вас и для меня!»

— Ага! — произнес капитан Гуль.

— Да, сударь!

— А знаете ли вы, господин Бенедикт, — заметил капитан Гуль, — что другой человек сказал это много раньше, чем Франклин?

— Другой?

— Да. Звали его дядюшка Тоби.

— Кто он? Энтомолог? — живо спросил кузен Бенедикт.

— О нет, стерновский дядюшка Тоби² не был энтомологом, но это не мешало ему, без излишней, правда, учтивости, сказать мухе, которая жужжала около его носа: «Убирайся, бедняга! Свет велик, и мы можем жить, не стесняя друг друга».

— Молодчина этот дядюшка Тоби! — воскликнул кузен Бенедикт. — Он умер?

— Полагаю, что да, — невозмутимо ответил капитан Гуль, — так как он никогда не существовал.

Все смеялись, глядя на кузена Бенедикта.

Такие дружеские беседы помогали коротать долгие часы затянувшегося плавания. Само собой разумеется, что в присутствии кузена Бенедикта разговор неизменно вращался вокруг каких-нибудь вопросов энтомологической науки.

Море все время было спокойное, но слабый ветер еле надувал паруса шхуны-брига, и «Пилигрим» почти не подвигался на восток. Капитан Гуль с нетерпением ждал, когда же судно до-

---

¹ Джон Франклин (1786—1847) — английский мореплаватель, исследователь полярных стран.

² Дядюшка Тоби — один из персонажей романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» английского писателя Лоренса Стерна (1713—1768).

стигнет, наконец, тех мест, где подуют более благоприятные ветры.

Надо сказать, что кузен Бенедикт пытался посвятить Дика Сэнда в тайны энтомологии. Но юноша уклонился от этой чести; тогда ученый начал читать лекции неграм. Дело кончилось тем, что Том, Бат, Остин и Актеон стали убегать от кузена Бенедикта, как только он показывался на палубе. Почтенному энтомологу приходилось довольствоваться только одним слушателем — Геркулесом, у которого он обнаружил врожденную способность отличать паразитов от вилхвостых насекомых.

Великан негр жил теперь окруженный жуками-кожеедами, жужелицами, шелкоунами, рогачами, жуками-могильщиками, долгоносиками, навозниками, божьими коровками, короедами, хрущами, зерновками. Он исследовал всю коллекцию кузена Бенедикта, который трепетал от страха, видя своих хрупких насекомых в толстых и крепких, как тиски, пальцах Геркулеса. Но великан ученик так внимательно слушал лекции, что профессор решил даже рискнуть ради него своими сокровищами.

В то время как кузен Бенедикт занимался с Геркулесом, миссис Уэлдон учила чтению и письму маленького Джека, а его друг, Дик Сэнд, знакомил его с начатками арифметики.

Пятилетний ребенок легче усваивает знания, когда уроки похожи на занимательную игру. Миссис Уэлдон учила Джека чтению не по азбуке, а при помощи деревянных кубиков, на которых были нарисованы большие красные буквы. Малыша забавляло, что от сочетания их получаются слова. Сначала мать сама складывала какое-нибудь слово, затем, перемешав кубики, предлагала Джеку самостоятельно сложить то же слово.

Мальчику нравилось учиться играючи. Каждый день он подолгу возился со своими кубиками в каюте или на палубе, то складывал слова, то вновь перемешивал все буквы алфавита.

Эта игра послужила причиной происшествия, настолько необычайного и неожиданного, что о нем стоит рассказать подробнее.

Случилось это утром 9 февраля.

Джек полулежал на палубе и составлял из кубиков какое-то слово; старик Том должен был вновь составить это слово после того, как мальчик перемешает кубики. Соблюдая правила игры, Том закрыл глаза ладонью, чтобы не видеть, какое слово складывает Джек.

В наборе кубиков были не только заглавные и строчные буквы, но также и цифры, — таким образом, эта игра служила пособием для обучения не только чтению, но и счету.

Джек выстроил все кубики в один ряд и, нахмутив брови, выбирал нужные ему буквы. Работа нелегкая, и мальчик так увлекся ею, что не обращал внимания на Динго, который кружил возле него. Вдруг собака замерла на месте, уставившись на один кубик. Потом подняла переднюю правую лапу и завияляла хвостом.

том. Затем схватила в зубы кубик, отбежала в сторону и положила его на палубу.

На этом кубике была изображена заглавная буква «С».

— Динго, отдай! — крикнул мальчик, испугавшись, что собака проглотит кубик.

Но Динго вернулся, взял еще один кубик и положил его рядом с первым.

На втором кубике было нарисовано заглавное «В».

Тут Джек вскрикнул.

На его крик прибежали миссис Уэлдон, капитан Гуль и Дик Сэнд, гулявшие по палубе.

Джек рассказал о том, что произошло.

Динго различал буквы! Динго умел читать! Да, да! Джек видел это собственными глазами.

Дик Сэнд пошел за кубиками, чтобы вернуть их Джеку. Динго встретил его рычанием.

Тем не менее юноша поднял кубики с палубы и поставил их в выстроенную шеренгу. Динго опять бросился к ней, снова выбрал те же две буквы и отнес их в сторонку. Он лег и, положив лапы на кубики, вызывающе смотрел на людей, ясно показывая, что никому не намерен их отдать. Другие буквы алфавита его не занимали и как будто и не существовали для него.

— Как странно! — воскликнула миссис Уэлдон.

— Действительно, очень странно, — сказал капитан Гуль, пристально глядя на кубики.

— С, В, — прочитала миссис Уэлдон.

— С, В, — повторил капитан Гуль. — Те же буквы, что и на ошейнике Динго!

И, внезапно обернувшись к старому негру, он спросил:

— Том, вы, кажется, говорили, что эта собака лишь с недавних пор принадлежала капитану «Вальдека»?

— Да, сударь. Динго попал на «Вальдек» всего года два тому назад.

— Капитан «Вальдека» нашел его на западном побережье Африки?

— Да, сударь, близ устья Конго. Я не раз слышал, как капитан «Вальдека» говорил об этом.

— И никто не знает, кому раньше принадлежал Динго и как он попал в Африку?

— Никто, капитан. Ведь с собаками дело обстоит хуже, чем с брошенными детьми: документов у них нет никаких, да и рассказать они ничего не могут.

Капитан Гуль умолк и задумался.

— Разве эти две буквы что-нибудь говорят вам, капитан? — спросила миссис Уэлдон, решившись, наконец, нарушить молчание.

— Да, миссис Уэлдон. Они наводят меня на мысль... А впрочем, может быть, это просто случайное совпадение.

— Какое?

— Может быть, в этих двух буквах есть смысл и они помогут выяснить судьбу одного отважного путешественника.

— Не понимаю. Что вы хотите сказать?

— Сейчас объясню, миссис Уэлдон. В тысяча восемьсот семьдесят первом году, то есть два года назад, один путешественник-француз отправился в Африку по инициативе Парижского географического общества, предпринимая попытку пересечь континент с запада на восток. Исходным пунктом его экспедиции как раз было устье реки Конго. Конечной точкой, по возможности, должен был быть мыс Дельгадо в устье реки Рувума, по течению которой путешественник намеревался спуститься. Этого человека звали Самюэль Вернон.

— Самюэль Вернон?! — повторила миссис Уэлдон.

— Да, миссис Уэлдон. Заметьте, что имя и фамилия начинаются как раз с тех букв, которые Динго выбрал из всего алфавита, и они же выгравированы на его ошейнике.

— В самом деле, — сказала миссис Уэлдон. — А что случилось с путешественником?

— Он отправился в экспедицию, — ответил капитан Гуль, — и с тех пор от него не было известий.

— Ни одной весточки? — спросил Дик Сэнд.

— Ни одной, — сказал капитан.

— Какой же из всего этого вывод вы делаете? — спросила миссис Уэлдон.

— Я полагаю, что Самюэлю Вернону не удалось добраться до восточного берега Африки. Либо он погиб в пути, либо его взяли в плен туземцы.

— Значит, эта собака...

— Эта собака могла принадлежать Самюэлю Вернону. Но если мое предположение правильное, Динго оказался счастливее своего хозяина: ему удалось вернуться назад к устью Конго, где его нашел капитан «Вальдека».

— А вы уверены, что француза-путешественника действительно сопровождала собака, или это только ваша догадка?

— Нет, миссис Уэлдон, это только моя догадка, — ответил капитан Гуль. — Зато бесспорным фактом является то, что Динго знает буквы «С» и «В», инициалы путешественника. Каким образом и где собака научилась различать эти две буквы, я, разумеется, не могу вам сказать. Но Динго отлично знает их. Глядите, он подталкивает кубики лапой, точно просит нас прочитать буквы.

И правда, поведение Динго нельзя было иначе истолковать.

— Разве Самюэль Вернон один предпринял такую трудную экспедицию? — спросил Дик Сэнд.

— Не знаю, — ответил капитан Гуль. — Но весьма вероятно, что он взял с собой отряд носильщиков-туземцев.

В эту минуту Негоро вышел из каюты на палубу. Сначала никто не обратил внимания на его приход, и поэтому никто не заметил странного взгляда, который португалец бросил на собаку,

по-прежнему оберегавшую два кубика с буквами «С» и «В». Но Динго, увидев судового кока, яростно зарычал и оскалил зубы.

Негоро тотчас же ушел назад в каюту, но взгляд, который он бросил на собаку, и угрожающий жест, который вырвался у него, не предвещали Динго ничего хорошего.

— Здесь кроется какая-то тайна,— прошептал капитан Гуль, от глаз которого не ускользнула ни одна подробность этой краткой сцены.

— И все-таки странно, мистер Гуль,— заметил Дик Сэнд.— Как же это собака научилась различать буквы алфавита?

— И ничего тут нет странного! — заявил маленький Джек.— Мама часто рассказывала мне про собаку, которая умела читать и писать, как настоящий школьный учитель, и даже играла в домино.

— Дорогой мой мальчик,— улыбаясь, сказала миссис Уэлдон,— собака Мунито, о которой я тебе рассказывала, совсем не была такой ученой, как тебе кажется. Если верить тому, что мне говорили, Мунито не умела отличить одну от другой буквы, из которых она составляла слова. Весь секрет ее «учености» заключался в замечательно остром слухе. Ее хозяин, ловкий американец, заметил это качество у Мунито, стал развивать его и в конце концов добился удивительных результатов.

— Как же он достиг этого, миссис Уэлдон? — спросил Дик Сэнд. Тайна ученой собаки заинтересовала его не меньше, чем Джека.

— Вот как, друг мой. Когда Мунито предстояло «работать» перед публикой, на столе расставляли кубики с буквами, вроде кубиков Джека. Собака ходила по столу в ожидании, пока из публики назовут слово, которое ей надлежало сложить. Обязательным условием было, чтобы это слово знал хозяин Мунито.

— Значит, в отсутствие хозяина... — начал юноша.

— ...собака ничего не могла сделать,— сказала миссис Уэлдон.— И вот почему. Буквы были расставлены на столе, собака расхаживала взад и вперед вдоль этого алфавита. Подойдя к букве, которая входила в заданное слово, она останавливалась, но не потому, что знала эту букву, а потому, что различала звук, не уловимый ни для кого другого; слышала, как американец шелкал зубочисткой, спрятанной в кармане. Это служило для нее сигналом, Мунито брала кубик и ставила его рядом с другим кубиком в определенном порядке.

— И в этом заключался весь секрет? — воскликнул Дик Сэнд.

— Да. Секрет, как видишь, несложный,— ответила миссис Уэлдон.— Впрочем, и большинство других фокусов обычно так же просты. Когда хозяина не было вблизи, Мунито теряла свой «дар». Поэтому-то меня так удивляет, что и в отсутствие Самюэля Вернона,— если только он действительно был хозяином собаки,— Динго сумел распознать эти две буквы.

— В самом деле,— заметил капитан Гуль,— это достойно

удивления. Впрочем, здесь ведь собака не складывает из букв любое слово, по выбору публики: она выбирает только две буквы — всегда одни и те же. В конце концов собака, которая звонила у дверей монастыря, чтобы получить остатки обеда, предназначенные к раздаче нищим, или та собака, которая поочередно с другой через день должна была вращать вертел и отказывалась работать не в свою очередь, — быть может, эти собаки гораздо сообразительнее нашего Динго. Но не в этом дело. Перед нами неоспоримый факт: из всех букв алфавита Динго выбрал только две — «С» и «В». Других букв он, по-видимому, не знает. Из этого можно сделать только один вывод, что существовали какие-то причины, которые заставили собаку запомнить именно эти две буквы.

— Ах, капитан Гуль, — вздохнул Дик Сэнд, — если бы Динго мог говорить! Он объяснил бы нам, что означают эти буквы и почему он точит зубы на нашего кока!

— Да еще какие зубы! — рассмеялся капитан Гуль, указывая на Динго, который в эту минуту зевнул, обнажив свои страшные клыки.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кит на горизонте

Легко себе представить, что этот странный случай с Динго не раз служил темой бесед, которые вели на корме «Пилигрима» миссис Уэлдон, капитан Гуль и Дик Сэнд. Молодой матрос инстинктивно не доверял Негоро, хотя поведение судового кока по-прежнему было безупречным. На баке, в помещении команды, тоже немало говорили о Динго, но пришли к другому выводу: он был признан ученым псом, который не только читает, но, может быть, и пишет лучше иного матроса. И если он еще не заговорил на человеческом языке, то только потому, что у него, очевидно, имеются веские основания хранить молчание.

— Вот увидите, — ораторствовал рулевой Болтон, — в один прекрасный день этот пес подойдет ко мне и спросит: «Куда мы держим курс, Болтон? Какой ветер нынче дует? Норд-вест или вест-норд-вест?» И мне придется ответить.

— Мало ли есть говорящих животных, — рассуждал другой матрос, — сороки, попугаи!. Почему бы и собаке не заговорить, если ей захочется? Кажется, клювом говорить труднее, чем пастью.

— Правильно, — подтвердил боцман Говик, — а все-таки говорящих собак никогда не бывало.

Команда «Пилигрима» чрезвычайно удивилась бы, узнав, что говорящие собаки существуют. У одного датского ученого была собака, которая отчетливо произносила слов двадцать. Но непроходимая пропасть отделяет такое умение от настоящей осмысленной речи. У собаки датского ученого голосовые связки были устроены так, что она могла издавать членораздельные

звуки. Но смысл произносимых слов она понимала не больше, чем, скажем, попугай, сойки или сороки. Для всех «говорящих» животных слова — это только разновидность пения или крика, — значение этих звуков остается для них непостижимым.

Как бы там ни было, но Динго стал героем дня на борту «Пилигрима». К чести его надо сказать, что он от этого не возгордился. Капитан Гуль неоднократно повторял опыт: он раскладывал деревянные кубики перед собакой, и Динго без ошибок и колебаний всякий раз вытаскивал два кубика с буквами «С» и «В», не обращая внимания на остальные буквы алфавита.

Несколько раз капитан этот опыт проделывал и при кузене Бенедикте. Но ученого занимали только насекомые, и поведение Динго нисколько не заинтересовало его.

— Не следует думать, — сказал он однажды, — что только собаки одарены подобной сообразительностью. Есть немало и других умных животных. Но и они так же, как и собаки, лишь подчиняются инстинкту. Вспомните хотя бы крыс, которые бегут с кораблей, обреченных на гибель; вспомните бобров; они предвидят подъем воды в реке и надстраивают свои плотины; вспомните ослов, у которых замечательная память; вспомните, наконец, трех коней, принадлежавших Никомеду, Скандербегу и Оппиену, — они умерли от горя после смерти своих хозяев. Были и другие животные, которые делают честь всему миру животных. Известны случаи, когда на диво обученные птицы писали без ошибки слова под диктовку своего учителя, когда попугай считали, сколько гостей в комнате с точностью, которой позавидовал бы вычислитель Бюро долгот и широт. Разве не существовало попугая, за которого заплатили сто золотых, ибо он читал некоему кардиналу, своему хозяину, весь символ веры без запинки. Разве энтомолог не должен испытывать законного чувства гордости, когда видит, как простые насекомые дают доказательства высоко развитого интеллекта и убедительно подтверждают изречение: «*In minimis maximus Deus*»¹. Ведь муравьи могли бы поспорить со строителями наших больших городов. Я бесконечно горжусь тем, что некоторые крохотные насекомые также обнаруживают развитой интеллект. Водяные пауки-серебрянки, не знающие законов физики, строят воздушные колокола, блохи везут экипажи, как заправские рысаки, выполняют строевые упражнения не хуже карабинеров, стреляют из пушек лучше, чем дипломированные артиллеристы, окончившие Вест-Пойнт². Нет, Динго не заслужил чрезмерных похвал. Если он так сведущ в азбуке — это не его заслуга: он принадлежит к еще не получившей своего места в зоологии породе *canis alphabeticus* — «собак-грамотеев», как видно, встречающихся в Новой Зеландии.

Но такие речи завистливого энтомолога нисколько не унизи-

---

¹ В самых малых — величайший бог (лат.).

² Вест-Пойнт — военная школа в штате Нью-Йорк.

ли Динго в общественном мнении, и на баке о нем по-прежнему говорили как о настоящем чуде.

Один лишь Негоро не разделял общего восхищения собакой. Быть может, он считал ее слишком умной. Динго относился к судовому коку все так же враждебно, и Негоро не преминул бы отплатить ему за это, если бы Динго не был способен «постоять за себя», во-первых, и если бы, во-вторых, он не стал любимцем всего экипажа.

Негоро теперь больше, чем когда-либо, избегал показываться на глаза Динго. Это не помешало Дику Сэнду заметить, что после случая с кубиками взаимная ненависть человека и собаки усилилась. В этом было нечто необъяснимое.

Десятого февраля томительные штили, во время которых «Пилигрим» не двигался с места, чередовались с порывами налетавшего встречного ветра. Но в этот день норд-ост заметно стих, и капитан Гуль стал надеяться на скорую перемену ветра. Он мечтал о северо-западном ветре, который позволил бы шхуне-бригу поднять все паруса. Из оклендского порта «Пилигрим» вышел всего двенадцать дней тому назад. Задержка была не так уж велика, и при попутном ветре отлично оснащенная шхуна-бриг могла быстро наверстать потерянное время. Но желанная перемена ветра еще не наступила. Надо было ждать еще несколько дней.

По-прежнему океан простирался водной пустыней. Ни одно судно не заглядывало в эти широты. Мореплаватели покинули их. Китобои, охотившиеся в южных полярных морях, не собирались еще возвращаться на родину, и «Пилигрим», в силу чрезвычайных обстоятельств оставивший место охоты раньше времени, не мог надеяться на встречу с каким-нибудь кораблем, идущим к тропику Козерога.

Трансокеанские пакетботы, как уже говорилось, совершали рейсы между Америкой и Австралией под более низкими широтами.

Однако именно потому, что море было таким пустынным, оно особенно привлекало к себе внимание. Однообразное на взгляд поверхностного наблюдателя, оно представляется настоящей морякам, людям, которые умеют видеть и угадывать, бесконечно разнообразным. Неуловимая его изменчивость восхищает людей, обладающих воображением и чувствующих поэзию океана. Вот плывет пучок морской травы; вот длинная водоросль оставляет на поверхности воды легкий волнистый след; а вот волны колышут обломок доски, и так хочется отгадать, какое происшествие связано с этим обломком. Бесконечный простор дает богатую пищу воображению. В каждой из этих молекул воды, то поднимающихся в дымке пара к облакам, то проливающих дождем в море, заключается, быть может, тайна какой-нибудь катастрофы. Как надо завидовать тем пытливым умам, которые умеют выведывать у океана его тайны, подниматься от его вечно движущихся вод к небесным высотам.

Всюду жизнь — и под водой и над водой! Пассажиры «Пилигрима» наблюдали, как охотятся на маленьких рыбок стаи перелетных птиц, покинувших приполярные области перед наступлением зимних холодов. Дик Сэнд, перенявший у Джемса Уэлдона наряду со многими другими полезными навыками также и искусство меткой стрельбы, доказал, что он одинаково хорошо владеет ружьем и револьвером: юноша подстрелил на лету несколько птиц.

Над водой кружили буревестники — одни совершенно белые, другие с темной каймой на крыльях. Иногда пролетали стаи капских буревестников, а в воде проносились пингвины, у которых на земле такая неуклюжая и смешная походка. Однако, как отметил капитан Гуль, обрубки крыльев служат пингвинам настоящими плавниками, в воде птицы эти могут состязаться с самыми быстрыми рыбами, так что моряки иногда принимают их за тунцов. Высоко в небе реяли гигантские альбатросы, раскинув крылья в десять футов шириной. Они спускались на воду и клювом искали себе в ней пищу.

Эти непрестанно сменяющиеся картины представляют собой увлекательное зрелище. Только человеку, глубоко равнодушному к природе, море может показаться однообразным.

Днем 10 февраля миссис Уэлдон, прогуливаясь по палубе «Пилигрима», заметила, что поверхность моря внезапно стала красноватой. Казалось, вода окрасилась кровью. Сколько видел глаз, во все стороны простиралось это загадочное красное поле.

Дик Сэнд играл с маленьким Джеком недалеко от миссис Уэлдон, она сказала ему:

— Посмотри, Дик, что за странный цвет у моря. Откуда эта окраска? Может быть, тут какая-нибудь морская трава?

— Нет, миссис Уэлдон, — ответил юноша, — эту окраску воде придают мириады крохотных ракообразных, которые служат обычно пищей крупным морским млекопитающим. Рыбаки метко прозвали этих рачков «китовой похлебкой».

— Рачки! — сказала миссис Уэлдон. — Но они такие крохотные, что их, пожалуй, можно назвать морскими насекомыми! Кузен Бенедикт, наверное, с радостью включит их в свою коллекцию.

И миссис Уэлдон громко позвала:

— Кузен Бенедикт! Идите сюда.

Кузен Бенедикт вышел из каюты почти одновременно с капитаном Гулем.

— Поглядите, кузен Бенедикт! Видите огромное красное пятно на море? — спросила миссис Уэлдон.

— Ага! — воскликнул капитан Гуль. — Китовая похлебка! Вот удобный случай изучить весьма любопытных рачков, господин Бенедикт!

— Ерунда! — сказал энтомолог.

— Как «ерунда»?! — вскричал капитан. — Вы не имеете права проявлять такое равнодушие! Если не ошибаюсь, эти рач-

ки относятся к одному из шести классов суставчатых и в качестве таковых...

— Ерунда! — повторил кузен Бенедикт, замотав головой.

— Однако! Такое равнодушие у энтомолога...

— Не забывайте, капитан Гуль,— прервал его кузен Бенедикт,— что я изучаю насекомых, в особенности шестиногих.

— Значит, вас эти рачки мало занимают, господин Бенедикт? Но если бы вы обладали желудком кита, как бы вы обрадовались этому пиру! Знаете, миссис Уэлдон, когда нам, китобоям, случается наткнуться в море на такую стаю рачков, мы спешим привести в готовность гарпуны и шлюпки. В таких случаях можно не сомневаться, что добыча близка...

— Но как могут такие крохотные рачки насытить огромного кита? — спросил Джек.

— Что ж тут удивительного, дружок? — ответил капитан Гуль.— Ведь готовят вкусные кушанья из манной крупы, из крахмала, из муки тончайшего помола. Так уж пожелала природа: когда кит плывет в этой красной воде, похлебка для него готова,— ему стоит только открыть свою огромную пасть. Мириады рачков попадают туда, и он закрывает рот. Тогда роговые пластинки,— так называемый «китовый ус»,— которые щеткой свисают с его нёба, выполняют роль рыбачьих сетей. Ничто не может ускользнуть из его рта, и масса рачков отправляется в обширный желудок кита так же просто, как суп в твой животик.

— Ты понимаешь, Джек,— добавил Дик Сэнд,— что господин кит не тратит времени на то, чтобы очищать от скорлупы каждого рачка в отдельности, как ты очищаешь креветок.

— В то время, как огромный обжора лакомится своей «похлебкой»,— сказал капитан Гуль,— кораблю легче подойти к нему, не возбуждая у кита тревоги. Самая подходящая минута пустить в ход гарпун...

В это мгновение, как бы в подтверждение слов капитана Гуля, вахтенный матрос крикнул:

— Кит на горизонте — впереди по левому борту!

Капитан Гуль выпрямился во весь рост.

— Кит! — воскликнул он и, побуждаемый инстинктом охотника, побежал на нос.

Миссис Уэлдон, Джек, Дик Сэнд и даже кузен Бенедикт последовали за ним.

Действительно, в четырех милях, под ветром, в одном месте море как бы кипело. Опытный китобой не мог ошибиться: среди красных волн двигалось крупное морское млекопитающее. Но расстояние еще было слишком велико, чтобы можно было определить породу этого млекопитающего. Пород этих несколько, и каждая довольно резко отличается от других.

Может быть, это один из видов настоящих китов, за которыми главным образом и охотятся китобой северных морей? У настоящих китов нет спинного плавника, под кожей у них толстый слой жира. Длина настоящих китов иногда достигает восьмиде-

сяти футов, но средняя их длина не больше шестидесяти футов. От одного такого чудища можно получить до ста бочек ворвани.

А может, это полосатик, принадлежащий к породе спиноперых китов,— одно уже это название должно, как-никак, внушать уважение энтомологу. У полосатиков — похожие на крылья спинные белые плавники длиной в половину туловища, это своего рода летающий кит.

Но это мог быть и большой полосатик, известный также под названием полосатика-горбача, у него тоже есть спинной плавник, а по длине он не уступает настоящим китам.

Пока еще нельзя было решить, к какому виду принадлежит кит, замеченный вахтенным.

Капитан Гуль и весь экипаж «Пилигрима» с жадностью следили за млекопитающим.

Если часовщик, глядя на стенные часы в чужой комнате, испытывает непреодолимую потребность их завести, то какое страстное желание загарпунить добычу охватывает китобоя при виде плавающего в океане кита? Говорят, охота на крупного зверя увлекает больше, чем охота на мелкую дичь. Если охотничий пыл тем сильнее, чем крупнее дичь, то что же должны ощущать ловцы слонов и китобой?

Экипаж «Пилигрима» волновался еще и потому, что судно возвращалось на родину с неполным грузом!..

Капитан Гуль пристально всматривался вдаль. Кита еще трудно было рассмотреть на таком расстоянии, но искушенный глаз китобоя безошибочно улавливал некоторые признаки, различные даже издали: по фонтанам, вырывающимся из водометных отверстий кита, уже можно было определить, к какой породе он принадлежит.

— Это не настоящий кит! — воскликнул капитан Гуль. — У настоящих китов фонтаны выше и тоньше. И, несомненно, это не горбач! Когда фонтан вылетает с шумом, похожим на отдаленный гул канонады, можно с уверенностью сказать, что имеешь дело с горбачом. Но тут ничего такого нет. Прислушайтесь хорошенько. Тут фонтан производит шум совсем другого рода. Что ты скажешь об этом, Дик? — спросил капитан Гуль, обернувшись к юноше.

— Мне кажется, капитан, что это полосатик, — ответил Дик Сэнд. — Посмотрите, с какой силой взлетают в воздух фонтаны. И как будто водяных струй в них больше, чем пара. Если я не ошибаюсь, эта особенность присуща полосатикам?

— Правильно, Дик! — ответил капитан Гуль. — Сомневаться уж не приходится! Там, в красной воде, плывет полосатик.

— Как красиво! — воскликнул маленький Джек.

— Да, голубчик! Подумать только, что это огромное животное спокойно кормится и даже не подозревает, что за ним наблюдают китобой!

— Мне думается, — скромно заметил Дик, — что это очень крупный экземпляр полосатика.

— Несомненно! — ответил капитан Гуль, у которого сверкали глаза от волнения. — Длины в нем по меньшей мере семьдесят футов.

— Здорово! — воскликнул боцман. — Загарпунить бы с полдюжины таких китов, и тогда полностью нагрузили бы все трюмы нашего корабля.

— Да, полдюжины вполне было бы достаточно, — со вздохом сказал капитан Гуль.

Чтобы лучше рассмотреть кита, он влез на бушприт.

— У нас пустуют двести бочек. Вот если поймать этого кита, — прибавил боцман, — сразу заполнили бы ворванью не меньше сотни бочек...

— Да... Не меньше сотни! — шептал капитан Гуль.

— Это правда, — подтвердил Дик Сэнд, — но напасть на такого огромного полосатика — дело далеко не легкое.

— Верно. Дело трудное, очень трудное. У больших полосатиков хвост чудовищной силы, и к ним надо приближаться очень осторожно. Самая крепкая шлюпка разлетается в щепки от удара их хвоста. Но ради такой поживы стоит рискнуть.

— Большой полосатик — большая добыча! — сказал один из матросов.

— И выгодная! — добавил другой.

— Жаль пройти мимо и не поздороваться с таким китом! — заключил третий.

Всей команде страстно хотелось поохотиться. Сколько ворвани было заключено в туше, плававшей на поверхности воды так близко, рукой подать! Казалось, стоило только подставить бочки — и ворвань польется в них широкой струей. Немного усилий — и трюм «Пилигрима» будет заполнен.

Взобравшись на ванты фок-мачты, матросы жадным взглядом следили за каждым движением кита, и нетерпеливые возгласы выдавали их чувства.

Капитан Гуль умолк и грыз от досады ногти.

Словно мощный магнит, полосатик притягивал к себе «Пилигрим» и весь его экипаж.

— Мама! Мама! — воскликнул вдруг маленький Джек. — Я хочу посмотреть, как устроен кит!

— Ах, ты хочешь посмотреть кита вблизи, дружок? Что ж, почему бы не доставить тебе такого удовольствия? Не правда ли, друзья? — обратился капитан Гуль к матросам, будучи уже не в силах противостоять соблазну. — Людей у нас маловато... Ну да как-нибудь справимся...

— Справимся, справимся! — в один голос закричали матросы.

— Мне не в первый раз придется выполнять обязанности гарпунщика, — продолжал капитан Гуль. — Посмотрим, не разучился ли я метать гарпун...

— Ура, ура, ура! — закричали матросы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Приготовления к охоте

Понятно, почему появление огромного морского животного привело в такое возбуждение экипаж «Пилигрима». Кит, плававший посреди красного водного поля, казался гигантским.

Добыть его и заполнить трюм корабля — искушение было велико! Могли ли китобои пропустить такой случай?

Миссис Уэлдон задала капитану Гулю вопрос: не опасна ли в таких условиях для команды и для него самого охота на кита.

— Нет, миссис Уэлдон,— ответил капитан Гуль.— Опасности нет никакой. С одной шлюпкой мне не раз приходилось охотиться на китов, и не было случая, чтобы я не добился цели. Повторяю, никакая опасность не грозит нам, а следовательно, и вам.

Миссис Уэлдон успокоилась и прекратила расспросы.

Капитан Гуль тотчас же распорядился сделать все необходимые приготовления к охоте на полосатика. Он по опыту знал, что охота будет трудной, и решил принять все меры предосторожности.

На «Пилигриме» была шлюпка, установленная на кильблоках между грот-мачтой и фок-мачтой, затем три китобойные шлюпки: одна была подвешена с левого, другая с правого борта, а третья — на корме, за гака-бортом.

Обычно эти три китобойные лодки шли все разом в погоню за китами.

Но капитан Гуль мог выслать против полосатика только одну шлюпку. Как известно, при стоянке в Новой Зеландии вербовались матросы и гарпунщики, которые помогали постоянной команде «Пилигрима» во время промыслового сезона. Теперь же этой вспомогательной команды не было, и «Пилигрим» мог снарядить на охоту только пять матросов, то есть столько, сколько нужно для обслуживания одной шлюпки. От помощи Тома и его товарищей, которые поспешили предложить свои услуги, капитан Гуль должен был отказаться: управление шлюпкой во время охоты на кита под силу только опытным морякам. Неверный поворот руля или несвоевременный взмах весла в момент нападения угрожают шлюпке гибелью.

С другой стороны, капитан Гуль не мог покинуть свое судно, не оставив на борту хотя бы одного опытного моряка: мало ли что могло случиться.

Но так как на китобойной шлюпке нужны сильные люди, капитану Гулю волей-неволей пришлось поручить судно Дикку Сэнду.

— Дик,— сказал он,— оставляю тебя своим заместителем на время охоты. Надеюсь, что она будет непродолжительной.

— Есть, капитан! — ответил юноша.

Дикку Сэнду самому хотелось принять участие в охоте, но он понимал, что на шлюпке больше пользы принесет опытный кито-

бой, да, кроме того, лишь он один может заменить капитана Гуля на «Пилигриме». Поэтому он беспрекословно повиновался.

Итак, на охоту отправлялась вся команда «Пилигрима». Четверо матросов сядут на весла, а боцман Говик станет у кормового весла, заменяющего руль обычного типа. Руль не позволяет мгновенно выполнить маневры. Если во время охоты гребные весла сломаются, то кормовое весло в умелых руках может вывести шлюпку из-под ударов разъяренного кита.

Капитан Гуль займет место гарпунщика — ему не впервой была эта работа. Он должен был бросить гарпун, следить за разматыванием длинной веревки, закрепленной на конце гарпуна, и, наконец, добить раненого кита копьем, когда тот всплывет на поверхность океана.

Иногда для китобойного промысла пользуются огнестрельным оружием. На борту корабля или на носу шлюпки устанавливается особая пушка, она стреляет разрывными пулями, которые кромсают тело кита, или же при помощи ее выбрасывают гарпун, к концу которого привязана веревка. Но на «Пилигриме» не было таких приспособлений. Кстати сказать, моряки не очень любят новшества, предпочитая этим дорогим и трудным для управления приборам простой гарпун и копье, которыми они владеют очень искусно. И капитан Гуль тоже пускался на охоту, снабженный только обычным холодным оружием китобоев.

Полосатик находился милях в пяти от «Пилигрима».

Погода как будто благоприятствовала охоте. Море было спокойно — значит, шлюпке легче будет маневрировать. Ветра почти не было, и не приходилось опасаться, что «Пилигрим» отнесет далеко в сторону, пока экипаж будет охотиться.

Штирбортную шлюпку спустили на воду, и четверо матросов заняли в ней места.

Боцман Говик сбросил им два гарпуна и несколько длинных копий с острыми наконечниками. К этим орудиям нападения он добавил пять бухт¹ гибкого и прочного троса, по шестьсот футов в каждой бухте. Когда одна бухта разматается, матросы подвывают к концу троса вторую, третью и т. д. Но иногда и трех тысяч футов троса оказывается недостаточно, — так глубоко ныряет кит.

Гарпуны, копья и трос — все снаряжение для китобоев было уложено в порядке на носу лодки. Заняв свои места, Говик и четверо матросов ожидали только приказа отдать концы. Теперь осталось только одно свободное место на носу шлюпки, его должен был занять капитан Гуль.

Перед отправлением на охоту экипаж «Пилигрима» положил корабль в дрейф, то есть реи были обрасоплены так, что паруса оказывали взаимное противодействие, и судно оставалось на месте почти неподвижно.

---

¹ Бухта — трос, свернутый кругами.

Перед тем как сесть в шлюпку, капитан Гуль бросил последний взгляд на шхуну. Паруса были надежно закреплены, снасти хорошо вытянуты. Дику Сэнду предстояло остаться одному на судне, быть может, в продолжение многих часов. Капитан хотел избавить его от необходимости переставлять паруса и маневрировать, если только не потребуют этого особые обстоятельства.

Удостоверившись, что все в порядке, капитан поздравил к себе юношу и сказал ему:

— Дик, оставляю тебя одного. Смотри в оба! Может быть, против ожидания, «Пилигриму» придется пойти нам навстречу, если мы уплывем слишком далеко, тогда Том и его товарищи помогут тебе поставить паруса. Ты хорошенько растолкуешь им, что надо делать, и я уверен, что они отлично справятся с работой.

— Капитан Гуль, — сказал старый Том. — Мистер Дик может рассчитывать на нас.

— Приказывайте, приказывайте! — воскликнул Бат. — Мы покажем, как мы умеем работать!

— Что тянуть? — спросил Геркулес, засучивая рукава.

— Пока что ничего, — улыбаясь, ответил юноша.

— Я готов! — сказал гигант.

— Погода сегодня отличная, — продолжал капитан Гуль, — да и ветер, надо полагать, не посвежеет. Но, что бы ни случилось, Дик, не спускай на воду шлюпку и не покидай судна!

— Есть, капитан!

— Если, преследуя кита, мы уйдем далеко в сторону и нужно будет, чтобы «Пилигрим» пошел за нами, я подам тебе сигнал: подниму вымпел на конце багра.

— Будьте покойны, капитан. Я глаз не спущу с вашей шлюпки, — ответил Дик Сэнд.

— Отлично, голубчик, — сказал капитан Гуль. — Побольше хладнокровия и храбрости! Помни, ты теперь помощник капитана. Смотри, Дик, не посрами своего звания. Никому еще не случилось носить его в твоём возрасте.

Дик не ответил, только улыбнулся и покраснел. Капитан Гуль понял значение этой улыбки и румянца.

«Какой славный мальчик! — подумал он. — Скромность и доброта — в этих двух словах весь характер Дика!»

Судя по прощальным наставлениям, легко было догадаться, что капитан Гуль неохотно покидает корабль даже на несколько часов, хотя никакой опасности не предвиделось. Но всесильная страсть охотника и, главное, горячее желание пополнить груз ворвани, чтобы выполнить обязательства, взятые на себя Джемсом Уэлдоном в Вальпараисо, — все это побуждало его отважиться на опасную экспедицию.

Спокойное море сулило легкую погоню за китом. Ни команда «Пилигрима», ни сам капитан не могли устоять перед искушением. К тому же китобойная экспедиция будет, наконец, окончена, — и это последнее соображение взяло верх над всем остальным в душе капитана.

Он решительно шагнул к шторм-трапу, спущенному в шлюпку.

— Счастливой охоты! — напутствовала его миссис Уэлдон.

— Спасибо!

— Пожалуйста, капитан Гуль, не бейте ббльно этого бедного кита! — крикнул маленький Джек.

— Постараюсь, мой мальчик! — ответил капитан Гуль.

— Поймайте его тихонько!..

— Да... да... Я надену перчатки!

— Иногда на спинах этих млекопитающих находят довольно любопытных насекомых! — заметил кузен Бенедикт.

— Что ж, господин Бенедикт,— смеясь, ответил капитан Гуль,— никто не помешает и вам «поохотиться», когда наш полосатик будет пришвартован к борту «Пилигрима»!

И, повернувшись к Тому, он добавил:

— Том, я рассчитываю, что вы и ваши товарищи поможете нам разделать тушу... когда мы притащим кита к кораблю... Мы с ним живо управимся.

— К вашим услугам, господин капитан! — ответил старик негр.

— Спасибо! — сказал капитан Гуль.— Дик, эти славные люди помогут тебе выкатить на палубу пустые бочки, пока мы будем охотиться. И когда мы вернемся, работа пойдет быстро.

— Есть, капитан! Будет сделано!

Людам несведущим следует пояснить, что в случае удачной охоты убитого кита предстояло дотянуть на буксире до «Пилигрима» и крепко пришвартовать его к судну с правого борта. Тогда матросы, надев сапоги с шипами на подошвах, должны были взобраться на спину гиганта, рассечь слой покрывающего его жира на параллельные полосы от головы до хвоста, затем эти полосы разделить поперек на ломти толщиной в полтора фута, разрезать каждый на куски, уложить в бочки и спустить их в трюм.

Обычно китобойное судно по окончании охоты маневрирует так, чтобы скорее причалить к берегу и там довести до конца обработку туши. Экипаж сходит на берег и приступает к выплавке жира; растопившись на огне, китовый жир выделяет всю свою полезную часть, то есть ворвань¹.

Но теперь капитан Гуль не мог бы после охоты повернуть обратно к суше, чтобы закончить эту операцию. Он рассчитывал «выплавить» дополнительно добытый жир только в Вальпараисо. Ветер должен был вскоре измениться на западный, и капитан «Пилигрима» надеялся подойти к американскому побережью недели через три — за такой срок добыча не могла испортиться.

Наступил момент отплытия. Прежде чем лечь в дрейф, «Пи-

---

¹ При перетапливании китовый жир теряет около трети своего веса. (Примеч. авт.)

лигрим» несколько приблизился к тому месту, где полосатик по-прежнему выдавал свое присутствие, выбрасывая фонтаном струи пара и воды.

Полосатик все плавал по обширному водному полю, красному от крохотных рачков, и, поминутно разевая широкую пасть, захватывал при каждом глотке мириады микроскопических существ.

По мнению опытных китобоев, следивших за ним, нечего было опасаться, что он попытается скрыться. Это, несомненно, был один из тех китов, которых гарпунщики называют «боевыми».

Капитан Гуль перелез через борт и по шторм-трапу спустился на нос шлюпки.

Миссис Уэлдон, Джек, кузен Бенедикт, Том и его товарищи в последний раз пожелали капитану удачи.

Даже Динго, поднявшись на задние лапы и выставив голову за борт, как будто прощался с экипажем.

Затем пассажиры «Пилигрима» перешли на нос, чтобы не упустить ни одной подробности увлекательной охоты.

Шлюпка отчалила, и равномерные сильные взмахи четырех весел быстро погнали ее вдаль от «Пилигрима».

— Дик, следи за всем, следи хорошенько! — в последний раз крикнул капитан Гуль юноше.

— Положитесь на меня, капитан.

— Следи, дружок, одним глазом за судном, а другим — за шлюпкой. Не забывай этого!

— Будет сделано, капитан, — ответил Дик и, подойдя к румпелю, встал возле него.

Легкое суденышко было уже на расстоянии в несколько сот футов от «Пилигрима». Капитан Гуль стоял на носу. Он еще что-то говорил, но уже голоса его не было слышно, и только по выразительным жестам капитана Дик понял, что тот повторяет свои наставления.

В эту минуту Динго, не отходивший от борта, жалобно завыл. Протяжный вой собаки обычно производит тяжелое впечатление на людей, склонных к суеверию. Миссис Уэлдон даже вздрогнула.

— Молчи, Динго! — сказала она. — Стыдись! Разве так провожают друзей на охоту! Ну-ка, залай повеселее!

Но Динго молчал. Сняв лапы с поручней, он медленно подошел к миссис Уэлдон и лизнул ей руку.

— Динго не машет хвостом, — прошептал Том. — Плохой знак!.. Плохой знак!

Вдруг Динго, охваченный сильнейшей и совершенно необъяснимой яростью, ошетинился и зарычал. Миссис Уэлдон обернулась. Негоро вышел из своей каюты. Видно, его заинтересовала предстоящая охота и он намеревался посмотреть на маневры шлюпки.

Динго кинулся к судовому коку, весь дрожа от совершенно явной и непонятной ненависти.

Негоро поднял с палубы вымбовку¹ и стал в оборонительную позицию.

Собака бросилась на него и хотела вцепиться ему в горло.

— Динго, назад! — крикнул Дик Сэнд.

Покинув на мгновение свой наблюдательный пост, юноша бросился на бак. Миссис Уэлдон, со своей стороны, старалась успокоить собаку. Динго нехотя повиновался и, глухо рыча, отошел к юноше.

Негоро не вымолвил ни слова, только сильно побледнел. Бросив на палубу вымбовку, он повернулся и ушел в свою каюту.

— Геркулес! — сказал Дик Сэнд. — Я поручаю вам следить за этим человеком.

— Буду следить, — просто ответил великан, сжимая огромные кулачищи.

Миссис Уэлдон и Дик Сэнд снова обратили взгляд к шлюпке, быстро удалявшейся от судна.

Теперь она казалась уже маленькой точкой среди бесконечного моря.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Полосатик

Опытный китобой, капитан Гуль не полагался на счастливый случай. Охота на полосатика — дело трудное, тут никакие меры предосторожности не будут лишними. И капитан Гуль не пренебрег ни одной из них.

Прежде всего он приказал рулевому подойти к киту с подветренной стороны и так, чтобы шум не выдал приближения охотников.

Говик повел шлюпку в обход границ красного поля, посреди которого плавал кит. Таким образом, охотники должны были его обогнуть.

Боцман был старым, опытным моряком и отличался редким хладнокровием. Капитан Гуль знал, что может всецело положиться на своего рулевого: он не растеряется в решительную минуту, быстро и точно выполнит нужный маневр.

— Внимание, Говик! — сказал капитан Гуль. — Попробуем застать полосатика врасплох. Постарайтесь незаметно подойти на такое расстояние, откуда можно уже бросить гарпун.

— Есть, капитан! — ответил боцман. — Если идти по краю красного поля, ветер все время будет в нашу сторону.

— Хорошо! — сказал капитан.

И, обращаясь к матросам, он добавил:

— Гребите без шума, ребята! Как можно меньше шума!

---

¹ В ы м б о в к а — деревянный рычаг для вращения ручного ворота, при помощи которого поднимается якорь.

Весла, предусмотрительно обмотанные кожей, не скрипели в уключинах и бесшумно погружались в воду.

Искусно направляемая боцманом шлюпка подошла вплотную к полю красных рачков. Весла правого борта погружались еще в зеленую прозрачную воду, а по веслам левого борта уже стекали струйки красной, похожей на кровь жидкости.

— Вино и вода,— заметил один из матросов.

— Да,— ответил капитан Гуль,— но эта вода не утолит жажды, а вино не напоит пьяным! Ну, друзья, теперь помалкивайте! И приналягте на весла!

Шлюпка скользила по воде точно по слою масла — совершенно бесшумно. Полосатик не шевелился и как будто не замечал шлюпки, которая описывала круг, обходя его.

Следуя по этому кругу, шлюпка, разумеется, удалялась от «Пилигрима»; корабль казался все меньше и меньше.

Все предметы в океане, когда удаляешься от них, быстро уменьшаются в размерах, и это всегда производит странное впечатление, словно смотришь в перевернутую подзорную трубу. Оптический обман в данном случае, очевидно, объясняется тем, что на широком морском просторе не с чем сравнивать удаляющийся предмет.

Так было и с «Пилигримом» — он уменьшался на глазах с каждой минутой, и людям в шлюпке казалось, что он находится гораздо дальше, чем это было в действительности.

Через полчаса после того как шлюпка отвалила от корабля, она находилась как раз под ветром от кита, занимавшего теперь положение между шлюпкой и «Пилигримом». Настала пора подойти поближе к полосатику. Это нужно было сделать бесшумно. Быть может, удастся незаметно подойти к киту сбоку и бросить гарпун с близкого расстояния.

— Медленнее, ребята! — тихо скомандовал гребцам капитан Гуль.

— Кажется, наша рыбка что-то учуяла,— сказал Говик.— Дышит сейчас не так шумно, как раньше.

— Тише! Тише! — повторил капитан Гуль.

Через пять минут охотники были всего в одном кабельтове от кита.

Боцман Говик, стоя во весь рост на корме, направил шлюпку так, чтоб подойти к левому боку кита, стараясь, однако, держаться в некотором отдалении от страшного хвоста, ибо одного удара его было достаточно, чтоб сокрушить шлюпку.

Капитан Гуль стоял на носу шлюпки, расставив ноги для устойчивости, и держал в руке гарпун. Орудие это, брошенное его ловкой рукой, несомненно, должно было крепко вонзиться в мясистую спину кита, горбом выступавшую из воды. Рядом с капитаном в баде лежала первая из пяти бухт каната, прочно привязанная к тупому концу гарпуна. Остальные четыре находились под рукою, чтобы без задержки подвязывать одну к другой, если кит уйдет на большую глубину.

- Готовься! — прошептал капитан Гуль.
- Есть! — ответил Говик, крепче сжав рулевое весло.
- Подходи!

Боцман выполнил команду, и шлюпка поравнялась с полосатиком. Едва ли разделяло их расстояние в десять футов.

Животное не шевелилось. Казалось, оно спало. Кит, застигнутый во время сна, легко становится добычей охотника. Иногда удается прикончить его с первого удара.

«Какая неподвижность! Что-то странно! — подумал капитан Гуль. — Вряд ли эта бестия спит... Нет, здесь что-то кроется!»

Такая же мысль мелькнула и у боцмана Говика, который старался рассмотреть другой бок кита, но это ему никак не удалось.

Однако времени для размышлений не было: пришла пора действовать.

Ухватив гарпун посредине древка, капитан Гуль несколько раз взмахнул им, чтобы лучше прицелиться, и затем с силой бросил его в полосатика.

— Назад, назад! — крикнул он тотчас же.

Матросы, дружно навалившись на весла, рванули шлюпку назад, чтобы вывести ее из-под ударов хвоста раненого кита.

В эту минуту возглас боцмана объяснил всем причину загадочного поведения полосатика, его длительную неподвижность.

— Детеныш! — воскликнул Говик.

Раненая самка, судорожно метнувшись, почти перевернулась на бок, и тогда моряки тоже увидели ее детеныша. Гарпун застиг их во время кормления.

Капитан Гуль знал: присутствие детеныша делает охоту опасной. Самка, несомненно, станет защищаться с удвоенной яростью, спасая не только себя, но и своего «малыша», если только так можно назвать животное длиной в двадцать футов.

Однако, вопреки опасениям капитана Гуля, полосатик не набросился сразу на шлюпку, и команде не пришлось рубить привязанный к гарпуну канат, чтобы бежать от разъяренного животного.

Напротив, как это часто бывает, кит нырнул и, описав в воде дугу, мощным рывком поднялся на поверхность и с невероятной быстротой поплыл. Детеныш последовал за маткой.

Капитан Гуль и боцман Говик успели рассмотреть кита, прежде чем он нырнул, и, следовательно, оценить его по достоинству. Полосатик оказался могучим животным длиной не меньше восьмидесяти футов. Желтовато-коричневая кожа его была испещрена множеством темно-коричневых пятен.

Было бы досадно после удачного начала отказаться от такой богатой добычи. Началось преследование. Шлюпка с поднятыми веслами стрелой неслась по волнам. Говик невозмутимо направлял ее следом за китом, несмотря на то, что шлюпку отчаянно бросало из стороны в сторону.

Капитан Гуль, не спускавший глаз со своей добычи, неустанно повторял:

— Внимание, Говик! Внимание!

Но и без этого предупреждения боцман был настороже.

Шлюпка шла медленнее кита, и бухта разматывалась с такой скоростью, что капитан Гуль опасался, как бы канат не загорелся от трения о борт лодки. Он поспешил поэтому наполнить морской водой бадью, в которой лежала бухта.

Полосатик, видимо, не собирался ни останавливаться, ни умерять быстроту своего бега. Капитан Гуль подвязал вторую бухту. Но и ее хватило ненадолго. Через пять минут пришлось подвязать третью, которая тоже скоро размоталась под водой.

Полосатик стремглав неся вперед. Очевидно, гарпун не задел каких-нибудь важных для его жизни органов. Судя по наклону каната, можно было догадаться, что кит не только не собирается выйти на поверхность, но, наоборот, все глубже и глубже уходит в воду.

— Черт возьми! — воскликнул капитан Гуль. — Кажется, эта тварь намерена сожрать все пять бухт!

— И оттащит нас далеко от «Пилигрима», — добавил боцман Говик.

— А все-таки киту придется подняться на поверхность, чтобы набрать воздуха, — заметил капитан Гуль. — Ведь кит — не рыба: воздух ему нужен так же, как человеку.

— Он задерживает дыхание, чтобы быстрее плыть, — смеясь, сказал один из матросов.

В самом деле, канат продолжал разматываться с прежней быстротой. К третьей бухте вскоре пришлось привязать четвертую.

Матросы, уже подсчитавшие в уме свою долю барыша от помки кита, приуныли.

— Вот проклятая тварь! — бормотал капитан Гуль. — Ничего подобного я не видел в своей жизни.

Наконец, и пятая бухта была пущена в дело. Она размоталась почти наполовину, и вдруг натяжение каната ослабло.

— Ура! — воскликнул капитан Гуль. — Канат провисает — значит, полосатик устал!

В эту минуту шлюпка находилась в пяти милях от «Пилигрима».

Капитан Гуль, подняв вымпел на конце багра, дал кораблю сигнал приблизиться.

Через мгновение он увидел, как на «Пилигриме» брасонили реи, наполняя паруса¹. Этот маневр Дик Сэнд с помощью Тома и его товарищей проделал четко и быстро.

Но ветер был слабый, он задувал порывами и очень быстро

---

¹ Наполнить паруса — поставить паруса под ветер для ускорения хода судна.

спалал. При этих условиях «Пилигриму» трудно было настигнуть шлюпку.

Тем временем, как и предвидел капитан Гуль, полосатик поднялся на поверхность океана подышать. Гарпун по-прежнему торчал у него в боку. Раненое животное некоторое время неподвижно лежало на воде, дожидаясь детеныша, который, должно быть, отстал во время этого бешеного бега.

Капитан Гуль приказал гребцам налечь на весла, и скоро шлюпка снова очутилась вблизи полосатика.

Двое матросов сложили весла и так же, как сам капитан, вооружились длинными копьями, которыми добивают раненого кита.

Говик насторожился. Минута была опасная: кит мог броситься на них, и нужно было держаться начеку, чтобы тотчас же отвести шлюпку на безопасное расстояние.

— Внимание! — крикнул капитан Гуль. — Цельтесь хорошенько, ребята, бейте без промаха! Ты готов, Говик?

— Я-то готов, капитан, — ответил боцман, — но меня смущает, что после такого бешеного бега наш полосатик вдруг затих!

— Мне это тоже кажется подозрительным.

— Надо поостеречься!

— Да. Однако не бросать же охоту! Вперед!

Капитан Гуль пришел в возбуждение.

Шлюпка приблизилась к киту, который только вертелся на одном месте. Детеныша возле него не было, и, может быть, мать искала его.

Вдруг полосатик взмахнул хвостовым плавником и сразу уплыл вперед футов на тридцать.

Неужели он снова собирался бежать? Неужели придется возобновить это бесконечное преследование?

— Берегись! — крикнул капитан Гуль. — Полосатик сейчас возьмет разгон и бросится на нас. Поворачивай, Говик! Поворачивай!

И действительно, полосатик повернулся головой к шлюпке. Затем, с силой ударяя по воде плавниками, ринулся на людей.

Боцман, верно рассчитав направление атаки, рванул шлюпку в сторону, и кит с разбегу проплыл мимо, не задев ее. Капитан Гуль и оба матроса воспользовались этим, чтобы всадить копьё в тело чудовища, стараясь задеть какой-нибудь важный для жизни орган.

Полосатик остановился, выбросил высоко вверх два окрашенных кровью фонтана и снова ринулся на шлюпку. Нужно было обладать большим мужеством, чтобы не потерять головы при виде разъяренного гиганта. Но Говик опять успел отвести шлюпку в сторону и уклониться от удара.

Снова в тот миг, когда полосатик пронесился мимо шлюпки, ему нанесли три глубокие раны. Кит с такой силой ударил своим страшным хвостом по воде, что поднялась огромная

волна, как будто внезапно налетел шквал. Шлюпка чуть не перевернулась. Волна переплеснула через борт и наполовину затопила шлюпку.

— Ведра! Ведра! — крикнул капитан Гуль.

Матросы бросили весла и с лихорадочной быстротой стали вычерпывать воду. Тем временем капитан Гуль обрубил канат, теперь уже бесполезный, — обезумевшее от боли животное и не помышляло больше о бегстве. Кит в свою очередь нападал сам, его агония становилась страшной.

В третий раз полосатик повернулся к шлюпке. Но отяжелевшее от воды суденышко потеряло подвижность: оно не могло ни отступить, ни увернуться от нападения. Как ему теперь избежать грозящего удара? Уже нельзя было управлять им и тем более нельзя было спастись бегством.

Как ни усердно гребли матросы, теперь полосатик несколькими рывками мог настигнуть шлюпку.

Надо было прекратить нападение и подумать о самозащите. Капитан Гуль хорошо это понимал.

При третьей атаке Говику удалось только ослабить удар, но не избежать его. Полосатик задел шлюпку своим огромным спинным плавником. Толчок был так силен, что Говик опрокинулся на спину.

От того же толчка неверным стал прицел трех копий: на этот раз они не попали в цель.

— Говик! Говик! — крикнул капитан Гуль, который сам едва удержался на ногах.

— Здесь, капитан! — ответил боцман и, поднявшись, встал на свое место.

Но тут он увидел, что кормовое весло переломилось посредине. Он молча показал обломок капитану Гулю.

— Бери другое!

— Есть! — ответил Говик.

В эту минуту вода неподалеку от шлюпки словно закипела. В нескольких саженях показался детеныш кита.

Полосатик его увидел и стремительно поплыл к нему.

С этой минуты полосатик должен был сражаться за двоих. Борьба становилась еще более ожесточенной.

Капитан Гуль бросил взгляд в сторону «Пилигрима» и отчаянно замахал выпелом, поднятым на конце багра.

Но Дик Сэнд уже по первому сигналу капитана сделал все, что мог. Паруса на «Пилигриме» были поставлены, и ветер начал наполнять их. К несчастью, шхуна-бриг ничем больше не могла ускорить своего хода, на ней не было винтового двигателя. Что оставалось делать Дикю? Спустить на воду еще одну шлюпку и спешить с неграми на помощь капитану? Но гребной шлюпке понадобилось бы немало времени, чтобы одолеть такое расстояние, да и сам капитан запретил юноше покидать корабль, что бы ни случилось.

Все же Дик приказал спустить на воду кормовую шлюпку и

повел ее за судном на буксире, чтобы капитан и его товарищи могли ею воспользоваться, если понадобится.

В это время, прикрывая своим телом детеныша, полосатик опять стремительно понесся прямо на охотников.

— Берегись, Говик! — в последний раз крикнул капитан Гуль.

Но рулевой теперь был безоружен. Вместо длинного кормового весла, которым можно было пользоваться как рычагом, у Говика было гребное, довольно короткое, весло.

Он попытался повернуть шлюпку.

Это было невозможно.

Матросы поняли, что они погибли. Все они вскочили на ноги и закричали. Быть может, ужасный крик этот донесся до «Пилигрима».

Страшный удар хвоста подбросил шлюпку, чудовищная сила взметнула ее на воздух. Расколовшись на три части, она упала в водоворот, поднятый китом.

Несчастные матросы, хотя все они были тяжело ранены, могли бы еще удержаться на поверхности. С «Пилигрима» видно было, как капитан Гуль помогал боцману Говику уцепиться за обломок шлюпки... Но кит в предсмертных судорогах яростно заколотил хвостом по воде.

В продолжение нескольких минут не было видно ничего, кроме бешено крутившегося водяного смерча, брызг и пены. Дик Сэнд бросился с неграми в шлюпку, но когда они достигли места сражения, там не было уже ничего живого. На поверхности красной от крови воды плавали только обломки шлюпки.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Капитан Сэнд

Скорбь и ужас — вот первые чувства, охватившие пассажиров «Пилигрима» при виде ужасной катастрофы. Всех потрясла гибель капитана Гуля и пятерых матросов. Быть свидетелями страшного бедствия, бессильными помочь погибающим товарищам!.. Дик и его спутники не могли даже подоспеть вовремя, чтобы вытащить из воды раненых, но еще живых людей, и, подняв их на борт, защитить корпусом корабля от ужасных ударов разъяренного кита.

Когда «Пилигрим» подплыл, наконец, к месту катастрофы, ничто уже не могло вернуть к жизни капитана Гуля и пятерых матросов, — океан поглотил их...

Миссис Уэлдон упала на колени и простерла руки к небу.

— Помолимся! — сказала она.

Маленький Джек, плача, опустился на колени рядом с матерью. Бедный ребенок все понял. Дик Сэнд, Нан, Том и остальные негры стояли, склонив голову. Все повторяли слова молитвы, которую миссис Уэлдон воссылала к богу, прося его беспредельного милосердия для тех, кто только что предстал перед ним.

Затем миссис Уэлдон, повернувшись к своим спутникам, сказала:

— А теперь, друзья мои, попросим у всевышнего силы и мужества для нас самих!

Ведь им так нужна была помощь всемогущего, ибо положение их было очень тяжелое.

Затерянный среди бескрайнего простора Тихого океана, в сотнях миль от ближайшей земли, корабль, лишившийся капитана и матросов, должен был стать беспомощной игрушкой ветров и течений.

Какой злой рок послал этого кита навстречу «Пилигриму»?

Какой злой рок побудил капитана Гуля, обычно такого осторожного и благоразумного, пуститься на охоту ради того, чтобы пополнить груз?

В истории китобойного промысла случаи, когда погибает весь экипаж шлюпки и никого не удастся спасти, насчитываются единицами.

Да, гибель капитана Гуля и его сотоварищей была страшным бедствием! На «Пилигриме» не осталось ни одного человека из команды. Остался в живых Дик Сэнд. Но ведь Дик был юношей пятнадцати лет, почти мальчиком. И этот мальчик должен был заменить теперь капитана, боцмана, весь экипаж!..

На борту судна находились пассажиры — мать с малым ребенком, их присутствие еще более осложняло положение.

Правда, было еще пятеро негров, и эти честные, храбрые и усердные люди готовы были выполнять любую команду, но ведь они ничего не понимали в морском деле.

Дик Сэнд долго неподвижно стоял на палубе. Скрестив на груди руки, он смотрел на воду, поглотившую капитана Гуля, его покровителя, человека, которого он любил как отца.

Потом он обвел взглядом горизонт. Он искал какое-нибудь судно, чтобы попросить у него помощи, содействия или хотя бы отправить с ним миссис Уэлдон.

Сам он не собирался покинуть «Пилигрим». О нет! Сначала он сделает все, чтобы довести судно до ближайшего порта. Но на другом корабле миссис Уэлдон и ее сын были бы в безопасности и Дику не приходилось бы тревожиться за жизнь этих двух существ, к которым он привязался всей душой.

Но океан был пустынен. После исчезновения полосатика вокруг «Пилигрима» были только небо да вода.

Дик Сэнд прекрасно знал, что «Пилигрим» находится в стороне от обычных путей торговых судов и что все китобойные флотилии в это время года плавают еще далеко, занятые промыслом.

Он понимал, что опасности нужно глядеть прямо в глаза, не приукрашивая свое положение. И, вознеся в глубине сердца молитву к небу о помощи и покровительстве, Дик глубоко задумался.

Какое же решение примет он?

В эту минуту на палубу вышел судовой кок, куда-то уходивший после катастрофы.

Негоро с величайшим вниманием следил за всеми перипетиями злосчастной охоты, но не промолвил ни слова, не сделал ни одного движения. Никто не мог сказать, какое впечатление произвело на него непоправимое несчастье. Если бы в такую минуту кому-нибудь пришла мысль понаблюдать за ним, то всякого бы поразило равнодушное выражение его лица, на котором ни один мускул не дрогнул. Он как будто и не слышал благочестивого призыва миссис Уэлдон, молившейся за утонувших, и не ото-звался на него.

Негоро не спеша прошел на корму, где стоял Дик Сэнд, и остановился в трех шагах от юноши.

— Вы хотите поговорить со мной? — спросил Дик Сэнд.

— Нет, — холодно ответил кок. — Я хотел бы поговорить с капитаном Гулем или хотя бы с боцманом Говиком.

— Вы же знаете, что они погибли! — воскликнул Дик.

— Кто же теперь командир судна? — нагло спросил Негоро.

— Я! — не колеблясь, ответил Дик Сэнд.

— Вы?! — Негоро пожал плечами. — Пятнадцатилетний капитан!

— Да, пятнадцатилетний капитан! — ответил Дик, наступая на него.

Негоро попятился.

— На «Пилигриме» есть капитан, — сказала миссис Уэлдон. — Это Дик Сэнд. И не мешает всем знать, что новый капитан Дик Сэнд сумеет каждого заставить повиноваться ему.

Негоро поклонился, насмешливо пробормотав под нос несколько слов, которых никто не разобрал, и удалился на свой камбуз.

Итак, Дик Сэнд принял решение!

Тем временем ветер начал свежеть, и шхуна-бриг уже оставила позади обширное водное пространство, где кишели красные рачки.

Дик Сэнд осмотрел паруса, а затем обвел внимательным взглядом людей, стоявших на палубе. Юноша почувствовал, что, как ни тяжела ответственность, которую он принимал на себя, он не вправе от нее уклониться. Глаза всех путников были теперь устремлены на него, и, прочитав в них, что он может положиться на этих людей, юноша просто сказал, что и они могут положиться на него.

Дик не переоценивал своих сил. При помощи Тома и его товарищей он мог в зависимости от обстоятельств ставить или убирать паруса. Но он сознавал, что у него нет достаточных знаний, чтобы определять с помощью приборов место судна в открытом море.

Еще года четыре или пять, и Дик Сэнд основательно подготовился бы к трудной и увлекательной профессии моряка. Он на-

учился бы обращаться с секстаном — прибором, при помощи которого капитан Гуль ежедневно измерял высоту светил, а по ней определял широту судна. Пользуясь хронометром, указывающим время Гринвичского меридиана, он высчитывал бы долготу по часовому углу. Солнце было бы его верным советчиком. Луна и планеты говорили бы ему: «Твой корабль находится в такой-то точке океана!» Совершеннейшие и непогрешимые часы, в которых циферблатом служит небосвод, а стрелками — звезды, ежедневно докладывали бы ему о пройденном расстоянии. По астрономическим наблюдениям он мог бы ежедневно, как это делал капитан Гуль, определять с точностью до одной мили место «Пилигрима», курс судна и курс, которого следует держаться.

А Дик Сэнд мог определять место судна лишь приблизительно, руководствуясь компасом и показаниями лага¹, с поправками, вызванными дрейфом.

Однако Дик не испугался.

Миссис Уэлдон поняла все, что творилось в душе отважного юноши.

— Спасибо, Дик! — сказала она недрогнувшим голосом. — Капитана Гуля больше нет на свете, весь экипаж погиб вместе с ним. Судьба корабля в твоих руках. Я верю, Дик, ты спасешь корабль и всех нас!

— Да, миссис Уэлдон, — ответил Дик, — я постараюсь это сделать с помощью божьей.

— Том и его товарищи — славные люди. Ты можешь всецело положиться на них.

— Я знаю это. Я обучу их морскому делу, и мы вместе будем управлять судном. В хорошую погоду это нетрудно. Если же погода испортится... Ну что ж, мы преодолеем и дурную погоду, миссис Уэлдон, и спасем вас, маленького Джека и всех остальных! Я чувствую себя в силах это сделать! — И он повторил: — С божьей помощью.

— Ты знаешь, Дик, где сейчас находится «Пилигрим»? — спросила миссис Уэлдон.

— Это легко узнать, — ответил Дик. — Достаточно взглянуть на карту: капитан Гуль вчера нанес на нее нашу точку.

— А ты сможешь повести судно в нужном направлении?

— Надеюсь. Я буду держать курс на восток, на тот пункт американского побережья, к которому мы должны пристать.

— Но ты, конечно, понимаешь, Дик, что после случившегося бедствия надо изменить наш первоначальный маршрут? Разумеется, «Пилигрим» не пойдет теперь в Вальпараисо. Ближайший американский порт — вот куда ты должен вести судно!

— Конечно, миссис Уэлдон, — ответил Дик. — Не тревожь-

---

¹ Лаг — прибор для измерения скорости хода судна и пройденного расстояния.

тесь. Американский континент простирается так далеко на юг, что мы никак его не минуем.

— В какой стороне он находится? — спросила миссис Уэлдон.

— Вон там... — сказал Дик, указывая рукой на восток, который он определил по компасу.

— Итак, Дик, теперь ведь безразлично, придет ли судно в Вальпараисо или в какой-нибудь другой американский порт. Единственная наша цель — добраться до суши!

— И мы доберемся до нее, миссис Уэлдон! — уверенно ответил юноша. — Я ручаюсь, что доставлю вас в безопасное место. Впрочем, я не теряю надежды, что вблизи от суши мы встретим какое-нибудь судно, совершающее каботажные рейсы¹. Видите, миссис Уэлдон, поднимается северо-западный ветер. Даст бог, он удержится, а тогда мы и оглянуться не успеем, как доберемся до берега. Поставим все паруса — от грота до кливера и полетим стрелой!

Молодой матрос говорил с уверенностью бывалого моряка, знающего цену своему кораблю и не сомневающегося, что при любой скорости этот корабль не выйдет у него из повиновения.

Дик уже собирался созвать своих спутников, чтобы поставить паруса и стать самому за штурвал, но миссис Уэлдон напомнила ему, что прежде всего необходимо выяснить, где находится «Пилигрим».

Действительно, это была первоочередная задача. Дик сбегал в каюту капитана Гуля и принес оттуда карту, на которую было нанесено вчерашнее положение судна. Теперь он мог показать миссис Уэлдон, что «Пилигрим» находится под 43°35' южной широты и 164°13' западной долготы — за истекшие сутки он почти не двинулся с места.

Миссис Уэлдон склонилась над картой. Она пристально смотрела на коричневое пятно, изображавшее землю, по правую сторону океана. Это был материк Южной Америки, огромный барьер, протянувшийся от мыса Горн до берегов Колумбии и отгораживающий Тихий океан от Атлантического. При взгляде на разостланную карту, где умещался не только южноамериканский континент, но и весь океан, казалось, что земля совсем близко и пассажирам «Пилигрима» легко будет вернуться на родину. Это обманчивое впечатление неизменно возникает у всех, кто не привык к масштабам морских карт.

Увидев землю на листе бумаги, миссис Уэлдон вообразила, что и настоящая земля вот-вот предстанет перед ее глазами.

Между тем, если бы «Пилигрим» был изображен на этом листе бумаги в правильном масштабе, он оказался бы меньше

---

¹ Каботаж — плавание вдоль берегов и между портами своего государства, без захода в заграничные порты.

самой малой инфузории. И тогда эта математическая точка, не имеющая ощутимого размера, оказалась бы такой же одинокой и затерянной на карте, каким был и «Пилигрим» среди бесконечного простора океана.

Дик был иного мнения, чем миссис Уэлдон. Он знал, что земля далеко, что много сотен миль отделяют ее от корабля. Но это не могло поколебать его решимость. Ответственность за судьбы людей преобразила Дика во взрослого мужчину.

Пришла пора действовать. Нужно было воспользоваться попутным северо-западным ветром, который с каждым часом становился все свежее. Перистые облака, плывшие высоко в небе, предвещали, что ветер не скоро спадет.

Дик Сэнд позвал Тома и его товарищей.

— Друзья мои,— сказал он,— на «Пилигриме» нет другого экипажа, кроме вас. Без вашей помощи я не могу выполнить ни одного маневра. Вы не моряки, конечно, но у вас умелые руки. Если вы не пожалеете труда, мы сумеем управлять «Пилигримом». От этого зависит наше спасение.

— Капитан Дик,— ответил Том,— мои товарищи и я сам охотно станем вашими матросами. В доброй воле у нас нет недостатка. Все, что могут сделать пять человек под вашим командованием, мы сделаем!

— Отлично сказано, старина Том! — воскликнула миссис Уэлдон.

— Однако мы должны соблюдать величайшую осторожность,— сказал Дик Сэнд.— Я не пойду ни на какой риск и зря не стану поднимать всех парусов. Пусть мы проиграем немного в скорости, зато выиграем в безопасности. Такое решение диктуют нам обстоятельства. Сейчас я укажу каждому из вас его обязанности. Сам я буду стоять у штурвала сколько хватит сил. Время от времени я позволю себе поспать часок-другой. Но, как ни короток будет мой сон, кому-нибудь из вас придется заменять меня. Хотите, Том, я обучу вас? Не так уж трудно вести корабль по компасу. При желании вы быстро научитесь держать судно на курсе.

— Я готов, капитан Дик,— ответил старый негр.

— Хорошо,— сказал юноша.— Постойте до вечера со мной у штурвала, и, если я свалюсь от усталости, вы сегодня же с успехом замените меня на короткое время.

— А я? — спросил маленький Джек.— Разве я ничем не могу помочь моему другу Дику?

— Разумеется, дорогой мальчик! — ответила миссис Уэлдон, прижимая Джека к груди.— И тебя тоже научат управлять судном. Я уверена, что, когда ты будешь стоять у штурвала, уж обязательно ветер будет попутный.

— Конечно, мама, конечно! — воскликнул мальчик, хлопая в ладоши.— Я тебе это обещаю!

— Да,— улыбаясь, сказал Дик,— старые моряки говорят, что хороший юнга приносит судну счастье и попутный ветер.

И, обращаясь к Тому и остальным неграм, Дик добавил:

— За дело, друзья! Пошли брасопить реи в полный бакштаг¹. Я покажу, что делать, а вы в точности выполняйте мои указания.

— Приказывайте, капитан Сэнд,— сказал Том,— мы готовы!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Следующие четыре дня

Итак, Дик Сэнд стал капитаном «Пилигрима». Не теряя времени, он решил поднять все паруса.

У пассажиров было только одно желание: поскорее добраться до Вальпараисо или до какого-нибудь другого порта на американском побережье. Дик Сэнд намеревался следить за направлением и скоростью хода «Пилигрима» и, вычислив среднюю скорость, наносить ежедневно на карту пройденный путь. Для этого достаточно было располагать компасом и лагом.

На судне как раз имелся патент-лаг с вертушкой и циферблатом. Стрелка на циферблате показывала скорость движения судна в течение какого-нибудь определенного промежутка времени. Патент-лаг мог сослужить большую службу; прибор был весьма прост, и обучить пользоваться им даже неопытных, новых матросов «Пилигрима» было нетрудно.

Но существовал один неустранимый источник ошибок в счислении — это океанские течения.

Лег и компас не учитывают скорости и направления течения. Только астрономические наблюдения позволяют определить точное место судна в открытом море. Но, к несчастью, молодой капитан еще не умел делать астрономических наблюдений.

Сперва у Дика Сэнда мелькнула мысль отвести «Пилигрим» обратно к берегам Новой Зеландии. Этот переход был бы короче. Вероятно, Дик так бы и поступил, если бы ветер, дувший все время навстречу судну, не сменился вдруг попутным. Поэтому легче было продолжать путь к Америке.

Ветер переменял направление почти на 180°; теперь он дул с северо-запада и как будто крепчал. Этим следовало воспользоваться, чтобы пройти при попутном ветре как можно дальше.

Дик Сэнд намеревался идти в полный бакштаг.

На шхуне-бриге фок-мачта несет четыре прямых паруса: фок — на мачте, выше — марсель на стеньге, затем на брам-стеньге брамсель и бом-брамсель.

Грот-мачта несет меньше парусов: только косой грот, а над ним — топсель.

Между этими двумя мачтами на штагах, которые крепят

---

¹ Бакштаг — курс корабля, проложенный под тупым углом к линии направления ветра. Быстрее всего парусные суда ходят в бакштаг.

грот-мачту спереди, можно поднять еще три яруса косых парусов-стакселей.

Наконец, на бушприте — наклонной мачте, торчащей впереди носа, — поднимают три кливера: наружный, внутренний и бом-кливер.

Кливер, стаксели, косой грот и топсель легко ставить и убирать прямо с палубы, не поднимаясь на реи. Но постановка парусов на фок-мачте требует морской сноровки. Для того чтобы произвести какой-нибудь маневр с этими парусами, нужно взобраться по вантам на стеньгу, брам-стеньгу или бом-брам-стеньгу. Лазать на мачту приходится не только для того, чтобы поднять или убрать парус, но и тогда, когда нужно уменьшить площадь, подставленную парусом ветру, — «взять рифы»¹, как говорят моряки. Поэтому матросы должны уметь лазать по пертам² — канатам, свободно подвязанным под реями, и работать одной рукой, держась другой за канат. Маневр этот опасен, особенно для непривычных людей. Не говоря уже о бортовой и килевой качке, которая ощущается тем сильнее, чем выше матрос поднимается на мачты, порыв мало-мальски свежего ветра, внезапно наполнившего паруса, может сбросить матроса за борт.

Итак, Тому и его товарищам предстояла опасная работа.

К счастью, ветер дул с умеренной силой. На море не успело еще подняться волнение, и качка была невелика.

Когда Дик Сэнд, по сигналу капитана Гуля, повел «Пилигрим» к месту катастрофы, на судне были подняты косой грот, кливер, фок и марсель. Чтобы сняться с дрейфа, нужно было перебросить все паруса на фок-мачте. Негры без особого труда помогли ему в этом маневре. А чтобы идти в полный бакштаг, теперь достаточно было поднять брамсель, бом-брамсель, топсель и стаксели.

— Друзья мои, — сказал молодой капитан своим помощникам, — исполняйте в точности все мои приказания, и дело у нас пойдет замечательно.

Стоя у штурвала, Дик Сэнд скомандовал:

— Том, травите шкот!

— Травить?

Том недоуменно взялся за трос, не зная, что с ним делать.

— Ну да, травите! Это значит — ослабить шкот! И вы, Бат, делайте то же самое! Так, хорошо! Теперь вытягивайте. Вытягивайте же, Бат!

— Вот так?

— Да, да! Очень хорошо! Геркулес, ваша очередь! Ну-ка понатужьтесь, здесь нужна сила!

Просить Геркулеса «понатужиться» было по меньшей мере

¹ Р и ф ы (точнее риф-сезни) — ряды продетых сквозь парус завязок, посредством которых можно уменьшить его площадь.

² П е р т ы — подвески под реями, на которых стоят матросы при креплении парусов.

неосторожно: великан рванул снасть с такой силой, что чуть не оторвал ее совсем.

— Не так сильно! — закричал Дик Сэнд, улыбаясь. — Этак вы вырвете мачту из гнезда!

— Да ведь я только чуть-чуть потянул, — оправдывался Геркулес.

— Это называется «чуть-чуть»?.. Вот что, Геркулес: вы уж лучше только делайте вид, что тянете. Этого будет достаточно. Внимание, друзья! Потравите еще... Ослабьте!.. Так... Крепите... Да крепите же!.. Не понимают! Ах, да привязывайте! Так, так! Хорошо! Дружнее! Выбирайте брасы!..

И все паруса фока, у которого с левой стороны брасы были ослаблены, медленно повернулись.

Ветер наполнил их, и судно рванулось вперед.

Затем Дик велел ослабить шкоты кливера и созвал после этого негров на корме.

— Отлично работали, друзья мои! — похвалил Дик Сэнд матросов. — А теперь займемся грот-мачтой. Только смотрите, Геркулес, ничего не рвите и не ломайте.

— Постараюсь, — кротко ответил великан, не решаясь дать твердое обязательство.

Второй маневр дался матросам уже легче. Косой грот был поставлен под нужным углом, он сразу наполнился ветром, и его мощное действие прибавилось к действию передних парусов.

Затем над косым гротом подняли топсель, и, так как он был просто взят на гитовы¹, достаточно было подобрать фал, выбрать галс, а затем закрепить их. Но Геркулес, его друг Актеон, не считая маленького Джека, взявшегося помогать им, выбрали фал с такой силой, что он лопнул.

Все трое опрокинулись навзничь, к счастью не причинив себе ни малейшего вреда. Мальчик был в восторге.

— Ничего, ничего! — крикнул молодой капитан. — Свяжите концы фала и тяните, только послабее!

Наконец паруса были закреплены надлежащим образом, и Дику Сэнду не пришлось даже отойти от штурвала. Теперь «Пилигрим» быстро шел на восток, и оставалось следить за тем, чтобы судно не отклонялось от курса. Это было проще простого, так как ветер был умеренный, и судно не рыскало.

— Отлично, друзья мои, — сказал Дик Сэнд. — Скоро вы станете настоящими моряками.

— Постараемся, капитан Сэнд, — ответил за всех старый Том.

Миссис Уэлдон тоже похвалила старательных матросов. Немало похвал заслужил и маленький Джек: ведь он трудился не покладая рук.

---

¹ Гитовы — снасти, служащие для подтягивания парусов; фал — снасть для подъема парусов; галс — снасть для закрепления нижнего наветренного угла нижних парусов; в ы б и р а т ь — тянуть, подтягивать.

— Мне кажется, Джек, что это ты оборвал фал,— улыбаясь, сказал Геркулес.— Ты такой сильный! Не знаю, что бы мы делали без тебя!

Мальчик покраснел от удовольствия и крепко потряс руку своего друга Геркулеса.

Однако «Пилигрим» нес еще не все паруса. Не были подняты брамсель, бом-брамсель и стаксели. А между тем при ходе в бакштаг они могли значительно ускорить ход «Пилигрима». Дик Сэнд решил поднять и эти паруса.

Если стаксели можно было поставить без особенного труда, прямо с палубы, то с прямыми парусами фок-мачты дело обстояло хуже: чтобы поднять их, нужно было взобраться на реи. Не желая подвергать риску свою неопытную команду, Дик Сэнд сам занялся этим делом.

Он передал Тому штурвал и показал, как следует вести судно. Затем, поставив Геркулеса, Бата, Актеона и Остина у гордней брамселя и бом-брамселя, он полез на мачту.

Взобраться по выбленкам вант фок-мачты, достигнуть марса, добраться до рея — для Дика было сущей игрой. Подвижный и ловкий юноша мигом побежал по пертам брам-реи и отдал сезни, стягивающие брамсель.

Потом он перебрался на бом-брам-рей¹ и быстро распустил парус. Покончив с этим делом, Дик Сэнд соскользнул по одному из фордунов² правого борта прямо на палубу.

Здесь по его указанию матросы растянули оба паруса, то есть притянули их шкотами за нижние углы к нокам³ ниже лежащих реев, и прочно закрепили шкоты.

Затем были подняты стаксели между грот-мачтой и фок-мачтой, и этим кончилась работа по подъему парусов.

Геркулес старался не тянуть снасти изо всех сил и ничего не разорвал на этот раз.

«Пилигрим» шел теперь на всех парусах.

Дик мог поставить еще лисели, но при таких условиях их было трудно ставить, еще труднее было бы быстро убрать их в случае шквала. Поэтому молодой капитан решил ограничиться уже поднятыми парусами.

Том получил разрешение отойти от штурвала, и Дик Сэнд снова стал на свое место.

Ветер свежел. «Пилигрим», слегка накренившись на правый борт, быстро скользил по морю. Плоский след, оставляемый им на воде, свидетельствовал об отличной форме подводной части судна.

— Вот мы и на правильном пути, миссис Уэлдон,— сказал Дик Сэнд.— Только бы, дай бог, удержался попутный ветер!

¹ Бом-брам-рей — четвертый снизу рей на мачте.

² Фордуны — снасти, крепящие верхние части мачт и стеньги с одним из бортов судна.

³ Ноки — оконечности реев.

Миссис Уэлдон пожала руку юноше. И вдруг она почувствовала сильную усталость от всех пережитых за последние часы волнений, ушла в свою каюту и задремала. Это было какое-то тяжелое забытие, а не сон.

Новая команда шхуны-брига осталась на палубе. Негры-матросы несли вахту на баке, готовые по первому слову Дика Сэнда выполнить любую работу, переменить положение парусов. Но, пока сила и направление ветра не изменились, команде нечего было делать.

Однако чем же занят был в это время кузен Бенедикт?

Кузен Бенедикт изучал при помощи лупы членистоногое насекомое, которое ему, наконец, удалось разыскать на борту «Пилигрима». Это было простое прямокрылое; головка его исчезала под выступающим краем переднегрудия, усики были длинные, а кожистые передние крылья превратились в надкрылья. Насекомое это принадлежало к отряду тараканов и к виду американских тараканов.

Кузену Бенедикту посчастливилось сделать эту находку на камбузе,— он подоспел как раз вовремя: Негоро только что занес ногу, чтобы безжалостно раздавить драгоценное насекомое. Ученый с негодованием обрушился на португальца. Заметим, впрочем, что гнев кузена Бенедикта не произвел никакого впечатления на кока.

Знал ли кузен Бенедикт, какие события разыгрались после того, как капитан Гуль и его спутники отправились на злополучную охоту за полосатиком? Конечно, знал. Больше того: он был на палубе, когда «Пилигрим» подошел к месту катастрофы, где еще плавали обломки разбитой шлюпки. Следовательно, экипаж шхуны-брига погиб на его глазах.

Предположить, что эта катастрофа не огорчила его, значило бы обвинить кузена Бенедикта в жестокосердии. Чувство сострадания не было ему чуждо, он жалел несчастных охотников. Он скорбел также о том, что кузина его оказалась в тяжелом положении. Он подошел к миссис Уэлдон и пожал ей руку, как бы говоря: «Не бойтесь! Разве я не с вами? При мне вам не грозит ничто!»

Затем он вернулся в свою каюту. Вероятно, он намеревался хорошенько обдумать, какие могут быть последствия этого прискорбного события, и наметить план решительных действий.

Но по дороге он наткнулся на упомянутого уже таракана, и таракан целиком поглотил его внимание. Ведь кузен Бенедикт намеревался доказать, и вполне основательно, что, вопреки мнению некоторых энтомологов, нравы тараканов, принадлежащих к роду фораспеев, замечательных своей окраской, совершенно отличны от нравов тараканов обыкновенных, и теперь он принялся за исследование, мгновенно позабыв, что на свете существует шхуна-бриг «Пилигрим», что ею командовал капитан Гуль и что этот несчастный погиб вместе со всем своим экипажем. Он

любовался своим тараканом, как будто это противное насекомое было редчайшим золотым жуком.

Жизнь на борту снова вошла в колею, хотя все еще долго пассажиры оставались под впечатлением страшной катастрофы, стоявшей жизни шести человекам.

В первый день Дик Сэнд прямо разрывался на части: он стремился привести судно в полный порядок, чтобы быть готовым ко всяким неожиданностям. Негры-матросы усердно исполняли все распоряжения. К вечеру на борту «Пилигрима» уже царил образцовый порядок. Можно было надеяться, что и дальше все пойдет хорошо.

Негоро не пытался больше оспаривать авторитет пятнадцатилетнего капитана. Казалось, он безмолвно признал Дика Сэнда начальством. Он по-прежнему много времени проводил на своем тесном камбузе и редко выходил на палубу.

Дик Сэнд твердо решил посадить Негоро под арест на все время плавания при малейшей попытке его нарушить дисциплину. По первому знаку молодого капитана Геркулес схватил бы кока за шиворот и отнес в трюм. Эта операция нисколько не затруднила бы великана. Старая Нан, умелая кухарка, отлично могла бы исполнять на камбузе обязанности кока. Очевидно, Негоро понимал, что он не является незаменимым, и, чувствуя, что за ним зорко следят, не желал навлечь на себя нареканий.

Ветер к вечеру усилился, но направление его оставалось неизменным, и до наступления ночи не пришлось переставлять паруса. Сolidные мачты, железные крепления их, хорошее состояние всей оснастки корабля позволяют сохранять такую большую парусность даже и при более сильном ветре.

К ночи корабли обычно уменьшают парусность главным образом за счет спуска верхних парусов — брамселя, бом-брамселя, топселя и других парусов. Тогда кораблю не страшны внезапно налетевшие шквалы. Но Дик Сэнд не стал принимать этих мер предосторожности: погода не предвещала никаких неприятных неожиданностей, и ему не хотелось уменьшать скорость судна, пока оно не выбралось из этой пустынной части океана. Кроме того, молодой капитан намеревался простоять на вахте первую ночь и лично следить за всем.

Мы уже упоминали, что лаг и компас были единственными приборами, которыми Дик Сэнд мог пользоваться для приблизительного счисления пути, пройденного «Пилигримом».

Молодой капитан приказал бросать лаг каждые полчаса и записывал показания прибора.

Что касается компаса, который называют также буссолью, то на борту их было два: один был установлен в нактоузе¹, перед глазами рулевого. Его картушка, днем освещенная солнечным

---

¹ Нактоуз — деревянный шкафчик, в котором устанавливается судовой компас, сверху закрывается медным колпаком, под которым укреплены лампы.

светом, а ночью двумя боковыми лампами, каждую минуту указывала направление, по которому следует судно.

Второй компас представлял собою перевернутую буссоль и был укреплен в каюте, которую занимал раньше капитан Гуль. Таким образом капитан, не выходя из каюты, мог всегда знать, ведет ли рулевой корабль точно по заданному курсу или, напротив, по неопытности или вследствие небрежности позволяет ему рыскать.

Все суда, совершающие дальние плавания, обычно имеют не меньше двух компасов, так же, как они запасаются по меньшей мере двумя хронометрами. Время от времени приходится сличать показания этих приборов, чтобы удостовериться, исправны ли они. «Пилигрим», как видим, не отставал в этом отношении от других судов.

Дик Сэнд предложил своему экипажу с величайшей осторожностью обращаться с обоими компасами, которые были ему так необходимы.

Но в ночь с 12 на 13 февраля, когда юноша нес вахту у штурвала, случилась беда с компасом, находившимся в капитанской каюте. Медный крючок, на котором он висел, вырвался из дерева, и компас упал на пол. Заметили это только на следующее утро.

Каким образом вырвался крючок?

Никто не мог объяснить, как произошло это несчастье. Оставалось предположить, что боковая качка постепенно расшатала крючок, а килевая, встряхивая прибор, довершила дело. Ночью было довольно сильное волнение. Но так или иначе, а второй компас разбился, и починить его было невозможно.

Дик Сэнд очень огорчился. Теперь он вынужден был доверяться показаниям компаса, заключенного в нактоузе. Никто не был ответствен за поломку второго компаса, и все же она могла иметь весьма неприятные последствия.

Дику Сэнду оставалось лишь принять меры к тому, чтобы оградить от всяких случайностей последний компас.

Если не считать этого происшествия, то на «Пилигриме» до сих пор все обстояло благополучно.

Видя, как спокоен Дик, миссис Уэлдон снова поверила в счастливый исход путешествия. Впрочем, она никогда не поддавалась отчаянию, ибо прежде всего полагалась на милость неба и черпала душевную бодрость в искренней вере и молитве.

Дик Сэнд распределил время так, что на его долю выпали ночные вахты у штурвала. Днем он спал пять-шесть часов, и, по видимому, этот недолгий сон восстанавливал его силы, — он не чувствовал большой усталости. Когда молодой капитан отдыхал, у штурвала стояли Том или его сын Бат. Благодаря толковому руководству Дика они мало-помалу становились неплохими рулевыми.

Часто миссис Уэлдон беседовала с Диком. Юноша очень ценил советы этой отважной и умной женщины. Ежедневно он

показывал ей на карте путь, пройденный «Пилигримом» за сутки, определяя его лишь по направлению судна и средней скорости его хода.

— Вот видите, миссис Уэлдон,— говорил он,— при таком попутном ветре перед нами скоро откроются берега Южной Америки. Я не решаюсь утверждать, но очень надеюсь, что мы окажемся тогда близ Вальпараисо.

Миссис Уэлдон не сомневалась, что «Пилигрим» держит правильный курс и что попутный северо-западный ветер несет его к намеченной цели. Но каким еще далеким казался берег Америки! Сколько опасностей подстерегало судно на пути к суше, хотя бы от тех перемен, какими грозят и небо и море!

Беспечный, как все дети его возраста, Джек по-прежнему шалил, бегал по палубе, играл с Динго. Он замечал, конечно, что Дик уделяет ему теперь меньше времени, но миссис Уэлдон сумела внушить сыну, что не следует отрывать Дика от работы, и послушный мальчик не приставал больше к «капитану Сэнду».

Так текла жизнь на борту «Пилигрима». Негры все больше усваивали свое матросское ремесло и толково справлялись с делом. Старый Том выполнял обязанности боцмана, и, несомненно, сотоварищи сами выбрали бы его на эту должность. В те часы, когда молодой капитан отдыхал, Том был начальником вахты; вместе с ним дежурили Бат и Остин; Актеон и Геркулес составляли вторую вахту под начальством Дика Сэнда. Таким образом, каждый раз один правил, а двое других несли вахту на носу.

Судно находилось в пустынной части океана, и здесь можно было не опасаться столкновения со встречным кораблем. Но Дик Сэнд требовал от вахтенных настороженной бдительности. С наступлением темноты он приказывал зажигать ходовые огни: зеленый фонарь по правому борту и красный — по левому,— требование, конечно, вполне разумное.

Ночь за ночью Дик Сэнд проводил у штурвала. Иногда он совсем изнемогал, чувствовал непреодолимую слабость, рука его почти инстинктивно правила тогда рулем. Усталость, с которой он не хотел считаться, брала свое.

В ночь с 13 на 14 февраля Дику пришлось разрешить себе несколько часов отдыха. У штурвала его заменил старик Том.

Небо сплошь затягивали облака; к вечеру, когда похолодало, они нависли очень низко. Было так темно, что с палубы нельзя было разглядеть верхние паруса, терявшиеся во мраке. Геркулес и Актеон несли вахту на баке.

На корме слабо светился нактоуз, и этот мягкий свет отражался в металлической отделке штурвала. Ходовые огни бросали свет лишь за борт, а палуба судна погружена была в темноту.

Около трех часов ночи со старым Томом, утомленным долгой вахтой, произошло что-то похожее на явление гипнотизма: глаза его, слишком долго устремлявшиеся на светящийся круг нактоуза, вдруг перестали видеть, и он оцепенел в сковавшей его дре-

моте. Он не только ничего не видел, но если бы даже его сильно ушибнули, он, вероятно, ничего не почувствовал бы.

Он не заметил, как по палубе скользнула какая-то тень.

Это был Негоро.

Судовой кок подкрался к компасу и подложил под нактоуз какой-то тяжелый предмет, который он принес с собой.

С минуту он смотрел на освещенную в нактоузе картушку и затем бесшумно исчез.

Если бы Дик Сэнд, сменивший поутру Тома, заметил предмет, положенный Негоро под нактоуз, он поспешил бы убрать его, потому что Негоро положил под компас железный брусок. Под влиянием этого куска железа показания компаса изменились, и вместо того, чтобы указывать направление на магнитный полюс, которое немного отличается от направления на полюс мира, стрелка указывала теперь на северо-восток; девиация компаса достигла четырех румбов¹, то есть половины прямого угла.

Том через мгновение очнулся. Он бросил взгляд на компас... Ему показалось — могло ли быть иначе? — что «Пилигрим» сошел с курса.

Том повернул штурвал и направил корабль прямо на восток... Так ему, по крайней мере, казалось.

Но вследствие отклонения стрелки, о котором вахтенный рулевой, конечно, и не подозревал, курс корабля, измененный на четыре румба, взят был теперь на юго-восток.

Таким образом, «Пилигрим» уклонился от заданного курса на 45', продолжая нестись вперед с прежней скоростью.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Буря

За всю следующую неделю, с 14 по 21 февраля, на судне не произошло ничего примечательного. Северо-западный ветер все усиливался, и «Пилигрим» быстро продвигался вперед, делая в среднем по сто шестьдесят миль в сутки. Большого и нельзя было требовать от судна такого тоннажа.

Дик Сэнд предполагал, что шхуна-бриг приближается к водам, посещаемым трансокеанскими пароходами, которые поддерживают пассажирское сообщение между двумя полушариями.

Юноша все надеялся встретить один из таких пароходов и твердо решил либо переправить на него своих пассажиров, либо добиться у капитана помощи: получить на «Пилигрим» временное подкрепление из нескольких матросов, а может быть, и офицера. Зорким взглядом он неустанно всматривался вдаль и все не обнаруживал ни одного судна. Море по-прежнему оставалось пустынным.

¹ Один румб равен $\frac{1}{32}$ доли окружности, то есть $11^{\circ}15'$.

Это не могло не удивлять Дика Сэнда. Молодой матрос, участвовавший уже в трех дальних плаваниях на китобойных судах, несколько раз пересекал эту часть Тихого океана, где, по его расчетам, находился сейчас «Пилигрим». При этом он неизменно встречал то американское, то английское судно, которые либо поднимались от мыса Горн к экватору, либо спускались к этой крайней южной точке американского континента.

Но Дик Сэнд не знал и не мог даже подозревать, что сейчас «Пилигрим» идет на более высокой широте, то есть гораздо южнее, чем он предполагал. Это обуславливалось двумя причинами.

Во-первых, течениями. Дик Сэнд имел лишь смутное представление об их скорости. Между тем течения здесь были сильные, и они незаметно для глаз, но непрерывно сносили корабль в сторону от курса, а Дик не мог установить это.

Во-вторых, компас, испорченный преступной рукой Негоро, давал неправильные показания, а Дик Сэнд не мог их проверить, так как второй компас был сломан.

Итак, молодой капитан считал — и не мог не считать, — что ведет судно на восток, в действительности же вел его на юго-восток.

Компас всегда находился перед его глазами. Лаг регулярно опускали за борт. Эти два прибора позволяли приблизительно определять число пройденных миль и вести судно по курсу. Но достаточно ли этого было?

Дик Сэнд всячески старался внушить бодрость миссис Уэлдон, которую иногда тревожили тяжелые мысли.

— Неделей раньше или недель позже, — говорил он ей, — но мы доберемся до американского побережья. И не так уж важно, в каком месте мы пристанем... Главное то, что мы все-таки выйдем на берег!

— Я не сомневаюсь в этом, Дик!

— Разумеется, миссис Уэлдон, я был бы куда спокойнее, если бы вас не было на борту, если бы мне приходилось нести ответственность только за экипаж, но...

— Но если бы случай не привел меня на борт, — ответила мисс Уэлдон, — если бы кузен Бенедикт, Джек, Нан и я не плыли на «Пилигриме», если бы в море не подобрали Тома и его товарищей, то ведь тебе, мой мальчик, пришлось бы остаться с глазу на глаз с Негоро... А разве ты можешь питать доверие к этому злому человеку? Что бы ты тогда сделал?

— Прежде всего, — решительно сказал юноша, — я лишил бы Негоро возможности вредить...

— И один управился бы с судном?

— Да, один... с помощью божьей.

Твердый и решительный тон юноши успокаивал миссис Уэлдон. И все же она не могла отделаться от тревожного чувства, когда смотрела на своего маленького сына. Мужественная жен-

щина старалась ничем не проявлять своего беспокойства, но как щемило материнское сердце от тайной тоски!

Если молодой капитан еще не обладал достаточными знаниями по гидрографии, чтобы определять место своего корабля в море, зато у него было чутье истого моряка и «чувство погоды». Вид неба и моря, во-первых, и показания барометра, во-вторых, подготавливали его наперед ко всем неожиданностям.

Капитан Гуль, хороший метеоролог, научил его понимать показания барометра. Мы вкратце расскажем, как надо пользоваться этим замечательным прибором¹.

«1. Когда после долгого периода хорошей погоды барометр начинает резко и непрерывно падать — это верный признак дождя. Однако если хорошая погода стояла очень долго, то ртутный столбик может опускаться два-три дня, и лишь после этого произойдут в атмосфере сколько-нибудь заметные изменения. В таких случаях чем больше времени прошло между началом падения ртутного столба и началом дождей, тем дольше будет стоять дождливая погода.

2. Напротив, если во время долгого периода дождей барометр начнет медленно, но непрерывно подниматься, можно с уверенностью предсказать наступление хорошей погоды. И хорошая погода удержится тем дольше, чем больше времени прошло между началом подъема ртутного столба и первым ясным днем.

3. В обоих случаях изменение погоды, происшедшее сразу после подъема или падения ртутного столба, удерживается весьма непродолжительное время.

4. Если барометр медленно, но беспрерывно поднимается в течение двух-трех дней и дольше, это предвещает хорошую погоду, хотя бы все эти дни и лил, не переставая, дождь, и *vice versa*². Но если барометр медленно поднимается в дождливые дни, а с наступлением хорошей погоды тотчас же начинает падать, — хорошая погода удержится очень недолго, и *vice versa*.

5. Весной и осенью резкое падение барометра предвещает ветреную погоду. Летом, в сильную жару, оно предсказывает грозу. Зимой, особенно после продолжительных морозов, быстрое падение ртутного столба говорит о предстоящей перемене направления ветра, сопровождающейся оттепелью и дождем. Напротив, повышение ртутного столба во время продолжительных морозов предвещает снегопад.

6. Частые колебания уровня ртутного столба, то поднимающегося, то падающего, ни в коем случае не следует рассматривать как признак приближения длительного периода сухой либо дождливой погоды. Только постепенное и медленное падение

---

¹ Извлечено из «Иллюстрированного словаря» Ворпьера. (Примеч. авт.)

² И наоборот (лат.).

или повышение ртутного столба предвещает наступление долгого периода устойчивой погоды.

7. Когда в конце осени, после долгого периода ветров и дождей, барометр начинает подниматься, это предвещает северный ветер и наступление морозов».

Вот общие выводы, которые можно сделать из показаний этого ценного прибора.

Дик Сэнд отлично умел разбираться в предсказаниях барометра и много раз убеждался, насколько они правильны. Каждый день он советовался со своим барометром, чтобы не быть застигнутым врасплох переменной погоды.

Двадцатого февраля юношу обеспокоили показания барометра, и несколько раз в день он подходил к прибору, чтобы записать колебания ртутного столба. Барометр медленно и непрерывно падал. Это предсказывало дождь. Но так как дождь все не начинался, Дик Сэнд пришел к выводу, что дурная погода продержится долго. Так и должно было произойти.

Но вместе с дождем в это время года должен был прийти и сильный ветер. В самом деле, через день ветер посвежел настолько, что скорость перемещения воздуха достигла шестидесяти футов в секунду, то есть тридцати одной мили в час¹.

Молодому капитану пришлось принять некоторые меры предосторожности, чтобы ветер не изорвал паруса «Пилигрима» и не сломал мачты.

Он велел убрать бом-брамсель, топсель и кливер, но, сочтя это недостаточным, вскоре приказал еще опустить брамсель и взять два рифа на марселе.

Этот последний маневр нелегко было выполнить с таким неопытным экипажем. Но нельзя было останавливаться перед трудностями, и, действительно, они никого не остановили.

Дик Сэнд в сопровождении Бата и Остина взобрался на рей и, правда не без труда, убрал брамсель. Если бы падение барометра не было таким зловещим, он оставил бы на мачте оба рея. Но когда ветер переходит в ураган, нужно уменьшить не только площадь парусов, но и облегчить мачты: чем меньше они нагружены, тем лучше переносят сильную качку. Поэтому Дик спустил оба рея на палубу.

Когда работа была закончена,— а она отняла около двух часов,— Дик Сэнд и его помощники взяли два рифа на марселе. У «Пилигрима» не было двойного марселя, какой ставят теперь на большинстве судов. Экипажу пришлось, как в старину, бегать по пертам, ловить хлопающий по ветру конец паруса, притягивать его и затем уже накрепко привязывать линиями². Работа была трудная, долгая и опасная; но в конце концов площадь марселя была уменьшена, и шхуна-бриг пошла ровнее.

---

¹ То есть 57,5 километра. (Примеч. авт.).

² Линь — трос тоньше двух с половиной сантиметра.

Дик Сэнд, Бат и Остин спустились на палубу только тогда, когда «Пилигрим» был подготовлен к плаванию при очень свежем ветре, как называют моряки погоду, именуемую на суше бурей.

В течение следующих трех дней — 20, 21 и 22 февраля — ни сила, ни направление ветра заметно не изменились. Барометр неуклонно падал, и двадцать второго Дик отметил, что он стоит ниже двадцати восьми и семи десятых дюйма¹.

Не было никакой надежды на то, что барометр начнет в ближайшие дни подниматься. Небо грозно хмурилось, пронзительно свистел ветер. Над морем все время стоял туман. Темные тучи так плотно затягивали небо, что почти невозможно было определить место восхода и захода солнца.

Дик Сэнд начал тревожиться. Он не покидал палубы, он почти не спал. Но силой воли он заставлял себя хранить невозмутимый вид.

Двадцать третьего февраля утром ветер как будто начал утихать, но Дик Сэнд не верил, что погода улучшится. И он оказался прав: после полудня задул крепкий ветер, и волнение на море усилилось.

Около четырех часов пополудни Негоро, редко покидавший свой камбуз, вышел на палубу. Динго, очевидно, спал в каком-нибудь уголке: на этот раз он, против своего обыкновения, не залаял на судового кока.

Молчаливый, как всегда, Негоро с полчаса простоял на палубе, пристально всматриваясь в горизонт.

По океану катились длинные волны. Они сменяли одна другую, но еще не сталкивались. Волны были выше, чем обычно бывают при ветре такой силы. Отсюда следовало заключить, что неподалеку на западе свирепствовал сильнейший шторм и что он в самом скором времени догонит корабль.

Негоро обвел глазами взбаламученную водную ширь вокруг «Пилигрима», а затем поднял к небу всегда спокойные холодные глаза.

Вид неба внушал тревогу.

Облака перемещались с неодинаковой скоростью — верхние тучи бежали гораздо быстрее нижних. Нужно было ожидать, что в непродолжительном времени воздушные потоки, несущиеся в небе, опустятся к самой поверхности океана. Тогда вместо очень свежего ветра разыграется буря, то есть воздух будет перемещаться со скоростью сорок три мили в час.

Негоро либо ничего не смыслил в морском деле, либо это был человек бесстрашный: на лице его не отразилось ни тени беспокойства. Больше того: злая улыбка скривила его губы. Можно

---

¹ Шкала английских и американских барометров поделена на дюймы и линии; 28,7 дюйма равняются 728 миллиметрам. (Примеч. авт.)

было подумать, что такое состояние погоды скорее радует, чем огорчает его.

Он влез верхом на бушприт и пополз к бом-утлегарю. Казалось, что он силится что-то разглядеть на горизонте. Затем он спокойно слез на палубу и, не вымолвив ни слова, скрылся в своей каюте.

Среди всех этих тревожных предзнаменований одно обстоятельство оставалось неизменно благоприятным для «Пилигрима»: ветер, как бы силен он ни был, оставался попутным. Все на борту знали, что, превратись он даже в ураган, «Пилигрим» только скорее приблизится к американскому берегу. Сама по себе буря еще ничем не угрожала такому надежному судну, как «Пилигрим», и действительные опасности начнутся лишь тогда, когда нужно будет пристать к незнакомому берегу.

Эта мысль весьма беспокоила Дика Сэнда. Как поступить, если судно очутится в виду пустынной земли, где нельзя найти лоцмана или рыбака, знающего ее берега? Что делать, если непогода заставит искать убежище в каком-нибудь совершенно не известном уголке побережья? Без сомнения, сейчас еще не время было ломать себе голову над такими вопросами, но рано или поздно они могут возникнуть, и тогда нужно будет решать быстро.

Что ж, когда настанет час, Дик Сэнд примет решение!

В продолжение следующих тринадцати дней — от 24 февраля до 9 марта — погода почти не изменилась. Небо по-прежнему заволакивали тяжелые, темные тучи. Иногда ветер утихал, но через несколько часов снова начинал дуть с прежней силой. Раз два-три ртутный столб в барометре начинал ползти вверх; но, поднявшись на несколько линий, снова падал. Колебания атмосферного давления были резкими, и это не предвещало перемены погоды к лучшему, по крайней мере, на ближайшее время.

Несколько раз раздражались сильные грозы; они очень тревожили Дика Сэнда. Молнии ударяли в воду в расстоянии всего лишь одного кабельтова от судна. Часто выпадали проливные дожди, и «Пилигрим» теперь почти все время был окружен густым клубившимся туманом. Случалось, вахтенный часами ничего не мог разглядеть, и судно шло наугад.

Корабль хорошо держался на волнах, но его все-таки жестоко качало. К счастью, миссис Уэлдон прекрасно выносила и боковую и килевую качку. Но бедный Джек очень мучился, и мать заботливо ухаживала за ним.

Кузен Бенедикт страдал от качки не больше, чем американские тараканы, в обществе которых он проводил все свое время. По целым дням энтомолог изучал свои коллекции, словно сидел в своем спокойном кабинете в Сан-Франциско.

По счастью, и Том и остальные негры не были подвержены морской болезни: они по-прежнему исполняли все судовые работы по указанию молодого капитана. А уж он-то сам давно привык ко всякой качке на корабле, гонимом буйным ветром.

«Пилигрим» быстро несясь вперед, несмотря на малую парусность, и Дик Сэнд предвидел, что скоро придется еще уменьшить ее. Однако он не спешил с этим, пока не было непосредственной опасности.

По расчетам Дика, земля была уже близко. Он приказал вахтенным быть настороже. Но молодой капитан не надеялся, что неопытные матросы заметят издали появление земли. Ведь недостаточно обладать хорошим зрением, чтобы различить смутные контуры земли на горизонте, затянутом туманом. Поэтому Дик Сэнд часто сам взбирался на мачту и подолгу вглядывался в горизонт.

Но берег Америки все не показывался.

Молодой капитан недоумевал. По нескольким словам, вырвавшимся у него, миссис Уэлдон догадалась об этом.

Девятого марта Дик Сэнд стоял на носу. Он то смотрел на море и на небо, то переводил взгляд на мачты «Пилигрима», которые гнулись под сильными порывами ветра.

— Ничего не видно, Дик? — спросила миссис Уэлдон, когда юноша отвел от глаз подзорную трубу.

— Ничего, миссис Уэлдон, решительно ничего... А между тем ветер — кстати, он как будто еще усиливается — разогнал туман на горизонте...

— А ты по-прежнему считаешь, что теперь американский берег недалеко?

— Несомненно, миссис Уэлдон. Меня очень удивляет, что мы еще его не видим.

— Но корабль ведь все время шел правильным курсом?

— О да! Все время, с тех пор как подул северо-западный ветер, — ответил Дик Сэнд. — Если помните, это произошло десятого февраля, в тот злополучный день, когда погиб капитан Гуль и весь экипаж «Пилигрима». Сегодня девятое марта, значит, прошло двадцать семь дней!

— На каком расстоянии от материка мы были тогда? — спросила миссис Уэлдон.

— Примерно в четырех тысячах пятистах милях, миссис Уэлдон. Если что-нибудь другое и может вызывать у меня сомнения, то уж в этой цифре я уверен. Ошибка не может превышать двадцать миль в ту или другую сторону.

— А с какой скоростью шел корабль?

— С тех пор как ветер усилился, мы в среднем проходим по сто восемьдесят миль в день. Поэтому-то я и удивлен, что до сих пор не видно земли. Но еще удивительнее то, что мы за последние дни не встретили ни одного корабля, а между тем эти воды часто посещаются судами.

— Не ошибся ли ты в вычислении скорости хода? — спросила миссис Уэлдон.

— Нет, миссис Уэлдон! На этот счет я совершенно спокоен. Никакой ошибки быть не может. Лаг бросали каждые полчаса, и я всякий раз сам записывал его показания. Хотите, я сейчас

прикажу снова бросить лаг: вы увидите, что мы идем со скоростью десять миль в час, то есть с суточной скоростью свыше двухсот миль!

Дик Сэнд позвал Тома и велел ему бросить лаг. Эту операцию старый негр проделывал теперь с большим искусством. Принесли лаг, Том проверил, прочно ли он привязан к линю, и бросил его за борт. Но едва он вытравил двадцать пять ярдов¹, как вдруг лить провис.

— Ах, капитан! — воскликнул Том.

— Что случилось, Том?

— Лить лопнул!

— Лопнул лить? — воскликнул Дик. — Значит, лаг пропал!

Старый негр вместо ответа показал обрывок линя, оставшийся у него в руке.

Несчастье действительно произошло. Лаг привязан был прочно, лить оборвался посередине. А между тем лить был скручен из прядей наилучшего качества. Он мог лопнуть только в том случае, если волокна на месте обрыва основательно перетерлись. Так оно и оказалось, Дик Сэнд убедился в этом, когда взял в руки конец линя. «Но почему перетерлись волокна? Неужели от частого употребления лага?» — недоверчиво думал юноша и не находил ответа на этот вопрос.

Как бы там ни было, лаг пропал безвозвратно, и Дик Сэнд лишился теперь возможности определять скорость движения судна. У него оставался только один прибор — компас.

Но Дик не знал, что показания этого компаса неверны!

Видя, что Дик очень огорчен этим происшествием, миссис Уэлдон не стала продолжать расспросы. С тяжелым сердцем она удалилась в каюту.

Но хотя теперь уже нельзя было определять скорость хода «Пилигрима», а следовательно и вычислять пройденный им путь, однако и без лага легко было заметить, что скорость судна не уменьшается.

На следующий день, 10 марта, барометр упал до двадцати восьми и двух десятых дюйма². Это предвещало приближение порывов ветра, несущегося со скоростью около шестидесяти миль в час.

Безопасность судна требовала, чтобы площадь поднятых парусов была немедленно уменьшена, иначе судну грозила опасность.

Дик Сэнд решил спустить фор-брам-стенгу и грот-стенгу, убрать основные паруса и следовать дальше только под стакселем и зарифленным марселем.

Он вызвал Тома и всех его товарищей на палубу — этот трудный маневр мог выполнить только весь экипаж сообща. К

¹ Ярд — английская мера длины. Равен 3 футам, или 91,4 сантиметра.

² 716 миллиметров.

несчастьем, уборка парусов требовала довольно продолжительного времени, а между тем буря с каждой минутой все усиливалась.

Дик Сэнд, Остин, Актеон и Бат поднялись на реи. Том встал у штурвала, а Геркулес остался на палубе, чтобы травить шкоты, когда это понадобится.

После долгих безуспешных попыток фор-брам-стенга и грот-стенга были, наконец, спущены. Мачты так раскачивались, и ветер задувал с такой бешеной силой, что этот маневр едва не стоил жизни смельчакам матросам — сотни раз они рисковали полететь в воду. Затем взяли рифы на марселе, фок убрали, и шхуна-бриг не несла теперь других парусов, кроме стакселя и зарифленного марселя.

Несмотря на малую парусность, «Пилигрим» продолжал быстро нестись по волнам.

Двенадцатого марта погода стала еще хуже. В этот день, взглянув на барометр, Дик Сэнд похолодел от ужаса: ртутный столб упал до двадцати семи и девяти десятых дюйма¹.

Это предвещало сильнейший ураган. «Пилигрим» не мог нести даже немногих оставленных парусов.

Видя, что ветер, того и гляди, изорвет марсель, Дик Сэнд приказал убрать парус.

Но приказание его запоздало. Страшный шквал, налетевший в это время на судно, мигом сорвал и унес парус. Остина, находившегося на брам-рее, ударило свободным концом гордея. Он получил довольно легкий ушиб и мог сам спуститься на палубу.

Дика Сэнда охватила страшная тревога: по его расчетам с минуты на минуту должен был показаться берег, и он боялся, что мчавшееся с огромной скоростью судно с разбегу налетит на прибрежные рифы.

Он бросился на нос и стал вглядываться вдаль. Однако впереди не было видно никаких признаков земли.

Дик вернулся к штурвалу. Через минуту на палубу вышел Негоро. словно против воли, он вытянул руку, указывая на какую-то точку на горизонте. Можно было подумать, что он видит знакомый берег в тумане...

Снова злая усмешка мелькнула на лице португальца, и, не промолвив ни слова, он вернулся в камбуз.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Остров на горизонте

В этот день разразился ураган — самая ужасная форма бури. Воздушные потоки неслись теперь с юго-запада со скоростью девяносто миль в час.

---

¹ 709 миллиметров.

Это был настоящий ураган, один из тех, которые швыряют на берег суда, стоящие в порту на якорях, срывают с домов крыши и валят на землю прочные строения. Таков был ураган, разрушивший 23 июля 1825 года Гваделупу.

Если ураганный ветер может сбросить с лафетов тяжелые орудия, то легко себе представить, как он швыряет судно, не имеющее другой точки опоры, кроме разбушевавшихся волн.

Но в этой подвижности и заключается для корабля единственная надежда на спасение. Корабль не пытается противостоять страшным порывам ветра, он уступает им, и, если только его конструкция прочна, он может устоять перед любым неистовством бури.

Так было и с «Пилигримом».

Через несколько минут после того, как ветер унес марсель, новый порыв изодрал в клочья стаксель. Дик Сэнд не мог поставить даже трисель, хотя этот маленький кусок прочной парусины значительно облегчил бы управление судном.

Все паруса на «Пилигриме» были убраны, но ветер давил на корпус судна, на мачты, на такелаж, и корабль мчался с огромной скоростью. Порой казалось даже, что он выскакивает из волн и мчится, едва касаясь воды. Судно отчаянно подбрасывало на громадных валах, катившихся по океану, и эта килевая качка была страшна.

Но волны угрожали судну и предательским ударом сзади, потому что целые горы воды неслись по морю, и скорее, чем шхуна-бриг. Когда корма недостаточно быстро поднималась на гребень набегавшего сзади вала, он грозил обрушиться на нее и утопить корабль. В этом-то и заключалась главная опасность для судов, убегающих от бури.

Но как бороться с этой опасностью? Ускорить ход «Пилигрима» было нельзя — ведь на судне все паруса были убраны, а поставить их — не уцелел бы даже крошечный лоскутик. Единственное, что оставалось делать, — это держать нос вразрез волне при посредстве руля, но судно часто не слушалось руля.

Дик Сэнд не отходил от штурвала. Он привязал себя веревкой, чтобы какая-нибудь шальная волна не смыла его в море. Том и Бат, также привязанные, стояли рядом, готовые прийти на помощь своему капитану. На носу дежурили, ухватившись за битенг¹, Геркулес и Актеон.

Миссис Уэлдон, маленький Джек, старая Нан и кузен Бенедикт, повинуясь приказу Дика Сэнда, не покидали свои каюты. Миссис Уэлдон охотнее осталась бы на палубе, но Дик категорически воспротивился этому — он не мог позволить ей без нужды рисковать жизнью.

Все люки были наглухо задраены. Дик надеялся, что они вы-

---

¹ Битенг — стойка или тумба на парусном судне, предназначенные для крепления якорного каната, когда судно стоит на якорю.

держат даже в том случае, если, по несчастью, волна обрушится на судно. Но если они не выдержат тяжести воды, случится беда: корабль наполнится водой, потеряет плавучесть и пойдет ко дну. К счастью, «Пилигрим» был правильно нагружен, и, несмотря на страшную качку, груз в трюмах не сдвинулся с места.

Дик еще больше сократил часы, отведенные им для сна. Миссис Уэлдон начала даже тревожиться, как бы он не заболел от переутомления. Она настояла, чтобы Дик хотя бы ненадолго лег спать.

В ночь с 13 на 14 марта, в то время как Дик отдыхал, произошло следующее.

Том и Бат находились на корме. Негоро — он редко появлялся в этой части корабля — неожиданно подошел к ним и даже попытался завести разговор. Но ни старик Том, ни его сын ничего не ответили ему.

Вдруг судно резко накренилось на борт. Негоро упал и, наверное, был бы снесен в море, если бы не успел уцепиться за нактоуз.

Том вскрикнул: он испугался за компас.

Дик Сэнд, расслышав сквозь сон этот крик, мгновенно выбежал на палубу и бросился на корму.

Но Негоро уже поднялся на ноги. В руках у него был железный брусок, который он вынул из-под нактоуза. Он выбросил этот брусок в воду, прежде чем Дик увидел его.

Значит, Негоро хотел, чтобы стрелка компаса снова указывала правильное направление? По-видимому, юго-западный ветер, гнавший теперь судно вперед, служил его тайным целям.

— Что случилось? — спросил юноша.

— Да вот проклятый кок упал на компас! — ответил Том.

В страшной тревоге Дик нагнулся к нактоузу — он был не вредим, и компас, освещенный лампочками, по-прежнему покоился на двух concentрических кругах своего подвеса.

Молодой капитан вздохнул с облегчением. Если бы испортился единственный компас, это было бы непоправимым несчастьем.

Но Дик Сэнд не мог знать, что после того, как из-под нактоуза был убран железный брусок, стрелка компаса заняла вновь нормальное положение и указывала своим острием прямо на магнитный полюс.

Негоро нельзя было винить за то, что он упал на компас (это могло быть простой случайностью), но все же Дик Сэнд вправе был удивиться, застав его в такой поздний час на корме судна.

— Что вы делаете здесь? — спросил он.

— То, что мне нравится, — отвечал Негоро.

— Что вы сказали?.. — сердито крикнул Дик.

— Я сказал, — спокойно ответил судовой кок, — что нет правила, которое запрещало бы гулять по корме.

— Такого правила не было, но с этого часа я его устанавливаю, — сказал Дик Сэнд. — Я запрещаю вам ходить на корму!

— Вот как! — насмешливо протянул Негоро.

И этот человек, обычно так хорошо владевший собой, сделал угрожающее движение.

Молодой капитан выхватил из кармана револьвер и прицелился в судебного кока.

— Негоро,— сказал он,— знайте, что я никогда не расстанусь с револьвером и что при первом же случае нарушения дисциплины я прострелю вам голову!

Негоро вдруг почувствовал, что какая-то непреодолимая сила клонит его к палубе. Это Геркулес положил свою тяжелую руку ему на плечо.

— Капитан Сэнд,— сказал великан,— разрешите мне выбросить этого негодяя за борт? Акулы будут довольны. Они ведь ничем не брезгают.

— Нет, еще не время, Геркулес,— ответил Дик Сэнд.

Негоро выпрямился, когда гигант снял руку с его плеча. Проходя мимо Геркулеса, он пробормотал сквозь зубы:

— Погоди, проклятый негр, ты дорого заплатишь мне за это!

Направление ветра изменилось, по крайней мере, так подумал Дик Сэнд, посмотрев на компас,— он перескочил сразу на четыре румба. Юношу очень удивило, что такая резкая перемена никак не отразилась на море.

Судно шло прежним курсом, но волны, вместо того чтобы ударять в корму, били теперь под углом в левый борт. Такое положение было опасным, и Дику Сэнду пришлось, спасаясь от этих коварных ударов волн, изменить курс на четыре румба.

Тревожные мысли не давали покоя молодому капитану. Он спрашивал себя, не существовало ли связи между сегодняшним нечаянным падением Негоро и поломкой первого компаса. Зачем пришел на корму судовой кок? Что ему было делать там? Может быть, он почему-либо заинтересован в том, чтобы и второй компас пришел в негодность? Для чего это могло ему понадобиться? Дик не мог найти объяснения этой загадке. Ведь Негоро не меньше, чем все остальные, должен был желать поскорее добраться до американского материка.

Миссис Уэлдон, когда Дик Сэнд рассказал ей об этом происшествии, заметила, что и она не доверяет Негоро, но не видит оснований подозревать его в предумышленной порче навигационных приборов.

Все же осторожности ради Дик решил постоянно наблюдать за Негоро. Не довольствуясь этим, он переселил Динго на корму, зная, что судовой кок избегает собаки. Но Негоро помнил запрет молодого капитана и больше не показывался на корме, где ему решительно нечего было делать по своим служебным обязанностям.

Всю неделю буря свирепствовала с прежней силой. Барометр упал еще ниже. С 14 по 26 марта ветер не спадал ни на минуту, так что нельзя было выбрать момента затишья, чтобы поставить паруса.

«Пилигрим» неся на северо-восток со скоростью не менее двухсот миль в сутки, а земля все не показывалась! Между тем эта земля — континент Америки — огромным барьером протянулась более чем на сто двадцать градусов между Тихим и Атлантическим океанами.

Дик Сэнд спрашивал себя, не потерял ли он рассудка, не совершил ли он какой-нибудь ужасной ошибки в счислении — ошибки, вследствие которой «Пилигрим» уже много дней идет по неправильному курсу. Но нет, он не мог так ошибиться. Солнце, хоть и пряталось за тучами, неизменно всходило перед носом корабля и закатывалось позади кормы. Что же в таком случае произошло с землей, о которую его корабль мог разбиться? Куда девалась эта Америка, если ее нет здесь? Северная или Южная Америка — все было возможно в этом хаосе, — но к одной из двух должен был пристать «Пилигрим». Что произошло с начала этой ужасной бури? Что происходит сейчас, если этот берег — к счастью или несчастью путников — все не появлялся перед их глазами? И не следовало ли предположить, что компас обманул их? Ведь Дик не мог проверить его показания после того, как был испорчен второй компас? Предположение это все крепло у Дика, потому что только оно одно могло объяснить, почему до сих пор не видно никакой земли.

Все время, свободное от дежурства у штурвала, Дик внимательно изучал карту. Но сколько он ни вопрошал карту, он не находил объяснения непостижимой загадке.

Около восьми часов утра 26 марта произошло событие величайшей важности.

Вахтенный — это был Геркулес — вдруг закричал:

— Земля! Земля!

Дик Сэнд ринулся на бак. Геркулес не был моряком. Может быть, глаза обманывали его?

— Где земля? — крикнул Дик.

— Там! — ответил Геркулес, указывая рукой на едва различимую точку в северо-восточной части горизонта. Голос его был едва слышен среди отчаянного рева ветра и моря.

— Вы видели землю? — переспросил юноша.

— Да! — ответил Геркулес, кивая головой.

И он снова протянул руку, указывая на северо-восток. Юноша вперил глаза вдаль... и ничего не увидел.

В эту минуту, нарушая обещание, данное Дику, на палубу вышла миссис Уэлдон — она услышала восклицание Геркулеса.

— Миссис Уэлдон! — крикнул Дик.

Слов миссис Уэлдон нельзя было расслышать; она тоже пыталась разглядеть землю, которую заметил Геркулес, и, казалось, вся жизнь ее сосредоточилась в этом взгляде.

Но, очевидно, Геркулес указывал неверное направление — ни миссис Уэлдон, ни Дик ничего не обнаружили на горизонте.

Но вдруг Дик в свою очередь вытянул руку вперед.

— Да! Земля! Земля! — крикнул он.

В просвете между тучами показалось что-то похожее на горную вершину. Глаза моряка не могли ошибиться: это была земля.

— Наконец-то, наконец-то! — повторял он вне себя от радости.

Дик крепко ухватился за поручни; миссис Уэлдон поддерживал Геркулес, она не сводила глаз с земли, которую уже не чаяла увидеть.

Берег находился в десяти милях с подветренной стороны, по левому борту. Просвет между тучами увеличился, показался кусок неба. И теперь уже явственно можно было различить высокую вершину горы. Без сомнения, это был какой-нибудь мыс на американском континенте.

«Пилигрим», плывший с оголенными мачтами, не мог держать курс на этот мыс. Но судно неизбежно должно было подойти к земле — это стало вопросом нескольких часов. Было уже восемь часов утра; значит, до наступления полудня «Пилигрим» подойдет к самому берегу.

По знаку юного капитана Геркулес отвел в каюту миссис Уэлдон: в такую сильную качку она не могла бы сама пройти по палубе.

Постояв еще минутку на носу, молодой капитан вернулся к штурвалу, у которого стоял Том.

Наконец-то Дик увидел эту долгожданную и такую желанную землю! Почему же вместо радости он испытывал страх? Потому что появление земли под ураганным ветром перед быстро несущимся кораблем означало крушение со всеми его ужасными последствиями.

Прошло два часа. Скалистый мыс был уже виден на траверсе¹.

В этот момент Негоро снова появился на палубе. Он пристально посмотрел на берег, кивнул головой с многозначительным видом человека, знающего то, чего не знают другие, и, пробормотав какое-то слово, которое никто не расслышал, тотчас же ушел на свой камбуз.

Дик Сэнд тщетно старался разглядеть за мысом низкую линию побережья.

На исходе второго часа мыс остался справа за кормой судна, но очертания берега все еще не обрисовались.

Между тем горизонт прояснился, и высокий американский берег, окаймленный горной цепью Анд, должен был бы отчетливо виднеться даже на расстоянии двадцати миль.

Дик Сэнд вооружился подозрительной трубой и, медленно переводя ее, осмотрел всю восточную сторону горизонта.

Земли в виду не было.

---

¹ Траверс — направление, перпендикулярное к курсу судна.

В два часа пополудни замеченная утром земля исчезла бесследно позади «Пилигрима».

Впереди подозренная труба не могла обнаружить ни высоких, ни низких берегов.

Тогда Дик, громко вскрикнув, бросился вниз по трапу и вбежал в каюту, где находились миссис Уэлдон, маленький Джек, Нан и кузен Бенедикт.

— Остров! Это был остров! — воскликнул он. — Только остров!

— Остров, Дик? Но какой? — спросила миссис Уэлдон.

— Сейчас посмотрим по карте! — ответил юноша.

И, сбегав в каюту, он принес корабельную карту.

— Вот, миссис Уэлдон, вот! — сказал он, развернув карту. — Земля, которую мы заметили, может быть только этой точкой, затерянной среди Тихого океана. Это остров Пасхи. Других островов в этих местах нет.

— Значит, земля осталась позади? — спросила миссис Уэлдон.

— Да, нас уже далеко отнесло ветром...

Миссис Уэлдон пристально всматривалась в едва заметную точку на карте — остров Пасхи.

— На каком расстоянии от американского берега находится этот остров?

— В тридцати пяти градусах.

— Сколько это миль?

— Около двух тысяч.

— Но, значит, «Пилигрим» почти не сдвинулся с места! Как могло случиться, что мы все еще находимся так далеко от земли?

— Миссис Уэлдон... — начал Дик Сэнд и несколько раз провел рукой по лбу, как бы для того чтобы собраться с мыслями. — Я не знаю... Я не могу объяснить... Да, не могу... Разве что компас у нас неисправен... Но этот остров может быть только островом Пасхи — ветер все время гнал нас к северо-востоку... Да, это остров Пасхи, и надо бога благодарить, что мы, наконец, узнали, где мы находимся. Мы в двух тысячах миль от берега — что ж!.. Зато я теперь знаю, куда нас загнала буря! Когда она утихнет, мы высадимся на американском побережье! У нас есть надежда на спасение! По крайней мере, теперь наш корабль не затерян в беспредельности Тихого океана.

Уверенность молодого капитана передалась всем окружающим. Даже миссис Уэлдон повеселела. Несчастливым путешественникам казалось, что уже все беды миновали, и «Пилигрим» как будто находится близ надежной гавани, и надо теперь только подождать прилива, чтобы войти в нее.

Остров Пасхи — его настоящее название Вай-Гу, или Рап-Нуи, — был открыт Дэвидом в 1686 году; его посетили Кук и Лаперуз. Он расположен под 27° южной широты и 112° восточной долготы. Так выяснилось, что шхуна-бриг на пятнадцать граду-

сов уклонилась на север от своего курса. Дик Сэнд приписал это буре, которая гнала корабль на северо-запад.

Итак, «Пилигрим» все еще находился в двух тысячах миль от суши. Если ветер будет дуть с той же ураганной силой, судно пробежит это расстояние дней за десять и достигнет побережья Южной Америки. Но неужели за это время погода не улучшится? Неужели нельзя будет поднять паруса даже тогда, когда «Пилигрим» окажется в виду земли?

Дик Сэнд надеялся на это, он говорил себе, что ураган, бушующий уже много дней подряд, в конце концов утихнет. Появление острова Пасхи юноша считал счастливым предзнаменованием: ведь теперь он точно знал, в каком месте океана находится «Пилигрим». Это вернуло ему веру в самого себя и надежду на благополучный исход путешествия.

Да, словно по милости providения, путники заметили средь беспредельного простора океана одинокий остров, малую точку, и это сразу подняло в них бодрость. Корабль их все еще был игрушкой ветра, но, по крайней мере, они плыли теперь не вслепую.

Прочно построенный и хорошо оснащенный «Пилигрим» мало пострадал от неистовых натисков бури. Он лишился только марселя и стакселя, но этот ущерб нетрудно будет возместить. Ни одна капля воды не просочилась внутрь судна сквозь тщательно заштопанные швы корпуса и палубы. Помпы были в полной исправности.

В этом отношении опасность не грозила «Пилигриму».

Но ураган все еще продолжал бушевать, и казалось — ничто не могло умерить ярость стихий. Молодой капитан в какой-то мере вооружил свое судно для борьбы с ними, но не в его силах было заставить ветер утихнуть, волны — успокоиться, небо — проясниться... На борту своего корабля он был первым после бога, а за бортом — один лишь бог повелевал ветрами и волнами.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«Земля! Земля!»

Надеждам Дика как будто суждено было сбыться.

Уже на другой день, 27 марта, ртутный столбик барометра поднялся, правда, всего на несколько делений. Увеличение атмосферного давления было незначительным, но обещало быть стойким. Буря, очевидно, шла на убыль, и хотя волнение на море было очень велико, ветер начал спадать и поворачивать к западу.

Дик понимал, что еще рано думать о том, чтобы ставить паруса. Ветер сорвал бы даже самый малый клочок парусины. Все же молодой капитан надеялся, что не позже как через двадцать четыре часа можно будет поставить хотя бы один из стакселей.

И верно: ночью ветер заметно ослабел, да и качка уже не так

сви́репо встряхивала корабль, а ведь накануне она грозила разнести его на куски.

Утром на палубу начали выходить пассажиры. Они уже не опасались, что внезапно набежавшая волна смоев их за борт.

Миссис Уэлдон первая покинула каюту, где она по требованию Дика просидела взаперти все время, пока длилась буря. Она подошла к Дику.

Сверхчеловеческая сила воли этого юноши помогла ему преодолеть неслыханные трудности. Он стоял похудевший, побледневший, обветренный. Тяжелее всего в его возрасте были, может быть, бессонные ночи. Казалось, силы отважного юноши должны были ослабеть. Но нет, его мужественная натура устояла перед всеми испытаниями. Быть может, перенесенные лишения когда-нибудь и скажутся на нем. Но сейчас не время было сдаваться, говорил себе Дик. И миссис Уэлдон видела, что он так же полон энергии, как и раньше. К тому же у смелого юноши появилась теперь уверенность в своих действиях — ее насильно не внушишь, а сколько она прибавляет силы!

— Дорогой мой мальчик, мой дорогой капитан! — сказала миссис Уэлдон, протягивая ему руку.

— Ах, миссис Уэлдон, — улыбаясь, ответил Дик, — вы не слушаетесь своего капитана. Ну зачем вы вышли на палубу? Я ведь просил вас...

— Да, я послушалась тебя, — призналась миссис Уэлдон, — но что-то подсказало мне, что буря проходит.

— В самом деле, погода улучшается, миссис Уэлдон, — ответил юноша. — Вы не ошиблись. Со вчерашнего дня столбик ртути в барометре не понизился. Ветер утихает, и мне кажется, что самое тяжелое уже позади.

— Дай бог, дорогой мой, дай бог! Но сколько ты выстрадал, бедный мальчик! Знаешь, ты вел себя, как...

— Я только выполнил свой долг, миссис Уэлдон.

— Теперь тебе необходимо отдохнуть.

— Отдохнуть? — возразил юноша. — Я нисколько не нуждаюсь в отдыхе, миссис Уэлдон. Я чувствую себя великолепно и надеюсь продержаться до конца. Вы назначили меня капитаном «Пилигрима», и я сохраню это звание до тех пор, пока все пассажиры моего корабля не окажутся в безопасности!

— Дик, — сказала миссис Уэлдон, — ни я, ни мой муж никогда не забудем того, что ты сделал!

— Ну что вы... миссис Уэлдон! — пробормотал Дик. — Господь бог нам помог.

— Милый мой мальчик, я повторяю, ты вел себя как настоящий мужчина. Ты проявил себя умелым и достойным командиром судна. И в недалеком будущем, как только ты закончишь свое образование, ты станешь капитаном судна, принадлежащего торговому дому Джемса Уэлдона. Я уверена, что мой муж скажет то же самое.

— Я... я... — начал Дик, и глаза его наполнились слезами.

— Дик,— продолжала миссис Уэлдон,— ты был нашим приемным сыном, а теперь ты поистине родной мой сын. Ты спас свою мать и своего маленького брата Джека! Дорогой мой, дай я тебя поцелую за мужа и за себя!

Миссис Уэлдон не могла сдержать свое волнение. Сердце этой мужественной женщины было переполнено, и слезы выступили у нее на глазах, когда она обнимала юношу. Что сказать о чувствах, которые испытывал Дик? Он рад был бы отдать жизнь за своих благодетелей, больше чем жизнь, и ради них он заранее принимал все испытания, которые готовит ему будущее.

После этого разговора Дик почувствовал себя сильнее. Он не сомневался, что сумеет привести судно в безопасный порт и спасти пассажиров. Только бы утих ветер, хотя бы настолько, чтобы можно было поставить паруса!

Двадцать девятого марта ветер стал слабее. Дик решил поставить фок и марсель, чтоб увеличить скорость хода своего судна и вести его по определенному направлению.

— Друзья мои,— сказал он матросам, поднявшимся на палубу на заре этого дня.— Идите сюда. Мне нужна ваша помощь.

— Мы готовы, капитан Сэнд,— ответил за всех старик Том.

— Конечно, готовы! — добавил Геркулес.— В бурю нам нечего было делать, и я начал уже покрываться ржавчиной.

— А ты дул бы в паруса своим большим ртом,— сказал маленький Джек.— Я уверен, ты можешь дуть так же сильно, как ветер.

— Вот замечательная мысль, Джек! — рассмеялся Дик Сэнд.— Как только наступит штиль, мы попросим Геркулеса надувать наши паруса.

— Прикажете только, капитан Сэнд,— ответил великан, надувая щеки, как Борея.

— Начнем с того, друзья мои,— сказал Дик,— что поставим новый марсель на смену изодранному бурей. Работа нелегкая, но ее нужно сделать.

— Сделаем! — ответил Актеон.

— А мне можно вам помогать? — спросил маленький Джек, всегда готовый трудиться вместе с матросами.

— Разумеется, Джек,— ответил Дик Сэнд.— Ты станешь за штурвал с нашим другом Батом и будешь помогать ему править.

Конечно, маленький Джек с гордостью принял свою новую должность помощника рулевого.

— А теперь,— продолжал Дик Сэнд,— за дело! Только помните, друзья: не рисковать собой без нужды!

Негры энергично взялись за дело под руководством молодого капитана. Надо было скатанный парус поднять на мачту и там привязать его к рею. Дело нелегкое. Но Дик Сэнд так умело распоряжался работой, а матросы повиновались ему с таким усердием и готовностью, что по истечении часа парус был привязан, рей поднят и на марселе взяты два рифа.

Несмотря на сильный ветер, команда без особого труда подняла паруса, убранные перед бурей, и к десяти часам утра «Пилигрим» уже бежал под фоком, марселем и одним из кливеров.

Дик Сэнд из осторожности решил не ставить остальных парусов. Те, что были подняты, обеспечивали суточный пробег в двести с лишним миль, а этой скорости было достаточно, чтобы меньше чем в десять дней достигнуть американского континента.

Дик с удовлетворением подумал, что теперь «Пилигрим» перестал всецело зависеть от капризов ветра и волн. Он бежал с достаточной скоростью и в нужном направлении. Радость Дика должны понять все, кто хоть немного знает морское дело.

Молодой капитан вернулся к штурвалу и, поблагодарив маленького помощника рулевого, стал на свой пост.

На следующий день по небу все так же быстро неслись тучи, но между ними уже возникали широкие просветы, и лучи солнца пробивались сквозь них, золотя поверхность океана. Временами «Пилигрим» попадал в полосу солнечного света. Какое счастье — этот животворящий свет! Иногда набегавшие облака затемняли его, но ветер отгонял их к востоку, и солнце снова показывалось во всем своем блеске. Погода явно улучшалась.

На судне открыли все люки, чтобы проветрить помещения. Свежий, напоенный солью воздух ворвался в трюм, в кубрик, в кают-компанию. Мокрые паруса разложили для просушки на рострах¹. На палубе началась генеральная уборка. Дик Сэнд не мог допустить, чтобы его корабль пришел в порт грязным и небраным. Достаточно было несколько часов ежедневной работы, чтобы, не переутомляя экипаж, привести судно в надлежащий вид.

Теперь на корабле уже не могли бросать лаг, Дик измерял скорость хода судна только по следу, оставляемому на поверхности океана. Способ этот был неточен, и все же Дик Сэнд не сомневался, что судно окажется в виду земли не позже как через неделю. Он сумел убедить в этом и миссис Уэлдон, показав ей на карте то место, где, по его предположениям, находился «Пилигрим».

— Хорошо, Дик,— сказала миссис Уэлдон.— Теперь скажи мне, к какому пункту побережья мы подойдем?

— Вот сюда, миссис Уэлдон,— ответил Дик, указывая на длинную полосу берега, тянущуюся от Перу до Чили.— Точнее указать я не могу. Глядите, вот остров Пасхи, который мы оставили на западе. Ветер не менял направления все последние дни, и, следовательно, мы должны увидеть землю вот здесь, на востоке. Вдоль этого побережья разбросано немало портов, но ска-

---

¹ Ростры — настил над верхней палубой, на котором хранятся запасные части мачт, реи и установлены шлюпки.

зять с уверенностью, какой порт окажется ближе других, когда «Пилигрим» подойдет к земле, я сейчас не могу.

— Да это и неважно, Дик... Лишь бы добраться до какого-нибудь порта!

— Разумеется, миссис Уэлдон. Куда бы мы ни пришли, вы отовсюду сможете вернуться в Сан-Франциско. «Тихоокеанская мореходная компания» превосходно обслуживает это побережье. Ее пароходы заходят во все главные порты, а из них легко уж попасть в Калифорнию.

— Разве ты не собираешься привести «Пилигрим» обратно в Сан-Франциско? — спросила миссис Уэлдон.

— Ну, конечно! Но только после того, как вы пересядете на какой-нибудь пассажирский пароход, миссис Уэлдон. Если нам удастся заполучить офицера и команду, мы отправимся в Вальпараисо, чтобы сдать груз ворвани, — несомненно, так поступил бы капитан Гуль. Оттуда мы пойдем в Сан-Франциско. Но для вас это было бы лишней задержкой, и как мне ни грустно расставаться с вами...

— Хорошо, Дик, — прервала его миссис Уэлдон. — Об этом мы еще поговорим. Скажи мне — раньше ты как будто боялся приблизиться к незнакомому берегу?..

— Я и сейчас боюсь, — признался юноша. — Но я надеюсь встретить в тех водах какое-нибудь судно. Меня, по правде сказать, очень удивляет, что этого еще не случилось... О, если бы показалось хоть какое-нибудь судно! Мы бы связались с ним, узнали точно, где находится «Пилигрим», и тогда можно было бы без опаски причалить к берегу.

— Разве в этих местах нет лоцманов, которые проводят суда в гавани? — спросила миссис Уэлдон.

— Наверно, есть, — ответил Дик Сэнд. — Но они плавают у самого берега. Поэтому мы должны стараться подойти как можно ближе к земле.

— А если мы не встретим лоцмана? — спросила миссис Уэлдон. Она настойчиво допрашивала молодого капитана, чтобы выяснить, подготовился ли он ко всяким случайностям.

— В этом случае, миссис Уэлдон... если погода будет хорошая и ветер умеренный, я направлю судно вдоль берега и буду плыть до тех пор, пока не найду какого-нибудь безопасного места для высадки. Если же ветер снова посвежеет...

— Что тогда, Дик?..

— Видите ли, если ветер прибьет «Пилигрим» к земле...

— То?.. — спросила миссис Уэлдон.

— То я буду вынужден выбросить корабль на берег, — ответил юноша, и лицо его на мгновение омрачилось. — Но это в самом крайнем случае. Я надеюсь, что нам не придется прибегнуть к этому последнему средству. Вы не тревожьтесь напрасно, миссис Уэлдон: погода, по-видимому, улучшается. Не может быть, чтобы мы не встретили ни одного судна или лоцманского

катера. Будем надеяться, что «Пилигрим» идет прямо к земле и скоро мы ее увидим.

Выбросить судно на берег! На такую последнюю крайность даже самые смелые моряки не решаются без трепета. Неудивительно, что Дик Сэнд также не хотел думать о ней, пока у него еще была надежда на иной исход.

В следующие дни погода была неустойчивой, и это очень тревожило молодого капитана. Ветер дул с неослабевающей силой, и падение ртутного столбика в барометре предвещало новый натиск урагана.

Дик Сэнд начал опасаться, что снова придется, убрав все паруса, бежать от бури. А ведь так важно было сохранить хотя бы один парус, и он решил не спускать марселя, пока не явится опасность, что его снесет ветер.

Чтобы укрепить мачты, он распорядился вытянуть ванты и фордуны. Это была необходимая предосторожность: положение «Пилигрима» стало бы чрезвычайно тяжелым, если бы он лишился своего рангоута¹.

За последние дни барометр два раза делал скачок вверх — это заставляло опасаться резкой перемены в направлении ветра. Что делать, если ветер будет дуть с востока, прямо в лоб кораблю? Лавировать? Но если обстоятельства принудят его лавировать — какая задержка, какой риск снова быть отброшенным в открытое море!

К счастью, его опасения не оправдались. В продолжение нескольких дней ветер метался по румбам, перескакивая с севера на юг, но в конце концов снова задул с запада. Ветер был очень свежий и расшатывал рангоут.

Наступило 5 апреля. Уже прошло больше двух месяцев с тех пор, как «Пилигрим» покинул Новую Зеландию. В течение первых двадцати дней то штили, то встречные ветры препятствовали продвижению судна. Затем подул попутный ветер, и «Пилигрим» быстро стал приближаться к земле. Особенно велика была скорость хода во время урагана: Дик Сэнд считал, что судно проходило в среднем не менее двухсот миль в сутки. Почему же в таком случае оно до сих пор не достигло берега? Это было совершенно необъяснимо!

Один из матросов непрерывно высматривал сушу с высоты бом-брам-рея. Часто Дик Сэнд сам поднимался на мачту. Он подолгу смотрел в подозрную трубу, не мелькнет ли среди облаков темный контур какой-нибудь горы: цепь Анд, как известно, изобилует высокими вершинами, и с большого расстояния их нужно было искать на горизонте в поднебесье.

Много раз Том и его товарищи ошибались, принимая за сушу какое-нибудь отдаленное облако необычной формы. Слу-

---

¹ Рангоут — совокупность круглых деревянных брусьев (а позднее трубчатых стальных частей), предназначенных для несения парусов на судах (мачты, стеньги, реи, бушприт и т. д.).

чалось, что они упорно утверждали, будто действительно обнаружили землю, и признавали свою ошибку только тогда, когда очертания мнимой земли расплывались и она терялась бесследно среди других облаков.

Но 6 апреля сомнениям не осталось места.

Было восемь часов утра. Дик Сэнд только что взобрался на рей. Первые лучи солнца разогнали туман, и линия горизонта виднелась достаточно отчетливо.

Из уст Дика Сэнда вырвался, наконец, долгожданный возглас.

— Земля! Перед нами земля!

При этих словах все выбежали на палубу: маленький Джек, любопытный, как все дети; миссис Уэлдон, надеявшаяся, что возникшая вдаль суша положит конец всем ее страданиям; Том и его товарищи, которым не терпелось ступить на свою землю; даже кузен Бенедикт, который мечтал обогатить свою коллекцию новыми насекомыми.

Один лишь Негоро не вышел на палубу.

Землю видели теперь все: одним острое зрение действительно позволяло различить ее, а другие так стосковались по земле, что принимали ее появление на веру.

Но юноша был опытным моряком, привыкшим всматриваться в морские дали. Он не мог ошибиться. И действительно, через час всем стало ясно, что на этот раз надежда их не обманула.

На востоке, на расстоянии около четырех миль, виднелся контур довольно низкого берега — таким, по крайней мере, он казался. Нависшие облака не позволяли разглядеть горную цепь Анд, которая тянется недалеко от морского берега.

«Пилигрим» направлялся прямо к берегу, полоса его ширилась и приближалась с каждой минутой.

Через два часа судно было уже в трех милях от суши. Береговая линия замыкалась на северо-востоке довольно высоким мысом, у основания которого виднелось нечто вроде открытого рейда. На юго-востоке земля вдавалась в океан узкой и низменной косой.

У берега поднималась гряда невысоких утесов, на которых вырисовывались в небе деревья. Судя по характеру местности, эти утесы являлись только предгорьями высокой цепи Анд.

Ни человеческого жилья, ни порта, ни устья реки, где корабль мог бы найти безопасное убежище!

Ветер гнал «Пилигрим» прямо к земле. Уменьшенная парусность и сильный прижимной ветер не давали Дикун возможности изменить курс и отойти в открытое море.

Впереди вырисовывалась длинная полоса прибрежных рифов. Над ними бурлило и пенилось море. Прибой, несомненно, был чудовищный. Видно было, как волны взлетают до середины высоты утесов.

Молодой капитан постоял некоторое время на носу, при-

стально всматриваясь в берег. Затем, не промолвив ни слова, он возвратился на корму и стал за штурвал.

Ветер все крепчал. Скоро шхуна-бриг оказалась всего лишь в одной миле от берега.

Тогда Дик Сэнд мог разглядеть маленькую бухту. Он решил направить в нее корабль. Но вход в бухту преграждал барьер подводных скал, между которыми пройти кораблю было очень трудно. Буруны указывали на малую глубину воды над всей полосой рифов.

В эту минуту Динго, бегавший взад и вперед по палубе, бросился на нос и, уставившись на землю, протяжно и жалобно завыл. Казалось, собака узнала этот берег и его вид разбудил в ней какие-то горестные воспоминания.

Услышав этот вой, Негоро вышел из своей каюты и, хотя имел все основания опасаться соседства собаки, встал на баке, прислонившись к борту. Но Динго продолжал жалобно выть, глядя на берег и, к счастью для судового кока, не обращая на него никакого внимания.

Негоро смотрел на свирепые буруны без тени страха. Наблюдавшей за ним миссис Уэлдон показалось, однако, что в лицо ему бросилась краска и черты его исказились.

Быть может, Негоро знал этот берег, к которому ветер нес «Пилигрим»?

Дик Сэнд в это время передал штурвал старому Тому и пошел на нос, чтобы в последний раз посмотреть на постепенно открывавшийся вход в бухту. Через несколько минут он твердым голосом сказал:

— Миссис Уэлдон, у меня нет никакой надежды найти безопасное убежище для «Пилигрима». Не позже как через полчаса корабль, несмотря на все мои усилия, будет на рифах... Придется выброситься на берег. Мне не удалось привести «Пилигрим» в порт. Чтобы спасти вас, я должен погубить корабль. Иного выхода нет... и колебаться тут не приходится.

— Ты сделал все, что от тебя зависело, Дик? — спросила миссис Уэлдон.

— Все! — коротко ответил юноша.

И тотчас же он занялся приготовлениями к предстоящему опасному маневру.

Прежде всего он заставил миссис Уэлдон, Джека, кузена Бенедикта и Нан надеть спасательные пояса. Негры-матросы и сам Дик были искусными пловцами, но и они приняли меры на случай, если их толчком сбросит в море.

Геркулесу поручили помогать миссис Уэлдон. Молодой капитан взял на себя заботу о Джеке. Кузен Бенедикт, очень спокойный, вышел на палубу: на ремне через плечо у него висела металлическая коробка с насекомыми. Дик поручил его Бату и Актеону. Что касается Негоро, то поразительное его хладнокровие говорило о том, что он не нуждается ни в чьей помощи.

На всякий случай Дик Сэнд велел поднять на палубу десяток бочек с ворванью.

Если вылить китовый жир на поверхность воды, когда «Пилигрим» будет проходить сквозь буруны, это на миг успокоит волнение и облегчит кораблю проход через рифы. Дик решил не пренебрегать ничем, лишь бы спасти жизнь экипажа и пассажиров.

Покончив со всеми приготовлениями, юноша вернулся на корму и стал к штурвалу.

«Пилигрим» был теперь всего в двух кабельтовых от берега, иными словами — почти у самых рифов. Правый борт его уже купался в белой пене прибоя. Молодой капитан ждал, что с секунды на секунду киль судна наткнется на какую-нибудь подводную скалу.

Вдруг по цвету воды Дик догадался, что перед ним проход между рифами. Необходимо было смело войти в него, чтобы выброситься на мель как можно ближе к берегу.

Молодой капитан не колебался ни одной минуты. Он круто повернул штурвал и направил корабль в узкий извилистый проход.

В этом месте море бушевало особенно яростно. Волны стали заливать палубу.

Матросы стояли на носу возле бочек с жиром, ожидая приказа капитана.

— Лей ворвань! — крикнул Дик. — Живей!

Под слоем жира, который потоками лился на волны, море успокоилось, словно по волшебству, с тем чтобы через минуту забушевать с удвоенной яростью.

Но этой минуты затишья было достаточно, чтобы «Пилигрим» проскочил за линию рифов. Теперь его несло на берег.

Страшный толчок. Огромная волна подняла корабль и бросила его на камни. Мачты рухнули, но никого не поранило.

При ударе корпус судна получил пробоину, и в нее хлынула вода. Но до берега было меньше полкабельтова. До него легко было добраться по цепочке торчащих из воды черных камней.

Через десять минут после катастрофы все пассажиры и команда «Пилигрима» очутились на суше, у подножия прибрежного утеса.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Что делать?

Итак, после перехода, длившегося не менее семидесяти четырех дней, после упорной борьбы со штилями, противными ветрами и ураганом «Пилигрим» кончил тем, что выбросился на берег и разбился о рифы.

Однако миссис Уэлдон и ее спутники возблагодарили PROVIDENCE, почувствовав себя бесконечно счастливыми, когда очутились на суше. Ведь они были на материке, а не на каком-нибудь

злосчастном острове Полинезии, куда буря могла бы их забросить. В каком бы месте Южной Америки они ни высадились, все равно они без особого труда возвратятся на родину.

Но «Пилигрим» погиб безвозвратно; за несколько часов прибой разбросает во все стороны обломки его остова. Нечего и думать о спасении груза.

Если Дику Сэнду и не удалось сберечь корабль и доставить его владельцу, все же он вправе был гордиться тем, что целыми и невредимыми доставил на берег всех находившихся на борту, и среди них жену и сына Джемса Уэлдона.

В какой же части южноамериканского побережья потерпел крушение «Пилигрим»? На побережье Перу, как предполагал Дик Сэнд? Вполне возможно: ведь после того как корабль миновал остров Пасхи, экваториальные течения и ветры гнали его к северо-востоку. При этих условиях он, разумеется, мог с сорок третьего градуса южной широты попасть на пятнадцатый градус.

Необходимо было как можно скорее установить, где именно потерпел крушение «Пилигрим». На побережье Перу много портов, городков и селений, и если предположение Дика Сэнда окажется правильным, легко будет добраться до какого-нибудь населенного пункта.

Крутой, но не слишком высокий берег у места крушения казался пустынным... Узкая песчаная полоса была усеяна черными обломками скал. Кое-где в скалах зияли широкие трещины, кое-где по более отлогим местам можно было взобраться на гребень утеса.

В четверти мили к северу скалы расступались, давая выход маленькой речке, которую с моря не было видно. Над речкой склонились многочисленные ризофоры — разновидность мангового дерева, имеющая существенные отличия от своих индийских родичей.

Густой зеленый лес, начинавшийся у самого обрыва, тянулся вдаль, до линии гор, возвышавшихся на горизонте. Будь кузен Бенедикт ботаником, он пришел бы в восторг от бесконечного разнообразия древесных пород — тут росли высокие баобабы, которым раньше приписывали невероятное долголетие, а кору их сравнивали с египетским сиенитом, тут росли веерники, белые сосны, тамаринды, перечники и сотни других растений, не встречающихся в северной части Нового Света и не привычных для американцев.

Но любопытным обстоятельством было то, что среди этих древесных пород не встречалось ни единого представителя многочисленного семейства пальм, которое насчитывает более тысячи видов и распространено почти по всему земному шару.

Над берегом реяли стаи крикливых птичек — главным образом ласточек с иссиня-черным оперением и светло-каштановыми головками. Кое-где взлетали и куропатки — серые птицы со стройным телом и голой шейкой.

Миссис Уэлдон и Дик Сэнд заметили, что птицы не очень боятся людей. Они позволяли приближаться к себе, не проявляя страха. Неужели они никогда не видели человека и не научились остерегаться его? Неужели тишину этого пустынного берега никогда еще не нарушали ружейные выстрелы?

У берега меж камней прогуливались неуклюжие птицы, принадлежащие к роду малых пеликанов. Они набивали мелкой рыбешкой кожаный мешок, который висит у них под нижней створкой клюва.

Над обломками «Пилигрима» уже кружились чайки, прилетевшие с океана.

Птицы, видимо, были единственными живыми существами, посещавшими эту часть побережья. Разумеется, здесь водилось также немало насекомых, представлявших интерес для кузена Бенедикта.

Однако ни у птиц, ни у насекомых не спросишь, что это за берег. Сообщить его название мог только какой-нибудь местный житель. А жителей-то как раз и не было. По крайней мере, ни один из них не показывался.

Ни дома, ни хижины, ни шалаша. Ни один дымок не поднимался в воздух ни на севере — по ту сторону речки, ни на юге, ни в густом лесу, уходившем в глубь континента. Ничто не указывало, что этот берег когда-либо посещал человек.

Дика Сэнда это очень удивляло.

— Где же мы? Куда мы попали? Неужели не найдется человек, который мог бы нам это сказать?

Но такого человека не было: если бы какой-нибудь туземец находился вблизи, Динго поднял бы тревогу. Между тем собака бегала взад и вперед по песчаному берегу, обнюхивая землю и опустив хвост. Она глухо ворчала. Ее поведение казалось странным, но ясно было, что Динго не чуял ни человека, ни животного.

— Дик, посмотри-ка на Динго! — сказала миссис Уэлдон.

— Как странно! — промолвил юноша. — Можно подумать, что собака разыскивает чей-то след.

— Действительно странно, — прошептала миссис Уэлдон.

Затем, спохватившись, она добавила:

— Что делает Негоро?

— То же, что и Динго, — ответил Сэнд, — рыскает взад и вперед по берегу. Впрочем, здесь он волен поступать как ему угодно. Я уже не вправе отдавать ему приказания. Его служба кончилась после крушения «Пилигрима».

Негоро осматривал песчаную косу, речку и прибрежные скалы с видом человека, попавшего в знакомые, но забытые места. Бывал ли он здесь? Вероятно, он отказался бы ответить, если бы ему задали такой вопрос. Однако не стоило обращать внимания на этого необщительного португальца. Дик Сэнд следил за ним, пока Негоро шагал по направлению к речке, но как только он скрылся за прибрежными утесами, юноша перестал им интересоваться.

Динго злобно залаял, увидев Негоро, но тотчас же перестал.

Пора было подумать о том, что предпринять. Сначала надо было найти какой-нибудь приют, чтобы отдохнуть и поесть. После этого можно будет держать совет и наметить план дальнейших действий.

Легче всего разрешился вопрос о пропитании. Кроме плодов и дичи, которыми изобиловала эта земля, потерпевшие крушение могли воспользоваться тем, что было в кладовых корабля. Прибой выбросил на обмелевшие с наступлением отлива рифы много разных предметов с погибшего судна. Том и его товарищи собрали несколько бочек с сухарями, коробки консервов, ящики с сушеным мясом. Вода не успела еще их испортить. Маленький отряд с избытком был обеспечен пищей на все время, какое понадобится, чтобы добраться до ближайшего селения. Запасы провизии были переправлены в сухое место на берегу, куда не мог достигнуть прилив.

В пресной воде также не было недостатка. Дик Сэнд попросил Геркулеса принести немного воды из речки. Силач негр принес на плече полный бочонок. Хотя во время прилива море и заходило в устье речки, вода в ней в часы отлива была пресная и вполне годная для питья.

Об огне не приходилось беспокоиться: если бы понадобилось развести костер, кругом было сколько угодно топлива — сучьев и высохших корней мангифер. Старик Том, рьяный курильщик, захватил с собой герметически закрывавшуюся жестяную коробку с трупом. В любой момент он мог высечь искру при помощи огнива и кремня, подобранного на берегу моря.

Оставалось только отыскать убежище, где маленький отряд мог бы отдохнуть и переночевать перед выступлением в поход.

«Гостиницу» нашел маленький Джек. Бегая у подножия скал, мальчик случайно обнаружил просторную, гладко отполированную пещеру — один из тех гротов, какие море вымывает в скалах, когда волны прибоя налетают на них во время бури.

Мальчик радостно закричал и позвал мать полюбоваться своей находкой.

— Молодец, Джек! — сказала миссис Уэлдон. — Если бы мы были Робинзонами и принуждены были поселиться на этом берегу, мы непременно назвали бы грот твоим именем.

Пещера была небольшая: десять — двенадцать футов в глубину и столько же в ширину, но Джеку она казалась огромной. Потерпевшие крушение могли удобно в ней разместиться. Миссис Уэлдон и Нан с удовольствием отметили, что пещера совершенно сухая. Луна была в первой четверти, — следовательно, не приходилось опасаться особенно сильных приливов, которые могли дойти до подножия скал и до пещеры.

Итак, все необходимое для отдыха было налицо.

Через десять минут пассажиры «Пилигрима» уже лежали в гроте на подстилке из сухих водорослей. Даже Негоро пожелал присоединиться к ним и получить свою долю завтрака. Очевид-

но, он не решился пуститься в одиночку странствовать по глухому лесу, через который пробивалась извилистая речка.

Было около часа пополудни. Завтрак состоял из сухарей и сушеного мяса. Запивали его свежей водой с несколькими каплями рома — Бат среди продуктов нашел бочонок рома.

Негоро завтракал со всеми, но не вмешивался в общую беседу, в которой обсуждался план дальнейших действий. Однако, не подавая вида, он внимательно прислушивался к разговору и, без сомнения, делал из него какие-то выводы.

Динго, получивший свою долю пищи, караулил у входа в пещеру. С таким стражем можно было спокойно отдыхать. Ни одно живое существо не могло появиться на песчаном берегу без того, чтобы верный пес не поднял тревоги.

Миссис Уэлдон, посадив к себе на колени сонного Джека, заговорила первая.

— Дик, друг мой, — сказала она, — все мы благодарны тебе за преданность, которую ты проявил в эти трудные дни. Но освободить тебя от твоих обязанностей мы еще не можем. Ты должен быть нашим проводником на суше, как был нашим капитаном на море. Все мы доверяем тебе. Говори же: что нужно предпринять?

Миссис Уэлдон, Нан, старик Том и остальные негры не спускали глаз с Дика Сэнда. Даже Негоро пристально смотрел на него. Очевидно, португальца чрезвычайно интересовало, что же ответит юноша.

Дик Сэнд несколько минут размышлял. Потом он сказал:

— Прежде всего, миссис Уэлдон, нужно выяснить, где мы находимся. Я думаю, что наш корабль потерпел крушение у берегов Перу. Ветер и течения должны были унести его примерно к этим широтам. Быть может, мы находимся в одной из южных, наименее населенных провинций Перу, которые граничат с пампой. Я бы сказал даже, что это весьма вероятно: ведь берег кажется совсем безлюдным. Если мое предположение правильно, нам, к несчастью, придется довольно долго идти до ближайшего поселения.

— Что же ты хочешь делать? — спросила миссис Уэлдон.

— Я считаю, что мы не должны покидать грот до тех пор, пока не выясним точно, где мы находимся. Завтра после отдыха двое из нас пойдут на разведку. Они постараются, не очень удаляясь от лагеря, разыскать туземцев; выяснив у них все, что нас интересует, они вернутся назад. Не может быть, чтобы в радиусе десяти — двенадцати миль не нашлось людей.

— Неужели мы расстанемся? — воскликнула миссис Уэлдон.

— Это необходимо, — ответил юноша. — Если же не удастся ничего разузнать, если против ожидания окажется, что местность совершенно пустынна, что ж... тогда мы придумаем что-нибудь другое!

— А кто пойдет на разведку? — спросила миссис Уэлдон после минутного раздумья.

— Это мы сейчас решим, — ответил Дик Сэнд. — Во всяком

случае, вы, миссис Уэлдон, Джек, мистер Бенедикт и Нан не должны уходить из грота. Бат, Геркулес, Актеон и Остин могут остаться с вами, а Том и я отправимся на разведку. Вероятно, и Негоро предпочтет остаться здесь,— добавил юноша, глядя на судового кока.

— Вероятно,— уклончиво ответил тот, не желая связывать себя никакими обязательствами.

— Мы заберем с собой Динго,— продолжал Дик,— он может сослужить нам хорошую службу.

Услышав свое имя, Динго показался у входа в грот и коротко залаял, словно выражая этим свое согласие.

Миссис Уэлдон задумалась. Разлука, даже самая непродолжительная, очень смущала ее. Весть о крушении «Пилигрима», возможно, уже облетела соседние туземные племена, появлявшиеся на этом берегу, в южной или северной его части; в любой час могли нагрянуть местные жители с намерением поживиться кое-чем с погибшего корабля,— стоило ли дробить силы отряда, если нужно будет отразить нападение.

Это замечание миссис Уэлдон следовало серьезно обсудить.

Однако у Дика Сэнда нашлись веские доводы против него. Индейцев нельзя сравнивать с африканскими или полинезийскими дикарями, говорил юноша, и нет оснований предполагать, что они способны совершить разбойничий набег. А пускаться в странствия по этой незнакомой местности, даже не представляя себе, в какой части Южной Америки она расположена и на каком расстоянии находится ближайшее поселение,— это значило бы напрасно расходовать силы. Слов нет, неприятно расставаться, но все же это лучше, нежели всем отрядом вслепую пускаться в поход через чащу девственного леса, который простирается до самых гор.

— И наконец,— закончил Дик свою речь,— я не допускаю и мысли, что мы расстанемся надолго. Если в продолжение двух дней Том и я не найдем какого-нибудь селения или туземца, мы вернемся в грот. Но этого быть не может! Я убежден, что мы не пройдем и двадцати миль в глубь страны, как уже определим ее географическое положение. Быть может, я ошибся в счислении,— в конце концов ведь я не делал астрономических наблюдений. Что, если мы находимся в других широтах?

— Да... ты, конечно, прав, мой мальчик,— грустно ответила миссис Уэлдон.

— А как вы относитесь к моему плану, господин Бенедикт? — спросил Дик Сэнд.

— Я? — переспросил энтомолог.

— Да. Каково ваше мнение?

— У меня нет своего мнения на этот счет,— ответил кузен Бенедикт,— я согласен со всем, что мне предложат, и готов делать все, что мне прикажут. Если вы решите остаться здесь на день-другой, я буду очень доволен: я воспользуюсь этим, чтобы изучить побережье... с точки зрения энтомолога, конечно.

— Итак, поступай, как знаешь, Дик,— сказала миссис Уэлдон.— Отправляйся на разведку с Томом, а мы будем дожидаться вас здесь.

— Решено! — сказал кузен Бенедикт самым спокойным тоном.— А я пойду знакомиться с местными насекомыми.

— Только, пожалуйста, не заходите далеко, господин Бенедикт,— сказал Дик Сэнд,— очень просим вас об этом.

— Не беспокойся, мой милый.

— А главное — не натравите на нас москитов! — добавил Том.

Через несколько минут, перекинув через плечо свою драгоценную жестяную коробку, энтомолог ушел.

Негоро вышел из грота почти одновременно с ним. Казалось, этот человек считал совершенно естественным всегда заботиться только о самом себе. Но в то время как кузен Бенедикт карабкался вверх по откосу, чтобы выбраться на опушку леса, Негоро не спеша направился к устью речки и зашагал вверх по ее течению.

Миссис Уэлдон, положив заснувшего ребенка на колени к Нан, вышла на песчаный берег. Дик Сэнд и негры последовали за нею.

Нужно было, пользуясь отливом, добраться до разбитого судна, где оставалось еще немало вещей, которые могли пригодиться маленькому отряду.

Рифы, у которых разбился «Пилигрим», были теперь обнажены. Посреди разных обломков высился остов корабля. Раньше море почти целиком закрывало его, и Дик Сэнд очень удивился тому, что судно было сейчас обнажено. Он знал, что на американском побережье Тихого океана не бывает сильных приливов и отливов. Юноша объяснил это странное явление сильным ветром, который дул к берегу.

Миссис Уэлдон и ее спутники испытывали тягостное чувство при виде своего корабля. На его борту они провели столько дней, пережили столько страданий! Больно сжималось сердце при взгляде на бедный, искалеченный корабль, без парусов и без мачт, лежавший на боку, как существо, лишенное жизни.

И, однако, необходимо было побывать на корабле раньше, чем океан довершит его разрушение.

Дик Сэнд и пятеро негров легко поднялись на палубу, цепляясь за снасти, которые свисали с бортов. Том, Геркулес, Бат и Остин занялись переноской хранившихся на камбузе съестных припасов и напитков, а Дик Сэнд отправился в главную кладовую. К счастью, вода не проникла в эту часть судна,— корма его и после крушения выступала над водой.

Юноша нашел здесь четыре вполне исправных великолепных карабина оружейного завода Пурдей и К^о и около сотни патронов, тщательно уложенных в патронташи. Маленький отряд был теперь вооружен и мог оказать сопротивление индейцам, если бы они вздумали напасть на него.

Дик Сэнд не позабыл захватить и карманный фонарик. К не-

счастью, географические карты, хранившиеся в каюте на носу, оказались попорченными водой, и пользоваться ими было невозможно.

Дик Сэнд взял также из арсенала «Пилигрима» шесть штук больших ножей, служащих для разделки китовых туш,— ножи должны были дополнить вооружение его спутников. Заодно он захватил еще одно безобидное оружие — игрушечное ружьецо, принадлежавшее маленькому Джеку.

Остальное имущество, находившееся на корабле, либо погибло при крушении, либо было приведено водой в негодность. Впрочем, не было нужды перегружать отряд поклажей, если переход до ближайшего населенного места должен был продолжиться всего несколько дней. Продовольствия и оружия было больше чем достаточно.

В последнюю минуту Дик Сэнд вспомнил, что миссис Уэлдон посоветовала забрать с корабля деньги. Он нашел всего лишь пятьсот долларов, между тем как одна миссис Уэлдон везла с собой гораздо большую сумму. Куда же они девались?

Только Негоро мог опередить Дика Сэнда в этих поисках. Один он мог взять деньги миссис Уэлдон и сбережения капитана Гуля. Никого другого нельзя было заподозрить в этой краже. И все же Дик Сэнд вначале колебался. Что он знал об этом человеке? Только то, что Негоро был замкнутым и нелюдимым, что чужое горе вызывало у него злую усмешку. Но значило ли это, что он был преступником? Дик не знал, что подумать. Но кого другого можно было заподозрить в похищении денег? Кого-нибудь из негров? Но это были честные люди, да к тому же они ни на секунду не отходили от миссис Уэлдон и Дика, а Негоро долго бродил по берегу. Нет, Негоро, и только Негоро, совершил кражу!

Дик Сэнд решил допросить Негоро, как только тот вернется, и в случае необходимости даже обыскать его. Этот вопрос он должен был выяснить до конца.

Солнце склонялось к закату. В эту пору года оно еще не перешло экватор, неся внешнее тепло и свет Северному полушарию, но день этот уже приближался. Солнце опускалось почти перпендикулярно к той линии, где небо соединяется с морем. Сумерки были короткими и очень скоро сменились полной темнотой. Это подтвердило предположение Дика Сэнда, что судно потерпело крушение где-то между тропиком Козерога и экватором.

Все вернулись в грот, где они должны были расположиться и отдохнуть несколько часов.

— Ночь будет бурной! — заметил старый Том, указывая на черные тучи, скопившиеся на горизонте.

— Да,— подтвердил Дик,— ветер, видно, разыграется не на шутку. Но что нам теперь до этого! Бедный корабль наш погиб, и бури уже не могут причинить нам вреда!

— Да поможет нам бог! — промолвила миссис Уэлдон.

Было решено, что всю ночь, которая обещала быть очень

темной, негры по очереди станут сторожить у входа в грот. Кроме того, можно было смело рассчитывать на чутье Динго.

Возвратившись в грот, заметили, что кузена Бенедикта все еще нет.

Геркулес позвал его во всю силу своих богатырских легких, и тотчас же энтомолог спустился с крутого откоса, рискуя сломать себе шею.

Кузен Бенедикт был взбешен. Он не нашел в лесу ни одного нового насекомого, ни одного, достойного занять место в его коллекции. Сороконожек, сколопендр и других многоногих было сколько угодно, даже слишком много, но, кроме них,— ничего! А ведь известно, что кузену Бенедикту не было никакого дела до многоногих!

— Стоило ли проехать пять, а может быть, и все шесть тысяч миль,— жаловался он,— попасть в сильнейшую бурю, потерпеть крушение, чтобы не найти ни одного из тех американских шестиногих, которые являются украшением всякого энтомологического музея?! Нет, нет, решительно игра не стоила свеч!

В заключение кузен Бенедикт заявил, что он и часа не останется на этом презренном берегу, и потребовал, чтобы все тотчас же пустились в путь.

Миссис Уэлдон успокоила этого большого ребенка. Она уверила его, что завтра он будет счастливее в своих поисках. Затем все вошли в грот, чтобы поспать до восхода солнца.

Тут Том заметил, что Негоро еще не вернулся, хотя уже наступила ночь.

— Где он пропадает? — спросила миссис Уэлдон.

— Нам до этого дела нет,— сказал Бат.

— Напротив,— возразила миссис Уэлдон,— я предпочла бы, чтобы этот человек все время был у нас на глазах.

— Вы правы, миссис Уэлдон,— сказал Дик Сэнд,— но если он добровольно покинул нас, я не представляю себе, как можно заставить его вернуться. Кто знает, нет ли у Негоро причин навсегда скрыться от нас.

И, отведя миссис Уэлдон в сторону, Дик поделился с ней своими подозрениями. Миссис Уэлдон несколько не была удивлена рассказом Дика. Она также подозревала бывшего судебного кока и не сходилась с Диком лишь в одном: как держать себя с Негоро.

— Если Негоро вернется,— заметила она,— это значит, что он припрятал украденные деньги в надежном месте. Так как мы не можем поймать его с поличным, по-моему, лучше всего сделать вид, что мы не заметили покражи, и умолчать о наших подозрениях.

Миссис Уэлдон была права, и Дик согласился с ее мнением.

Между тем Геркулес несколько раз окликнул Негоро. Тот не отвечал: либо он зашел слишком далеко и не мог слышать призывов, либо не хотел вернуться.

Негры несколько не сожалели о том, что избавились от пор-

тугальца. Но, как правильно сказала миссис Уэлдон, Негоро был, пожалуй, менее опасен вблизи, чем вдали.

Как, однако, объяснить, что судовой кок осмелился в одиночку пуститься в путешествие по этой незнакомой местности?

Не заблудился ли он? Может быть, он искал и не нашел в крошечной тьме дорогу в грот?

Миссис Уэлдон и Дик Сэнд не знали, что и подумать. Но как бы то ни было, обитатели грота не имели права лишать себя столь необходимого отдыха из-за Негоро.

Вдруг Динго, бегавший по песчаному берегу, залился отчаянным лаем.

— Почему лает Динго? — спросила миссис Уэлдон.

— Сейчас узнаю, — ответил Дик Сэнд. — Может быть, Негоро возвращается?

Тотчас же Дик, Геркулес, Остин и Бат вышли из грота и направились к речке. Но они никого не увидели на берегу. Динго больше не лаял.

Дик Сэнд и его спутники вернулись в грот и постарались как можно лучше устроиться там на ночлег. Негры распределили между собой дежурство, и все путники легли спать.

Не могла заснуть лишь одна миссис Уэлдон. Ей почему-то казалось, что этот долгожданный берег не оправдал надежд, которые она возлагала на него, — не принес ни безопасности для ее близких, ни покоя для нее самой.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Гэррис

Наутро 7 апреля Остин, который нес караул в предрассветные часы, увидел, как Динго с сердитым лаем бросился к речке. Тотчас же из грота выбежали миссис Уэлдон, Дик Сэнд и негры. Вероятно, что-то произошло.

— Динго учуял человека или какое-то животное, — сказал юноша.

— Во всяком случае, не Негоро, — заметил Том, — на него Динго лает с особенной злостью.

— Но куда же девался Негоро? — спросила миссис Уэлдон, бросив искоса на Дика взгляд, значение которого понял только он один. — И если это не Негоро, то кто бы это мог быть?

— Сейчас узнаем, миссис Уэлдон, — ответил Дик. И, обращаясь к Бату, Остину и Геркулесу, он добавил: — Возьмите ружья и ножи, друзья мои, и идите за мной.

По примеру Дика Сэнда каждый негр заткнул за пояс нож и взял ружье. Затем все четверо зарядили ружья и быстро двинулись к берегу речки.

Миссис Уэлдон, Том и Актеон остались у входа в грот, где под присмотром старой Нан спал маленький Джек.

Солнце только что взошло. Скалы, поднимавшиеся на востоке, еще скрывали его, и песчаное побережье было в тени. Но на

западе до самого горизонта море уже сверкало под первыми солнечными лучами.

Дик Сэнд и его спутники быстро шли по берегу к устью реки.

Там они увидели Динго. Собака неподвижно стояла на месте, словно делала стойку, и лаяла не переставая. Ясно было, что она увидела или учуяла кого-то постороннего.

Старый Том был прав: Динго лаял не на Негоро, своего давнишнего врага. Какой-то человек спустился по откосу крутого берега. Очутившись на пляже, он медленно зашагал вперед, стараясь голосом и жестами успокоить Динго. Видно было, что он побаивается сердитого пса.

— Это не Негоро! — сказал Геркулес.

— Мы ничего не потеряем от такой замены, — заметил Бат.

— Вероятно, это туземец, — сказал юноша. — Его приход избавит нас от неприятной необходимости разлучаться друг с другом. Наконец-то мы узнаем, где мы находимся!

И все четверо, закинув ружья за спину, быстро зашагали навстречу незнакомцу.

Незнакомец, увидев их, явно был весьма удивлен. Он как будто не ожидал встретить людей в этой части побережья. Вероятно, он еще не заметил обломков «Пилигрима», иначе появление на берегу моря жертв крушения показалось бы ему совершенно естественным. Кстати сказать, ночью прибой разломал на части корпус корабля, и теперь в море плавали только обломки его.

Заметив, что идущие навстречу люди вооружены, незнакомец остановился и даже сделал шаг назад. Ружье висело у него за спиной; он быстро взял его в руки и вскинул к плечу. Его опасения были понятны.

Но Дик Сэнд сделал приветственный жест. Незнакомец, несомненно, понял, что у пришельцев намерения мирные, и после некоторого колебания подошел к ним.

Дик Сэнд мог теперь рассмотреть его.

Это был рослый мужчина, лет сорока на вид, с седеющими волосами и бородой, с живыми, быстрыми глазами и загорелый почти до черноты. Такой загар бывает у кочевников, вечно странствующих на вольном воздухе по лесам и равнинам. Незнакомец носил широкополую шляпу, куртку из дубленой кожи, похожую на камзол, и штаны; к высоким — до колен — кожаным сапогам были прикреплены большие шпоры, звеневшие при каждом шаге.

Дик Сэнд с первого взгляда понял — и так оно и оказалось, — что перед ним не коренной житель пампы. Это был скорее иностранец, сомнительный авантюрист, каких немало в отдаленных и полудиких краях. Судя по его манере держаться, словно навывтяжку, и по рыжеватой бороде, он, вероятно, был по происхождению англосакс. Во всяком случае, он не был ни индейцем, ни испанцем.

Догадка перешла в уверенность, когда в ответ на английское

приветствие Дика Сэнда незнакомец ответил на том же языке без какого бы то ни было акцента:

— Добро пожаловать, юный друг!

И, подойдя поближе, он крепко пожал руку Дика Сэнда.

Неграм, спутникам Дика, незнакомец только кивнул, не сказав им ни слова.

— Вы англичанин? — спросил он у Дика.

— Американец, — ответил юноша.

— Южанин?

— Нет, северянин.

Этот ответ как будто обрадовал незнакомца. Он еще раз чисто по-американски, размашисто потряс руку Дик Сэнду.

— Могу ли я спросить вас, мой юный друг, каким образом вы очутились на этом берегу?

Но прежде чем Дик Сэнд успел ответить на вопрос, незнакомец сорвал с головы шляпу и низко поклонился.

Миссис Уэлдон, неслышно ступая по песку, подошла и остановилась перед ним.

Она сама ответила на вопрос незнакомца.

— Сударь, — сказала она, — мы потерпели крушение. Наш корабль вчера разбился о прибрежные рифы!

На лице незнакомца отразилось чувство жалости. Повернувшись лицом к океану, он искал взглядом следы крушения.

— От нашего корабля ничего не осталось, — сказал Дик. — Прибой разбил его в щепы этой ночью.

— И прежде всего мы хотим знать, — добавила миссис Уэлдон, — где мы находимся.

— На южноамериканском побережье, — ответил незнакомец. Кажется, вопрос миссис Уэлдон очень удивил его. — Неужели вы этого не знаете?

— Да, сударь, — ответил Дик Сэнд. — Мы сомневались в этом, потому что в бурю корабль мог отклониться в сторону от курса, а я не имел возможности определить его место. Но я прошу вас точнее указать, где мы. На побережье Перу, не правда ли?

— Нет, нет, юный друг мой! Немного южнее. Вы потерпели крушение у берегов Боливии¹.

— Ах! — воскликнул Дик Сэнд.

— Точнее — вы находитесь в южной части Боливии, почти на границе Чили.

— Как называется этот мыс? — спросил Дик Сэнд, указывая на север.

— К сожалению, не знаю, — ответил незнакомец. — Я хорошо знаком с центральными областями страны, где мне часто приходилось бывать, но на этот берег я попал впервые.

Дик Сэнд задумался над тем, что услышал от незнакомца. В

---

¹ В войне против Чили (1879—1883) Боливия лишилась выхода к Тихому океану.

общем, он был не очень удивлен. Не зная силы течений, он легко мог ошибиться в счислении. Но ошибка эта оказалась не столь значительной. Дик, основываясь на том, что он заметил остров Пасхи, предполагал, что «Пилигрим» потерпел крушение где-то между двадцать седьмой и тридцатой параллелью южной широты. Оказалось — на двадцать пятой параллели. Судно проделало длинный путь, и такая незначительная ошибка в счислении была вполне вероятной.

У Дика не было ни малейших оснований сомневаться в правдивости слов незнакомца. Узнав, что «Пилигрим» потерпел крушение в Нижней Боливии, Дик уже не удивлялся пустынности берега.

— Сударь,— сказал он незнакомцу,— судя по вашему ответу, я должен предположить, что мы находимся на довольно большом расстоянии от Лимы?

— О, Лима далеко... Лима там! — Незнакомец махнул рукой, указав на север.

Миссис Уэлдон, которую исчезновение Негоро заставило насторожиться, с величайшим вниманием следила за этим человеком. Но ни в его поведении, ни в его ответах она не заметила ничего подозрительного.

— Сударь,— начала она,— извините, если мой вопрос покажется вам нескромным. Ведь вы не уроженец Боливии?

— Я такой же американец, как и вы, миссис...

Незнакомец умолк, ожидая, что ему подскажут имя.

— Миссис Уэлдон,— сказал Дик.

— Моя фамилия Гэррис,— продолжал незнакомец.— Я родился в Южной Каролине. Но вот уже двадцать лет, как я покинул свою родину и живу в пампе Боливии. Мне очень приятно встретить соотечественников!

— Вы постоянно живете в этой части Боливии, мистер Гэррис? — спросила миссис Уэлдон.

— Нет, миссис Уэлдон, я живу на юге, на чилийской границе. Но в настоящее время я еду на северо-восток, в Атакаму.

— Значит, мы находимся недалеко от Атакамской пустыни? — спросил Дик Сэнд.

— Совершенно верно, мой юный друг. Эта пустыня начинается за горным хребтом, который виден на горизонте.

— Пустыня Атакама! — повторил Дик Сэнд.

— Да, мой юный друг,— подтвердил Гэррис.— Атакамская пустыня, пожалуй, самая любопытная и наименее исследованная часть Южной Америки. Эта своеобразная местность резко отличается от всей остальной страны.

— Неужели вы рискуете в одиночку путешествовать по пустыне? — спросила миссис Уэлдон.

— О, я уже не раз совершал такие переходы! — ответил Гэррис.— В двухстах милях отсюда расположена крупная ферма — гациенда Сан-Феличе. Она принадлежит моему брату. Я часто бываю у него по своим торговым делам и сейчас направля-

юсь к нему. Если вы пожелаете отправиться со мной — могу поручиться, что вас встретит там самый сердечный прием. Оттуда уже легко добраться до города Атакамы: мой брат с величайшей радостью предоставит вам средства передвижения.

Это любезное предложение, сделанное как будто от чистого сердца, говорило в пользу американца. Гэррис, не ожидая ответа, снова обратился к миссис Уэлдон:

— Эти негры — ваши невольники?

Он указал на Тома и его товарищей.

— В Соединенных Штатах нет больше рабов, — живо возразила миссис Уэлдон. — Северные штаты давно уничтожили рабство, и южанам пришлось последовать примеру северян.

— Ах да, верно, — сказал Гэррис. — Я и позабыл, что война тысяча восемьсот шестьдесят второго года разрешила этот важный вопрос. Прошу извинения у этих господ, — добавил Гэррис с оттенком иронии в голосе; так говорили с неграми американцы из южных штатов. — Но, видя, что эти джентльмены служат у вас, я подумал...

— Они не служили и не служат у меня, сударь, — прервала его миссис Уэлдон.

— Мы почли бы за честь служить вам, миссис Уэлдон, — сказал старый Том. — Но — пусть это будет известно мистеру Гэррису — мы никому не принадлежим! Правда, я был рабом. Когда мне было шесть лет, меня захватили в Африке работорговцы и продали в Америку. Но мой сын Бат родился, когда я уже был свободным человеком, да и все мои спутники — дети свободных людей.

— С чем вас и поздравляю, — ответил Гэррис тоном, в котором миссис Уэлдон почудилась насмешка. — Впрочем, на земле Боливии нет рабов. Следовательно, вам нечего бояться, и вы можете путешествовать здесь с такой же безопасностью, как и по штатам Новой Англии¹.

В эту минуту из грота вышел маленький Джек в сопровождении Нан. Мальчик протирает глазки.

Увидев мать, он бегом бросился к ней. Миссис Уэлдон нежно поцеловала сына.

— Какой славный мальчуган! — сказал американец, подходя к Джеку.

— Это мой сын, — ответила миссис Уэлдон.

— О миссис Уэлдон! Вы, верно, страдали вдвойне во время этих тяжелых испытаний: за себя и за сына!

— Теперь это все в прошлом, мистер Гэррис. Благодарение богу, Джек цел и невредим, как и все мы.

— Разрешите поцеловать это прелестное дитя? — спросил Гэррис.

— Охотно, сударь.

---

¹ Новая Англия — северо-восточная часть США.

Но, очевидно, мистер Гэррис не понравился маленькому Джеку — он только теснее прижался к матери.

— Вот как! — сказал Гэррис. — Ты не хочешь поцеловать меня, крошка? Значит, я кажусь тебе страшным?

— Извините его, сударь, — поспешила сказать миссис Уэлдон. — Джек очень застенчивый ребенок.

— Ну хорошо, позже мы с тобой познакомимся поближе, — ответил Гэррис. — Когда мы придем в гациенду, там для тебя найдется славный пони, который поможет нам подружиться.

Но и упоминание о «славном пони» не смягчило маленького Джека.

Миссис Уэлдон поспешила переменить тему разговора — она боялась, что неприветливость Джека заденет человека, который так любезно предложил ей свои услуги.

Дик Сэнд раздумывал о приглашении Гэрриса идти с ним на гациенду Сан-Феличе. Оно пришлось очень кстати, но переход в двести миль то по лесам, то по голой равнине должен был очень утомить миссис Уэлдон и Джека: ведь никаких средств передвижения не было.

Дик поделился своими сомнениями с Гэррисом и с интересом ждал его ответа.

— Действительно, это длинный переход, — сказал Гэррис. — Но в лесу, в сотне шагов от берега, меня ждет лошадь. Я охотно предоставлю ее в распоряжение миссис Уэлдон и ее сына. Мужчины пойдут пешком, но смею вас уверить, что и пеший переход не представит никаких трудностей и не будет слишком утомителен. Кстати, когда я говорил о двухстах милях, я имел в виду путь вдоль извилистого берега: этим путем я только что прошел сам. Но если мы пойдём напрямик, через лес, дорога сократится по меньшей мере на восемьдесят миль. Делая в день до десяти миль, мы незаметно доберемся до гациенды.

Миссис Уэлдон поблагодарила американца.

— Если действительно хотите доказать свою благодарность, примите приглашение, которое я вам сделал, — ответил Гэррис. — Мне, правда, еще ни разу не приходилось бывать в этом лесу, но я не сомневаюсь, что без труда найду дорогу: я ведь привык странствовать по лесам. Вот с удовольствием дело обстоит хуже. Я захватил с собой в дорогу ровно столько провизии, сколько нужно мне одному, чтобы добраться до Сан-Феличе.

— Мистер Гэррис, — сказала миссис Уэлдон, — у нас, к счастью, провизии больше чем достаточно, и мы охотно поделимся с вами.

— Вот и отлично, миссис Уэлдон! — воскликнул Гэррис. — Все устраивается как нельзя лучше, и, мне кажется, нам остается только двинуться в путь.

Гэррис пошел было к лесу, чтобы привести оставленную там лошадь, но Дик Сэнд остановил его новым вопросом.

Юноше не улыбалась перспектива отойти от берега моря и

углубиться в девственный лес, тянувшийся на сотни миль. Дик Сэнд был истым моряком, и ему не хотелось покидать побережья.

— Мистер Гэррис,— сказал он,— меня смущает этот переход в сто двадцать миль по Атакамской пустыне. Не лучше ли нам идти вдоль берега? На север или на юг — мне все равно, лишь бы добраться до ближайшего приморского города.

Гэррис слегка нахмурил брови.

— Юный друг мой,— сказал он,— как ни плохо я знаю это побережье, мне известно, что ближайший приморский город отстоит от нас в трехстах или четырехстах милях...

— К северу — это верно,— прервал его Дик,— но к югу?..

— А к югу,— возразил американец,— нужно будет спуститься до самого Чили. Следовательно, переход будет не короче. Кроме того, на вашем месте я постарался бы не приближаться к пампе Аргентинской республики. Сам я, к великому сожалению, не могу сопровождать вас туда...

— Разве корабли, следующие из Чили в Перу, не проходят в виду этого берега? — спросила миссис Уэлдон.

— Нет,— ответил Гэррис.— Курс их проложен в открытом море. Вероятно, вы не встретили ни одного судна?

— Вы правы,— сказала миссис Уэлдон.— Итак, Дик, есть ли у тебя еще какие-нибудь вопросы к мистеру Гэррису?

— Только один, миссис Уэлдон,— ответил юноша, которому очень не хотелось соглашаться.— Я хотел бы узнать у мистера Гэрриса, в каком порту мы найдем судно, которое доставит нас в Сан-Франциско.

— Право, мой юный друг, я затрудняюсь ответить на этот вопрос,— сказал американец.— Я знаю только, что из гациденды Сан-Феличе мы найдем способ доставить вас в город Атакаму, а оттуда...

— Мистер Гэррис,— прервала его миссис Уэлдон,— не думайте, пожалуйста, что Дику не по душе ваше приглашение!

— Нет, миссис Уэлдон, нет! — воскликнул юноша.— Я с благодарностью готов принять предложение мистера Гэрриса. Единственно, о чем я сожалею, это о том, что «Пилигрим» не потерпел крушения несколькими градусами севернее или южнее. Тогда бы мы были вблизи порта, нам легче было бы вернуться на родину и не пришлось бы злоупотреблять любезностью мистера Гэрриса.

— Помилуйте, я очень рад,— сказал Гэррис.— Ведь я вам уже говорил, что здесь редко удается встретить соотечественников. Для меня истинное удовольствие оказать вам эту услугу.

— Мы принимаем ваше предложение, мистер Гэррис,— ответила миссис Уэлдон.— Но все же я не хочу лишать вас лошади. Я хороший ходок...

— А я еще лучший,— с поклоном сказал Гэррис.— Я привык странствовать по пампе, и если наш отряд задержится в пути, то, смею думать, это произойдет не по моей вине. Нет, миссис Уэлдон, на лошади поедете вы и ваш маленький Джек.

Впрочем, нет ничего невозможного в том, что дорогой мы встретим кого-либо из служащих гациенды. И если они будут ехать верхом, то охотно уступят нам своих лошадей.

Дик Сэнд видел, что, выдвигая новые возражения против предложения Гэрриса, он только огорчит миссис Уэлдон.

— Мистер Гэррис, — сказал он, — когда мы выступаем?

— Сегодня же, мой юный друг! — ответил Гэррис. — Дожливый период начинается здесь в апреле, и надо постараться до его наступления прибыть в гациенду Сан-Феличе. Дорога через лес — кратчайшая и, пожалуй, самая безопасная. Кочевники-индейцы редко забираются в лес: они предпочитают грабить на побережье.

— Том и вы, друзья мои, — сказал Дик, обращаясь к неграм, — нам остается сейчас же заняться приготовлением к походу. Отберем из запаса провизии то, что всего легче нести, и все упакуем в тюки; поклажу мы распределим между собой.

— Мистер Дик, — сказал Геркулес, — если хотите, я один понесу весь груз.

— Нет, мой славный Геркулес, — ответил юноша, — лучше поделить ношу между всеми.

— Вы, видно, силач, Геркулес, — сказал мистер Гэррис, оглядывая с головы до ног негра, словно тот был выставлен для продажи. — На африканских невольничьих рынках за вас дали бы немало.

— Не больше, чем я стою, — смеясь, ответил Геркулес. — Только покупателям пришлось бы здорово побегать, чтобы поймать меня.

Условившись обо всем, принялись за дело, чтобы ускорить выступление в поход. Сборы были непродолжительны, ведь путь от побережья до гациенды Сан-Феличе должен был отнять не больше десяти дней.

— Мистер Гэррис, прежде чем мы воспользуемся вашим гостеприимством, мы хотели бы видеть вас у себя в гостях, — сказала миссис Уэлдон. — Надеюсь, вы не откажетесь позавтракать с нами?

— С удовольствием, миссис Уэлдон, с удовольствием, — весело ответил Гэррис.

— Через несколько минут завтрак будет готов.

— Отлично, миссис Уэлдон. Я использую это время, чтобы сходить за лошадью. Она-то уже позавтракала.

— Разрешите сопровождать вас? — спросил Дик Сэнд американца.

— Если хотите, мой юный друг, — ответил Гэррис, — пойдемте, я покажу вам нижнее течение этой реки.

И они ушли вдвоем.

Тем временем миссис Уэлдон послала Геркулеса на поиски энтомолога. Кузену Бенедикту было мало дела до того, что творилось вокруг. Он бродил по опушке леса в поисках редкостных насекомых, но ничего не нашел.

Геркулесу пришлось чуть не насильно привести его. Миссис Уэлдон сообщила кузену Бенедикту, что решено отправиться пешком через лес в глубь страны и что поход будет продолжаться дней десять.

Кузен Бенедикт ответил, что он готов отправиться в любую минуту. Он согласен пройти пешком через всю Америку из конца в конец, если только ему разрешат дорогой коллекционировать насекомых.

Затем миссис Уэлдон с помощью Нан приготовила вкусный и плотный завтрак. Он был отнюдь не лишним перед дальней дорогой.

Тем временем Гэррис и Дик прошли берегом к устью реки и поднялись на несколько сот шагов вверх по ее течению. Там они увидели привязанную к дереву лошадь, которая веселым ржанием приветствовала своего хозяина.

Это была прекрасная лошадь не известной Дику Сэнду породы. Но для опытного человека достаточно было кинуть взгляд на тонкую шею, маленькую голову, длинный круп, покатые плечи, почти горбоносую морду, чтобы узнать отличительные признаки арабской породы.

— Вы видите, мой юный друг,— сказал Гэррис,— какое это сильное животное. Вполне можно рассчитывать, что оно не поведет в дороге.

Гэррис отвязал лошадь, взял ее под уздцы и, шагая впереди Дика, пошел к гроту. Юноша следовал за ним, пристально всматриваясь, оглядывая лес и оба берега реки. Но он не заметил ничего подозрительного.

Уже подходя к гроту, он задал американцу вопрос, которого тот никак не мог ожидать.

— Мистер Гэррис,— спросил он,— не встретили ли вы этой ночью португальца по имени Негоро?

— Негоро? — переспросил Гэррис тоном человека, не понимающего, чего от него хотят. — Кто такой этот Негоро?

— Судовой кок с «Пилигрима»,— ответил Дик Сэнд.— Он куда-то исчез.

— Утонул? — спросил Гэррис.

— Нет, нет,— ответил юноша.— Вчера вечером он еще был с нами, а ночью ушел. Вероятно, он поднялся вверх по течению реки. Я потому и спрашиваю вас, что вы пришли с той стороны. Вы не встретили его?

— Я не встретил никого,— сказал американец.— Если ваш кок один забрался в лесную чащу, он рискует заблудиться... Впрочем, быть может, мы нагоним его дорогой.

— Да, может быть...— пробормотал юноша.

Когда Дик Сэнд и Гэррис подошли к гроту, завтрак был уже готов. Как и вчерашний ужин, он состоял из всяких консервов и сухарей. Гэррис накинулся на еду с волчьим аппетитом.

— Я вижу,— сказал он,— что мы не умрем с голоду доро-

гой. Но что будет с этим несчастным португальцем, о котором мне рассказал наш юный друг?

— А! — прервала его миссис Уэлдон. — Дик Сэнд уже сказал вам, что Негоро исчез?

— Да, миссис Уэлдон, — ответил юноша. — Я хотел узнать, не встретил ли Негоро мистер Гэррис.

— Нет, не встретил, — сказал американец. — Не стоит думать об этом дезертире, лучше займемся нашими делами. Мы можем выступить в поход, миссис Уэлдон, когда вы пожелаете.

Каждый взял предназначенный ему тюк. Миссис Уэлдон при помощи Геркулеса уселась в седло. Маленький Джек, с игрушечным ружьем за плечами, сел впереди нее, даже не думая поблагодарить человека, который предоставил в его распоряжение такого великолепного коня.

Джек немедленно заявил матери, что он сам будет править лошадью «чужого господина».

Ему дали держать повод, и Джек сразу почувствовал себя признанным начальником отряда.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В пути

Пройдя шагов триста по берегу реки, маленький отряд вступил под покров девственного леса, по извилистым тропинкам которого ему предстояло странствовать в течение десяти дней. Дик Сэнд не без страха поглядывал на лесную чащу, хотя, собственно говоря, у него не было никаких оснований тревожиться.

Напротив, миссис Уэлдон — женщина и мать, которую неизвестные опасности должны были пугать вдвойне, — была совершенно спокойна. Она знала, что ни люди, ни звери, встречающиеся в области пампы, неопасны, — в этом заключалась первая причина ее спокойствия. Во-вторых, она верила, что с таким надежным проводником, каким ей казался Гэррис, нет риска заблудиться в лесу.

Впереди маленького отряда шли Дик Сэнд и Гэррис — один с длинноствольным ружьем, другой с карабином. За ними следовали Бат и Остин, также вооруженные карабинами и ножами.

Позади них ехали на лошади миссис Уэлдон и Джек.

За ними шли Том и старая Нан.

Арьергард составляли Актеон, вооруженный четвертым карабином, и Геркулес с топором за поясом.

Этот строй должен был по возможности соблюдаться в продолжение всего перехода.

Динго кружил возле отряда, то отставая, то забегая вперед. Дик Сэнд обратил внимание на то, что собака как будто бы все время ищет след. Динго вел себя очень странно с тех пор, как он попал на сушу после крушения «Пилигрима». Собака все время была в состоянии сильного возбуждения. Часто она глухо рычала, но и в этом рычании скорее слышалась жалоба, чем угроза.

Странное поведение собаки заметили все путники, но никто не мог его объяснить.

Кузена Бенедикта так же, как и Динго, невозможно было заставить шагать в строю. Для этого его нужно было бы держать на привязи. С жестяной коробкой на боку, с сеткой в руке, с большой лупой, висевшей на груди, он рыскал по чаще, забираясь в высокую траву в поисках прямокрылых, сетчатокрылых и прочих «крылых», рискуя, что его укусит какая-нибудь ядовитая змея.

В начале похода встревоженная миссис Уэлдон то и дело звала его. Но с энтомологом невозможно было сладить.

— Кузен Бенедикт, — сказала она ему наконец, — не искушайте моего терпения. В последний раз предлагаю вам никуда не отходить от нас!

— Позвольте, кузина, — возразил несговорчивый энтомолог, — а если я увижу насекомое...

— Если вы увидите насекомое, — сразу прервала ученого миссис Уэлдон, — вы оставите его в покое, иначе мне придется отобрать у вас ящик с коллекцией.

— Как, отобрать у меня коллекцию?! — воскликнул кузен Бенедикт таким тоном, словно миссис Уэлдон угрожала вырвать ему сердце.

— Да! И, кроме ящика, сетку! — ответила неумолимая миссис Уэлдон.

— И сетку, кузина?! Может быть, и очки? Нет! Вы не посмеете! Вы не посмеете!

— Да. И очки! Благодарю вас, кузен Бенедикт. Вы мне напомнили, что я могу сделать вас слепым и хоть таким способом заставить вести себя разумно!

Эта тройная угроза убила непоседу кузена почти на целый час. А потом он снова стал отходить в сторону. Так как ясно было, что он все равно будет охотиться за насекомыми, даже оставшись без очков, сетки и ящика, пришлось махнуть на него рукой и предоставить ему свободу действий. Геркулес обязался следить за кузеном Бенедиктом. Миссис Уэлдон уполномочила негра-великана поступать с кузеном Бенедиктом так же, как сам энтомолог поступал с редкими насекомыми. Иными словами, если бы понадобилось, Геркулес должен был поймать его и водворить на место так же деликатно, как сам кузен Бенедикт сделал бы это с редкостным чешуекрылым.

После такого распоряжения кузеном Бенедиктом перестали заниматься.

Маленький отряд, как видно из сказанного, был хорошо вооружен и готов ко всяким неожиданностям, хотя Гэррис и утверждал, что в этом лесу не приходится опасаться неприятных встреч, разве только с кочевниками-индейцами. Во всяком случае, принятых мер предосторожности было достаточно, чтобы держать всех встречаемых на почтительном расстоянии.

Тропинки, проложенные в густом лесу, походили скорее на

звериные тропы, и продвигаться по ним было нелегко. Гэррис не ошибся, говоря, что при двенадцати часах ходьбы отряд будет делать в день в среднем от пяти до шести миль.

Погода стояла прекрасная. Солнце поднялось по безоблачному небу к зениту. Лучи его падали на землю почти отвесно. На открытой равнине жара была бы нестерпимая, но под непроницаемым зеленым сводом ее нетрудно было переносить. Гэррис не преминул обратить на это внимание своих спутников.

Большинство древесных пород в лесу было незнакомо миссис Уэлдон и ее спутникам, как белым, так и черным. Однако сведущий человек заметил бы, что при всех своих ценных качествах они не отличаются большой высотой.

Здесь росла баугиния, или «железное дерево», моломпи, сходная с индийским деревом птерокарпом, легкая и прочная древесина которого идет на выделку весел; из его ствола обильно сочилась камедь. Кое-где виднелись сумахи, иначе называемые «красильными желтниками», они содержат большое количество красящих веществ. Были тут и бакауты с толстыми стволами, футов по двенадцать в диаметре, но менее ценные, чем обыкновенные гваяковые деревья.

Дик Сэнд спрашивал у Гэрриса названия деревьев.

— Разве вам никогда не приходилось бывать в Южной Америке? — спросил тот, прежде чем ответить на вопрос юноши.

— Никогда, — сказал Дик Сэнд. — Я уже немало поездил по свету, но ни разу не бывал в этих местах. По правде говоря, я даже не сталкивался с людьми, которые хорошо знали бы побережье Южной Америки.

— А в Колумбии, Чили или Патагонии вы не бывали? — спросил Гэррис.

— Нет, никогда...

— И миссис Уэлдон тоже никогда не посещала этой части материка? — продолжал Гэррис. — Ведь американки такие неутомимые путешественницы...

— Нет, мистер Гэррис, — ответила молодая женщина. — Мой муж ездит по делам только в Новую Зеландию, поэтому и мне не довелось побывать в других местах. Никто из нас не знает Нижней Боливии.

— Что ж, миссис Уэлдон, нам и вашим спутникам предстоит познакомиться с удивительной местностью, природа которой резко отличается от природы Перу, Бразилии и Аргентины. Флора и фауна Боливии поразят любого естествоиспытателя. Вы можете только радоваться, что потерпели крушение в таких интересных местах. Вот уж действительно можно сказать: «Не было бы счастья, да несчастье помогло...»

— Я хочу верить, что привел нас сюда не случай, мистер Гэррис, а бог...

— Бог? Да, да, конечно, бог, — ответил Гэррис тоном человека, который не допускает вмешательства providения в дела земные.

И так как никто из путешественников не знал этой страны, Гэррис любезно указывал им на различные образцы местной флоры и сообщал названия самых оригинальных деревьев в лесу. Кузен Бенедикт мог пожалеть, что интересуется только одной энтомологией. О, если бы он был еще и ботаник! Какое множество открытий и находок сделал бы он в этом лесу! Сколько здесь было растений, о существовании которых в тропических лесах Нового Света наука и не подозревала! Кузен Бенедикт мог бы навеки прославить свое имя. Но, к несчастью, он не любил ботанику и ничего в ней не понимал. Скажем больше: он даже испытывал отвращение к цветам — ведь некоторые разновидности цветов, говорил он, осмеливаются ловить насекомых и, замкнув их в свои венчики, отравляют своими ядовитыми соками.

Все чаще в лесу стали встречаться заболоченные места. Под ногами хлюпала вода. Сливаясь вместе, ее струйки питали притоки уже знакомой путешественникам речки. Некоторые притоки были так широки и полноводны, что приходилось искать брод, чтобы переправиться на другой берег.

Низкие и топкие берега речек густо заросли тростником. Гэррис сказал, что это папирус, и не ошибся в названии.

Миновав болота, путешественники снова вступили под сень высоких деревьев. Узенькие тропинки зазмеились в лесу.

Гэррис показал миссис Уэлдон и Дику на прекрасное эбеновое дерево, черная древесина которого красивее и тверже обычных сортов. Хотя отряд удалился уже на довольно большое расстояние от берега моря, в лесу росло много манговых деревьев. От корня и до ветвей их стволы были как мехом окутаны лишайниками. Манговые деревья дают густую тень, они приносят изумительно вкусные плоды, и все же, рассказывал Гэррис, ни один туземец не осмеливается разводить их. «Кто посадит манговое дерево, тот умрет», — гласило местное поверье.

Во второй половине дня после недолгого отдыха маленький отряд начал взбираться на пологие холмы, которые служили как бы предгорьями высокого хребта, тянувшегося параллельно берегу, и соединяли с ним равнину.

Здесь лес поредел, деревья уже не теснились сплошными рядами. Однако дорога не улучшилась: земля сплошь была покрыта буйными, высокими травами. Казалось, отряд перенесся в джунгли Восточной Индии. Растительность была не такой обильной, как в низовьях впадающей в океан речки, но все же более густой, чем в странах умеренного пояса Старого и Нового Света. Повсюду виднелись индигоноски¹. Это стручковое растение обладает необычайной жизнеспособностью. По словам Гэрриса, стоило земледельцу забросить поле, как тот-

---

¹ Индигоноска — растение, содержащее индиго — красящее вещество, из которого готовилась синяя краска.

час же его захватывали индигоноски, к которым здесь относились с таким пренебрежением, как в Европе относятся к крапиве и чертополоху.

Но зато в лесу совершенно отсутствовали каучуковые деревья. А между тем «*Ficus prinoides*», «*Castillia elastica*», «*Cecropia peltata*», «*Collophora utilis*», «*Cameraria litifolia*», и в особенности «*Syphonia elastica*», принадлежащие к различным семействам, в изобилии встречаются в южноамериканских лесах. К удивлению путешественников, они не находили ни одного каучуконоса.

А Дик Сэнд давно уже обещал показать своему другу Джеку каучуковое дерево. Мальчик, конечно, был очень разочарован: он воображал, что мячи, резиновые куклы, пишашие паяцы и резиновые шары растут прямо на ветвях этих деревьев. Джек пожаловался матери.

— Терпение, дружок, — ответил Гэррис. — Мы увидим сотни каучуковых деревьев вокруг гацienды.

— Они настоящие резиновые? — спросил маленький Джек.

— Самые настоящие. А пока что не хочешь ли попробовать вот эти плоды? Очень вкусные и утоляют жажду.

И с этими словами Гэррис сорвал с дерева несколько плодов, на вид таких же сочных, как персики.

— А вы уверены, что эти плоды не принесут вреда? — спросила миссис Уэлдон.

— Могу поручиться, миссис Уэлдон, — ответил Гэррис, — в доказательство я попробую их сам. Это плод мангового дерева. И Гэррис вонзил в сочный плод свои крепкие белые зубы. Маленький Джек не заставил себя долго просить и последовал его примеру. Он заявил, что «груши очень вкусные», и дерево тотчас стали обирать. У этой разновидности манговых деревьев плоды поспевают в марте и в апреле, тогда как у других — только в сентябре, и потому пришлось они очень кстати.

— Очень вкусно, очень вкусно, — с полным ртом говорил мальчик. — Но мой друг Дик обещал показать мне резиновое дерево, если я буду хорошо вести себя. Я хочу резиновое дерево!

— Потерпи немножко, сынок! — успокаивала мальчика миссис Уэлдон. — Ведь мистер Гэррис обещал тебе.

— Это не все, — не уступал Джек. — Дик обещал мне еще...

— Что же еще обещал тебе Дик? — улыбаясь, спросил мистер Гэррис.

— Птичку-муху!

— Увидишь и птичку-муху, мой мальчик! Только подальше... подальше отсюда! — ответил Гэррис.

Джек вправе был требовать, чтобы ему показали очаровательных колибри: ведь он попал в страну, где они водятся во множестве. Индейцы, которые умеют артистически плести перья колибри, наделили этих прелестных представителей пернатых поэтическими именами. Они называют колибри «солнечным

лучом» или «солнечными кудрями». Для них колибри — «царица цветов», «небесный цветок, прилетевший с лаской к цветку земному», «букет из самоцветов, сверкающий при свете дня», и т. д. Говорят, что у индейцев есть поэтические названия для каждого из ста пятидесяти видов, составляющих чудесное семейство колибри.

Однако, хотя все путешественники согласно утверждают, что в боливийских лесах водится множество колибри, маленькому Джеку пришлось довольствоваться лишь обещаниями Гэрриса. По словам американца, отряд двигался еще слишком близко от берега океана, а колибри не любят пустынных мест на океанском побережье. Гэррис рассказывал Джеку, что эти птички не боятся людей; на гациенде Сан-Феличе только и слышен их крик «тэр-тэр» и хлопанье крылышек, похожее на жужжание прятки.

— Ах, как бы я хотел уже быть там! — восклицал маленький Джек.

Для того чтобы скорее добраться до гациенды Сан-Феличе, надо было поменьше останавливаться в пути. Поэтому миссис Уэлдон и ее спутники решили сократить время остановок.

Облик леса уже изменялся. Все чаще встречались широкие полянки. Сквозь зеленый ковер трав проглядывал розоватый гранит и голубоватый камень, похожий на ляпис-лазурь. Иные холмы покрывала сассапарель — растение с мясистыми клубнями. Непроходимые заросли ее временами заставляли путешественников с сожалением вспоминать об узких тропинках в лесной чаще, где все же легче было пробираться.

До захода солнца маленький отряд прошел приблизительно восемь миль. Этот переход закончился без всяких приключений и никого не утомил. Правда, то был лишь первый день пути — следовало ожидать, что следующие этапы окажутся более трудными.

С общего согласия решено было остановиться на отдых. Разбивать лагерь по всем правилам не стоило на одну ночь, и путешественники расположились прямо на земле. Так как не приходилось опасаться нападения со стороны туземцев или диких зверей, то для охраны достаточно было выставить одного караульного, сменяя его каждые два часа.

Привал устроили под огромным манговым деревом; его раскидистые ветви, покрытые густой листвой, образовали как бы естественную беседку. В случае необходимости можно было бы укрыться в его листве.

Но как только прибыл маленький отряд, на верхушке дерева поднялся оглушительный концерт.

Манговое дерево служило насестом для целой стаи серых попугаев, болтливых, зазорных и яростных пернатых, которые обычно нападают на других птиц. Было бы весьма ошибочно судить о них по их сородичам, которых в Европе содержат в клетках.

Попугаи подняли такой шум, что Дик Сэнд намеревался ружейным выстрелом заставить их замолчать или разлететься. Но

Гэррис отговорил его от этого под тем предлогом, что в этих людных местах лучше не выдавать своего присутствия звуком огнестрельного оружия.

— Пройдем без шума, и не будет никакой опасности,— сказал он.

Ужин был вскоре готов, не пришлось даже готовить продукты на огне: он состоял из консервов и сухарей. Ручеек, протекавший под травой, снабдил путников водой; ее пили, прибавляя в нее по нескольку капель рома. Десерт в виде сочных плодов висел на ветках мангового дерева и был сорван, несмотря на пронзительные крики попугаев.

К концу ужина стало темнеть. Тени медленно поднимались от земли к верхушкам деревьев. Тонкая резьба листвы вскоре выделилась на более светлом фоне неба. Первые звезды казались яркими цветами, вспыхнувшими на концах верхних веток. Ветер с наступлением ночи стал утихать и не шелестел уже в ветвях. Умолкли даже попугаи. Природа отходила ко сну и призывала к тому же все живые существа.

Приготовление к ночлегу были очень несложными.

— Не развести ли нам на ночь костер? — спросил Дик Сэнд у американца.

— Не стоит,— ответил Гэррис.— Ночи, к счастью, стоят теперь теплые, а крона этого гигантского дерева задерживает испарения. Таким образом, нам не грозит ни холод, ни сырость. Я повторяю, мой друг, то, что уже говорил: постараемся проскользнуть незамеченными. Не надо ни стрелять, ни разводить костров.

— Я знаю,— вмешалась в разговор миссис Уэлдон,— что нам нечего опасаться индейцев, даже тех кочевых лесных жителей, о которых вы нам говорили, мистер Гэррис... Но ведь есть и другие обитатели лесов — четвероногие... Не лучше ли отогнать их ярким костром?

— Миссис Уэлдон, местные четвероногие не заслуживают такой чести. Скорее они боятся встречи с человеком, нежели человек — встречи с ними.

— Мы ведь в лесу,— сказал маленький Джек,— а в лесах всегда водятся звери.

— Есть разные леса, дружок, так же, как и звери бывают разные,— смеясь, ответил ему Гэррис.— Вообрази, что ты находишься в обширном парке. Ведь недаром индейцы говорят о своей стране: «Es como el Pariso!» Она совсем как рай земной.

— А змей здесь нет? — спросил Джек.

— Нет, мой мальчик,— ответила миссис Уэлдон.— Тут нет никаких змей. Можешь спать спокойно.

— А львы? — спрашивал Джек.

— Никаких львов, мой мальчик,— ответил Гэррис.

— А тигры?

— Спроси у своей мамы, слыхала ли она, что в Южной Америке водятся тигры.

— Никогда,— ответила миссис Уэлдон.

Кузен Бенедикт, присутствовавший при этом разговоре, заметил:

— Это верно, что в Новом Свете нет ни тигров, ни львов. Но зато здесь есть ягуары и кугуары.

— Они злые? — спросил маленький Джек.

— Ба! — сказал Гэррис. — Туземцы сражаются с ними один на один, а нас много, и мы хорошо вооружены. Ваш Геркулес мог бы голыми руками задушить сразу двух ягуаров, по одному каждой рукой.

— Смотри, Геркулес, не спи! — сказал маленький Джек. — И если зверь захочет укусить меня...

— То я сам его укушу, мистер Джек! — ответил Геркулес, оскалив два ряда великолепных зубов.

— Вы будете караулить, Геркулес, — сказал Дик Сэнд, — пока я не сменю вас, а меня потом сменят другие.

— Нет, капитан Дик, — возразил Актеон, — Геркулес, Бат, Остин и я справимся сами с караулом. Вам надо отдохнуть этой ночью.

— Спасибо, Актеон, — ответил Дик Сэнд, — но я должен...

— Ничего ты не должен, Дик! — заявила миссис Уэлдон. — Поблагодари этих славных людей и прими предложение.

— Я тоже буду караулить, — пробормотал маленький Джек, у которого уже слипались глаза.

— Ну, разумеется, мой мальчик, — сказала мать, не желая противоречить ему, — ты тоже будешь караулить.

— Но если в этом лесу нет ни львов, ни тигров, — продолжал мальчик, — то есть волки?

— Не настоящие... — ответил американец. — Это особая порода лисиц, или, вернее, лесные собаки. Их называют гуарами.

— А гуары кусаются? — спросил Джек.

— Ваш Динго может проглотить крупного гуара в один прием.

— А все-таки, — отчаянно зевая, сказал Джек, — гуары — это волки, раз их называют волками.

И с этими словами мальчик спокойно уснул на руках у старой Нан, которая сидела, прислонившись к стволу мангового дерева. Миссис Уэлдон поцеловала спящего ребенка, улеглась на земле рядом с ним и скоро тоже сомкнула усталые глаза.

Через несколько минут после этого Геркулес привел на стоянку кузена Бенедикта, который пытался ускользнуть в лес, чтобы заняться ловлей «кокюйю» — светящихся мух, которыми щеголихи туземки украшают свои волосы, как живыми драгоценностями. Эти насекомые, излучающие довольно яркий синеватый свет из двух пятен, расположенных у основания щитка, весьма распространены в Южной Америке. Кузен Бенедикт надеялся наловить много таких светляков, но Геркулес воспротивился его поползновениям и, несмотря на протесты ученого, притащил его к месту привала. Геркулес был человеком дисциплинированным и, получив приказание, выполнял его по-военному.

Так великан негр спас немало святящихся мух от заключения в жестяной коробке энтомолога.

Вскоре весь отряд, кроме Геркулеса, стоявшего в карауле, спал глубоким сном.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Сто миль за десять дней

Путешественников и охотников, ночующих в тропическом лесу под открытым небом, обычно будит весьма неприятный концерт. В нем слышится и клохтанье, и хрюканье, и карканье, и лай, и визг, и насмешливое бормотанье, дополняющее эти разнообразные звуки.

Так приветствуют пробуждение дня обезьяны. В тропическом лесу можно встретить маленьких «марикину», «сагуина» с пестрой мордой, серого «моно», кожей которого индейцы прикрывают казенную часть своих ружей, «сагу», которых можно узнать по двум длинным пучкам шерсти, и много других представителей многочисленного семейства четвероруких.

Пожалуй, самыми любопытными из них являются ревуны, обезьяны с настоящей физиономией Вельзевула и длинным цепким хвостом, помогающим им держаться на деревьях.

Как только восходит солнце, самый старый из стаи затягивает мрачным голосом монотонную песню. Это баритон труппы. Молодые тенора подхватывают вслед за ним утреннюю симфонию. Индейцы говорят тогда, что ревуны «читают свои молитвы». Но в тот день обезьяны, по-видимому, не желали читать молитвы, так как их не было слышно, а между тем голоса их разносятся далеко, — такой сильный звук получается от быстрого колебания особой костной перепонки, которая образуется у ревунов от утолщения подъязычной кости.

Однако по какой-то неизвестной причине в то утро ни ревуны, ни другие обезьяны, обитавшие в огромном лесу, не дали своего обычного утреннего представления.

Такое поведение обезьян весьма огорчило бы индейцев-кочевников. Не потому, что они любят этот вид хорового пения, но они охотятся на обезьян и делают это потому, что ценят, главным образом, их мясо, действительно очень вкусное, особенно в копченом виде.

Дик Сэнд и его спутники не имели никакого понятия о привычках ревунов, иначе молчание обезьян привлекло бы их внимание. Путешественники проснулись один за другим. Ночь прошла спокойно, и несколько часов отдыха восстановили их силы.

Маленький Джек раскрыл глазки одним из первых. Увидев Геркулеса, он спросил, не съел ли тот ночью волка. Но оказалось, что ни один волк не появлялся вблизи привала, и Геркулес пожаловался Джеку на терзающий его голод.

Остальные путешественники тоже проголодались, и Нан стала готовить завтрак.

Меню было такое же, как и накануне за ужином. Но свежий утренний воздух возбудил у всех аппетит, и путники не были особенно привередливы. Все понимали, что нужно набраться сил для утомительного дневного перехода, и потому воздали честь завтраку. Даже кузен Бенедикт сообразил, — быть может, впервые в жизни, — что еда не бесполезный и не безразличный для жизни процесс. Однако он заявил во всеуслышание, что «приехал в эту страну отнюдь не для того, чтобы прогуливаться, засунув руки в карманы». И если Геркулес, продолжал он, осмелится и впредь мешать ему охотиться на светящихся мух и других насекомых, то Геркулесу это не пройдет даром!

Угроза, казалось, не произвела на великана большого впечатления. Но миссис Уэлдон отвела Геркулеса в сторону и посоветовала ему разрешить порезвиться этому большому ребенку, не выпуская, однако, его из виду.

— Не надо, — сказала она, — лишать кузена Бенедикта невинных удовольствий, столь естественных в его возрасте.

В семь часов утра маленький отряд тронулся в путь, направляясь на восток. Установленный накануне походный порядок сохранялся и теперь.

Все так же дорога шла через лес. Жаркий климат и обилие влаги способствовали неистощимому плодородию почвы. Казалось, на этом обширном плоскогорье, расположенном на границе с тропиками, растительный мир южных стран представлял во всей своей мощи. В летние месяцы солнечные лучи падали тут почти отвесно, в почве накапливались огромные запасы тепла, а подпочва всегда оставалась влажной. И как великолепны были эти леса, сменявшие один другой, или, вернее, этот бесконечный лес.

Дик Сэнд не мог не заметить странного противоречия: по словам Гэрриса, путники находились в области пампы. Меж тем пампа на языке индейцев «кишна» означает «равнина». И Дик думал, что, если память не изменяет ему, пампа — это обширные безводные и безлесные степи, где не встретишь камня, огромные ровные пространства, покрывающиеся в период дождей чертополохом. В жаркое время этот чертополох, разрастаясь, превращается в настоящий кустарник и образует непроходимые заросли. Есть в пампе и карликовые деревья, и голые кусты колючек — и все это придает местности мрачный, унылый вид.

Но то, что Дик Сэнд видел вокруг с тех пор, как маленький отряд под водительством американца двинулся в путь, расставшись с побережьем, нисколько не походило на пампу. Непроходимый лес простирался во все стороны до самого горизонта. Нет, не такой представлял себе юноша пампу. Но, может быть, прав был Гэррис, когда говорил, что Атакамское плоскогорье — очень своеобразная область. Что знал о нем Дик? Только то, что Атакама — одна из обширнейших пустынь Южной Америки, что она тянется от берегов Тихого океана до подножия Анд.

В этот день Дик Сэнд задал американцу несколько вопросов

по этому поводу и сказал, что его очень удивляет странный вид пампы. Но Гэррис рассеял сомнения юноши. Он сообщил ему множество сведений об этой части Боливии, обнаружив при этом отличное знание страны.

— Вы правы, мой юный друг,— сказал он Дику Сэнду,— настоящая пампа действительно соответствует тому описанию, какое вы вычитали в своих книгах. Это бесплодная равнина, путешествие по которой сопряжено с большими трудностями. Пампа несколько напоминает наши североамериканские саванны, с той лишь разницей, что саванны чаще бывают заболоченными. Да, именно такой вид имеет пампа Рио-Колорадо, льяносы Ориноко и Венесуэлы. Но здесь мы находимся в местности, вид которой даже меня приводит в изумление. Правда, я впервые иду тут кратчайшей дорогой и пересекаю Атакамское плоскогорье — обычно я избирал кружной путь. Но, хотя мне не приходилось бывать здесь раньше, я слышал, что Атакама совершенно не похожа на пампу. Между Западными Андами и средней, самой высокой частью Анд вы настоящей пампы и не увидите — чтобы в нее попасть, надо перевалить через хребет: она занимает восточную, равнинную часть материка, простирающуюся до самого Атлантического океана.

— Разве нам придется перевалить через Анды? — живо спросил Дик Сэнд.

— Нет, юный друг мой, нет,— улыбаясь, ответил американец.— Ведь я сказал: «нужно перевалить», я не сказал: «мы перевалим через горы». Не беспокойтесь, нам не придется выходить за пределы этого плоскогорья, а на нем самые высокие вершины не превышают полутора тысяч футов. При тех средствах передвижения, какими мы располагаем, было бы чистейшим безумием предпринимать поход через Анды. Я бы ни за что этого не допустил!

— Много проще было бы идти берегом,— сказал Дик Сэнд.

— О да, во сто раз проще,— согласился Гэррис.— Но ведь гасиенда Сан-Феличе расположена по эту сторону Анд. Таким образом, в течение всего путешествия нам не представится серьезных препятствий.

— А вы не боитесь заблудиться в лесу? — спросил Дик Сэнд.— Ведь вы впервые путешествуете здесь.

— Нет, мой юный друг, не боюсь,— ответил Гэррис.— Я отлично знаю, что этот лес подобен безбрежному морю или, скорее, морскому дну, где даже моряк не смог бы определить своего положения. Но ведь я привык странствовать по лесам и умею находить в них дорогу. Я руководствуюсь при этом расположением ветвей на некоторых деревьях, направлением, в котором растут их листья, рельефом и составом почвы, а также множеством мелочей, которых вы не замечаете. Будьте покойны, я приведу вас и ваших спутников прямо в нужное нам место.

Обо всем этом Гэррис говорил очень уверенно.

Дик Сэнд и американец шли рядом впереди отряда; дорогой

они часто обсуждали подобные вопросы, и никто не вмешивался в их разговор. Если у юноши и оставались кое-какие сомнения, которые американцу не удавалось рассеять, то он предпочитал хранить их пока про себя.

Дни восьмого, девятого, десятого, одиннадцатого и двенадцатого апреля миновали без всяких происшествий. В среднем отряд проходил восемь-девять миль за двенадцать часов. Остальное время уходило на остановки для еды и на ночной отдых. Путники чувствовали некоторую усталость, но, в общем, состояние здоровья у всех было удовлетворительное.

Маленькому Джеку уже наскучило это однообразное странствование по лесу. Кроме того, взрослые не сдержали своих обещаний. Резиновые деревья и птицы-мухи — все это без конца откладывалось. Говорили, что покажут ему самых красивых попугаев на свете, — ведь они должны были водиться в этом лесу. Но где же они? Где зеленые попугаи, родиной которых были эти леса? Где расцвеченные во все цвета радуги араконги с голыми щеками и длинным хвостом, араконги, которые никогда не ступают лапками по земле; где камендеи, обитающие преимущественно в тропиках; где мелкие пестрые попугайчики с пушистым ошейником из перьев, — где все эти болтливые птицы, которые, по мнению индейцев, до сих пор говорят на языке давно вымерших племен?

Из всех попугаев Джеку показали только пепельно-серых жакко с красным хвостом. Их было много под деревьями. Но этих жакко мальчик видел и раньше. Их доставляют во все части света. На обоих континентах они прожужжали всем уши своей несносной болтовней, и из всего семейства попугаев они легче всех приучаются говорить.

Нужно сказать, что если Джек был недоволен, то у кузена Бенедикта тоже не было оснований радоваться. Правда, ему не мешали теперь рыскать по лесу. Но до сих пор ему все еще не удавалось разыскать ни одного насекомого, достойного занять место в его коллекции. Даже светящиеся жуки, которых тут должно было быть великое множество, словно составили заговор — ни один из них не появлялся вблизи отряда. Природа, казалось, издевалась над несчастным энтомологом, и неудивительно, что кузен Бенедикт все время был в отвратительном настроении.

В течение следующих четырех дней отряд продолжал двигаться на северо-восток в тех же условиях. К 16 апреля путники прошли не менее ста миль от берегов океана. Если Гэррис не заблудился, гациенда Сан-Феличе, как он утверждал, была не более как в двадцати милях от того места, где в этот день остановились на ночлег. Следовательно, самое позднее через сорок восемь часов путешественники будут, наконец, под ее гостеприимным кровом и отдохнут, от своих трудов!

Несмотря на то что плоскогорье Атакама, в средней его части, было пройдено почти из конца в конец, на протяжении всего этого длинного пути отряду не повстречался ни один туземец.

Дик Сэнд жалел, что «Пилигрим» не потерпел крушения в каком-нибудь другом месте. Случись катастрофа южнее или севернее, миссис Уэлдон и ее спутники давно добрались бы уже до какой-нибудь плантации, поселка или города.

Но если эта область казалась покинутой людьми, то за последние дни маленькому отряду все чаще стали попадаться животные. По вечерам издали доносился протяжный, жалобный вой каких-то зверей. Гэррис говорил, что это воет ленивец — крупный зверь-тихоход, весьма распространенный в этих лесных краях.

Шестнадцатого апреля в полдень, когда отряд расположился отдыхать, в воздухе прозвучал какой-то резкий свист. Миссис Уэлдон свист этот показался очень странным и встревожил ее.

— Что это такое? — спросила она, быстро поднявшись с земли.

— Змея! — вскричал Дик Сэнд.

И, схватив ружье, юноша заслонил собой миссис Уэлдон. В самом деле, какое-нибудь пресмыкающееся могло заползти в густую траву, окружающую место привала. Это мог быть «сукуру» — разновидность удава — гигантская змея, достигающая иногда сорока футов в длину.

Но Гэррис успокоил миссис Уэлдон. Он предложил Дик Сэнду и неграм, устремившимся было к юноше на помощь, сесть на свои места.

Американец сказал, что это не удав: удавы не свистят; звук этот издают совсем нестрашные четвероногие — их очень много в здешних краях!

— Успокойтесь, — добавил он, — и не пугайте безобидных животных.

— Но что это за животные? — спросил Дик Сэнд, не упуская случая разузнать у американца побольше подробностей об этой стране. Американец же рассказывал охотно, не заставляя себя просить.

— Это антилопы, мой юный друг, — ответил американец.

— О! Антилопы? Я хочу посмотреть на них! — воскликнул Джек.

— Это очень трудно, мой мальчик, — сказал Гэррис, — очень трудно.

— Может быть, все-таки мне удастся приблизиться к этим свистящим антилопам? — спросил Дик Сэнд.

— Вы не успеете сделать и трех шагов, — возразил американец, покачав головой, — как все стадо ударится в бегство. Не советую вам напрасно тратить силы.

Но у Дика Сэнда были основания настаивать на своем. Не выпуская ружья из рук, он скользнул в траву. В ту же секунду несколько грациозных антилоп с маленькими и острыми рогами вихрем пронеслись мимо привала. Их ярко-рыжая шерсть огненным пятном мелькнула на темном фоне деревьев.

— Вот видите, я предупреждал вас! — сказал Гэррис, когда юноша вернулся на свое место.

Антилопы исчезли с такой быстротой, что Дик Сэнд не успел разглядеть их. В тот же день на глаза отряду попало еще одно стадо каких-то животных. На этот раз ничто не мешало Дикуну смотреть на них, правда, с большого расстояния. Появление их вызвало довольно странный спор между Гэррисом и его спутниками. Около четырех часов пополудни маленький отряд ненадолго остановился на лесной полянке. Вдруг среди чащи, не больше чем в ста шагах, показалось стадо каких-то крупных животных. Они сразу же бросились прочь и умчались с молниеносной быстротой.

Несмотря на многократные предупреждения американца, Дик Сэнд вскинул ружье к плечу и выстрелил. Однако в тот момент, когда прозвучал выстрел, Гэррис толкнул ствол, и хотя Дик был метким стрелком, но на этот раз пуля не попала в цель.

— Не надо стрелять! Не надо стрелять! — проворчал Гэррис.

— Это были жирафы! — воскликнул Дик Сэнд, пропуская мимо ушей замечание американца.

— Жирафы! — воскликнул маленький Джек, приподнимаясь в седле. — Покажите мне жирафов!

— Жирафы? — переспросила миссис Уэлдон. — Ты ошибаешься, дорогой Дик. Жирафы не водятся в Америке.

— Ну, конечно, в этой стране не может быть жирафов! — сказал Гэррис с недовольным видом.

— В таком случае, что же это за животное? — спросил Дик Сэнд.

— Не знаю, что и подумать, — ответил Гэррис. — Не обманулись ли вы, мой юный друг? Может быть, это были страусы?

— Страусы? — в один голос повторили миссис Уэлдон и Дик.

Они удивленно переглянулись.

— Да, да, обыкновенные страусы, — настаивал Гэррис.

— Но ведь страусы — птицы, — сказал Дик, — и следовательно, они двуногие...

— Вот именно, — подхватил Гэррис, — мне как раз и бросилось в глаза — эти животные, которые умчались с такой быстротой, были двуногие.

— Двуногие? — повторил юноша.

— А мне показалось, что это были четвероногие, — сказала миссис Уэлдон.

— И мне тоже, — заметил старый Том.

— И нам, и нам! — воскликнули Бат, Актеон и Остин.

— Четвероногие страусы! — расхохотался Гэррис. — Вот забавная игра природы!

— Поэтому-то мы и подумали, что это жирафы, а не страусы, — возразил Дик Сэнд.

— Нет, мой юный друг, нет! — решительно заявил Гэррис. — Вы плохо разглядели их. Это объясняется быстротой, с

какой страусы убежали. И опытным охотникам иной раз случается ошибаться в таких случаях.

Объяснения американца были весьма правдоподобны. На далеком расстоянии крупного страуса нетрудно принять за жирафа. У того и другого очень длинная шея и голова запрокинута назад. Страус похож на жирафа, у которого, можно сказать, отрубили задние ноги. При быстром беге, когда они лишь промелькнули перед глазами, их можно перепутать. Главное же доказательство ошибки миссис Уэлдон и ее спутников было то, что жирафы не водятся в Америке.

— Если не ошибаюсь, то ведь и страусы тоже не водятся в Америке,— заметил Дик.

— Ошибаетесь, мой юный друг,— возразил Гэррис,— в Южной Америке водится одна разновидность страуса — нанду. Его-то мы и видели,

Гэррис сказал правду.

Нанду — постоянный житель южноамериканских равнин. Это крупная птица, ростом около двух метров, с прямым клювом; оперение ее пушистое, крылья имеют синеватый оттенок. Ноги у нанду трехпалые, чем она существенно отличается от двухпалых африканских страусов, пальцы снабжены когтями. Мясо молодых нанду очень вкусно.

Гэррис, хорошо знавший повадки этих птиц, поделился с Диком своими сведениями, кстати сказать, вполне точными. Миссис Уэлдон и ее спутникам пришлось признать, что они ошиблись.

— Возможно, что мы встретим еще стадо страусов,— продолжал Гэррис.— Постарайтесь получше рассмотреть их, чтобы впредь не ошибаться и не принимать птиц за четвероногих. А главное, мой юный друг, не забывайте моих советов и не стреляйте без крайней нужды, какое бы животное вы ни встретили. Нам нет нужды охотиться ради пропитания, и потому, я повторяю, не следует ружейными выстрелами оповещать всех о нашем пребывании в этом лесу.

Дик Сэнд ничего не ответил. Он глубоко задумался: сомнения снова зародилось в его уме...

На следующий день, 17 апреля, отряд с утра тронулся в путь. Гэррис утверждал, что не позже как через двадцать четыре часа путники будут уже под кровом гациенды Сан-Феличе.

— Там, миссис Уэлдон,— говорил он,— вам окажут сердечный прием, окружают заботами. Несколько дней отдыха восстановят ваши силы. Быть может, вы не найдете там той роскоши, к какой вы привыкли в Сан-Франциско, но все же вы убедитесь, что наши гациенды, даже в глухих уголках страны, не лишены комфорта. Мы вовсе уж не такие дикари.

— Мистер Гэррис,— ответила миссис Уэлдон,— мы бесконечно признательны вам за все, что вы для нас сделали. К сожалению, эта признательность — все, чем мы можем вас отблагодарить, но, верьте, она исходит от чистого сердца! Да, пора было бы уже нам прибыть на место!..

— Вы очень устали, миссис Уэлдон?

— Не обо мне речь! — ответила миссис Уэлдон. — Но мой мальчик день ото дня хиреет. Каждый день в определенный час его лихорадит.

— Хотя климат этого плоскогорья считается здоровым, — сказал Гэррис, — но я слышал, что в марте и в апреле люди иногда заболевают здесь перемежающейся лихорадкой.

— К счастью, предусмотрительная природа поместила противоядие рядом с ядом, — заметил Дик Сэнд.

— Что вы хотите этим сказать, мой юный друг? — с недоумением спросил Гэррис.

— Разве здесь не растут хинные деревья? — ответил Дик.

— Ах да, — сказал Гэррис, — вы совершенно правы. Здесь родина хинных деревьев, кора их обладает драгоценными целебными свойствами, как противолихорадочное средство.

— Меня, по правде сказать, удивляет, что мы до сих пор не встретили ни одного хинного дерева, — добавил Дик Сэнд.

— Дело в том, мой юный друг, — сказал Гэррис, — что хинные деревья не так-то легко распознать. Это высокие деревья с крупными листьями и розовыми пахучими цветами. Но растут они обычно не группами, а поодиночке, затерянные среди других деревьев. Индейцы, занимающиеся сбором хинной коры¹, узнают их только по вечнозеленой листве.

— Если вы заметите такое дерево, укажите мне его, мистер Гэррис, — попросила миссис Уэлдон.

— Разумеется, миссис Уэлдон, но в гациенде Сан-Феличе вы найдете запас сернокислого хинина — это средство еще лучше прекращает лихорадку, чем простая кора хинного дерева.

Последний день путешествия прошел без всяких приключений. Наступил вечер, и, по обыкновению, отряд остановился на ночлег. Все время погода стояла сухая и ясная; но сейчас, видимо, собирался дождь. Теплые испарения поднялись от земли и окутали лес непроницаемым туманом.

В этом не было ничего неожиданного, так как близилось начало дождливого периода. К счастью для маленького отряда, гациенда, гостеприимно предложенное убежище, была уже совсем недалеко. Оставалось потерпеть только несколько часов.

По приблизительным расчетам Гэрриса, в которых он исходил из количества времени, проведенного в пути, отряд находился не дальше как в шести милях от гациенды. Тем не менее на ночь были приняты все обычные меры предосторожности: Том и его товарищи должны были поочередно нести караул. Дик Сэнд настаивал на этом со всей решительностью. Больше чем когда-либо юноша хотел соблюдать осторожность. Страшное подозре-

---

¹ В прежние времена медицина довольствовалась растертой в порошок корой хинного дерева. Такой порошок назывался «иезуитским», потому что в 1649 году римские иезуиты получили большой транспорт хинной коры от своих американских миссионеров. (Примеч. авт.)

ние сверлило его ум, но, пока оно не перешло в уверенность, Дик ни с кем не хотел об этом говорить.

Привал устроили в роще, у подножия гигантского дерева. Устав от долгого перехода, миссис Уэлдон и ее спутники скоро уснули, но вдруг их разбудил громкий крик.

— Кто кричит? — спросил Дик Сэнд, первым вскочивший на ноги.

— Это я... Это я крикнул! — ответил кузен Бенедикт.

— Что с вами?

— Меня кто-то укусил...

— Змея? — с ужасом спросила миссис Уэлдон.

— Нет, нет, не змея, а какое-то насекомое, — ответил кузен Бенедикт. — Подождите, вот оно, я его поймал.

— Так раздавите же его и не мешайте нам спать! — раздраженно сказал Гэррис.

— Раздавить насекомое? — вскричал кузен Бенедикт. — Как бы не так! Нет, я должен его рассмотреть!

— Какой-нибудь москит, — сказал Гэррис, пожимая плечами.

— Нет, — возразил кузен Бенедикт, — это муха... и весьма любопытная муха.

Дик Сэнд зажег свой ручной фонарик и подошел к кузену Бенедикту.

— Бог мой, что я вижу! — вскричал энтомолог. — Наконец-то я вознагражден за все невзгоды и разочарования! Ура! Я сделал великое открытие!

Кузен Бенедикт захлебывался от счастья. Он глядел на пойманную муху взглядом триумфатора. Казалось, он готов был ее расцеловать.

— Но что это такое? — спросила миссис Уэлдон.

— Двукрылое насекомое, кузина, и какое замечательное!..

Кузен Бенедикт показал всем бурую муху, размером меньше пчелы, с длинным хоботком и желтыми полосками на брюшке.

— Она не ядовитая? — спросила миссис Уэлдон.

— Нет, кузина, человеку она не страшна. Но для животных, для антилоп, буйволов, даже для слонов это страшный враг! Ах, какая прелестная, восхитительная мушка!..

— Да скажите же нам, наконец, что это за муха? — воскликнул Дик Сэнд.

— Эта муха, — ответил энтомолог, — эта милая мушка, которую я держу в руке, называется цеце¹. Этой мухой до сих пор по праву гордился только один континент! Ни один ученый не находил еще цеце в Америке.

---

¹ Муха цеце, по современным данным, опасна и для людей: она — переносчик трипаномы — возбудителя страшной сонной болезни, опасной для людей и смертельной для скота. Во многих местах Восточной и Южной Африки муха цеце до сих пор является бичом скотоводства.

Дик Сэнд не решился спросить кузена Бенедикта, в какой же части света до сих пор встречалась эта проклятая муха.

Все путешественники снова погрузились в сон, прерванный этим происшествием, но Дик Сэнд до самого утра не сомкнул глаз, несмотря на сильную усталость.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Страшное слово

Пора бы уже прибыть на место! Миссис Уэлдон изнемогала от усталости. Она не могла больше продолжать путешествие. Жалко было смотреть и на ее маленького сына. Личико Джека пылало во время приступов лихорадки и было блее мела, когда приступы кончались. Мать страшно тревожилась и, не доверяя ухода за ним даже старой Нан, не спускала теперь ребенка с рук.

Да, давно пора было прибыть на место! Если верить американцу, то в этот день 18 апреля маленький отряд к вечеру вступит за ограду гациенды Сан-Феличе.

Двенадцать дней странствований по тропическому лесу, двенадцать ночей, проведенных под открытым небом,— этого было достаточно, чтобы подорвать силы даже такой энергичной женщины, как миссис Уэлдон. А тут еще болезнь маленького Джека, лишенного необходимого ухода, отсутствие лекарства. Всякая мать на ее месте пришла бы в отчаяние.

Дик Сэнд, Нан, Том и его сотоварищи лучше переносили трудности и усталость. Запасы продовольствия, правда, подходили к концу, но до сих пор отряд не испытывал ни в чем нужды. Поэтому состояние их здоровья было удовлетворительно.

Что касается Гэрриса, то казалось, этот человек был создан для долгих путешествий по непроходимым дебрям, и усталость не имела над ним власти.

Однако Дик заметил, что по мере приближения к гациенде Гэррис становился озабоченным и не таким разговорчивым, как раньше. Казалось, должно бы быть наоборот. Так, по крайней мере, думал юноша — он день ото дня все меньше доверял американцу. Одного не мог понять Дик: с какой целью стал бы их обманывать Гэррис? На этот вопрос юноша не находил ответа. Но он очень бдительно присматривал за своим проводником.

Очевидно, тот чувствовал, что Дик в чем-то подозревает его. Эта подозрительность «юного друга», быть может, была одной из причин угрюмой озабоченности американца.

Отряд двинулся в путь. Лес поредел. Непроходимые чащи сменились небольшими рощами, между которыми лежали широкие поляны. Было ли это преддверием настоящей пампы, о которой говорил Гэррис?

Первые часы похода не дали Дику новых поводов для беспокойства. Но два обстоятельства поразили его. Сами по себе они

не имели особого значения, но в тех условиях, в каких находились путешественники, нельзя было пренебрегать даже мелочами.

Дик Сэнд обратил внимание на странное поведение Динго. Все эти дни собака бежала, опустив нос к земле, обнюхивая траву и кусты, как будто шла по следу. Она либо угрюмо молчала, либо оглашала воздух жалобным воем, в котором слышались не то боль, не то сожаление. Но в этот день лай собаки вдруг стал звонким, сердитым, временами даже яростным. Динго лаял теперь так же, как на палубе «Пилигрима», когда там появлялся Негоро.

Смутное подозрение мелькнуло в уме Дика Сэнда. Оно перешло в уверенность, когда старик Том сказал ему:

— Вот странно, мистер Дик, Динго не обнюхивает больше травы, как все эти дни. Видите, он держит нос по ветру, шерсть на нем взерошена, он сильно возбужден. Можно подумать, что он учуял...

— Негоро, не правда ли? — подхватил Дик.

Юноша схватил за руку старого негра и сделал ему знак говорить тише.

— Да, Негоро, мистер Дик. Мне кажется, он идет вслед за нами...

— Я и сам так думаю, Том. Вероятно, сейчас он совсем близко от нас.

— Но зачем он это делает? — спросил Том.

— Быть может, Негоро не знает местности, — ответил Дик Сэнд. — Тогда вполне понятно, что он следует за нами по пятам. Либо...

— Либо что? — взволнованно спросил Том, глядя на Дика.

— Либо, напротив, он слишком хорошо знает местность, и тогда...

— Но как Негоро может знать эту страну? Ведь он никогда не бывал здесь!

— Никогда не бывал здесь?.. — прошептал Дик. — Не знаю. Но одно совершенно бесспорно: Динго ведет себя так, как будто этот человек, которого он ненавидит, находится где-то рядом.

Он прервал свою речь и позвал собаку. Динго нехотя приблизился.

— Ату! — сказал Дик. — Негоро, Негоро, Динго! Ату его!

Собака яростно залаяла. Имя судового кока произвело на нее обычное впечатление, и она бросилась вперед, словно Негоро притаился за ближним кустарником.

Гэррис издала видел эту сцену. Он подошел к юноше.

— Что вы сказали Динго? — спросил он сквозь зубы.

— О, ничего особенного, — ответил шутливо старик Том. — Мы спрашивали у Динго, нет ли каких известий об одном нашем спутнике по кораблю, который куда-то запропастился.

— Ага, — сказал американец, — это тот португалец, судовый кок, о котором вы мне рассказывали?

— Да,— ответил Том.— Если судить по неистовому лаю Динго, этот человек должен быть где-то неподалеку.

— Как он мог добраться сюда? — спросил Гэррис.— Вы, кажется, говорили, что он никогда не бывал в Боливии?

— Если только он не скрыл этого от нас,— ответил Том.

— К чему бы он стал скрывать? — заметил Гэррис.— Впрочем, можно обыскать кустарник. Что, если бедняга нуждается в помощи? Что, если он попал в беду?..

— Нет, в этом нет нужды,— сказал Дик Сэнд.— Если Него-ро сумел добраться сюда один, он может и выбраться отсюда без нашей помощи!

— Как хотите,— ответил Гэррис.

— Замолчи, Динго! — крикнул Дик Сэнд, чтобы прекратить неприятный разговор.

Второе наблюдение, которое сделал юноша, относилось к лошади американца.

По ее поведению незаметно было, что конюшня где-то близко. Лошадь не тягивала ноздрями воздуха, не ускоряла шага, не ржала — словом, ничем не проявляла нетерпения, свойственного лошадям, когда в конце долгого путешествия они чуют приближение отдыха. Лошадь Гэрриса, которая много раз бывала в гациенде, шла по тропинке так равнодушно, как будто эта гациенда находилась еще за сотни миль.

«Нет, если судить по лошади, не видно еще конца нашему странствию!» — думал юноша.

Накануне Гэррис утверждал, что маленький отряд находится всего в шести милях от гациенды; к пяти часам пополудни из этих шести миль, несомненно, уже было пройдено не меньше четырех. Однако лошадь все еще не учуяла конюшни, да и ничто вокруг не выдавало близости такой большой плантации, как гациенда Сан-Феличе.

Даже миссис Уэлдон, всецело поглощенная заботами о своем ребенке, удивлялась тому, что местность по-прежнему кажется пустынной и необитаемой. Ни одного туземца, ни одного слуги из гациенды, которая была так близко! Не заблудился ли Гэррис? Миссис Уэлдон отогнала эту мысль: новая задержка грозила гибелью ее маленькому Джеку...

Гэррис, как и прежде, шел впереди отряда. Но он всматривался в темные глубины леса, поворачивал голову то вправо, то влево с таким видом, словно он не очень был уверен в себе и в дороге, по которой шел.

Миссис Уэлдон закрыла глаза, чтобы не видеть этого. За равниной, шириной в милю, снова показался лес, но не такой густой, как на западе; маленький отряд снова вступил под сень высоких деревьев.

В шесть часов вечера путники подошли к зарослям кустарников, сквозь которые, видимо недавно, прошло стадо каких-то крупных животных.

Дик Сэнд внимательно осмотрелся кругом.

На высоте, намного превышающей человеческий рост, ветви были обломаны. Трава на земле была примята, и местами на влажной почве виднелись следы больших ступней; такие следы не могли принадлежать ни ягуарам, ни кугуарам. Чьи же это ноги оставили такие следы? Может быть, тут проходил ленивец? И почему ветки обломаны так высоко?

Только слонам впору было проложить такую просеку в кустарнике и выбить такие огромные следы во влажной почве. Однако же слоны не водятся в Америке. Эти огромные животные не уроженцы Нового Света, и их никогда не пытались акклиматизировать там. Значит, догадку о том, что следы принадлежат слонам, нужно было отбросить как совершенно невероятную.

Дик Сэнд ни с кем не поделился мыслями, которые возникли у него при виде этих загадочных следов. Он даже не стал спрашивать американца. Да и чего мог он ждать от человека, который пытался выдать жирафов за страусов? Гэррис придумал бы какое-нибудь фантастическое объяснение, но положение отряда от этого несколько не изменилось бы.

Во всяком случае, Дик составил себе определенное мнение о Гэррисе. Он чувствовал, что это предатель. Дик дожидался только случая, чтобы сорвать с него маску, и все говорило юноше, что этот случай не заставит себя долго ждать.

Но какая тайная цель могла быть у Гэрриса? Какую участь готовил он доверившимся ему людям?

Дик Сэнд продолжал считать себя ответственным за судьбу своих спутников. Больше чем когда бы то ни было на нем лежала забота о спасении всех, кого крушение «Пилигрима» выбросило на этот берег. Только он один мог спасти своих товарищей по несчастью: эту молодую мать, ее маленького сына, негров, кузена Бенедикта. Но если юноша мог попытаться что-то сделать как моряк, будучи на борту корабля, то что мог он предпринять перед лицом опасностей, которые предвидел, но не в силах был предотвратить?

Дик Сэнд не хотел закрывать глаза перед ужасной истиной, которая с каждым часом становилась все более ясной и неоспоримой. Пятнадцатилетнему капитану «Пилигрима» в минуту грозной опасности снова приходилось взять на себя трудную миссию командира и руководителя. Но Дик не желал раньше времени тревожить бедную мать Джека — до тех пор, пока не настанет пора действовать. И он ничего не сказал даже тогда, когда внезапно увидел впереди, на берегу довольно широкой речки, преградившей им дорогу, огромных животных, которые быстро двигались под прибрежными деревьями.

«Гиппопотамы! Гиппопотамы!» — хотелось ему крикнуть.

Но он промолчал. Дик шел в сотне шагов впереди отряда, и, кроме него, никто не заметил этих приземистых, коротконогих и толстокожих животных бурого цвета. У них была большая голова и широкая пасть, обнажавшая огромные, более фута длиною, клыки.

Гиппопотамы в Америке?!

До вечера отряд шел вперед, но с большим трудом. Даже самые выносливые начинали отставать. Пора было бы прибыть на место! Или же следовало остановиться на ночлег.

Всецело поглощенная заботами о маленьком Джеке, миссис Уэлдон, быть может, не замечала, как она утомлена, но силы ее были на исходе. Остальные участники похода находились не в лучшем состоянии. И только один Дик не поддавался усталости: он черпал энергию и стойкость в сознании своего долга.

Около четырех часов пополудни старик Том нашел какой-то предмет, лежавший в траве. Это оказался нож странной формы с широким кривым лезвием и толстой рукояткой из куска слоновой кости, украшенной довольно грубой резьбой.

Том поднял нож и отнес его Диду Сэнду. Рассмотрев внимательно находку, юноша передал ее американцу.

— Видимо, туземцы недалеко, — сказал он.

— Действительно, — ответил Гэррис. — Однако...

— Однако? — повторил Дик Сэнд, глядя прямо в глаза Гэррису.

— Мы должны были бы уже подходить к гациенде, — нерешительно сказал Гэррис, — но я не узнаю местности...

— Вы заблудились? — живо спросил Дик.

— Заблудился? Нет. Гациенда должна быть не дальше как в трех милях. Чтобы сократить дорогу, я пошел напрямик, через лес... Кажется, я ошибся...

— Возможно, — сказал Дик Сэнд.

— Я думаю, лучше мне одному пойти вперед на разведку, — сказал Гэррис.

— Нет, мистер Гэррис, — решительно заявил Дик, — нам не следует разлучаться!

— Как хотите, — ответил американец. — Но имейте в виду, что ночью мне не найти дороги.

— Ну что ж! — воскликнул Дик. — Мы остановимся на ночлег. Миссис Уэлдон не откажется провести еще одну ночь под открытым небом, а завтра с наступлением дня мы снова тронемся в путь. Последние две-три мили можно будет пройти в час.

— Согласен, — сказал Гэррис.

В эту минуту Динго отчаянно залаял.

— Назад, Динго, назад! — крикнул Дик Сэнд. — Ты отлично знаешь, что там никого нет: ведь мы в пустыне!

Итак, решено было в последний раз заночевать в лесу. Миссис Уэлдон не произнесла ни слова, предоставляя своим спутникам самим решить, где устраивать привал. Маленький Джек, уснувший после приступа лихорадки, лежал у нее на руках.

Стали искать место, где бы расположиться на ночлег.

Дик выбрал для этого несколько больших деревьев, росших вместе. Старый Том направился было к ним, но внезапно остановился и вскрикнул:

— Смотрите! Смотрите!

— Что там такое, Том? — спросил Дик спокойным тоном человека, готового ко всяким неожиданностям.

— Там, там... — бормотал Том, — кровавые пятна... а на земле отрубленные руки...

Дик Сэнд бросился к дереву, на которое указывал Том. Затем, возвратившись назад, он сказал:

— Молчи, Том! Не говори никому!..

На земле действительно валялись отрубленные человеческие руки. Рядом с ними лежали обрывки цепей и сломанные колодки.

К счастью, миссис Уэлдон не видела этой страшной картины.

Гэррис стоял в стороне. Если бы кто-нибудь взглянул на него в эту минуту, то был бы поражен переменой, которая произошла в американце: его лицо дышало теперь неумолимой жестокостью.

Динго подбежал к окровавленным останкам и злобно зарычал.

Юноше стоило большого труда отогнать собаку.

Между тем старик Том замер в неподвижности, как будто его ноги вросли в землю. Не в силах оторвать глаз от колодок и цепей, он судорожно стискивал руки и бормотал несвязные слова.

— Я уже видел... видел... когда был маленьким... цепи, я видел... колодки...

Смутные воспоминания раннего детства теснились в его голове. Он хотел вспомнить... Он готов был заговорить.

— Замолчи, Том! — сказал Дик Сэнд. — Молчи ради миссис Уэлдон! Ради всех нас, молчи!..

И юноша поспешил отвести в сторону старика негра.

Привал перенесли в другое место и все устроили для ночлега.

Старая Нан подала ужин, но никто к нему не прикоснулся: усталость превозмогла голод. Все чувствовали какое-то неопределенное беспокойство, близкое к страху.

Сумерки быстро сгущались, и вскоре наступила темная ночь. Небо затянули черные, грозовые тучи. На западе, далеко на горизонте, в просветах между деревьями мелькали зарницы. Ветер утих, и ни один листок не шевелился на деревьях. Дневной шум сменился глубокой тишиной. Можно было подумать, что плотный, насыщенный электричеством воздух потерял звукопроводность.

Дик Сэнд, Остин и Бат караулили все вместе. Они напрягали зрение и слух, чтобы не пропустить какого-нибудь подозрительного шороха, увидеть малейший проблеск света. Но ничто не нарушало покоя, царившего в темной лесной чаще.

Том, хотя и свободный от караула, не спал. Опустив голову, он сидел неподвижно, погруженный в воспоминания. Казалось, старый негр не мог оправиться от какого-то неожиданного удара.

Миссис Уэлдон укачивала своего ребенка, и все ее думы были только о нем.

Один лишь кузен Бенедикт спокойно спал, ибо не испытывал тревоги, томившей его спутников, и не предчувствовал ничего дурного.

Вдруг около одиннадцати часов вечера вдали раздался долгий и грозный рев и тотчас же вслед за ним пронзительный вой.

Том вскочил и протянул руку в направлении густой чащи, находившейся не больше чем в миле от привала.

Дик Сэнд схватил его за руку, но не мог помешать Тому крикнуть:

— Лев! Лев!

Старик негр узнал рыканье льва, которое ему часто приходилось слышать в детстве!

— Лев! — повторил он.

Дик Сэнд не в силах был больше сдерживать гнев. Он выхватил нож и бросился к тому месту, где расположился на ночь Гэррис.

Гэрриса уже не было, вместе с ним исчезла и его лошадь. Истина молнией озарила Дика Сэнда...

Отряд находился не там, где он думал.

«Пилигрим» потерпел крушение не у берегов Южной Америки. Дик определил в море положение не острова Пасхи, а какого-то другого острова, находившегося на западе от того континента, на котором они очутились, совершенно так же, как остров Пасхи расположен к западу от Америки.

Компас давал неверные показания, он был испорчен. Корабль, увлекаемый бурей, уклонился далеко в сторону от правильного курса. «Пилигрим» обогнул мыс Горн и из Тихого океана попал в Атлантический! Ошибочными были вычисления скорости хода «Пилигрима». Буря удвоила эту скорость.

Вот почему ни на побережье, ни в лесу путешественники не встретили ни каучуковых, ни хинных деревьев! Они растут в Южной Америке, но то место, куда судьба забросила путников, не было ни Атакамской равниной, ни боливийской пампой.

Нет сомнения — Дик видел жирафов, а не страусов. Дорогу в кустарнике протоптали слоны. У ручья Дик потревожил гипопотамов. Муха, пойманная кузенom Бенедиктом, была страшной мухой цеце, от укусов которой гибнут вьючные животные в караванах.

И, наконец, сейчас рычал в темноте лев!

А колодки, цепи, нож странной формы — то были орудия работорговцев. Отрубленные руки — то были руки черных пленников.

Португалец Негоро и американец Гэррис, очевидно, сообщники!

Догадки Дика Сэнда превратились в уверенность, и страшные слова вырвались, наконец, из уст его:

— Африка! Экваториальная Африка! Страна работорговцев и рабов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Работорговля

Работорговля! Все знают, что значит это страшное слово, которому не должно быть места в человеческом языке.

Позорная торговля людьми долгое время с большой выгодой для себя производилась европейскими странами, владевшими колониями за океаном. Прошло уже много лет после запрещения работорговли. Однако она все еще ведется и притом в крупных размерах, — главным образом в Центральной Африке. В XIX веке некоторые государства, именующие себя христианскими, еще не поставили свою подпись под актом о запрещении работорговли.

Многие полагают, что купля-продажа живых людей безвозвратно канула в прошлое, что больше ее не существует. Это заблуждение, и читателям необходимо это знать, чтобы глубже понять вторую часть нашего повествования. Пусть все знают, что в Африке ведется охота на человека, грозящая обезлюдить весь материк. Пусть все узнают, какие варварские набеги делаются по сие время для того, чтобы поставлять даровую рабочую силу — невольников в некоторые колонии, как полыхают огнем разграбленные деревни, сколько льется крови при таких набегах и кто извлекает из них прибыль.

Начало торговли невольниками-неграми было положено в XV веке, и вот при каких обстоятельствах она возникла. Изгнанные из Испании мусульмане обосновались по другую сторону пролива¹ — на африканском побережье. Португальцы, которые в то время захватили это побережье, ожесточенно преследовали их. Некоторая часть беглецов была захвачена преследователями и доставлена в Португалию. Пленников обратили в рабов. Это были первые африканские рабы в Западной Европе с начала нашей эры.

Но пленные мусульмане в большинстве своем принадлежали к состоятельным семействам. Родственники пытались выкупить узников и предлагали много золота. Португальцы отказы-

---

¹ Гибралтарского.

вались от самого богатого выкупа. Куда девать иностранное золото? Рабочая сила для нарождающихся колоний куда нужнее. Короче говоря, Португалии требуются рабы, а не золото.

Не получив возможности выкупить пленных родственников, богатые мусульмане предложили обменять их на большое количество африканских негров, которых было очень легко добыть. Португальцы приняли столь выгодное предложение. Так было положено начало торговле рабами в Европе.

В конце XVI века эта гнусная торговля получила широкое распространение, она не противоречила варварским нравам той эпохи. Все государства покровительствовали работорговле, видя в ней верное средство быстрой колонизации своих отдаленных владений в Новом Свете.

Черные рабы могли жить и работать в таких местах, где европейцы, не привычные к тропическому климату, гибли бы тысячами. Поэтому специально построенные суда регулярно стали поставлять в американские колонии большие партии рабов-негров. Международная торговля людьми разрассталась, и вскоре на африканском побережье появились крупные агентства. «Товар» недорого стоил на своей родине и давал огромную прибыль.

Но как бы ни были нужны, со всех точек зрения, основанные заморские колонии, это не могло оправдать бесчеловечной торговли. Многие великодушные люди подняли свой голос, протестуя против купли-продажи людей. Во имя гуманности требовали они от европейских правительств закона об отмене рабства негров.

В 1751 году во главе аболиционистского движения стали квакеры. Это произошло в той самой Северной Америке, где сто лет спустя вспыхнула война за отделение Юга от Севера, одним из поводов к которой служил вопрос об освобождении негров. Четыре северных штата — Виргиния, Коннектикут, Массачусетс, Пенсильвания — провозгласили отмену рабства и дали свободу черным невольникам, доставка которых на территорию этих штатов стоила им больших денег.

Но компания, начатая квакерами, не ограничивалась пределами нескольких северных штатов Нового Света. И по другую сторону Атлантического океана (особенно во Франции и Англии) усилились нападки на защитников рабства и привлечение сторонников правого дела.

«Да погибнут скорее колонии, чем принцип!» — таков был благородный лозунг, прозвучавший по всему Старому Свету, и он приобрел действительную силу в Европе, вопреки крупным политическим и экономическим интересам, связанным с этим вопросом. Толчок был дан.

В 1807 году Англия запретила торговлю рабами в своих колониях, и Франция последовала ее примеру в 1814 году. Две могущественные нации заключили договор о запрещении работор-

говли, который был подтвержден Наполеоном во время Ста дней¹.

Однако это была чисто теоретическая декларация. Невольничьи корабли по-прежнему бороздили моря и выгружали в колониальных портах свой груз «черного дерева».

Нужны были более практические меры, чтобы положить конец этому злу. Соединенные Штаты в 1820 году, Англия в 1824 году приравняли работорговлю к пиратству и объявили, что с работорговцами будут поступать как с пиратами. Это означало, что пойманным с поличным работорговцам угрожает немедленная казнь. Франция вскоре примкнула к этому договору. Но южные американские штаты, испанские и португальские колонии не присоединились к акту об отмене рабства негров. С большой выгодой для себя они продолжали торговать черными невольниками, несмотря на то, что право досмотра кораблей получило международное признание. Впрочем, этот досмотр обычно ограничивался проверкой документов подозрительных судов.

Однако закон об отмене рабства негров не имел обратной силы. Закон запрещал приобретать новых рабов, но старым невольникам он не возвратил свободы.

Англия первая подала пример. 14 мая 1833 года была издана декларация об освобождении всех негров в британских колониях, и в августе 1838 года шестьсот семьдесят тысяч черных невольников получили свободу.

Десятью годами позже, в 1848 году, французская республика освободила рабов в своих колониях — всего двести шестьдесят тысяч негров.

В 1859 году война, вспыхнувшая между федералистами и конфедералистами Соединенных Штатов, закончила дело уничтожением рабства негров, и во всей Северной Америке черные невольники получили свободу.

Итак, три великие державы завершили это гуманное дело. Ныне работорговля производится лишь в испанских и португальских колониях и на Востоке для удовлетворения хозяйственных потребностей в турецких и арабских владениях. Хотя Бразилия не освободила своих прежних невольников, однако она не допускает появления новых, и дети негров рождаются в ней свободными людьми.

Но во Внутренней Африке не прекращаются кровопролитные войны. Туземные царьки продолжают охотиться на людей, и в результате этих междоусобий целые племена попадают в рабство.

Невольничьи караваны следуют по двум направлениям: первый путь лежит на запад, к португальской колонии — Анголе, второй — на восток, к Мозамбику. Только небольшая часть не-

---

¹ Сто дней — вторичное правление Наполеона I во Франции (с 1 марта по 22 июня 1815 года); оно кончилось отречением Наполеона от власти, после того как армия его была разбита под Ватерлоо.

счастливых невольников добирается живой до этих конечных пунктов следования караванов. Отсюда уцелевших отправляют кого на остров Кубу, кого на Мадагаскар, кого в арабские или турецкие провинции в Азии, в Мекку или в Маскат.

Английские и французские сторожевые суда не могут помешать этой торговле: при огромной протяженности береговой линии трудно установить бдительный надзор.

Возникает вопрос: так ли уж велик размах этого гнусного экспорта?

Да, очень велик. По самым осторожным подсчетам не менее восьмидесяти тысяч рабов приводят на побережье, и это, видимо, только десятая часть туземцев, уцелевших после избиения.

Там, где происходила эта омерзительная бойня, остаются лишь вытоптанные поля, дымящиеся развалины опустевших селений. Там реки несут по течению трупы и дикие звери завладевают всей местностью.

Ливингстон, идя по следам этих кровавых набегов, не узнавал провинций, в которых он побывал несколькими месяцами раньше. Его свидетельство подтверждают все остальные путешественники — Грант, Спик, Бертон, Камерон, Стенли, — посетившие лесистое плоскогорье Центральной Африки — главную арену кровавых войн туземных царьков. То же зрелище безлюдья, опустошения и разгрома являют собой некогда цветущие селения в районе Больших озер, во всей обширной области, поставляющей «черный товар» на занзибарский рынок, в Борну, и в Феццане, и южнее — вдоль берегов Ньяссы и Замбези, и западнее — в районе верховий Заира, который пересек отважный Стенли. Неужели работорговля в Африке прекратится лишь тогда, когда будет уничтожена вся черная раса. Неужто африканским неграм уготована та же судьба, какая постигла австралийских туземцев.

Но рынки испанских и португальских колоний закроются когда-нибудь, их больше не будет — цивилизованные народы не могут дольше допускать работорговлю!

Да, конечно, и ныне, в 1878 году, мы должны увидеть, как освободят всех рабов, которыми еще владеют люди в христианских государствах. Тем не менее еще долгие годы мусульманские страны будут, вероятно, продолжать этот торг, который сокращает население африканского континента. В эти страны теперь и направляется наибольшая часть вывозимых из Африки невольников; число туземцев, оторванных от родины и отправленных на восточное побережье, превосходит ежегодно сорок тысяч. Задолго до египетской экспедиции негры Сеннаара тысячами продавались неграм Дарфура, и наоборот. Даже генерал Бонапарт закупил немало негров, из которых он набрал солдат и составил из них отряды наподобие мамелюков. Прошло уже четыре пятых XIX века, а работорговля в Африке не уменьшилась. Даже наоборот.

И действительно, исланизм благосклонно относится к рабо-

торговле. Ведь нужно было, чтобы черный раб заменил в мусульманских странах прежнего белого невольника. И работорговцы любого происхождения занимаются этой отвратительной торговлей в широком масштабе. Они доставляют таким образом добавочное население угасающим расам, которые обречены на вымирание, так как не трудятся и поэтому не возрождаются. Эти рабы, как во времена Бонапарта, часто становятся солдатами. У некоторых народов верховья Нила они составляют половину войск африканских царьков. При этих условиях их участь немногим хуже участи свободных людей. Но если раб не становится солдатом, он превращается в ходячую монету, даже в Египте и в Борну офицерам и чиновникам платят этой монетой. Гийом Лежан рассказывает об этом как свидетель-очевидец.

Таково состояние работорговли в настоящее время.

Нельзя замалчивать постыдное снисхождение к торговле людьми, какое проявляют многие представители европейских держав в Африке. Ведь это неоспоримый факт: в то время как патрульные суда крейсируют вдоль африканских берегов Атлантического и Индийского океанов, внутри страны, на глазах у европейских чиновников, широко развернулся торг людьми. Здесь идут один за другим караваны захваченных невольников, в определенные сроки происходят массовые избиения, во время которых убивают десять негров, чтобы одного обратить в рабство.

Так обстоят дела в Африке и по сей день.

Теперь будет понятно, почему Дик Сэнд с таким ужасом воскликнул:

— Африка! Экваториальная Африка! Страна работорговцев и рабов!

И он не ошибся.

Это действительно была Африка, где неисчислимые опасности грозили ему самому и всем его спутникам.

Но в какую часть африканского континента необъяснимая роковая случайность забросила их? Несомненно, в западную, и это отягощало положение. Скорее всего «Пилигрим» потерпел крушение именно у побережья Анголы, куда приходят караваны работорговцев из внутренних областей Экваториальной Африки.

Действительно, это было побережье Анголы, тот край, который несколько лет спустя ценой невероятных усилий пересекли Камерон на юге и Стенли на севере. Из этой обширной территории, состоящей из трех провинций — Бенгелы, Конго и Анголы, — в то время была исследована только прибрежная полоса — она тянется от Нурсы на юге до Заира на севере. Два важнейших населенных пункта на этом побережье служат портами. Это — Бенгела и Сан-Паоло-де-Луанда, столица колонии, принадлежащей Португалии.

Внутренние области Экваториальной Африки в то время почти не были исследованы. Лишь немногие путешественники

отваживались углубляться в эти места. Сырые и жаркие края, где свирепствует лихорадка, где живут дикари, из которых иные до сих пор являются людоедами, непрестанные войны между племенами — вот что представляет собой Ангола, одна из самых опасных областей Экваториальной Африки. Подозрительное отношение работорговцев ко всякому чужаку, пытающемуся проникнуть в тайну их бесчестной торговли, еще больше усложняет задачу путешественников, предпринявших поход в Анголу.

Тюккей в 1816 году поднялся вверх по течению Конго, за водопады Иеллала. Но ему удалось пройти не более двухсот миль. В такой небольшой экспедиции невозможно было сколько-нибудь серьезно изучить страну, однако она стоила жизни большей части ее участников.

Тридцать семь лет спустя доктор Ливингстон прошел от мыса Доброй Надежды до верховья Замбези. Отсюда в ноябре 1853 года со смелостью, которая осталась непревзойденной, он пересек Африку с юга на северо-запад, переправился через Куанго — один из притоков Конго — и 31 мая 1854 года прибыл в Сан-Паоло-де-Луанда. Ливингстон проложил первую тропинку в неизведанных дебрях обширной португальской колонии.

Восемнадцать лет спустя двое отважных исследователей пересекли Африку с востока на запад. Преодолев неслыханные трудности, оба вышли на побережье Анголы: один — в южной, другой — в северной его части.

Первым этот переход совершил лейтенант английского флота Верней-Ловетт Камерон. В 1872 году возникли предположения, что экспедиция американца Стенли, высланная на поиски Ливингстона в область Больших озер, терпит бедствие. Лейтенант Камерон вызвался отправиться по следам Стенли. Предложение было принято. Камерон выступил в поход из Занзибара; его сопровождали доктор Диллон, лейтенант Сесиль Мерфи и Роберт Моффа, племянник Ливингстона. Перейдя Угого, они встретили печальный караван: верные слуги несли тело Ливингстона к восточному берегу. Камерон все же продолжал свое путешествие к западу, поставив себе целью во что бы то ни стало пересечь материк от океана к океану. Через Унияниембе, Угунду он дошел до Кагуэле, где нашел дневники Ливингстона.

Камерон переплыл озеро Танганьiku, одолел горы Бамбаре, переправился через Луалабу, но не мог спуститься вниз по течению этой реки. Затем он посетил области, опустошенные недавними войнами, обезлюдившие после набегов работорговцев: Килембу, Уруа, верховье Ломане, Улуду, Ловале, прошел через Кванзу и девственные леса, в которые Гэррис завел Дика Сэнда и его спутников. Энергичный лейтенант Камерон увидел, наконец, волны Атлантического океана. Это путешествие от Занзибара до Сан-Фелиппе в Бенгеле длилось три года и четыре месяца и стоило жизни двум спутникам Камерона — доктору Диллону и Роберту Моффа.

На этом пути открытий американец Генри Стенли вскоре сменил англичанина Камерона. Известно, что этот неустрашимый корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд», отправившийся на поиски Ливингстона, нашел его 30 октября 1871 года у Уджиджи, на берегу озера Танганьика.

Путешествие, удачно совершенное во имя человеколюбия, Стенли решил продолжить в интересах географической науки и подробно исследовать берега Луалабы, с которыми в первое путешествие ознакомился лишь мельком. Камерон еще странствовал в джунглях Центральной Африки, когда Стенли в ноябре 1874 года выступил из Багамойо на восточном побережье. Через год и девять месяцев, 24 августа 1876 года, он покинул опустошенный эпидемией оспы Уджиджи и после семидесятичетырехдневного перехода достиг Ньянгве, большого невольничьего рынка, где уже до него побывали Ливингстон и Камерон. В Ньянгве Стенли был свидетелем ужаснейшего кровавого набега отрядов занзибарского султана на области Марунгу и Маниума.

Отсюда Стенли предпринял исследование берегов Луалабы и прошел до самого ее устья. В его экспедицию входили сто сорок носильщиков, нанятых в Ньянгве, и девятнадцать лодок. С первых же шагов отряд Стенли должен был сражаться с людоедами из Угусу. Лодки пришлось тащить на руках, чтобы обойти непроходимые пороги реки. У экватора, в том месте, где Луалаба изгибается к северо-северо-востоку, пятьдесят четыре лодки, в которых было несколько сот туземцев, напали на маленькую флотилию Стенли; ему удалось обратить их в бегство.

Затем отважный исследователь поднялся до второго градуса северной широты и установил, что Луалаба не что иное, как верховье Заира, или Конго, и, следуя по ее течению, можно выйти к берегу океана. Этот путь Стенли и выбрал. Дорогой ему почти каждый день приходилось отбивать нападения прибрежных племен. 3 июня 1877 года во время перехода через пороги Масаса погиб один из его спутников Фрэнсис Покок. 18 июня лодка Стенли, подхваченная потоком, понеслась прямо к водопаду Мбело, и только каким-то чудом он спасся от смерти.

Наконец 6 августа Генри Стенли прибыл в селение Нисанда, находившееся в четырех днях пути от берега океана. Через два дня он был в Банца-Мбуко. Здесь его ждали припасы, посланные навстречу экспедиции двумя торговцами из Эмбомы; в этом маленьком прибрежном городке Стенли, наконец, разрешил себе отдохнуть. Трудности и лишения перехода через весь африканский материк, отнявшего у Стенли два года и десять месяцев жизни, преждевременно состарили этого еще молодого человека (ему было тридцать пять лет). Зато течение реки Луалабы было исследовано им до Атлантического океана. Было установлено, что наряду с Нилом, главной северной артерией Африки, и Замбези, главной восточной ее артерией, на западе африканского континента течет третья в мире по величине река, длиною в две тысячи девятьсот миль. Река эта, носящая в раз-

ных частях своего течения названия — Луалаба, Заир и Конго,— соединяет область Больших озер с Атлантическим океаном.

Экспедиции Стенли и Камерона прошли вдоль северной и южной границ Анголы. Сама же область в 1873 году, то есть в то время, когда «Пилигрим» потерпел крушение, была еще почти не исследована. Об Анголе знали только то, что она представляет собой главный невольничий рынок на западе Африки и что центрами работорговли в ней являются Бихе, Касонго и Казонде.

И в эти-то гибельные места, затерянные в сотне миль от океанского побережья, Гэррис завлек Дика Сэнда и его спутников: женщину, измученную горем и усталостью, умирающего ребенка и пятерых негров, обреченных стать добычей алчных работорговцев.

Да, это была Африка, а не Южная Америка, где ни туземцы, ни звери, ни климат ничем не угрожали путникам, где между хребтом Анд и океанским побережьем протянулась благодатная полоса земли, где разбросано множество поселений, в которых миссионеры гостеприимно предоставляют приют каждому путешественнику. Как далеко были Перу и Боливия, куда буря, наверное, принесла бы «Пилигрим», если б злодейская рука не изменила его курс, и где потерпевшие крушение нашли бы столько возможностей возвратиться на родину.

Но они очутились в Африке, в страшной Анголе, да еще в самой глухой ее части, куда не заглядывали даже португальские колониальные власти. Они попали в дикий край, где под свист бича надсмотрщиков тянулись караваны рабов.

Что знал Дик об этой стране, куда забросила его измена? Очень многое. Он читал сообщения миссионеров XVI и XVII веков, читал о путешествиях португальских купцов, которые ездили из Сан-Паоло-де-Луанда по Заиру. Наконец, он был знаком с отчетом доктора Ливингстона о его поездке 1853 года. Этих немногих сведений было достаточно, чтобы человеку, менее мужественному, чем Дик, внушить ужас.

Действительно, положение было страшное.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Гэррис и Негоро

Два человека сошлись в лесу в трех милях от места ночлега отряда, руководимого Диком Сэндом. Свидание это было заранее условлено между ними.

Эти два человека были Гэррис и Негоро. В дальнейшем читатель узнает, как встретились на побережье Анголы прибывший из Новой Зеландии португалец и американец, которому по делам работорговли часто приходилось объезжать эту область Западной Африки.

Гэррис и Негоро уселись у корней огромной смоковницы, на

берегу быстрого ручья, струившего свои воды между зарослями папируса.

Они только что встретились и теперь рассказывали друг другу о случившемся за последнее время.

— Итак, Гэррис,— сказал Негоро,— тебе не удастся завлечь еще дальше в глубь Анголы отряд «капитана» Сэнда — ведь так они называют этого пятнадцатилетнего мальчишку.

— Нет, приятель, дальше затащить их не могу,— ответил Гэррис.— Хорошо еще, что мне удалось заманить их на сотню миль от побережья! Последние дни «мой юный друг» Дик Сэнд не спускал с меня глаз. Его подозрения сменились уверенностью. Честное слово...

— Еще сотня миль, Гэррис, и эти люди наверняка попали бы в наши руки. Впрочем, и так мы постараемся не упустить их.

Гэррис пожал плечами.

— Куда они денутся? — сказал он.— Понимаешь, Негоро, я вовремя унес ноги! Я читал во взгляде «моего юного друга» горячее желание послать мне полный заряд свинца прямо в грудь, а надо тебе сказать, я совершенно не перевариваю сливовых косточек, которые отпускают в оружейных лавках по двенадцать штук на фунт.

— Понятно! — сказал Негоро.— У меня самого счеты с этим юнцом.

— Что ж, у тебя теперь есть возможность уплатить ему по всем счетам сполна и даже с процентами! В первые дни похода мне нетрудно было выдавать Анголу за Атакамскую пустыню — я ведь был там однажды. Но потом малыш Джек стал требовать «резиновых деревьев» и птичку-муху; его мамаше понадобилось хинное дерево, а верзиле кузену — светящиеся жуки. Честное слово, я истощил всю свою изобретательность! После того как я сумел, правда с великим трудом, уверить их, что перед ними не жирафы, а страусы, я уж не знал, что и придумать. Да и «мой юный друг», как я заметил, больше не верил моим объяснениям, особенно после того как мы напали на следы слонов. А тут еще откуда ни возьмись гиппопотамы! Понимаешь, Негоро, гиппопотамы и слоны! В Америке они так же неуместны, как честные люди в бенгелской каторжной тюрьме. Затем старого негра угораздило найти под деревом цепи и колодки, сброшенные, очевидно, каким-то бежавшим невольником. И наконец, где-то невдалеке зарывал лев. Согласись сам, не мог же я их уверить, что это мурлычет домашняя кошка! Мне оставалось только вскочить в седло и ускорить.

— Понимаю,— ответил Негоро.— И все же я предпочел бы, чтобы они забрались еще хоть на сотню миль в глубь страны.

— Я сделал все, что мог, милейший,— возразил Гэррис.— Кстати сказать, хорошо, что ты шел в почтительном отдалении от нас. Они как будто догадывались о твоём присутствии. И знаешь, там была одна собачка — Динго... Она как будто не особенно расположена к тебе. Что ты ей сделал?

— Пока еще ничего,— ответил Негоро,— но в скором времени обязательно всажу ей пулю в башку.

— Такой же гостинец и ты получил бы от Дика Сэнда, если б он заметил тебя на расстоянии выстрела. А должен признаться, «мой юный друг» — замечательный стрелок. И в своем роде он молодчина.

— Каким бы молодцом он ни был, Гэррис, он дорого заплатит за свою дерзость,— ответил Негоро; лицо его выражало неумолимую жестокость.

— Хорошо,— прошептал Гэррис,— видно, ты, мой дорогой, остался таким же, каким я тебя знал. Путешествия не испортили тебя!

После минутного молчания американец снова заговорил.

— Кстати, Негоро,— сказал он,— когда мы с тобой так неожиданно встретились недалеко от места крушения корабля, у устья Лонги, ты успел только попросить меня завести этих милых людей как можно дальше в глубь воображаемой Боливии. Но ты ни словом не обмолвился о том, что делал последние два года. А два года в нашей бурной жизни — долгий срок, приятель. С тех пор как старый Альвец послал тебя из Кассана во главе невольничьего каравана, о тебе не было никаких вестей. Признаться откровенно, я думал, что у тебя были неприятности с английскими патрульными судами и что в результате тебя вздернули на рее.

— Чуть-чуть не кончилось этим, Гэррис.

— Ничего, не беспокойся, Негоро. Виселицы тебе все равно не миновать.

— Спасибо!

— Что поделаешь,— ответил Гэррис с философским равнодушием.— Это неизбежный риск в нашем деле. Раз уж занимаешься работорговлей на африканском побережье, не считывая на мирную и безболезненную кончину. Значит, тебя поймали?

— Да.

— Англичане?

— Нет. Португальцы.

— До или после сдачи груза?

— После,— ответил Негоро после некоторого колебания.— Португальцы теперь делают вид, что они против работорговли, после того как очень недурно на ней нажились. На меня донесли, следили за мной, поймали меня...

— И приговорили?

— К пожизненному заключению на каторге в Сан-Паоло-де-Луанда.

— Тысяча чертей! — воскликнул Гэррис.— Каторга! Совершенно неподходящее место для таких людей, как мы с тобой. Мы ведь привыкли к жизни на вольном воздухе! Пожалуй, я предпочел бы виселицу.

— Повешенный бежать не может, тогда как с каторги...

— Тебе удалось бежать?

— Да, Гэррис. Ровно через пятнадцать дней, после того как меня привезли на каторгу, мне удалось спрятаться в трюме английского корабля, отправлявшегося в Окленд, в Новую Зеландию. Бочка с водой и ящик с консервами, между которыми я забился, снабжали меня едой и питьем в продолжение всего перехода. Я ужасно страдал в темном, душном трюме. Но нечего было и думать выйти на палубу, пока судно находилось в открытом море: я знал, что стоило мне высунуть нос из трюма, как меня тотчас же водворят обратно и пытка будет продолжаться, с той лишь разницей, что она перестанет быть добровольной. Кроме того, по прибытии в Окленд меня сдадут английским властям, а те закуют меня в кандалы, отправят обратно в Сан-Паоло-де-Луанда или, чего доброго, вздернут, как ты выражаешься. По всем этим соображениям я предпочел путешествовать инкогнито.

— И без билета,— со смехом воскликнул Гэррис.— Фи, приятель, и тебе не стыдно? Ехать «зайцем», да к тому еще на готовых харчах.

— Да,— вздохнул Негоро,— но тридцать дней провести взаперти в тесном трюме...

— Ну все это уже позади, Негоро! Итак, ты поехал в Новую Зеландию, в страну маори? Но ты ведь там не остался. Как же ты ехал обратно? Опять в трюме?

— Нет, Гэррис. Сам понимаешь, там у меня была только одна мысль: вернуться в Анголу и снова взяться за свою привычную торговлю.

— Да,— заметил Гэррис,— мы свое ремесло любим... по привычке.

— Однако я полтора года...

Негоро вдруг прервал рассказ. Схватив Гэрриса за руку, он стал напряженно вслушиваться.

— Гэррис,— сказал он шепотом,— мне послышался какой-то шорох в зарослях папируса!

— Посмотрим, что там такое,— прошептал Гэррис, хватая ружье и готовясь стрелять.

Они поднялись, настороженно озираясь и прислушиваясь.

— Ничего нет, это тебе почудилось,— сказал Гэррис.— Просто ручеек вздулся после дождей и журчит сильнее, чем обычно. За эти два года ты, приятель, отвык от лесных шумов. Но это не беда, скоро ты опять привыкнешь. Ну, рассказывай дальше о своих приключениях. А затем мы потолкуем о будущем.

Негоро и Гэррис снова сели у подножия смоковницы, и португалец продолжал прерванный рассказ:

— Полтора года я прозябал в Окленде. Когда корабль прибыл, я сумел незаметно выбраться из трюма и выйти на берег. Но карманы у меня были пусты, хоть выверни,— ни единого дол-

лара. Чтобы не умереть с голоду, мне пришлось браться за всякую работу...

— Да что ты, Негоро! Неужели ты работал, словно какой-нибудь честный человек?

— Работал, Гэррис.

— Бедняга!

— И все это время я искал способ выбраться из этого проклятого места. А случай все не представлялся. Наконец в Оклендский порт пришло китобойное судно «Пилигрим».

— То самое, что разбилось у берегов Анголы?

— То самое. Миссис Уэлдон с сыном и кузеном Бенедиктом вздумали отправиться на нем в качестве пассажиров. Мне нетрудно было получить службу на корабле: ведь я бывший моряк, служил вторым помощником капитана на невольничьем корабле. Я пошел к капитану «Пилигрима», но матросы ему были не нужны. К счастью для меня, судовой кок только что сбежал. Плох тот моряк, который не умеет стряпать. Я отрекомендовался опытным коком. За неимением лучшего капитан Гуль нанял меня. Спустя несколько дней «Пилигрим» отчалил от берегов Новой Зеландии...

— Но,— прервал его Гэррис,— насколько я понял из слов «моего юного друга», «Пилигрим» вовсе не намеревался плыть к берегам Африки. Каким же образом судно попало сюда?

— Дик Сэнд, вероятно, до сих пор этого не понимает,— ответил Негоро,— и вряд ли вообще когда-либо поймет. Но тебе, Гэррис, я охотно объясню, как это произошло, а ты, если хочешь, можешь повторить мой рассказ своему «юному другу».

— Как же, не премину! — с хохотом сказал Гэррис.— Рассказывай, приятель, рассказывай!

— «Пилигрим»,— начал Негоро,— направлялся к Вальпараисо. Нанимаясь на судно, я думал только добраться до Чили. Ведь Чили на полпути между Новой Зеландией и Анголой, и я приблизился бы на несколько тысяч миль к западному побережью Африки. Но в пути обстоятельства изменились. Через три недели после выхода из Окленда капитан Гуль и все матросы погибли во время охоты на кита. На борту «Пилигрима» остались только два моряка: молодой матрос Дик Сэнд и судовой кок Негоро.

— И ты вступил в должность капитана судна? — спросил Гэррис.

— Сначала у меня мелькнула такая мысль. Но я видел, что мне не доверяют. На корабле было пятеро негров, все пятеро — силачи, и притом свободные люди. При этих условиях мне все равно не удалось бы стать хозяином на борту. По зрелом размышлении я решил остаться на «Пилигриме» тем, кем был, то есть судовым коком.

— Значит, это чистая случайность, что корабль прибило к берегам Африки?

— Нет, Гэррис,— возразил Негоро,— случайной была толь-

ко наша с тобой встреча: твои торговые дела привели тебя как раз в то место побережья, где потерпел крушение «Пилигрим». Перемена же курса судна и его появление у берегов Анголы — дело моих рук! Твой «юный друг» — суший младенец в мореходстве: он умел определять место своего корабля в открытом море только при посредстве лага и компаса. И вот в один прекрасный день лаг пошел ко дну. А в другую не менее прекрасную ночь я подложил под нактоуз железный брусок и тем отклонил стрелку компаса. «Пилигрим», подхваченный сильной бурей, сбился с курса... Дик Сэнд не мог понять, почему так затянулся наш переход. Впрочем, на его месте стал бы в тупик самый опытный моряк. Мальчик и не подозревал, что мы обогнули мыс Горн, но я, Гэррис, я видел его в тумане. Вскоре после этого я убрал железный брусок, и стрелка компаса приняла нормальное положение. Судно, гонимое сильнейшим ураганом, стремглав понеслось на северо-восток и разбилось у африканского берега, как раз в тех местах, куда я хотел попасть.

— И как раз в это время, — подхватил Гэррис, — случай привел меня на этот берег, — словно нарочно, чтобы встретить тебя и послужить проводником твоим симпатичным спутникам. Они были уверены в том, что находятся в Америке, и мне легко было выдать Анголу за Нижнюю Боливию... Между ними и в самом деле есть некоторое сходство.

— Да, они действительно приняли Анголу за Боливию. Так же, как твой «юный друг», Дик Сэнд, принял за остров Пасхи остров Тристан-да-Кунья.

— Подобную ошибку сделал бы и всякий другой на его месте, Негоро.

— Знаю, Гэррис. Я воспользовался этой ошибкой Дика Сэнда. И благодаря этому миссис Уэлдон и ее спутники ночуют под открытым небом в сотне миль от берега, в Экваториальной Африке, куда я и хотел их завести.

— Но теперь-то они знают, где находятся.

— Какое это имеет сейчас значение?! — воскликнул Негоро.

— Что ты собираешься сделать с ними? — спросил Гэррис.

— Что сделаю, то и сделаю, — ответил Негоро. — Расскажи-ка мне сначала, как поживает наш хозяин Альвец. Ведь я не видел старика больше двух лет.

— О, старый пройдоха чувствует себя как нельзя лучше! — ответил Гэррис. — Он очень обрадуется тебе.

— Он по-прежнему живет в Бихе? — спросил Негоро.

— Нет, приятель, вот уж год, как он перевел свою «контору» в Казонде.

— И дела хорошо идут?

— О да, тысяча чертей! — воскликнул Гэррис. — Дела идут хорошо, хотя с каждым днем торговать невольниками становится все труднее, особенно на этом побережье. Португальские власти с одной стороны, английские сторожевые суда — с другой всячески препятствуют вывозу рабов. Только в одном месте,

на юге Анголы, в окрестностях Моссамедеса, можно более или менее спокойно грузить черный товар. Поэтому теперь все бараки до отказа набиты невольниками, мы ожидаем корабли, которые переправят их в испанские колонии. Об отправке груза через Бенгелу и Сан-Паоло-де-Луанда говорить не приходится, губернатор и чиновники не хотят и слышать об этом. Старый Альвец подумывает о том, чтобы переселиться во внутренние области Африки. Он намерен снарядить караван в сторону Ньянгве и Танганьики, где можно выгодно обменять дешевые ткани на слоновую кость и рабов. Пока неплохо идет торговля с Верхним Египтом и Мозамбиком — он снабжает невольниками Мадагаскар. Но я боюсь, что придет время, когда работорговлей нельзя будет заниматься. Англичане с каждым днем укрепляются во Внутренней Африке. Миссионеры заходят все глубже и ополчаются против нас. Ливингстон — разрази его гром — закончил исследование области озер и теперь направится, говорят, в Анголу. Да еще говорят, что какой-то лейтенант Камерон намерен пересечь весь материк с востока на запад. Опасаются также, как бы не вознамерился проделать то же самое и американец Стенли. Все эти исследователи могут сильно повредить нам, Негоро, и если бы мы хорошенько понимали свои интересы, ни один из этих незваных гостей не вернулся бы в Европу и не стал бы рассказывать о том, что он имел дерзость увидеть в Африке.

Услышь кто-нибудь беседу этих негодяев, он мог бы подумать, что тут разговаривают два почтенных коммерсанта, сетуя на заминку в торговых делах, вызванную кризисом. Кому пришлось бы в голову, что речь у них идет не о мешках кофе, не о бочках сахара, а о живых людях. Торговцы невольниками уже не отличают справедливого от несправедливого, у них нет ни чести, ни совести, нравственное чувство совершенно отсутствует, а если оно и было у них когда-нибудь, то давно они растеряли его, участвуя в страшных зверствах работорговли.

Гэррис был прав в своих опасениях, так как цивилизация постепенно проникает в дикие области по следам тех отважных путешественников, имена которых неразрывно связаны с открытиями в Экваториальной Африке. Такие герои, как Дэвид Ливингстон прежде всего, а за ним Грант, Спик, Бертон, Камерон, Стенли, оставят по себе неизгладимую память как благодетели человечества.

Из разговора с Негоро Гэррис узнал, как тот жил последние два года, и с удовольствием отметил, что бывший агент работорговца Альвеца, бежавший из каторжной тюрьмы в Луанде,нисколько не изменился, ибо по-прежнему был способен на любое преступление. Гэррис не знал только, что именно задумал его сообщник в отношении потерпевших крушение на «Пилигриме». Он спросил Негоро:

— А теперь скажи, как ты собираешься разделаться со своими бывшими спутниками?

Негоро ответил, не задумываясь. Видно было, что план давно созрел в его голове:

— Одних продаж в рабство, а других...

Португалец не закончил фразу; но угрожающее выражение его лица говорило яснее слов.

— Кого ты собираешься продать? — спросил Гэррис.

— Негров, которые сопровождают миссис Уэлдон, — ответил Негоро. — За старика Тома, пожалуй, немного выручишь, но остальные четверо — крепкие молодцы, и на рынке в Казонде за них дадут хорошую цену.

— Правильно, Негоро! — сказал Гэррис. — Четверо здоровяков негров, привычных к работе, не похожи на этих животных, которых доставляют из Внутренней Африки. Само собой разумеется, что их можно продать с большой выгодой. Негр, родившийся в Америке, — редкий товар на рынках Анголы. Но, — продолжал он, — ты забыл сказать мне, не было ли на «Пилигриме» наличных денег?

— Пустяки! Мне удалось прикарманить всего несколько сот долларов. К счастью, у меня есть кое-какие виды на будущее...

— Какие, дружище? — с любопытством спросил Гэррис.

— Разные, — отрезал Негоро.

Казалось, он сожалел о том, что сболтнул лишнее.

— Остается, значит, прибрать к рукам этот ценный товар? — заметил Гэррис.

— Разве это так трудно? — спросил Негоро.

— Нет, дружище. В десяти милях отсюда на берегу Кванзы стоит лагерем невольничий караван, который ведет араб Ибн-Хамис. Он ждет только моего возвращения, чтобы пуститься в путь в Казонде. Караван идет в сопровождении отряда туземных солдат, достаточно многочисленного, чтобы захватить в плен Дика Сэнда и его спутников. Если «моему юному другу» придет мысль направиться к реке Кванзе...

— А если ему не придет такая мысль? — перебил Гэрриса Негоро.

— Наверное, придет! — ответил Гэррис. — Мальчик умен, но не подозревает об опасности, которая подстерегает его там. Дик Сэнд, конечно, не захочет возвращаться к берегу той дорогой, по какой мы шли. Он понимает, что неминуемо заблудится в лесу. Поэтому он будет стремиться дойти до какой-нибудь реки, впадающей в океан, и попытается спуститься вниз по течению на плоту. Другого спасения для его отряда нет. Я знаю мальчика, он именно так и поступит.

— Да... пожалуй, — сказал Негоро после недолгого раздумья.

— Ну какие там «пожалуй» — непременно так сделает! — воскликнул Гэррис. — Я так уверен в этом, словно «мой юный друг» сам мне назначил свидание на берегу Кванзы.

— Значит, нам следует немедленно пуститься в путь, — ска-

зал Негоро. — Я тоже знаю Дика Сэнда. Он не потеряет напрасно ни одного часа, а мы должны опередить его.

— Что ж, в путь так в путь!

Гэррис и Негоро уже собрались уходить, как вдруг опять услышали тот же подозрительный шорох в зарослях папируса, который и раньше обеспокоил португальца.

Негоро замер на месте, схватив Гэрриса за руку.

Вдруг донесся приглушенный лай, и из зарослей выбежала большая собака. Шерсть ее была взъерошена, пасть широко раскрыта. Она готова была броситься на людей.

— Динго! — вскричал Гэррис.

— О, на этот раз он не уйдет от меня! — ответил Негоро.

И в ту секунду, когда собака бросилась на него, португалец вырвал у Гэрриса ружье, вскинул его к плечу и выстрелил.

Раздался жалобный вой, и Динго исчез в густом кустарнике, окаймлявшем речку. Негоро поспешно спустился к самой воде.

Капельки крови запятнали несколько стеблей папируса, и кровавая полоса протянулась по прибрежной гальке.

— Наконец-то мне удалось расчитаться с этим проклятым псом! — воскликнул Негоро.

Гэррис молча наблюдал эту сцену.

— Как видно, Негоро, — сказал он, — собака давно точила на тебя зубы.

— Точила, Гэррис. Ну теперь она от меня отстанет.

— А почему она так ненавидит тебя, приятель?

— У нас с ней старые счеты, — уклончиво сказал Негоро.

— Старые счеты? Какие же? — переспросил Гэррис.

Негоро не ответил. Гэррис решил, что португалец скрыл от него какие-то прошлые свои похождения, но не стал о них допытываться.

Через несколько минут сообщники уже шли вниз по течению ручья, направляясь через лес к Кванзе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ста милях от берега

«Африка!.. Экваториальная Африка... а не Америка!» Эти слова, говорившие о несомненной и грозной очевидности, все время звучали в ушах Дика Сэнда.

Перебирая в памяти события последних недель, юноша тщетно искал ответы на вопросы: каким образом «Пилигрим» очутился у этих опасных берегов? Как случилось, что он обогнул мыс Горн и перешел из одного океана в другой? Только теперь Дик мог отдать себе отчет, почему, несмотря на быстрый ход корабля, так долго не показывалась земля: пройденное «Пилигримом» расстояние было вдвое больше того перехода, какой он должен был совершить, чтоб достичь берегов Америки.

— Африка!.. Африка!.. — повторял Дик Сэнд.

Эпизод за эпизодом он восстанавливал в памяти все обстоя-

тельства загадочного плавания. Дик вспомнил, как разбился за-пасной компас, как пропал лаг из-за оборвавшейся веревки. И вдруг его осенила догадка: компас был намеренно испорчен!..

«На корабле,— думал он,— остался только один компас. Мне не с чем было сверить его показания. Однажды ночью меня разбудил крик старого Тома... Я застал на корме Негоро... Он оступился и упал на нактоуз... Не повредил ли он компас при падении?»

Словно луч света сверкнул в уме Дика Сэнда. Он ощупью подходил к разгадке тайны. Дик начинал понимать, насколько подозрительным было поведение Негоро. Он чувствовал руку Негоро в целом ряде несчастных «случайностей», которые сперва погубили «Пилигрим», а теперь угрожали гибелью и всем его пассажирам.

Но кто он, этот негодяй? Он утверждал, что никогда не был моряком,— правда ли это? Только опытный моряк мог задумать и осуществить гнусный план, который привел судно к берегам Африки.

Во всяком случае, если в прошлом и оставались невыясненными некоторые обстоятельства, то в настоящем все было ясно. Юноша хорошо знал, что находится в Экваториальной Африке и, вероятно, в самой опасной ее части — в Анголе, в сотне миль от морского берега... Для него стало несомненным, что Гэррис оказался предателем. И вполне естественной, логичной была мысль, что американец и португалец с давних пор знакомы друг с другом; случай свел их на этом побережье, и они совместно составили заговор против пассажиров «Пилигрима»...

Непонятым было только одно: что задумали эти негодяи? Можно было предположить, что Негоро не прочь захватить в плен Тома и его товарищей, чтобы продать их в рабство в этой стране работорговли. Понятно было, что португалец хочет отомстить ему, Дику Сэнду, за старые «обиды», хотя юный капитан обращался с ним как он того заслуживал. Но миссис Уэлдон, но Джек? Что намеревается сделать этот негодяй с матерью и ее маленьким сыном?

Если бы Дику Сэнду удалось подслушать беседу Гэрриса с Негоро, он знал бы, какие опасности угрожают миссис Уэлдон, пятерым неграм и ему самому.

Положение было ужасным, но юноша не потерял мужества. Он был капитаном на море, он останется капитаном и на суше. Его долгом было — спасти миссис Уэлдон, маленького Джека и остальных людей, чью судьбу небо верило ему. Он только приступил к выполнению своей задачи. И он ее выполнит.

В продолжение двух или трех бессонных часов Дик Сэнд размышлял, взвешивая и перебирая в уме все то хорошее и дурное — увы, последнего было больше! — что сулило будущее. Затем он поднялся на ноги, полный спокойствия и твердой решимости.

Первые лучи солнца уже осветили верхушки деревьев; все спали, кроме Дика и старого Тома.

Молодой капитан подошел к негру.

— Том,— тихо сказал он,— вы слышали рычание льва, вы видели цепи и колодки работорговцев. Значит, вы знаете, что мы находимся в Африке?

— Да, капитан, знаю.

— Так вот, Том, ни слова об этом ни миссис Уэлдон, ни вашим товарищам! Никто, кроме нас, не должен ничего знать. Мы не станем пугать никого.

— Да... правильно, мистер Дик...— ответил Том.

— Том,— продолжал юноша,— мы должны удвоить бдительность. Мы во вражеской стране. Страшная страна и страшные враги!. Нашим спутникам мы скажем, что Гэррис изменил нам,— этого достаточно, чтобы они были настороже. Пусть они думают, что нам угрожает нападение туземцев.

— Вы можете, мистер Дик, всецело положиться на моих товарищей! Они люди отважные и преданные вам.

— Знаю. И знаю, что я могу положиться на ваш здравый смысл и опытность, Том. Ведь вы не откажетесь помочь мне?

— Всегда и во всем, капитан.

Дик объяснил Тому свои намерения, и старик одобрил их. К счастью, измена Гэрриса обнаружилась раньше, чем он успел осуществить свой план, поэтому Дику Сэнду и его спутникам не угрожала непосредственная опасность. Неожиданная находка колодок и цепей, брошенных бежавшими невольниками, а затем рычание льва выдали нечестную игру американца. Гэррис понял, что он разоблачен, и убежал прежде, чем маленький отряд, который он вел, дошел до того места, где на него должны были напасть. Поведение Динго свидетельствовало о том, что Негоро все последние дни шел по пятам за своими бывшими спутниками. Очевидно, он уже успел встретиться с Гэррисом, и сейчас они вместе разрабатывают план дальнейших действий. Дик полагал, что нападут на их отряд лишь через несколько часов, и решил воспользоваться этим сроком.

План его заключался в том, чтобы как можно скорее вернуться на побережье — у юноши были все основания думать, что это побережье Анголы,— двинуться по нему на север или на юг и дойти до ближайшей португальской фактории, где его спутники окажутся в безопасности и будут ждать возможности вернуться на родину.

Но каким путем идти к берегу? Возвращаться назад по уже пройденной дороге? Дик Сэнд не считал это целесообразным. Гэррис не ошибался, когда утверждал, что юноша предпочтет избрать более короткий путь.

Действительно, было бы по меньшей мере неосмотрительно возвращаться старой дорогой через лес — они пришли бы всего-навсего на то же место, откуда отправились. Да и Негоро со своими сообщниками пошел бы прямо за ними. Единственный спо-

соб уйти, не оставляя следов, это спуститься по реке. Кроме того, тогда можно было бы меньше опасаться нападения хищных зверей, которые до сих пор, по счастью, не подходили к ним близко. На реке не так страшна была бы и встреча с дикарями. На прочном плоту, хорошо вооруженные, Дик Сэнд и его спутники могли бы с успехом защищаться.

Такой способ передвижения был бы удобен для миссис Уэлдон и маленького Джека — ведь их обоих так измучила дорога, а лошади Гэрриса теперь не было. Конечно, если бы решили двигаться лесом, то для миссис Уэлдон и больного ребенка сплели бы из ветвей носилки и носильщики нашлись бы. Но тогда два негра из пяти были бы заняты этой работой, а Дик Сэнд предпочитал, чтобы у всех его товарищей руки были свободны на случай внезапного нападения.

Да и спускаясь на плоту по течению реки, юноша чувствовал бы себя в своей стихии!

Оставалось узнать, есть ли поблизости полноводная река. Дик Сэнд предполагал, что река найдется, и вот почему он так думал.

Река, впадавшая в Атлантический океан в том самом месте, где произошло крушение «Пилигрима», не могла течь издалека. С севера и с востока горизонт замыкала довольно близкая горная цепь, которую вполне можно было принять за Анды. Следовательно, река или текла с этих высот, или русло ее загибалось к югу, — в обоих случаях она была где-то недалеко. Возможно, что, не доходя до этой большой реки (она имела право называться большой, ибо прямо впадала в океан), встретится какой-нибудь из ее притоков и маленький отряд сможет проехать по нему на плоту. Словом, невдалеке, несомненно, был какой-нибудь водный путь. И Дик Сэнд вспомнил, как действительно на протяжении последних миль перехода изменился характер местности: склоны гор стали пологими, а земля влажной. Во многих местах в траве змеились ручейки, что указывало на изобилие подпочвенных вод. В последний день пути отряд шел вдоль подмытого берега одного из таких ручейков — воды его окрасились в красный цвет от окиси железа. Нетрудно было снова его разыскать. Конечно, спуститься на плоту по этому узкому и порожистому ручью было бы невозможно. Но, следуя по его берегу, отряд, несомненно, дошел бы до более полноводной реки, в которую он впадает.

И, посоветовавшись со стариком Томом, Дик принял этот простой план.

С наступлением утра путники проснулись один за другим. Миссис Уэлдон передала на руки Нан еще спящего маленького Джека. В промежутках между приступами лихорадки ребенок был такой бледный, что на него больно было смотреть.

Миссис Уэлдон подошла к Дику Сэнду.

— Дик, — сказала она, поглядев вокруг, — где Гэррис? Я его не вижу.

Юноша не хотел разуверять своих спутников, что они находятся на земле Боливии. Но измену американца он не собирался скрывать. Поэтому он, не колеблясь, сказал:

— Гэрриса нет здесь больше.

— Он поехал вперед? — спросила миссис Уэлдон.

— Он бежал, миссис Уэлдон, — ответил Дик Сэнд. — Гэррис оказался предателем. Он действовал заодно с Негоро, и они сговорились завлечь нас сюда.

— С какой целью? — взволнованно спросила миссис Уэлдон.

— Не знаю, — ответил Дик Сэнд. — Но я знаю, что нам нужно немедленно вернуться к берегу океана.

— Этот человек... предатель? — проговорила миссис Уэлдон. — Я предчувствовала это! И ты думаешь, Дик, что у него сговор с Негоро?

— Вероятно, миссис Уэлдон. Негоро шел все время по нашим следам. Очевидно, случай свел этих двух мошенников и...

— И я надеюсь, что они не расстанутся до тех пор, пока не попадутся мне под руку, — вмешался в разговор Геркулес. — Я стукну их друг о дружку — да так, что у них головы разобьются! — добавил гигант, размахивая огромными кулачищами.

— Но что делать с Джеком? — вскричала вдруг миссис Уэлдон. — Мне так хотелось скорее попасть в гациенду Сан-Феличе! Ведь мальчику нужен уход!..

— Джек поправится, когда мы выйдем к берегу, там воздух здоровее, — сказал старик Том.

— Дик, — снова заговорила миссис Уэлдон, — уверен ли ты, что Гэррис изменил нам?

— Да, миссис Уэлдон, — коротко ответил юноша, желавший избежать объяснений по этому поводу.

И, пристально глядя на старого негра, он добавил:

— Этой ночью Том и я открыли его измену. Если бы он не усккал на своей лошади, я убил бы его!

— Значит, эта гациденда... эта ферма...

— Здесь нет ни гациденды, ни фермы, ни деревни, ни поселка, — ответил Дик Сэнд. — Миссис Уэлдон, я повторяю, нам нужно немедленно вернуться на берег океана.

— Той же дорогой, Дик?

— Нет, миссис Уэлдон. Мы спустимся вниз по реке на плоту. Течение доставит нас к морю. Это безопасный и неустойчивый путь. Надо пройти еще несколько миль пешком, и я не сомневаюсь, что...

— О, я полна сил, Дик! — воскликнула миссис Уэлдон, стараясь придать себе бодрый вид. — Я могу идти. Я понесу своего сына...

— А мы-то на что, миссис Уэлдон? — возразил Бат. — Мы понесем вас обоих!

— Да, да, — подхватил Остин. — Возьмем две жерди, переплетем их ветками, сделаем подстилку из листьев...

— Благодарю вас, друзья мои,— ответила миссис Уэлдон,— но я предпочитаю идти пешком... И я пойду! В дорогу!

— В дорогу! — повторил Дик Сэнд.

— Дайте мне Джека,— сказал Геркулес.— Я устану, когда мне нечего нести.

И великан так бережно взял спящего ребенка на руки, что тот даже не проснулся.

Оружие было приведено в боевую готовность. Остатки провизии сложили в один тюк. Актеон легко взбросил этот тюк себе на спину; таким образом, у его товарищей руки оказались свободны.

Кузен Бенедикт первым был готов к походу, его длинные стальные ноги не знали усталости. Заметил ли он, что Гэррис исчез? Было бы опрометчиво утверждать это. Кузену Бенедикту и вообще-то не было никакого дела до Гэрриса, а сейчас тем более, так как его постигло самое страшное из несчастий, какие только могут обрушиться на энтомолога. Бедняга потерял очки и увеличительное стекло!

Ученый не знал, что Бат нашел оба драгоценных прибора в высокой траве, на месте привала, но по совету Дика Сэнда спрятал их. Таким образом, можно было надеяться, что большой ребенок будет вести себя смирно в дороге, так как он не видел, как говорится, дальше своего носа. Ему указали место между Актеоном и Остином и строго-настрого велели не отходить от них. Бедный кузен Бенедикт не пробовал даже возражать, он покорно поплелся за своими спутниками, как слепой за поводырем.

Маленький отряд не прошел и пятидесяти шагов, как вдруг старик Том остановился.

— А Динго? — воскликнул он.

— Верно! Динго нет,— отозвался Геркулес.

И он громко позвал собаку. Раз, другой, третий...

Ответом ему было молчание.

Дик Сэнд жалел о пропаже собаки, которая всегда могла поднять тревогу в случае неожиданной опасности.

— Не побежал ли Динго следом за Гэррисом? — спросил Том.

— За Гэррисом? Нет...— ответил Дик Сэнд.— Но он мог напасть на след Негоро. Он чуял, что португалец идет за нами.

— Этот проклятый повар убьет ее, как только увидит,— воскликнул Геркулес.

— Если только Динго раньше не загрызет его самого! — возразил Бат.

— Может быть,— сказал Дик Сэнд.— Но мы не можем задерживаться из-за собаки. Если Динго жив, он так умен, что сумеет разыскать нас. Вперед, друзья!

Стояла сильная жара. С самой зари горизонт был затянут тучами. Парило — чувствовалось, что надвигается гроза. Похоже было на то, что без раскатов грома день не обойдется. К счастью,

в лесу, хотя он и поредел, еще было сравнительно прохладно. То здесь, то там среди зарослей открывались обширные поляны, покрытые жесткой и высокой травой. Во многих местах на земле валялись огромные окаменевшие стволы — признак почвы каменноугольной формации, что часто встречается на африканском материке. На зеленом ковре лесных лужаек пестрели розовые ветки и яркие краски цветов — желтый и синий имбирь, светлые лобелии, багряные орхидеи; над цветами реяли тучи насекомых, переносы из чашечки в чашечку оплодотворяющую пыльцу.

Кругом уже не было непроницаемой чащи, но породы деревьев поражали разнообразием. Здесь росли масличные пальмы, из которых добывают ценное масло, весьма ценимое в Африке, кусты хлопчатника, образующие живую изгородь высотой футов в десять. Из их волокнистых стеблей вырабатывают хлопок с длинными шелковистыми нитями, почти такой же, как хлопок Фернамбука. Из стволов копала, сквозь дырки, проточенные хоботками насекомых, сочилась ароматная смола, стекая на землю, где она застывала на потребу туземцам. Росли тут и лимонные деревья, и дикие гранаты, и двадцать других древесных пород — все свидетельствовало о поразительном плодородии этого плоскогорья Центральной Африки. Кое-где в воздухе развился приятный тонкий аромат ванили, и нельзя было обнаружить, от какого дерева он исходит.

Все эти деревья и кусты ласкали взгляд свежей зеленью, несмотря на то, что стояло засушливое время года и только редкие грозовые ливни орошали плодородную почву.

Пора лихорадок была в самом разгаре, но, как заметил Ливингстон, больной может избавиться от лихорадки, покинув место, где заразился ею. Дик Сэнд знал это указание великого путешественника и надеялся, что оно подтвердится на маленьком Джеке. Когда обычный час приступа миновал, а мальчик продолжал спокойно спать на руках у Геркулеса, Дик поделился своими надеждами с миссис Уэлдон.

Отряд поспешно и осторожно двигался вперед. Местами земля хранила свежие следы проходивших в лесу людей или зверей. И там, где в кустарниках ветки были раздвинуты, поломаны, удавалось идти быстрее. Но чаще путникам приходилось прокладывать себе дорогу, преодолевая бесчисленные препятствия. Тогда, к великому огорчению Дика, маленький отряд подвигался вперед убийственно медленно. Перевитые лианами деревья стояли как мачты корабля со спутанным такелажем. Ветви некоторых кустов походили на кривые дамасские клинки, с той лишь разницей, что лезвия этих клинков были утыканы шипами. Змеевидные лианы длиной в пятьдесят — шестьдесят футов стлались по земле, и горе путнику, неосторожно наступившему на них: острые, как иглы, колючки больно вонзались в ногу. Бат, Остин, Актеон топором прокладывали дорогу сквозь заросли. Лианы росли везде, обвивали

деревья от самой земли до вершук и свешивались с них длинными гирляндами.

Животные и птицы, населяющие эту часть Анголы, были не менее своеобразны, чем ее растительный мир. Множество птиц порхало под зелеными сводами леса. Но нетрудно догадаться, что люди, стремившиеся как можно скорее и незаметнее проскользнуть по лесу, не пытались подстрелить их. Были тут большие стаи цесарок, рябчики, к которым трудно приблизиться, и те птицы, которых в Северной Америке называют «вип-пур-вил» — эти три слога точно воспроизводят их крик. Дик Сэнд и Том могли бы подумать, что находятся в какой-нибудь области Нового Света. Но, увы, они знали, где оказались. По счастью, дикие звери, столь опасные в Африке, не появлялись вблизи маленького отряда.

Путники опять видели жирафов, которых Гэррис, конечно, постарался бы выдать за страусов (на этот раз безуспешно); но эти быстрые животные моментально исчезли, испуганные появлением каравана в их безлюдных лесах; несколько раз в течение дня на горизонте поднималось к небу густое облако пыли — это стада буйволов бежали с шумом, похожим на грохот нагруженных тяжелой кладью телег.

Дик Сэнд вел свой отряд вдоль берега ручья, стремясь достичь какой-нибудь полноводной реки. Ему хотелось поскорее спуститься со своими спутниками по быстрому течению вод, текущих к побережью. Он рассчитывал, что опасности и усталость при этом будут не столь велики.

К полудню отряд прошел три мили без единой неприятной встречи. О Гэррисе и Негоро не было ни слуху ни духу. Динго также не появлялся.

Отряд остановился в густой бамбуковой роще, чтобы отдохнуть и поесть. За завтраком не слышно было разговоров. Миссис Уэлдон снова взяла на руки сына. Она не сводила с него глаз. Есть она не могла.

— Вам непременно нужно поесть, миссис Уэлдон, — сказал Дик Сэнд. — Что с вами будет, если вы потеряете силы? Надо есть! Мы скоро снова двинемся в путь, найдем реку и тогда уж без всякого труда поплывем к океану.

Миссис Уэлдон смотрела Дикю прямо в глаза, когда он говорил это. Во взоре юноши светились несокрушимая воля и мужество. Глядя на него, глядя на пятерых негров, таких преданных и стойких людей, миссис Уэлдон почувствовала, что она не имеет права отчаиваться. Да и почему бы ей терять надежду? Ведь она думала, что находится на гостеприимной земле. Измена Гэрриса не пугала миссис Уэлдон, так как она не представляла себе тяжелых последствий этого предательства.

Дик Сэнд, догадываясь о мыслях этой женщины, должен был делать над собой усилие, чтобы выдержать ее взгляд, не отводя своих глаз в сторону.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

По трудным дорогам Анголы

В этот миг маленький Джек проснулся и обвил ручонками шею матери. Глаза у него были ясные. Лихорадка не возвращалась.

— Тебе лучше, дорогой? — спросила миссис Уэлдон, прижимая больного сына к сердцу.

— Да, мама, — ответил Джек. — Только пить хочется.

Мать могла дать мальчику только холодной воды.

— Где мой друг Дик? — спросил он, с удовольствием выпив несколько глотков.

— Я здесь, Джек, — ответил Дик Сэнд, взяв ребенка за руку.

— А мой друг Геркулес?

— Здесь Геркулес, — ответил гигант, улыбаясь Джеку своей доброй улыбкой.

— А лошадка? — продолжал он допрос.

— Лошадки-то и нет, мистер Джек! Убежала! Теперь я буду твоей лошадкой. Разве ты не хочешь, чтобы я тебя катал?

— Хочу, — ответил ребенок. — Но как же я буду править? У тебя ведь нет уздечки.

— Это не беда, я возьму в рот узду, — сказал Геркулес, широко раскрывая рот, — а ты можешь дергать за поводья, сколько тебе угодно.

— Нет, я буду тянуть потихоньку.

— Напрасно! У меня рот крепкий.

— А где же ферма мистера Гэрриса? — спросил мальчик.

— Скоро мы будем там, Джек, — ответила миссис Уэлдон. — Да, скоро, скоро...

— Не пора ли в путь? — спросил Дик Сэнд, чтобы прекратить этот разговор.

— Да, Дик, пора! — ответила миссис Уэлдон.

После недолгих сборов отряд тронулся в путь, сохраняя свой прежний походный строй. Чтобы не отдаляться от берегов ручейка, пришлось углубиться в лесную чащу. Когда-то здесь были проложены тропинки, но теперь они, по выражению туземцев, «умерли», то есть заросли колючками, кустарником и лианами. Около мили отряд пробирался сквозь непролазную их чащу и потратил на это три часа. Негры работали без отдыха, прокладывая дорогу. Передав маленького Джека на руки старой Нан, Геркулес также принялся за это дело, да еще как! Он шумно вдыхал воздух, взмахивал топором, и в чаще возникала просека, словно выжженная огнем.

К счастью, вскоре миновала надобность в этой утомительной работе: в лесу открылся широкий проход; наискось пересекая заросли, он вел к ручью и следовал вдоль берега. То была слоновая тропа; вероятно, сотни слонов имели обыкновение спускаться к водопою по этой части леса. Большие впадины, вдавленные

ногами огромных животных, испещряли землю, размякшую во время дождей,— на рыхлом, сыром ее слое легко отпечатывались их широкие следы. Вскоре оказалось, что тропой этой пользовались не только слоны. Не раз проходили их дорогой и люди, брели не по своей воле, а как скот, который безжалостные погонщики ударами бичей гонят на бойню. Во многих местах на земле виднелись кости и целые человеческие скелеты, обглоданные дикими зверями. На некоторых еще держались кандалы.

В Центральной Африке немало есть длинных дорог, словно вежами отмеченных человеческими останками. Невольничьи караваны совершают иногда переходы во много сотен миль. Несчастные рабы тысячами умирают в пути под кнутами свирепых надсмотрщиков, гибнут от неимоверной усталости и лишений, от болезней. А сколько человек убивают сами надсмотрщики, когда караван начинает испытывать нехватку в съестных припасах! Да, да! Если рабов нечем кормить, их расстреливают из ружей, закалывают ножами, рубят саблями... Такие кровавые расправы совсем не редкость.

Итак, слоновая тропа была дорогой невольничьих караванов. На протяжении мили Дику Сэнду и его спутникам то и дело попадались человеческие кости. Приближение людей вспугивало больших козодоев. Птицы тяжело взлетали и кружили в воздухе.

Миссис Уэлдон смотрела вокруг, но, казалось, ничего не видела. Дик Сэнд дрожал при мысли, что она начнет расспрашивать его: юноша надеялся привести отряд на берег океана, не признаваясь своим спутникам в том, что изменник Гэррис завлек их в Экваториальную Африку. К счастью, миссис Уэлдон не отдавала себе отчета в том, что происходило вокруг. Она снова взяла на руки сына, и спящий ребенок поглотил все ее внимание. Нан шла рядом с нею, и ни старая негритянка, ни ее хозяйка не задали Дику тех вопросов, которых он так боялся.

Старик Том шел, опустив глаза к земле. Он слишком хорошо знал, почему тропа усеяна человеческими костями.

Товарищи Тома озирались по сторонам с изумленным видом. Им казалось, что они идут по бесконечному кладбищу, где землетрясение разворотило могилы. Но и они ни о чем не спрашивали.

Между тем берега ручья раздались вширь, а русло заметно углубилось. Поток катился уже не так стремительно. Можно было надеяться, что либо сам ручей скоро станет судоходным, либо он приведет путников к какой-нибудь большой реке, несущей свои воды в Атлантический океан.

Юноша твердо решил, невзирая ни на какие трудности, следовать вдоль ручья. Поэтому он без колебания покинул тропу, когда она отошла в сторону от берега.

Маленькому отряду снова пришлось пробираться сквозь не-расторжимые сплетения лиан и кустарника. Чуть не каждый шаг нужно было отвоевывать топором. Но все же заросли не были похожи на лесную чащу, примыкавшую к океанскому по-

бережью: деревья здесь росли реже. Над высокими травами временами поднимался бамбук. О присутствии здесь отряда путников можно было судить лишь по колыхавшимся верхушкам стеблей, да иногда из них выглядывала голова Геркулеса.

Около трех часов дня путники, наконец, выбрались из лесу. Облик местности резко изменился. Впереди расстилалась бескрайняя равнина, вероятно вся затоплявшаяся разливами рек во время периода дождей. Болотистая почва густо поросла мхами, кое-где над их зеленым ковром покачивались грациозные папоротники. Иногда земля поднималась крутым бугром, и на склонах его выступали пласты темного гематита, там должны были быть богатые залежи какой-нибудь руды.

Дик Сэнд вовремя вспомнил, что в книгах Ливингстона упоминаются такие болотистые равнины. Отважный исследователь несколько раз попадал в предательские топи, где с оглядкой нужно делать каждый шаг, чтобы не увязнуть в трясине.

— Внимание, друзья! — сказал Дик, становясь во главе отряда. — Пробуйте ногой землю, прежде чем сделать шаг!

— Как странно! — заметил Том. — Земля как будто размокла от дождей, а между тем все последние дни дождя не было.

— Не было, а скоро, наверно, польет. Надвигается гроза, — ответил Бат.

— Значит, надо торопиться, — сказал Дик Сэнд, — и пройти это болото прежде, чем разразится гроза. Геркулес, возьмите Джека на руки! Бат и Остин, держитесь около миссис Уэлдон, поддерживайте ее, если понадобится. А вы, мистер Бенедикт... Позвольте, что вы делаете, мистер Бенедикт?

— Я проваливаюсь, — просто ответил кузен Бенедикт.

Он погрузился в болото с такой быстротой, словно под его ногами внезапно раскрылся трап. Бедняга попал в трясину и до пояса провалился в топкую грязь. Ему протянули руку, и он выбрался на поверхность, покрытый тиной, но очень довольный тем, что не повредил свою драгоценную жестяную коробку энтомолога. Актеон пошел рядом с незадачливым ученым и получил задание оберегать его от нового падения.

Кузен Бенедикт неудачно выбрал яму, в которую провалился. Когда его вытащили, из жидкой грязи поднялось множество пузырьков газа, распространявшего зловонный, удушливый запах. Ливингстону не раз случалось проваливаться по грудь в болото. Он говорил, что эта пористая черная земля, из которой при каждом шаге брызжут струйки воды, похожа на гигантскую губку. Эти топи весьма опасны для путников.

Дику Сэнду и его спутникам пришлось около полумили шагать по такой губчатой почве. В одном месте миссис Уэлдон по колени увязла в тине. Тогда Геркулес, Бат и Актеон, желая избавить ее от новых, еще более неприятных неожиданностей, сделали из бамбука носилки и уговорили миссис Уэлдон сесть на них. На руки ей дали маленького Джека и поспешили как можно скорее пройти это страшное болото.

Идти было трудно. Актеону пришлось все время поддерживать кузена Бенедикта. Том вел старую Нан — без его помощи она непременно увязла бы в болоте. Остальные негры несли носилки. Дик Сэнд шел впереди отряда, выбирая дорогу. Это оказалось нелегким делом. Всего лучше было идти по закраинам болота, покрытым густой и жесткой травой. Но и здесь точка опоры часто оказывалась шаткой, и нога проваливалась в топь до колена.

Наконец к пяти часам пополудни трясина осталась позади. Путники ступили на глинистую землю; но под тонким слоем твердого грунта чувствовалась болотистая подпочва. Видно, равнина была расположена ниже уровня соседних рек, и воды их просачивались в пористую землю.

Жара стояла палящая. Было бы невозможно перенести ее, если бы между землей и жгучими лучами солнца не протянулась завеса темных грозовых туч. В отдалении уже сверкала молния и глухо рокотал гром. С минуты на минуту могла разразиться страшная африканская гроза. Сильнейший ливень, порывы ураганного ветра, которые валият самые крепкие деревья, непрерывное сверкание молнии — такова картина этой грозы. Дик Сэнд знал это и, естественно, очень тревожился. Отряд не мог провести ночь под открытым небом: равнине грозило затопление. Но Дик не видел впереди ни одного бугра, где можно было бы найти пристанище от наводнения.

Нельзя было вырыть себе убежище и в земле — в двух футах от ее поверхности оказалась бы вода.

Как отыскать убежище в этой пустынной и голой котловине, где нет ни одного дерева, ни одного куста?

На севере виднелась гряда невысоких холмов, замыкавших собой котловину. Там, на фоне светлой полосы, отделявшей линию горизонта от темного навеса туч, отчетливо вырисовывались силуэты нескольких деревьев.

Дик Сэнд не знал, найдется ли на этих холмах убежище от грозы. Но, по крайней мере, путникам там не угрожало наводнение.

— Вперед, друзья мои, вперед! — повторял юноша. — Еще какие-нибудь три мили, и мы выберемся из опасной впадины.

— Живей, вперед! — крикнул Геркулес.

Этот славный человек рад был бы посадить себе на плечи всех своих товарищей и вынести их из лошины.

Слова Дика Сэнда подбодрили путников, и, невзирая на усталость, они зашагали вперед даже быстрее, чем в начале пути.

Отряд был еще в двух милях от цели, когда разразилась гроза. К счастью, дождь начался не сразу после того, как первые вспышки молнии сверкнули в насыщенных электричеством тучах. Солнце еще не скрылось за горизонтом, но кругом стало совсем темно. Темный купол грозовых туч медленно спускался; казалось — вот-вот он рухнет на землю и все затопит ливень. Красные и синие зигзаги молний бороздили небосвод в тысяче мест, опутывая равнину сетью огней.

Каждую секунду путников могла поразить молния. На голой равнине, где не было ни одного деревца, группа людей рисковала притянуть электрические разряды.

Джек, которого разбудило грохотанье грома, уткнулся личиком в грудь Геркулеса. Бедный мальчик боялся грозы, но, не желая огорчать мать, старался скрыть свой страх. Геркулес шел широким шагом и утешал ребенка как умел.

— Не бойся, малыш, не бойся,— повторял он.— Если гром приблизится к нам, я сломаю его пополам одной рукой. Я ведь сильнее грома!

И мальчик успокаивался, чувствуя, как силен его защитник.

С минуты на минуту должен был начаться дождь, и тогда из низко нависших туч на землю прольются потоки воды. Что станет с миссис Уэлдон и маленьким Джеком, если до начала ливня не найдется хоть какое-нибудь убежище?..

Дик Сэнд подошел к Тому.

— Что делать? — спросил он.

— Идти вперед,— ответил старик.— Дождь превратит эту котловину в непроходимую топь. Здесь оставаться нельзя.

— Разумеется, Том, разумеется, но надо найти хоть какой-нибудь приют. Хоть бы хижина какая попалась!..

Дик Сэнд вдруг умолк.

Ослепительно яркая молния осветила всю равнину от края до края.

— Что это там виднеется в четверти мили отсюда? — воскликнул Дик.

— И мне показалось там что-то...— ответил старик Том, закивав головой.

— Лагерь? Не правда ли?

— Да, как будто лагерь... Но лагерь туземцев.

При новой вспышке молнии удалось лучше рассмотреть этот лагерь. На равнине симметричными рядами расположилось около сотни палаток конической формы и высотой от двенадцати до пятнадцати футов. Но людей в лагере не было видно. Где же они? Если обитатели лагеря спрятались от грозы в палатки, маленькому отряду следовало бы как можно скорее бежать подальше, невзирая ни на какую бурю. Если же лагерь был покинут людьми, он мог послужить убежищем для путников.

«Я выясню это!» — сказал себе Дик Сэнд.

Обратившись к старому Тому, он приказал:

— Не двигайтесь с места! Я пойду на разведку.

— Позвольте кому-нибудь сопровождать вас, мистер Дик,— попросил старый Том.

— Нет, Том, я пойду один. Я незаметно подкрадусь к лагерь. Ждите меня!

Маленький отряд, во главе которого шли Дик Сэнд и Том, остановился. Юноша исчез в темноте, казавшейся непроницаемой в промежутках между вспышками молний.

На землю упали первые крупные капли дождя.

— Куда ушел Дик? — спросила миссис Уэлдон, подходя к старому негру.

— Мы увидели какой-то лагерь, миссис Уэлдон, — ответил Том. — Лагерь, а может быть, деревню. Наш капитан решил пойти на разведку, прежде чем вести нас туда.

Миссис Уэлдон удовлетворилась этим ответом.

Через несколько минут Дик Сэнд вернулся.

— Идите за мной! — радостно воскликнул он.

— В лагере никого нет? — спросил Том.

— Это не лагерь, — ответил юноша, — и не деревня. Это просто муравейники.

— Муравейники? — вскричал кузен Бенедикт, сразу оживившись.

— Да, мистер Бенедикт, но муравейники вышиной по меньшей мере в двенадцать футов. Мы попробуем укрыться в них.

— Но в таком случае это, должно быть, постройки тропических термитов, — сказал кузен Бенедикт. — Эти насекомые-строители умеют воздвигать монументальные сооружения, которые сделали бы честь любому архитектору.

— Термиты это или нет, но придется выселить их, мистер Бенедикт, и занять их место.

— Они сожрут нас! И будут правы.

— В дорогу! В дорогу! — скомандовал Дик.

— Да погодите же! — прибавил кузен Бенедикт. — Я думал, что такие муравейники встречаются только в Африке.

— В дорогу! — сердито крикнул Дик Сэнд; он боялся, что миссис Уэлдон обратит внимание на последние слова энтомолога.

Все поспешно последовали за Диком Сэндом. Поднялся бешеный ветер. Крупные капли дождя забарабанили по земле. Буря разыгрывалась не на шутку.

Вскоре путники добрались до ближайшего термитника. Им предстояло либо примириться с соседством грозных термитов, либо изгнать их из жилья.

В нижней части этого конуса, сооруженного из особой красноватой глины, было оставлено узкое отверстие, которое Геркулес в несколько минут расширил ножом до таких размеров, что в него мог пролезть даже такой крупный человек, как он.

К крайнему удивлению кузена Бенедикта, ни один из многих тысяч термитов, которые должны были занимать муравейник, не показывался. Неужто этот конус покинут владельцами?

Когда Геркулес кончил свою работу, Дик Сэнд и его спутники поочередно проскользнули внутрь постройки, и Геркулес вполз последним. В ту же минуту дождь полил с такой силой, словно хотел погасить молнии.

Но теперь уже нечего было бояться неистовства стихий. Счастливый случай привел путников в убежище более надежное, чем палатка, чем даже хижина туземца.

Лейтенант Камерон, восхищаясь тем, что маленькие насеко-

мые умеют строить такие огромные сооружения, говорил, что искусство термитов заслуживает большего удивления, чем искусство древних египтян, воздвигнувших пирамиды.

— Чтобы сравниться с термитами,— говорил он,— людям нужно было бы построить по меньшей мере гору Эверест, одну из высочайших вершин Гималаев.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Лекция о термитах, прочитанная в термитнике

Для Дика Сэнда и его спутников было большим счастьем, что, по воле providения, они нашли это убежище. Через несколько минут гроза разбушевалась с яростью, неведомой в умеренном климате.

Дождь не падал отдельными каплями, а лил струями. Временами потоки воды низвергались на землю сплошной стеной, как Ниагара. Слово в небесах перевернулся кверху дном необъятный бассейн и вся вода сразу хлынула на землю. Такой ливень мгновенно превращает равнины в озера, а ручейки — в бурные потоки; реки выходят из берегов и затопляют огромные пространства. В отличие от зон умеренного пояса, где сила грозы обратно пропорциональна ее продолжительности, в Африке сильнейшие грозы часто длятся по нескольку дней. Как может скопиться в тучах столько электричества? Откуда берется столько водяных паров? Трудно понять это, однако ж бывает именно так — мы как будто переносимся в поразительную, диллювиальную эпоху.

К счастью, толстые своды термитника оказались не проницаемыми для ливня, в этом отношении они не уступали даже прочным хаткам бобров. Обрушья на них целый водопад, и то ни одна капля воды не проникла бы внутрь конуса.

Как только путешественники заняли термитник, они первым делом ознакомились с его устройством. При свете фонарика они увидели, что постройка представляет собой конус внутри вышиной в двенадцать футов и диаметром у основания в одиннадцать футов. Толщина стен достигала одного фута, и по ним лепились в несколько этажей камеры, отделенные друг от друга промежутками.

Может показаться невероятным, что полчища ничтожных насекомых строят такие монументальные сооружения, тем не менее это неоспоримо: поселения термитов существуют и довольно часто встречаются во внутренних областях Африки. Голландский путешественник прошлого века Смиттен поместился с четырьмя своими спутниками на верхушке одного из таких конусов. Ливингстон видел в Лундэ несколько термитников из красной глины высотой в пятнадцать и двадцать футов. В Ньянгве лейтенант Камерон не раз принимал издали скопище таких муравейников за военный лагерь; он обнаружил исполинские термитники, целые здания, достигавшие сорока и пятидесяти футов

высоты. То были огромные округлые конусообразные сооружения, какие возводят в Южной Африке, а по бокам у них высились узкие пристройки вроде колоколен собора. Какие же термиты умеют строить такие удивительные здания?

— Воинственные термиты,— не колеблясь, ответил кузен Бенедикт, как только ознакомился с материалом, из которого был выстроен муравейник.

Стены, как мы уже говорили, были построены из красноватой глины. Если бы они были слеплены из серой или черной земли, то постройку их следовало бы приписать «термитам кусающимся» («termes mordah»), или «термитам ужасным» («termes atroh»). Как видите, у этих насекомых малоуспокоительные названия, и они могли нравиться только такому страстному энтомологу, как кузен Бенедикт.

В пустой центральной части конуса, которую сначала занял маленький отряд, не хватило бы места для всех, но в камерах, расположенных ярусами, свободно могли уместиться люди среднего роста. Вообразите ряд открытых ящиков, в глубине этих ящиков миллионы ячеек, которые прежде были заняты термитами, и вы легко представите себе внутреннее устройство муравейника. Ящики располагались ярусами, один над другим, как койки в паровой каюте. На верхних койках разместились миссис Уэлдон, маленький Джек, Нан и кузен Бенедикт. Пониже устроились Остин, Бат и Актеон. Дик Сэнд, Том и Геркулес остались в самой нижней части конуса.

— Друзья мои,— сказал юноша двум неграм,— вода начинает заливать пол. Надо сделать насыпь из глины. Откалывайте глину с нижней части стен. Но только осторожнее, не завалите входа — тогда прекратится доступ воздуха и мы задохнемся.

— Мы ведь проведем здесь только одну ночь,— ответил старый Том.

— Ну так что же? Нужно воспользоваться случаем и отдохнуть хорошенько. Ведь за десять дней мы в первый раз ночуем под крышей.

— Десять дней! — повторил Том.

— Кроме того,— продолжал Дик Сэнд,— возможно, что мы задержимся здесь на день-другой; термитник как будто представляет надежное убежище. А я тем временем пойду посмотрю, далеко ли река, которую мы ищем. Я думаю даже, что нам лучше не покидать наше пристанище, пока мы не построим плот. Нам тут не страшна гроза. Итак, за работу! Сделаем насыпь и утрамбуем пол.

Приказание Дика Сэнда тотчас же было выполнено. Геркулес обрушил топором нижний ярус камер и навалил глину на пол термитника, подняв таким образом пол почти на целый фут над болотистой почвой, на которой стоял конус. Дик Сэнд следил за тем, чтобы входное отверстие, через которое поступал воздух, осталось открытым.

Путешественники могли только радоваться, что термиты по-

кинули свое жилище. Ведь если бы в постройке осталась хотя бы часть многотысячного ее населения, люди уже не в силах были бы занять ее.

Давно ли термитник оставлен хозяевами или эти прожорливые насекомые только что покинули его? Задаться таким вопросом было далеко нелишне.

Кузена Бенедикта чрезвычайно удивило то, что термиты покинули свой дом, и вскоре он убедился, что это произошло недавно. Спустившись на пол, он вооружился фонарем и стал осматривать самые потаенные закоулки конуса. Ему удалось обнаружить «главный склад» термитов, то есть место, где эти трудолюбивые насекомые хранят свои продовольственные запасы.

Этот склад помещался в нижнем ярусе, близ «королевской» ячейки, которую разрушил топор Геркулеса, так же, как и ячейки, предназначенные для личинок. Кузен Бенедикт нашел здесь несколько капель еще не успевшей затвердеть камеди — значит, термиты совсем недавно доставили ее на склад.

— Нет, нет! — воскликнул ученый, словно возражая какому-то оппоненту. — Нет, эту постройку хозяева покинули совсем недавно.

— Кто же спорит с вами, господин Бенедикт? — сказал Дик Сэнд. — Когда бы термиты ни покинули свое жилище — год тому назад или сегодня, — для нас важно лишь одно: нам его уступили.

— Нет, подожди, — возразил кузен Бенедикт, — очень важно узнать, почему термиты ушли отсюда. Ведь вчера, а может быть, и сегодня утром, эти хитроумные сетчатокрылые еще жили здесь: видите, даже камедь не успела затвердеть...

— Но какое нам до этого дело, господин Бенедикт? — спросил Дик Сэнд.

— Только инстинкт мог заставить термитов покинуть свое жилище. Посмотрите: в ячейках не осталось ни одного насекомого! Больше того, они заботливо унесли все личинки до последней. Так вот, я повторяю: все это произошло не без причины — предусмотрительные насекомые чувствовали приближение грозной опасности.

— Быть может, они предвидели, что мы вторгнемся в их жилище? — смеясь, сказал Геркулес.

— Вот как? — воскликнул кузен Бенедикт, которого задела за живое шутка славного негра. — Неужели вы считаете себя сильнее этих храбрых насекомых? Несколько тысяч термитов быстро превратили бы вас в обглоданный скелет, если бы нашли ваш труп на своем пути.

— Велика хитрость — обглодать мертвеца! — ответил Геркулес, не желавший сдаваться. — А живого Геркулеса им не съесть! Я легко раздавлю сотню тысяч термитов!..

— Вы раздавите сто тысяч, двести тысяч, пятьсот тысяч, миллион, — живо возразил кузен Бенедикт, — но не миллиард! А

миллиард термитов съест вас, живого или мертвого, обгложет до последней косточки!

Во время этого спора, который на первый взгляд мог показаться праздным, Дик Сэнд задумался. Замечание кузена Бенедикта произвело на него большое впечатление. Он не сомневался, что ученый, отлично знающий повадки насекомых, не ошибся в своих предположениях. Если инстинкт побудил термитов покинуть их городок, — значит, пребывание в нем действительно грозило какой-то опасностью.

Но так как нечего было и думать уйти из этого убежища в минуту, когда гроза бушевала с небывалой яростью, Дик Сэнд не стал ломать голову над тем, что казалось совершенно необъяснимым, и только заметил:

— Вы сказали, что термиты оставили в муравейнике свои запасы продовольствия, господин Бенедикт? Это напоминает мне, что свой-то провиант мы принесли с собой. Предлагаю поужинать. Завтра, когда гроза пройдет, мы решим, что делать дальше.

Тотчас занялись приготовлением ужина. Как ни велика была усталость путешественников, она не ослабила их аппетита. Консервам, которых должно было хватить еще на два дня, был оказан отличный прием. Сухари еще не успели отсыреть, и в продолжение нескольких минут только и слышно было, как они хрустят на крепких зубах Дика Сэнда и его товарищей. А мощные челюсти Геркулеса работали как настоящие жернова мельницы.

Но миссис Уэлдон едва притронулась к еде, и то лишь потому, что Дик просил ее об этом. Дику показалось, что мужественная женщина чем-то глубоко озабочена и более печальна, чем во все предшествующие дни. А между тем маленький Джек чувствовал себя лучше. Приступы лихорадки больше не повторялись, и теперь он спокойно спал на глазах у матери в ячейке термитника, где ему устроили мягкую постель из одежды. Дик Сэнд не знал, чему приписать уныние миссис Уэлдон.

И без слов ясно, что кузен Бенедикт воздал должное ужину. Не следует, однако, думать, что ученого занимало качество или количество кушаний, которые он поглощал. Нисколько! Он был просто рад случаю во время ужина прочитать спутникам лекцию о термитах. Ах, если бы в покинутой постройке остался хоть один термит, один-единственный!..

— Эти изумительные насекомые, — начал ученый-энтомолог свою речь, мало заботясь о том, слушают ли его товарищи, — принадлежат к сетчатокрылым: сяжки у них длиннее головы, челюсти сильно развиты, нижние крылья по большей части одинаковой длины с верхними. В состав этого интереснейшего отряда входят пять групп: скорпионовые мухи, муравьиные львы, золотоглазки, веснянки и термиты. Не может быть никаких сомнений в том, что насекомые, жилище которых мы — быть может, совершенно напрасно! — заняли, принадлежат к последней из перечисленных групп.

Дик Сэнд с этой минуты начал внимательно слушать лекцию кузена Бенедикта.

Уж не догадался ли энтомолог после находки поселения термитов, что путешественники находятся в Африке? Это было вполне возможно, хотя ученый вряд ли представлял себе, какая роковая случайность забросила его вместо одного материка на другой. Поэтому Дик с большой тревогой слушал его лекцию.

А кузен Бенедикт, оседлав любимого конька, понесся во всю прыть.

— Для термитов,— сказал он,— характерны лапки с четырьмя суставами и замечательно сильные роговидные челюсти. Есть порода мантисп, порода рафиди, порода термитов, известных под названием белых муравьев, к ним относятся термит «роковой», термит с желтым щитком, термит, убегающий от света, термит кусающий, разрушитель...

— А какие термиты построили этот конус? — спросил Дик Сэнд.

— Конечно, тот вид, который известен науке под названием «воинственных термитов»,— ответил кузен Бенедикт таким тоном, словно говорил о македонянах или о каком-нибудь другом античном племени, славившемся воинской доблестью.— Да-с, воинственные термиты разного размера! Разница между Геркулесом и карликом была бы меньше, чем между самым большим и самым маленьким из этих насекомых. Есть между ними «рабочие» — термиты длиною в пять миллиметров и «солдаты» — длиною в десять миллиметров, самцы и самки длиною в двадцать миллиметров, встречается и чрезвычайно любопытная порода термитов — «сифафу», длиною в полдюйма, у них челюсти, как клещи, а голова больше тела, как у акул! Это акулы среди насекомых, и при схватке между сифафу и акулой я не держал бы пари за акулу!

— Где обычно водятся воинственные термиты? — спросил Дик.

— В Африке,— ответил кузен Бенедикт,— в Центральной Африке и в южных ее областях. Ведь Африка — прославленная страна муравьев. Стоит прочитать, что писал о муравьях Ливингстон в последних своих заметках, доставленных Стенли.

Доктору Ливингстону посчастливилось несравненно больше, чем нам с вами: ему довелось быть свидетелем великого сражения между двумя армиями муравьев — черных и красных. Красные муравьи, которых называют «драйверс», а туземцы именуют «сифафу», победили. Побужденные черные муравьи, «чунгу», после мужественного сопротивления вынуждены были покинуть поле битвы. Но они отступили в полном порядке, захватив с собою личинки. Ливингстон утверждает, что никогда ни люди, ни животные не проявляют такого воинственного пыла. Перед сифафу отступает даже самый храбрый человек, ибо своими сильными челюстями эти термиты мгновенно вырывают у врага куски живого тела. Сифафу боятся и бегут от них даже

львы и слоны. Ничто не может остановить натиск армии сирафу — ни деревья, на которые они легко взбираются до самой верхушки, ни ручьи, — они переходят через них по своеобразным висячим мостам, образованным их сцепившимися телами. А как многочисленны полчища термитов! Другой исследователь Африки, дю Шеллю, в течение двенадцати часов наблюдал прохождение одной нескончаемой колонны термитов. Впрочем, что удивительного в том, что они шествуют мириадами? Эти насекомые поразительно плодотивы, самка воинственного термита может снести в день до шестидесяти тысяч яичек! Туземцы употребляют в пищу этих сетчатокрылых. Подумайте, друзья мои, что может быть вкуснее печеных термитов!

— А вы едали их, мистер Бенедикт? — спросил Геркулес.

— Пока нет. Но я буду их есть!

— Где?

— Здесь!

— Но ведь мы не в Африке! — поспешно сказал Том.

— Нет... Нет... — ответил кузен Бенедикт. — А между тем до сих пор ученые встречали воинственных термитов и их поселения только на Африканском континенте. Ах уж эти путешественники! Они не умеют смотреть. Впрочем, тем приятнее. Я уже обнаружил муху цеце в Америке! Моя слава еще больше возрастет оттого, что я первый нашел на Американском континенте и воинственных термитов. Какой материал для сенсационной статьи! Что там статья — для толстого тома с вкладными листами таблиц и цветных рисунков! Весь ученый мир Европы будет потрясен.

Ясно, что кузен Бенедикт и не подозревал горькой правды. Бедняга ученый и его спутники, исключая Дика Сэнда и старого Тома, как и следовало ожидать, все еще верили, что они в Америке.

Должны были произойти другие, несравненно более важные события, чтобы вывести их из заблуждения.

Было уже девять часов вечера, когда кузен Бенедикт кончил свою речь. Заметил ли он, что большинство слушателей, лежавших в глиняных ячеек, заснули под его энтомологические рассуждения? Вряд ли. Но кузену Бенедикту и не нужны были слушатели. Он говорил для себя. Дик Сэнд не задавал ему больше вопросов и лежал неподвижно, хотя и не спал. Геркулес боролся со сном дольше других, но вскоре усталость сомкнула ему глаза, он уснул и уже ничего не слышал.

Кузен Бенедикт еще некоторое время разглагольствовал. Но, наконец, его самого начала одолевать дремота, и он забрался в ячейку верхнего яруса, которую облюбовал для себя.

В термитнике воцарилась тишина, а за глиняными его стенами все так же бушевала буря, грохотал гром и сверкали молнии. Ничто, казалось, не указывало на то, что гроза близится к концу.

Фонарь погасили. Внутри конуса все погрузилось в темноту. Усталые путники крепко спали. Одному лишь Дику Сэнду, не-

смотря на крайнее утомление, было не до сна. Заботы не давали ему покоя. Он все думал о своих спутниках, о том, как их спасти. С крушением «Пилигрима» жестокие их испытания не кончились. Иные, самые ужасные страдания ждут их, если они попадут в руки туземцев.

Но как избежать этой опасности, самой страшной из всех, угрожавших маленькому отряду на пути к берегу океана? Несомненно, Гэррис и Негоро со злым умыслом завели путешественников в дебри Анголы. Но что задумал негодяй португалец? К кому и за что он питал такую черную ненависть? Юноша убеждал себя, что Негоро ненавидит только его одного. Еще и еще раз он перебирал в памяти все события, которыми ознаменовалось плавание «Пилигрима»: встречу с потерпевшим крушение судном, спасение негров, охоту на кита, гибель капитана Гуля и всех матросов... Дик Сэнд вспомнил, как он, пятнадцатилетний юноша, должен был принять командование судном, на котором вскоре из-за преступных махинаций Негоро не оказалось ни компаса, ни лага; вспомнилось ему, как в споре с Негоро он своей властью, властью капитана, принудил его подчиниться, пригрозив мерзавцу заковать его в кандалы или всадить ему пулю в лоб. Ах, почему он не сделал этого? Если бы он тогда же покончил с Негоро и выбросил его труп за борт, не было бы этих ужасных катастроф...

Картины пережитых бедствий сменяли одна другую.

Он вспомнил крушение «Пилигрима». Вспомнил, как появился предатель Гэррисон и как мнимая Боливия постепенно и с полной очевидностью превратилась в Анголу, страшную Анголу, с ее убийственными лихорадками, дикими зверями и людьми, которые были опаснее зверей! Удастся ли маленькому отряду избежать столкновения с теми и другими на пути к океану? Удастся ли ему, Дику, осуществить свой план — добраться до морского берега на плоту по реке, которую он надеялся найти? Будет ли этот способ передвижением менее утомительным и более безопасным, чем пеший поход?

Дик гнал от себя сомнения. Он знал, что ни Джек, ни миссис Уэлдон не выдержат нового перехода в сто миль по этой негостеприимной стране среди непрестанных опасностей.

«Какое счастье,— думал он,— что миссис Уэлдон и остальные не подозревают, как опасно наше положение! Только старик Том и я знаем, что Негоро завел корабль к берегам Африки, а его сообщник Гэррис заманил нас в глубь Анголы!»

Чье-то дыхание коснулось лба Дика Сэнда. Нежная рука оперлась на его плечо. Взмолванный голос, прервав его тяжелые мысли, прошептал ему на ухо:

— Я все знаю, мой бедный Дик! Но господь может спасти нас. Да будет воля его!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Водолазный колокол

Дик Сэнд не смог выговорить ни слова в ответ на это неожиданное признание. Но миссис Уэлдон и не ждала ответа. Она вернулась на свое место рядом с маленьким Джеком; юноша не посмел удержать ее.

Итак, миссис Уэлдон все знала...

По-видимому, события последних дней посеяли в ее уме сомнения, и одного слова «Африка», произнесенного кузеном Бенедиктом, было достаточно, чтобы эти сомнения превратились в уверенность.

«Миссис Уэлдон все знает! — говорил себе Дик Сэнд. — Что ж, пожалуй, это к лучшему. Она не теряет бодрости духа — значит, мне и подавно нельзя впадать в отчаяние!»

Теперь Дик с нетерпением ждал рассвета. Как только забрезжит заря, он отправится на разведку в окрестности поселка термитов и разыщет реку, которая доставит маленький отряд к берегам Атлантического океана. У Дика было предчувствие, что такая река протекает где-нибудь неподалеку. Теперь всего важнее было избежать встречи с туземцами — Гэррис и Негоро, может быть, уже направили их по следам путешественников.

До рассвета было еще далеко. Ни один луч света не проникал внутрь конуса. Раскаты грома, глухо доносившиеся сквозь толстые стены, свидетельствовали о том, что гроза все еще не утихает. Прислушавшись, Дик различил шум непрекращающегося ливня. Но тяжелые капли падали не на твердую землю, а в воду. Дик сделал из этого вывод, что вся равнина затоплена.

Было около одиннадцати часов вечера. Дик Сэнд почувствовал, что какое-то оцепенение, предвестник крепкого сна, овладевает им. Что ж, можно хоть отдохнуть немного. Но тут у него мелькнула мысль, что наваленная на полу глина, намокнув, может закрыть вход, преградить доступ свежему воздуху, и десять человек, разместившиеся в конусе, рискуют задохнуться от избытка углекислоты.

Дик Сэнд соскользнул на пол, глина, сбита с первого этажа ячеек, повысила его уровень. Эта глиняная площадка была совершенно сухая; отверстие было все открыто, воздух свободно проникал внутрь конуса, а вместе с ним и отблески сверкавших молний, и оглушительные раскаты грома, и плеск проливного дождя.

Все было в порядке. Казалось, никакая опасность непосредственно не угрожает людям, заменившим в термитнике колонию сетчатокрылых. Дик Сэнд решил дать себе несколько часов отдыха, чувствуя, что силы оставляют его. Но из осторожности он лег у входа на насыпь. Здесь он первым мог поднять тревогу, если бы что-нибудь случилось. Здесь его разбудят первые лучи зари, и он тотчас же отправится на разведку.

Положив ружье рядом с собой, Дик лег, прислонившись головой к стене, и заснул.

Он не мог бы сказать, долго ли длился его сон. Разбудило его прикосновение чего-то холодного. Он вскочил на ноги. К ужасу своему, он увидел, что вода заливает термитник. Вода прибывала с такой быстротой, что в несколько секунд уровень ее поднялся до нижних ячеек, где спали Том и Геркулес.

Дик Сэнд разбудил их и рассказал о новой опасности.

Том зажег фонарь и посветил вокруг.

Достигнув уровня приблизительно в пять футов, вода перестала прибывать.

— Что случилось, Дик? — спросила миссис Уэлдон.

— Пустяки, — ответил юноша. — Нижняя часть конуса затоплена. Должно быть, вследствие ливня река вышла из берегов и разлилась по равнине.

— Отлично! — воскликнул Геркулес. — Это значит, что река действительно близко.

— Да, — сказал Дик Сэнд, — и по течению этой реки мы спустимся к побережью. Не беспокойтесь, миссис Уэлдон, вода не поднимается выше, и верхние ярусы останутся сухими.

Миссис Уэлдон не ответила. Что касается кузена Бенедикта, то он спал, как настоящий термит.

Пятеро негров молча глядели на воду, отражавшую свет фонаря, ждали распоряжений Дика Сэнда, который измерял высоту наводнения.

Юноша приказал положить оружие и провизию в ячейку верхнего яруса, чтобы их не подмочило.

— Вода проникла через входное отверстие? — спросил Том.

— Да, — ответил Дик Сэнд, — и теперь она не пропускает снаружи воздух.

— Давайте сделаем новое отверстие в стене, выше уровня воды, — предложил старый негр.

— Пожалуй... Нет, Том. Если у нас здесь уровень воды только пять футов, это не значит, что снаружи она не поднялась выше... Вероятно, там уровень достигает семи-восьми футов, а возможно, и больше.

— Вы так думаете, мистер Дик?

— Я думаю, Том, что вода, проникнув в конус, сжала заключавшийся в нем воздух, и теперь этот сжатый воздух не дает ей подняться выше. Но если мы прорубим отверстие в стене, воздух вырвется наружу, давление упадет, и уровень воды снаружи и внутри конуса сравняется. Если же уровень воды снаружи стоит выше, чем здесь, то вода будет подниматься до тех пор, пока ее снова не остановит сжатие воздуха. В этом конусе мы — как рабочие в водолазном колоколе.

— Что же нам делать? — спросил Том.

— Сначала хорошенько обдумать, а потом уж действовать, — ответил Дик Сэнд. — Неосторожность может стоить нам жизни.

Это замечание было совершенно верным. Дик был прав также, когда сравнивал затопленный разливом термитник с водолазным колоколом. Но в водолазном колоколе воздух беспрестанно обновляется при посредстве специальных насосов. Водолазы свободно дышат и не испытывают других неудобств, кроме тех, какие связаны с длительным пребыванием в камере, где воздух находится под большим давлением. В конусе же к этим неудобствам присоединялось то, что вода заняла около трети объема помещения, а воздух мог обновиться только в том случае, если будет пробито в стене отверстие, сообщающееся с атмосферой. Но пробивать такое отверстие — это значило подвергнуться риску, о котором говорил Дик Сэнд, и, быть может, только ухудшить положение.

Пока что уровень воды внутри конуса оставался неизменным. Повыситься он мог только в двух случаях: во-первых, если в стене будет пробита дыра и окажется, что снаружи вода стоит выше, чем внутри конуса, во-вторых, если уровень половодья поднимется еще выше. В обоих случаях вода оставит внутри термитника только небольшое пространство, в котором отравленный выдыхаемой углекислотой воздух будет сжат еще больше.

Дику пришла в голову мысль, что разлив может сорвать с места конус, что было бы крайне опасно для всех находящихся в нем. «Нет,— решил он,— этого не может быть: постройки у термитов чрезвычайно прочные, не хуже, чем у бобров».

Итак, больше всего следовало опасаться, что гроза затянется надолго и, следовательно, усилится наводнение. Если уровень половодья на равнине достигнет тридцати футов, то есть поднимется на восемнадцать футов над верхушкой конуса, воздух внутри него будет находиться под давлением почти в одну атмосферу.

А между тем у Дика Сэнда были основания опасаться, что наводнение усилится. Ведь подъем воды зависел не только от этого невероятного ливня,— возможно, что какая-нибудь из протекавших поблизости рек вышла из берегов и затопила эту котловину. В таком случае следует допустить предположение, что конус весь целиком находится под водой и из него уже нельзя выбраться, даже пробив верхушку, что сделать не очень трудно.

Дик Сэнд, крайне встревоженный, спрашивал себя, как поступить: ждать или, выяснив, как обстоит дело, скорее найти выход из положения?

Было три часа утра. В конусе все молча прислушивались к отзвукам грозы, глухо доносившимся снаружи. Непрестанный гул и треск свидетельствовали о том, что борьба стихий не кончилась.

Старик Том обратил внимание на то, что уровень воды продолжает понемногу подниматься.

— Да, я тоже это заметил,— сказал Дик Сэнд.— Воздух не может вырваться отсюда, а вода все-таки поднимается. Значит, и снаружи вода прибывает и просачивается сюда.

— К счастью, подъем чуть заметный,— сказал Том.

— Но неизвестно, когда он прекратится,— ответил Дик Сэнд.

— Капитан Дик,— сказал Бат,— если хотите, я попробую выбраться из термитника. Я нырну и попробую вылезти через отверстие...

— Лучше я сам попытаюсь это сделать,— ответил Дик.

— Нет, нет! — горячо возразил Том.— Пусть лучше мой сын попытается. Вы вполне можете положиться на его ловкость. А если ему не удастся вернуться... Ваше присутствие здесь необходимо.— И шепотом старик добавил: — Не забывайте о миссис Уэлдон и маленьком Джеке!..

— Хорошо,— сказал Дик.— Ступайте, Бат. Если конус затоплен, и не думайте возвращаться. Мы тогда постараемся выбраться тем же путем, что и вы. Но захватите с собой топор и, если верхушка термитника выступает над водой, рубите ее. Мы услышим стук, это послужит нам сигналом, мы начнем ломать кровлю изнутри. Понятно?

— Понятно,— ответил Бат.

— Ну, иди, сынок,— сказал Том, пожимая ему руку.

Бат сделал глубокий вдох и, набрав запас воздуха в легкие, нырнул.

Глубина воды в конусе превышала пять футов. Перед Батом стояла нелегкая задача: найти под водой выходное отверстие, пролезть сквозь него и подняться на поверхность. Все это нужно было проделать за несколько секунд.

Прошло полминуты. Дик решил, что негр уже выбрался наружу, как вдруг из воды показалась голова Бата.

— Ну что? — спросил Дик Сэнд.

— Отверстие завалило глиной,— ответил Бат, переведя дыхание.

— Отверстие завалено! — повторил Том.

— Да,— сказал Бат.— Очевидно, вода размыва глину. Я ощупал рукой стены — отверстия больше нет.

Дик Сэнд покачал головой. Маленький отряд был герметически закупорен в этом конусе. Да еще весьма возможно, что термитник затоплен разливом.

— Если старого отверстия нет, нужно сделать новое,— сказал Геркулес.

— Погодите! — воскликнул Дик, удерживая Геркулеса, который взял топор и собрался уже нырнуть.

Юноша крепко задумался и после долгого молчания сказал:

— Нет, мы сделаем другое. Ведь вопрос заключается вот в чем: покрывает ли вода термитник или нет? Просверлив скважину в верхушке конуса, мы получим ответ на этот вопрос. Но если конус затоплен, воздух моментально вырвется наружу, вода заполнит все пространство, и мы погибнем. Тут нужна осторожность...

— Но и мешкать нельзя,— заметил старый Том.

В самом деле, вода в конусе продолжала понемногу подниматься. Уровень ее достиг шести футов. Миссис Уэлдон, Джек, кузен Бенедикт и Нан укрылись в верхнем ярусе ячеек, до которого вода еще не дошла; все остальные путники были уже по пояс в воде.

Надо было поскорее испытать предложенный Диком способ. Юноша решил просверлить скважину в стене на расстоянии одного фута от поверхности воды, то есть в семи футах от пола. Если в отверстие ворвется наружный воздух, значит, конус выступает над водой. Напротив, если окажется, что отверстие просверлено ниже уровня разлива, вода в конусе начнет подниматься. Тогда, быстро заткнув скважину, нужно будет сверлить новую, футом выше, и так далее. Если окажется, что и отверстие в верхушке конуса не сообщается с воздухом, значит, вода на равнине стоит выше пятнадцати футов и все поселение термитов затоплено. А в этом случае Дику Сэнду и его спутникам грозила самая ужасная и мучительная гибель — медленная смерть от удушья.

Дик Сэнд знал все это, но хладнокровие ни на мгновение не покидало его. Он заранее учел все возможные последствия принятого им решения. Но бездействовать дальше было опасно: и без того воздух внутри конуса был уже настолько испорчен, что путешественникам стало трудно дышать, а свободное пространство все уменьшалось.

Лучший инструмент, который Дик Сэнд мог выбрать, чтобы просверлить отверстие в стене, был ружейный шомпол с винтовой нарезкой на конце; при быстром вращении он вгрызался в глину, как бурав, диаметр отверстия получался очень незначительный, но воздух мог проникнуть и через такую узкую дырочку.

Геркулес, подняв фонарь, светил Дику Сэнду. В запасе было еще несколько свечей, и сверлильщик мог не бояться, что он окажется в темноте.

Через минуту просверлили стену насквозь. Тотчас же послышался глухой шум, похожий на звук, с каким пузырьки воздуха пробиваются сквозь толщу жидкости. Воздух вырывался из конуса, а вода быстро прибывала и остановилась на уровне проделанного отверстия. Значит, его просверлили слишком низко, и оно вышло наружу под водой...

— Придется повторить! — хладнокровно сказал Дик Сэнд и поспешно заткнул отверстие комком глины.

Подъем воды прекратился, но уровень ее успел повыситься примерно на восемь дюймов. Это значило, что на столько же уменьшился объем, занятый воздухом. Дыхание становилось затрудненным, так как кислорода в воздухе осталось мало. Пламя в фонаре стало красным и постепенно тускло.

Дик Сэнд принялся сверлить второе отверстие, на фут выше первого. Если и эта попытка окончится неудачей, вода внутри конуса поднимется еще выше... Но надо было рискнуть!

В то время как Дик Сэнд буравил стену в новом месте, слышался голос кузена Бенедикта:

— Так вот оно что! Теперь все понятно!

Геркулес направил луч света на кузена Бенедикта. Лицо энтомолога выражало глубокое удовлетворение.

— Да, да... Понятно, почему эти умные насекомые покинули свое жилище! — говорил кузен Бенедикт. — Они предчувствовали наводнение! О, это инстинкт, это инстинкт, друзья мои! Термиты хитрее нас! Гораздо хитрее!

И, высказав таким образом свое отношение к событиям, кузен Бенедикт умолк.

В это мгновение Дик Сэнд, просверлив скважину в стене, протянул к себе шомпол. Снова слышалось то же бульканье. Вода поднялась еще на один фут. Значит, и это отверстие оказалось ниже уровня разлива!

Положение было поистине ужасным. Миссис Уэлдон, к ногам которой уже подступила вода, взяла на руки сына. Все задыхались в тесном пространстве, у всех шумело в ушах и учащенно билось сердце. Фонарь почти не давал света.

— Неужели весь конус находится под водой? — прошептал Дик Сэнд.

Чтобы выяснить это, нужно было просверлить третью скважину — в самой верхушке конуса. Удушье, смерть — вот что грозило путешественникам, если последняя попытка окажется такой же бесплодной, как две предыдущие. Остаток воздуха вырвется наружу, и вода заполнит весь конус.

— Миссис Уэлдон, — сказал Дик, — вы знаете, в каком мы положении. Если мы будем медлить, мы задохнемся. Если и последняя попытка кончится неудачей, вода нас затопит. Спасаться мы можем только в том случае, если верхушка конуса выступает из воды. Я предлагаю рискнуть... Согласны ли вы?

— Я согласна, Дик, — просто ответила миссис Уэлдон.

В эту минуту огонь в фонаре погас от недостатка кислорода. Наступил полнейший мрак. Миссис Уэлдон, Джек и кузен Бенедикт, сидевшие в верхнем ярусе ячеек, в испуге прижались друг к другу.

Геркулес уцепился за одну из боковых перегородок. Только голова его выступала из воды. Дик Сэнд взобрался к нему на плечи и стал сверлить шомполом отверстие в самой верхушке конуса. Здесь пласт глины был толще и тверже. Шомпол с трудом уходил вглубь. Дик продолжал сверлить с лихорадочной быстротой. Он был охвачен ужасной тревогой, ибо сквозь узкую скважину через несколько мгновений в конус ворвется либо свежий воздух, а с ним жизнь, либо вода, а с ней смерть!

Вдруг послышался пронзительный свист. Сжатый воздух с силой вырвался наружу... Но сквозь отверстие блеснул свет. Вода внутри конуса поднялась еще на восемь дюймов и остановилась на этом уровне. Очевидно, между уровнями воды снаружи и внутри термитника установилось равновесие.

Итак, верхушка конуса поднималась над водой. Путешественники были спасены!

В термитнике раздалось неистовое «ура», и в хоре голосов громовыми раскатами звучал мощный бас Геркулеса.

Тотчас же были пущены в ход ножи и топор. Пролом в верхушке конуса быстро расширился, пропуская свежий воздух и первые лучи восходящего солнца. Все надеялись, что, как только с конуса сойдут верхушку, легко будет вскарабкаться на стену и тогда решить, как добраться до ближайшей высоты, недосягаемой для наводнения.

Дик первым высунул голову наружу. Из груди его вырвался крик. И тут же раздался свист, хорошо знакомый путешественникам по Африке, — свист летящей стрелы.

Дик Сэнд скользнул вниз, но он успел разглядеть в ста шагах от поселения термитов лагерь туземцев.

Близ конуса, по затопленной равнине, плавали длинные пироги. В пирогах сидели туземные воины. С одной из этих лодок и пустили целую тучу стрел, когда юноша выглянул из конуса.

В двух словах Дик Сэнд рассказал все это своим товарищам. Схватив ружья, Дик, Геркулес, Актеон и Бат выбрались из отверстия и стали стрелять по этой лодке.

Пули их настигли нескольких туземцев. Дикое вопли и беспорядочная стрельба из ружей были ответом на залп наших путников. Но что могли сделать Дик Сэнд и его товарищи, горсточка храбрецов, против сотни воинов, окруживших их со всех сторон?

Термитник был взят приступом. Миссис Уэлдон, ее сына, кузена Бенедикта схватили и бросили в одну из пироги. Они не успели даже попрощаться, не успели пожать в последний раз руки друзьям, с которыми их разлучили. Несомненно, африканцы действовали согласно заранее полученным распоряжениям. Дик Сэнд видел, как пирога поплыла к лагерю туземцев и скрылась там.

Самого Дика, Нан, старика Тома, Геркулеса, Бата, Актеона и Остина бросили во вторую пирогу, которая поплыла в другую сторону.

Двадцать воинов сидели в этой пироге, а вслед за ней еще плыли пять больших пироги. Всякая попытка к сопротивлению была обречена на неудачу, но все-таки Дик Сэнд и его товарищи пытались бороться. Они ранили нескольких африканских солдат и, безусловно, заплатили бы жизнью за свою дерзость, если бы воины не получили строгого приказа доставить их живыми.

Переезд длился всего несколько минут. Но в тот момент, когда пирога причалила к земле, Геркулес оттолкнул державших его воинов и выскочил на берег. Двое туземцев бросились к нему, но великан взмахнул своим ружьем, как палицей, и оба преследователя упали с проломленными черепами.

Через минуту, счастливо избежав града пуль, Геркулес скрылся в лесу. А Дика Сэнда и его спутников туземцы перетаскивали на берег и заковали в цепи, как рабов...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Лагерь на берегу Кванзы

После наводнения, превратившего в озеро котловину, где находилось поселение термитов, вид местности изменился до неузнаваемости. Лишь конусообразные верхушки двух десятков термитников поднимались над поверхностью воды в этом своеобразном бассейне.

Ливень вызвал стремительный подъем уровня воды во всех притоках Кванзы, и ночью река вышла из берегов.

Кванза, одна из крупнейших рек Анголы, впадает в Атлантический океан в ста милях от места крушения «Пилигрима».

Эту реку пришлось пересечь лейтенанту Камерону несколько лет спустя, прежде чем достичь Бенгелы. Кванзе самой природой предназначено стать внутренним водным путем в этой части португальской колонии. Пароходы уже поднимаются по ее нижнему течению, и не пройдет и десяти лет, как они поплывут к ее верховью. Дик Сэнд поступил вполне правильно, когда искал на севере судоходную реку. Ручеек, вдоль которого он вел свой отряд, впадал непосредственно в Кванзу. Если бы не внезапное нападение туземцев, которого Дик Сэнд не мог предвидеть, он нашел бы реку в расстоянии одной мили от поселка термитов. Маленький отряд погрузился бы на плот, который нетрудно было соорудить, и благополучно добрался бы до португальских поселений в низовьях Кванзы. Туда часто заходят пароходы, и там путешественники были бы в полной безопасности.

Но судьба распорядилась иначе.

Замеченный Диком лагерь туземцев был разбит на холме по соседству с термитником, оказавшимся роковой западней для путешественников. На вершине холма росла огромная смоковница. Под ее раскидистыми ветвями свободно могло бы уместиться пятьсот человек. Кто не видел этих африканских деревьев-гигантов, тот не может себе представить, насколько они велики. Ветви их образуют густую чащу, в которой можно затеряться. Широкий пейзаж дополняли баньяны — деревья, у которых семена не обрастают мякотью.

Под сенью смоковницы расположился, как в уютом убежище, целый невольничий караван, тот самый, о котором Гэррис говорил Негоро. Агенты работорговца Альвеца гнали невольников в Казонде, на главный рынок черного товара. Оттуда этих несчастных, вырванных из родных селений, отправляли в бараки на западное побережье или в Ньянгве, в область Больших озер. В Ньянгве образовывались новые караваны, следовавшие на север — в Верхний Египет или на восток — в фактории Занзибара.

В лагере Дик Сэнд и его спутники тотчас превратились в рабов. Со стариком Томом, его сыном, с Остином, с Актеоном и с бедняжкой Нан, хотя они и не были африканцами, стали обращаться так же, как с туземными невольниками. Новых пленни-

ков обезоружили, несмотря на отчаянное их сопротивление, разбили на пары и каждой паре надели на шею длинную, в шесть футов, колодку с раструбами на концах в форме римской цифры V. Раструбы рогатины, плотно охватывавшие шею, замыкались железной скобой. Ужасные ошейники вынуждали невольников идти гуськом, не уклоняясь ни на шаг ни вправо, ни влево. Помимо этой рогатины, несчастных сковывали еще попарно тяжелой цепью, опоясывавшей им бедра. У невольников оставались свободными руки — но только для ношения тяжестей и ноги — только для ходьбы, а не для побега... И в таком положении они должны были брести под палящим солнцем целые сотни миль, подстегиваемые кнутом надсмотрщика — хавильдара. Дик и его товарищи, обессиленные только что выдержанной борьбой, больше не оказывали сопротивления. Отчего им не удалось убежать, как Геркулесу? Но, при всей могучей силе беглеца, что ждало его в этой ужасной стране? На что он мог надеяться, когда против него были и голод, и дикие звери, и туземцы? Быть может, скоро он будет завидовать своим товарищам, попавшим в неволю! А между тем пленники не могли рассчитывать ни на какое снисхождение со стороны начальников каравана. Эти последние — арабы и португальцы — говорили между собой на каком-то своем языке, а с невольниками объяснялись только угрожающими жестами и окриками.

Дик Сэнд был белым, и работорговцы не решались обращаться с ним, как с остальными. Его обезоружили, но цепей не надели и не соединили рогатиной ни с кем из невольников. Зато к нему приставили специального надсмотрщика, который не спускал с него глаз. Дик Сэнд озирался по сторонам, ожидая, что сейчас покажутся Негоро или Гэррис, но они не появлялись. И все же Дик ни на минуту не сомневался, что эти двое негодяев причастны к нападению на его отряд.

Ему пришла в голову мысль, что миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта отделили от остальных пленников по распоряжению американца или португальца. Не видя в лагере ни того, ни другого, Дик подумал, что оба сообщника сопровождают свои жертвы. Куда же они отвели миссис Уэлдон? Как собираются поступить с ней? Мучительная тревога за миссис Уэлдон и ее близких не давала Дику покоя и заставляла забывать о собственных бедах.

Караван, расположившийся на отдых под гигантской смоковницей, насчитывал в своем составе не менее восьмисот человек, среди них около пятисот невольников обоего пола, двести солдат-туземцев и около сотни носильщиков, надсмотрщиков и агентов работорговца.

Надсмотрщики были набраны из арабов и португальцев. Трудно представить себе, как жестоко эти люди обращались с невольниками. Они избивали их по всякому поводу, а тех, кто заболел, кто терял силы, не выдержав истязаний, приканчивали ударом ножа или пульей, ибо их уже нельзя было продать. Не-

вольников держали в повиновении зверской жестокостью. В результате такого обращения редкий караван доходил до конца хотя бы с половиной живого «груза». Остальные устилали своими костями караванные пути из внутренних областей Африки к берегу океана; лишь немногим удавалось в дороге бежать.

Легко представить себе нравственный облик европейцев (по большей части португальцев), сопровождавших невольничьи караваны в качестве агентов работорговца. Это были подонки общества, выброшенные из своей страны, преступники, беглые каторжники, бывшие владельцы невольничьих кораблей, ускользнувшие от виселицы. Таким человеческим отребьем были и Негоро и Гэррис. Они служили у одного из крупнейших работорговцев Центральной Африки Хозе-Антонио Альвеца, — хорошо известного всем мелким торговцам «черным товаром»; лейтенант Камерон сообщил о нем любопытные сведения.

Для конвоя невольников работорговцы вербовали солдат большею частью среди туземцев. Но охота на людей не являлась монополией работорговцев. Негритянские царьки тоже устраивали кровавые набеги на своих соседей и с той же целью; побежденных — мужчин, женщин и детей — победители продавали работорговцам за несколько ярдов коленкора, за порох, за ружья, за розовые или красные бусы, а в голодные годы, говорит Ливингстон, даже за горсть маиса.

Отряд солдат, сопровождавший караван Альвеца, являл собой типичный образец наемного африканского войска. Это было сборище полуголых чернокожих бандитов, вооруженных кремневыми ружьями, у которых длинный ствол был окован медными кольцами. С такой охраной агентам работорговца было нелегко справиться. Эта банда всегда очень неохотно подчинялась приказам. Она сама назначала часы выступления в поход и остановки для отдыха. Несговорчивых агентов охрана быстро вынуждала к уступкам угрозой покинуть караван.

Тяжелую кладь каравана несли на плечах сами невольники — мужчины и женщины, но работорговцы все же нанимали некоторое количество носильщиков — «пагазисов». Им доверяли тюки с особенно ценным товаром, главным образом со слоновой костью. Иной раз попадались огромные слоновые бивни весом до ста шестидесяти фунтов, и для переноски каждого из них требовалось по два носильщика. Из прибрежных факторий слоновую кость отправляли на рынки в Хартум, Занзибар и Наталь. Труд носильщиков оплачивался по прибытии к месту назначения несколькими метрами хлопчатобумажной ткани, называемой «мерикани», пригоршней каури¹, порохом, ниткой бус, а иногда — невольником, если у работорговца не было других ценностей или если он не рассчитывал много выручить за этого невольника.

---

¹ Каури — ракушки, которые служат в этих краях монетой.

В числе пятисот невольников каравана Альвеца было очень мало пожилых людей. Обычно во время набега на развалинах горящего селения беспощадно убивали всех пленников старше сорока лет: рынок предъявлял спрос только на молодых здоровых невольников, невольниц и на детей. Не больше десятой части побежденных оставалось в живых после таких кровавых побоищ. Этим объясняется, почему так страшно обезлюдела Экваториальная Африка, где обширные области обращены в пустыню.

Какое страшное зрелище представляло собой это человеческое стадо! Полуголые невольники, едва прикрытые лоскутом «мбузу» — жесткой ткани из древесной коры, женщины все в язвах от ударов бича, измученные, истощенные дети с окровавленными ногами, — матери старались нести их на руках, несмотря на свою тяжелую ношу, — скованные люди с колодками на шее, которые были еще мучительнее каторжных кандалов.

Эти несчастные, еле живые люди с неслышным голосом, эти «скелеты из черного дерева», как сказал о них Ливингстон, могли бы разжалобить своим обликом даже дикого зверя. Но надсмотрщиков-арабов это зрелище несколько не трогало, а надсмотрщики-португалыцы, по словам Камерона, были еще более жестоки, чем арабы¹.

За пленниками был установлен строжайший надзор как во время похода, так и на стоянках. Дик Сэнд понял, что нечего думать о побеге. Но как же тогда найти миссис Уэлдон. Никаких сомнений не могло быть: Негоро участвовал в захвате матери и сына. Какую цель преследовал португалец, разлучая потерпевших крушение на «Пилигриме», Дик Сэнд не знал еще. Но ведь Негоро был способен на любое преступление, и сердце юноши обливалось кровью при мысли об опасностях, угрожающих миссис Уэлдон.

«Ах! — повторял он. — Подумать только, что я мог пристрелить и того и другого негодяя и не сделал этого!»

Снова и снова юношу осаждали мучительные мысли. От каких страшных несчастий избавила бы людей заслуженная казнь Гэрриса и Негоро. От каких тяжких горестей избавила бы

---

¹ Вот что говорит об этом Камерон в своей книге «Вокруг света»: «Чтобы доставить Альвецу пятьдесят женщин, которых он требовал, были уничтожены десять селений... Десять селений, в каждом из них было от ста до двухсот жителей, — всего около полутора тысяч человек! Лишь очень немногим удалось спастись. Большинство погибло в пламени пожара, были убиты, когда они пытались защитить свои семьи, или умерли от голода в джунглях, если только хищные звери не избавили их от долгих страданий...

Эти преступления, совершенные в центре Африки людьми, которые кичливо именуют себя христианами, считают себя португальцами, покажутся невероятными жителям цивилизованных стран. Не может быть, чтобы лиссабонское правительство знало, какие чудовищные вещи творят люди, прикрывающиеся флагом Португалии и называющие себя ее подданными».

Эти утверждения Камерона вызвали протесты в Португалии. (Примеч. авт.)

она, по крайней мере, тех, с кем эти торговцы человеческим мясом обращаются, как с рабами. Миссис Уэлдон и маленький Джек совершенно беспомощны и одиноки. Кузен Бенедикт для них не опора. Хорошо, если он сумеет позаботиться хоть о самом себе. Наверное, всех троих уже отправили в какой-нибудь глухой угол Анголы. Но кто понесет в дороге больного мальчика?

«Мать,— говорил себе Дик,— мать! Она возьмет Джека на руки и будет нести его до полного изнеможения, пока не упадет на дороге... Она сделает то же, что делают несчастные рабыни... И как эти рабыни, она умрет в пути... Ах, дал бы мне господь только очутиться лицом к лицу с этими палачами...»

Но Дик сам был пленником. Он был одной из голов этого стада, которое надсмотрщики гнали в глубь Африки. Он не знал даже, ведут ли Негоро и Гэррис сами ту партию невольников, в которую включили их жертвы. Теперь уже нет Динго, некому отыскать след Негоро и поднять тревогу при его приближении. Только один Геркулес мог прийти на помощь несчастной миссис Уэлдон. Да разве можно надеяться на чудо?

И все же Дик как утопающий за соломинку цеплялся за эту надежду. Дик считал, что он хорошо знает Геркулеса и может не сомневаться, что, оставшись на свободе, Геркулес сделает все доступное силам человеческим для спасения товарищей и особенно миссис Уэлдон. Геркулес, наверное, идет вслед за пленницей и уже нашел способ дать ей знать, что помощь близка. А может быть, Геркулес задался целью сначала освободить его, Дика Сэнда, чтобы затем уже вдвоем идти на выручку миссис Уэлдон?

Дик живо представлял себе, как ночью Геркулес пробирается в лагерь невольничьего каравана. Он обманул бдительность стражи: такой же черный, как остальные рабы, незаметно вмешался в их толпу. Вот он подползает к Дикю, освобождает его и увлекает за собой в лес... Вот они оба на свободе!.. Чего только не сделают они для освобождения миссис Уэлдон!..

Река дает им возможность спуститься к побережью, и Дик Сэнд, лучше зная теперь все трудности, стоящие на пути к спасению, успешнее осуществит свои планы, которые расстроило нападение туземцев.

Так юноша переходил от отчаяния к надежде. Он не поддавался унынию, его энергичная натура не хотела покоряться несчастной доле. Дик Сэнд готов был воспользоваться малейшей возможностью, чтобы начать борьбу.

Прежде всего следовало узнать, куда направлялся невольничий караван. Возможно, что конечным пунктом маршрута была одна из факторий Анголы, до которой оставалось всего несколько дневных переходов. Но если караван шел во внутренние области Экваториальной Африки, то впереди лежали еще сотни и сотни миль пути. Главный невольничий рынок находился в Ньянгве, в области Больших озер, по которой путешествовал тогда Ливингстон. Ньянгве лежит на меридиане, который делит

Африку на две почти равные части. Но от лагеря на берегу Кванзы до Ньянгве было очень далеко,— путь должен был длиться много месяцев.

Неудивительно, что Дика так заботил вопрос, куда направляется караван: ведь из Ньянгве не стоило даже пытаться бежать. Если бы миссис Уэлдон, Дику, Геркулесу и прочим неграм посчастливилось вырваться из плена, они все равно погибли бы в долгом пути где-нибудь между областью Больших озер и берегом океана.

Но скоро Дик Сэнд успокоился: очевидно, партия должна была скоро прибыть на место. Не понимая языка, на котором говорили между собой начальники каравана,— то была смесь арабского языка с каким-то из африканских наречий,— он все же заметил, что они часто называют один из местных невольничьих рынков. Речь шла о Казонде, и Дик знал, что это место — центр работорговли в Анголе. В Казонде, думал Дик, решится участь всех пленников, они попадут там в руки местного царька или же в руки работорговца. И он не ошибся.

Дик Сэнд, прилежно изучавший географию, знал, что расстояние от Сан-Паоло-де-Луанда до Казонде не превышает четырехсот миль. Следовательно, лагерь на Кванзе отстоял от этого невольничьего рынка не больше как в двухстах пятидесяти милях. Дик высчитал это приблизительно, основываясь на переходе, совершенном его маленьким отрядом под водительством Гэрриса. В обычных условиях такой путь можно пройти за десять — двенадцать дней. Но так как караван уже был обессилен пройденной дальней дорогой, то Дик считал, что потребуются не менее трех недель на переход от Кванзы до Казонде.

Дику очень хотелось поделиться своими догадками со старым Томом и его товарищами. Для них было бы некоторым утешением узнать, что караван не загонят в дебри Экваториальной Африки, в те страшные края, откуда нет никакой надежды выбраться. Но как передать эту приятную весть? Достаточно было бы бросить мимоходом несколько слов. Удастся ли это сделать?

Четверо пленных негров находились на правом фланге лагеря. Они были скованы попарно: Актеон с Остином, Том с Батом — отец и сын случайно оказались вместе. К пленникам были приставлены специальный надсмотрщик и стража — человек десять солдат.

Дик, свободный от оков, решил подойти поближе к своим товарищам, которые сидели на земле не дальше чем в пятидесяти шагах от него. Он стал осторожно приближаться к ним.

Вероятно, старый Том угадал намерение Дика — он что-то шепнул своим товарищам, и те, прекратив разговор, стали внимательно следить за Диком. Они не могли двинуться с места, но ничто не мешало им смотреть и слушать.

Вскоре Дик незаметно прошел половину расстояния. Он мог уже крикнуть Тому название города, куда направляется караван, и сколько приблизительно может продлиться дорога. Но

ему хотелось поговорить с товарищами и условиться, как держать себя во время этого путешествия. Поэтому он продолжал с равнодушным видом двигаться вперед. Сердце его бешено стучало — только несколько шагов отделяло его теперь от цели... Но вдруг надсмотрщик, словно разгадав его замысел, с воплем бросился ему наперерез. Солдаты, которых всполошил крик надсмотрщика, тотчас же подбежали и грубо оттолкнули Дика. Вслед за гем Тома и его спутников погнали в противоположный конец лагеря.

Вне себя от гнева Дик Сэнд бросился на надсмотрщика. Он пытался выхватить у него из рук ружье и, когда это не удалось, оторвал ствол от ложа. Но солдаты гурьбой напали на него и отняли обломок ружья. Разъяренные, они растерзали бы юношу на части, если бы не вмешался один из начальников каравана — высокий араб с очень злым лицом. Это был тот самый Ибн-Хамис, о котором Гэррис говорил с Негоро.

Араб произнес несколько слов — Дик, конечно, не понял их значения, — и солдаты, послушно оставив свою жертву, отошли в сторону.

Пленникам, очевидно, запрещали общаться друг с другом. Но, с другой стороны, страже, несомненно, было строго приказано сохранить Дику жизнь. Кто мог отдать такие приказания, кроме Гэрриса или Негоро?

Это было утром 19 апреля. Раздался хриплый звук рога и вслед за ним грохот барабанов. Отдых кончился. Лагерь снимался с места. Через мгновение все — начальники, солдаты, носильщики и невольники — были уже на ногах. Невольники разобрали тюки с поклажей и выстроились в колонну, впереди которой встал надсмотрщик с развернутым пестрым знаменем.

Дан был сигнал к выступлению.

Послышалась негромкая песня. Но пели не победители, а побежденные. И в песне этой звучала наивная вера угнетенных и угроза палачам-угнетателям:

«Вы гоните меня в рабство — сила на вашей стороне. И я скоро умру. Но мертвый я избавлюсь от ярма, и тогда я приду и убью вас!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Из записной книжки Дика Сэнда

Гроза прошла, но небо все еще хмурилось. В Экваториальной Африке в апреле начинается второй период дождливого сезона, так называемая «мазика». В это время дожди льют чаще всего по ночам — в продолжение двух, а иногда и трех недель. Для невольничьего каравана это было новым и тяжким испытанием.

Ранним пасмурным утром караван покинул место привала и, отойдя от берега Кванзы, направился прямо на восток.

Пятьдесят солдат шагали впереди, по сотне с обеих сторон

колонны, а остальные конвоиры составляли арьергард. При таких условиях было бы трудно бежать, даже если бы люди и не были скованы. Ряды невольников смешались. Женщины, дети, мужчины, подростки шли попеременно, а надсмотрщики бичами подгоняли их. Были там несчастные матери, которые кормили на ходу грудного младенца, а на свободной руке несли второго ребенка. Иные женщины волочили за собой по жесткой колючей траве голых и босых детей.

Начальник каравана, тот самый араб Ибн-Хамис, который накануне вмешался в столкновение Дика с надсмотрщиком, зорко следил за своим стадом: он прохаживался вдоль колонны, то пропуская ее вперед, то вновь становясь во главе ее. Ибн-Хамиса и его помощников мало занимали страдания пленников, но они не могли не считаться со «своими» людьми: все время то солдаты вымогали увеличения пайка, то носильщики требовали более частых остановок. На этой почве возникали споры и грубая перебранка. Надсмотрщики вымещали свою злобу на несчастных невольниках. Всю дорогу не смолкал ропот солдат и носильщиков, угрозы и брань хавильдаров, крики истязуемых невольников. Шагавшие в последних рядах ступали по земле, орошенной кровью рабов, идущих впереди...

Дику так и не удалось переговорить со своими товарищами, потому что их вели под усиленным конвоем в первых рядах каравана. Они шли гуськом, пара за парой, отделенные друг от друга рогатинами, не позволяющими шевельнуть головой. Бичи надсмотрщиков полосовали их спины так же часто, как спины и всех остальных несчастных.

Бат в паре с отцом шел впереди, осторожно ступая, чтобы не тряхнуть рогатиной и не причинить боли Тому. Время от времени, когда хавильдар не мог слышать его, он шепотом старался ободрить старика. Когда он замечал, что Том устал, он старался замедлить шаг. Бедный малый даже не мог повернуться назад и посмотреть на отца. У Тома было хоть то утешение, что он видел сына, но старику приходилось горько расплачиваться за эту радость: сколько раз слезы катились из его глаз, когда бич надсмотрщика оставлял кровавые полосы на спине Бата, и эти удары были для отца больнее, чем если бы плеть обрушивалась на него самого.

Актеон и Остин, скованные друг с другом, следовали за ними в нескольких шагах и подвергались таким же истязаниям. Как завидовали они Геркулесу! Какие бы опасности ни угрожали ему в этих диких местах, он был свободен и мог бороться за свою жизнь!

В первые же минуты плена старый Том поведал своим товарищам горькую правду. С глубоким изумлением узнали Бат, Остин и Актеон, что они находятся в Африке, что их привело сюда и завлекло в глубь страны вероломство предателей Негоро и Гэрриса и что им нечего рассчитывать ни на какое снисхождение со стороны людей, к которым они попали в плен.

Со старухой Нан обращались не лучше, чем с остальными пленными. Она шагала в середине каравана, в группе невольниц. Ее сковали цепью с молодой матерью, у которой было двое детей — грудной младенец и мальчик трех лет, едва научившийся ходить. Нан взяла на свое попечение этого мальчика. Мать не посмела даже поблагодарить ее и только подняла на Нан глаза, в которых блестели слезы. Ребенок не поспевал за взрослыми, и длинный переход наверняка убил бы его. Нан взяла его на руки, чтобы избавить его от усталости и беспощадного бича надсмотрщика. Это была тяжелая ноша для старухи, и она боялась, что сил ее хватит ненадолго.

Нан несла маленького негретенка и думала о Джеке. Она представляла себе мальчика на руках у матери. Каково-то ей, бедняжке!.. Джек похудел за время болезни, но все же слабенькой миссис Уэлдон, наверно, трудно нести его. Где она теперь? Что с ней? Свидится ли с ней когда-нибудь ее старая нянька?

Дика Сэнда вели в арьергарде. Со своего места он не мог видеть ни Тома, ни его спутников, ни старой Нан — голова длинной колонны была видна ему, лишь когда проходили через какую-нибудь равнину.

Дик шагал, погрузившись в грустные думы, и только окрики надсмотрщиков отрывали его от этих мыслей. Он не думал ни о самом себе, ни о предстоящих трудностях пути, ни о попытках, которые, быть может, уготовил для него Негоро. Его всецело поглощала забота о миссис Уэлдон. Дик не отрывал глаз от земли: он пристально вглядывался в каждую помятую травинку, в каждую сломанную веточку — он искал какой-нибудь след, говоривший о том, что здесь проходила миссис Уэлдон. Дик знал, что другого пути от Кванзы до Казонде нет. Значит, если миссис Уэлдон также отправили в Казонде, — а это предположение было весьма вероятным, — она неминуемо должна была пройти здесь. Юноша дорого бы дал за какое-нибудь указание на ее судьбу.

Таково было телесное и душевное состояние Дика Сэнда и его товарищей.

Как ни велика была их тревога за собственную участь, как ни велики были их страдания, они не могли без содрогания глядеть на мучения окружавшей их толпы изнуренных рабов, не могли не испытывать возмущения при виде зверской жестокости надсмотрщиков, но, увы, они не в силах были хоть чем-нибудь помочь невольникам и оказать сопротивление их палачам.

На двадцать с лишним миль к востоку от Кванзы тянется сплошной лес. Деревья здесь растут не так густо, как в прибрежных лесах, — быть может, стада слонов вытаптывают молодые побеги, а может быть, их уничтожают личинки многочисленных насекомых. Идти по такому лесу было легче, чем пробираться сквозь заросли кустарников. Тут в изобилии рос хлопчатник кустами высотой в семь-восемь футов; из хлопка вырабатывают обычные в этих краях ткани с черными и белыми полосами. В не-

которых местах тропа углублялась в настоящие джунгли, где и рабы и стража утопали в высокой растительности.

Из всех местных животных только у слонов и жирафов головы поднимались выше этих тростников, похожих на бамбук, этих трав, у которых стебли имеют дюйм в диаметре.

Агентам надо было великолепно знать местность, чтобы не заблудиться там.

Караван выступал на заре и безостановочно подвигался вперед до полудня. В полдень делали остановку на один час. На привале развязывали тюки с маниок¹, и хавильдары раздавали невольникам по пригоршне муки. Если солдаты по пути успевали разграбить какую-нибудь деревню, к этому скудному завтраку добавлялись два-три батата² и кусочек мяса — козлятины или телятины.

Но отдых был так краток и даже невозможен в дождливые ночи, а долгие переходы были так изнурительны, что большинство невольников почти не прикасались к еде. Не прошло и восьми дней после того, как караван покинул берега Кванзы, а уже двадцать невольников пали без сил в пути и стали добычей хищных зверей, кравшихся по следам каравана. Львы, пантеры и леопарды кружили возле каравана, поджидая обреченные жертвы, и каждый вечер после захода солнца их рычание раздавалось так близко от лагеря, что ежеминутно можно было ждать нападения.

Прислушиваясь к рычанию хищных зверей, звучащему в темноте особенно грозно, Дик Сэнд с ужасом думал об опасностях, на каждом шагу угрожавших Геркулесу в этих тропических лесах. И, однако, если бы ему самому представилась возможность бежать, он воспользовался бы ею, не колеблясь.

Здесь мы приводим отрывки из записной книжки Дика Сэнда. Эти строки он писал в пути между Кванзой и Казонде. Чтобы пройти расстояние в двести пятьдесят миль, понадобилось двадцать пять переходов — на языке работорговца «переход» означает ежесуточный путь в десять миль с дневной остановкой и привалом на ночлег.

«25 и 26 апреля. Проходили мимо негритянской деревни, окруженной изгородью из кустарников вышиной в восемь — десять футов. Поля засеяны маисом, бобами, сорго и арахисом. Двух жителей схватили и заковали. Пятнадцать убитых; население разбежалось.

27 апреля. Переправились через быструю, довольно широкую речку. Мост — из стволов деревьев, связанных между собой лианами. Некоторых свай не хватает. Две женщины, соединен-

---

¹ Маниока — растение семейства вьюнковых, из мучнистых клубней которого готовится кассава, один из главных пищевых продуктов в Экваториальной Африке.

² Бататы — сладкий картофель, распространенный по всей тропической Африке.

ные одной колодкой, оступились и упали в воду. Одна из них несла ребенка. Тотчас же вода забурлила и окрасилась кровью. Крокодилы прячутся под настилом моста; рискуешь угодить ногой прямо в открытую пасть.

28 апреля. Шли лесом. Множество высоких баугиний. Это дерево португалцы называют «железным». Сильный дождь. Почва размокла. Дорога очень трудная. Видел в середине каравана старую Нан. Она несет маленького негретенка, хотя сама еле волочит ноги. Невольница, скованная с нею, хромает, и кровь течет из ее плеча, рассеченного ударом кнута.

На ночь бивуак был разбит под гигантским баобабом и нежно-зеленой листвой и белыми цветами.

Ночью долго рычали львы и леопарды. Солдат убил из ружья пантеру. Что-то с нашим Геркулесом?..

29 и 30 апреля. Первые предвестники африканской «зимы». Обильная роса. Дождливый сезон начинается в ноябре и кончается в последних числах апреля. Все равнины еще затоплены разливами. Восточные ветры дуют с такой силой, что захватывает дыхание; они несут с собой болотную лихорадку.

Где же миссис Уэлдон? Где кузен Бенедикт? Никаких следов. А между тем их могли отправить только в Казонде! Должно быть, они проделали тот же путь, что и наш караван, но опередили нас. Меня мучает тревога. Наверное, маленький Джек снова заболел лихорадкой в этой нездоровой местности. Жив ли он?..

1—6 мая. В продолжение нескольких дней мы шли по заболоченной местности, где стоят еще не просохшие лужи. Повсюду вода, в иных местах по пояс... Тысячи пиявок присасываются к телу. И все-таки надо идти. Кое-где на кочках, выступающих из воды, растут лотосы, папирусы. На болотах какие-то водяные растения с большими, как у капусты, листьями. Люди спотыкаются, наткнувшись на их корни, и часто падают.

В этих местах множество рыбы, целые мириады, туземцы приносят на продажу корзины, битком набитые рыбой.

Трудно, а часто и невозможно найти место для ночлега. Во все стороны простирается затопленная равнина. Приходится шагать в темноте. Наутро в караване недосчитываются многих невольников. Когда же конец страданиям? Люди падают и уже не могут подняться на ноги. Да и зачем?.. Пробыть несколько лишних мгновений под водой — вот и избавление!. Никогда уже не достигнет тебя во мраке палка надсмотрщика. Но что станет с миссис Уэлдон и ее сыном? Я не вправе покинуть их. Я выдержу все испытания. Это мой долг!

Ночью раздались душераздирающие крики!

Солдаты наломали смолистых веток, торчавших из воды, и зажгли их. Факелы эти тускло светили в темноте.

Вот причина услышанных криков: крокодилы напали на караван. Двенадцать или пятнадцать чудовищ вынырнули откуда-то из темноты и, схватив несколько детей и женщин, утащили их в воду, в свои «кладовые». Так Ливингстон называет те глубокие

ямы, куда эти животные складывают свою жертву после того, как утопят ее, ибо крокодил съедает добычу только тогда, когда она уже достаточно разложилась.

Меня крокодил только задел чешуей и сразу содрал кожу с ноги. Но одного подростка-невольника рядом со мной он вырвал из колодки, переломив ее пополам. Как закричал несчастный мальчик! Сколько ужаса и боли было в его вопле! Я все еще слышу его...

7 и 8 мая. Подсчитали потери минувшей ночи. Не хватает двадцати человек. На рассвете я стал искать глазами Тома и его товарищей. Какое счастье — они живы! Впрочем, счастье ли это? Не лучше ли было бы в один миг избавиться от всех страданий?

Том идет в первых рядах каравана. У поворота дороги на какую-нибудь секунду колодка накренилась, и это позволило Тому оглянуться назад. Наши взгляды встретились.

Напрасно ишу глазами старую Нан, не погибла ли она прошлой ночью?..

Наконец, затопленная равнина осталась позади. Двадцать четыре часа мы шагали по воде. Теперь лагерь разбит на холме. Солнце обсушило нас. Мы поели немного. Но какой жалкий завтрак после такого перехода! Несколько зерен маиса, пригоршня муки из маниоки — вот и все! Вода мутная, грязная, а приходится ее пить. Сколько из этих распростертых на земле невольников не найдут в себе сил подняться?

Не может быть, чтобы миссис Уэлдон и Джека заставили так мучиться! Нет, господь над нею смиростивился, их наверняка повели к Казонде другой дорогой. Несчастливая мать не вынесла бы таких страданий!

В караване несколько человек заболели оспой — туземцы называют ее «ндзуэ». Больные не могут идти дальше. Что с ними сделают? Неужели бросят здесь?

9 мая. На заре тронулись в путь. Отставших нет. Хавильдары сумели бичами поднять на ноги изможденных и больных. Невольники — это товар. Это деньги. Покамест в них теплится хоть искорка жизни, хавильдары заставят их идти.

Меня окружают живые скелеты. У них не хватает сил даже на то, чтобы громко стонать.

Наконец я увидел старую Нан. Больно глядеть на нее! Ребенок, которого она несла на руках, исчез. Нет и ее соседки. Нан теперь одна. Без колодки ей легче идти. Но цепь по-прежнему опоясывает ее бедра. Свободный конец она перекинула через плечо.

Мне удалось незаметно приблизиться к ней. Что это? Она не узнает меня? Неужели я так изменился?

— Нан, — позвал я ее.

Бедная старуха долго вглядывалась в меня и, наконец, сказала:

— Это вы, Дик? Я... я... скоро умру...

— Нет, нет! Мужайтесь, Нан! — ответил я и потупил глаза. Она так ослабела и так была измучена, что мне страшно стало смотреть на этот бескровный призрак.

— Да, я умру, скоро умру... — повторила Нан. — Не увижу больше моей дорогой хозяйки... моего маленького Джека!.. Господи! Господи, сжался надо мной!

Я хотел поддержать старую Нан, она вся дрожала в своих лохмотьях. Я бы рад был, если бы меня приковали к ней, чтобы уменьшить тяжесть цепи, которую Нан несла одна после смерти своей спутницы.

Но сильная рука оттолкнула меня в сторону, а несчастную Нан удар бича загнал обратно в толпу невольников. Я хотел броситься на обидчика, но вдруг рядом со мной очутился Ибн-Хамис. Не промолвив ни слова, араб схватил меня за руку и не отпускал, пока весь караван не прошел мимо. Когда я очутился на прежнем своем месте, в хвосте колонны, он сказал:

— Негоро!

Негоро? Значит, это по приказу Негоро со мной обращаются иначе, чем с моими товарищами по несчастью?

Какую же участь уготовил мне португалец?

10 мая. Прошли сегодня мимо двух горящих деревень. Хижины пылают. На деревьях, пощаженных пожаром, висят трупы. Жители бежали. Поля опустошены. Деревни подверглись набегу. Убили двести человек, но работорговцы получают десяток невольников...

Спускается вечер. Караван остановился. Лагерь разбит под большими деревьями. Опушка леса, словно кустарником, окаймлена высокой травой.

Вчера ночью, сломав колодки, бежали несколько пленников. Их поймали и наказали с беспримерной жестокостью. Сегодня хавильдары и солдаты караулят особенно строго.

Наступила ночь. Кругом рычат львы и воют гиены. Вдали слышна шумная возня гиппопотамов. Вероятно, там озеро или река. Несмотря на усталость, я не могу заснуть. Мысли не дают покоя. Мне чудится движение в высокой траве. Наверное, какой-нибудь хищный зверь. Осмелится ли он ворваться в лагерь?

Настораживаю слух. Ничего. Нет, какое-то животное пробирается сквозь камыши! Я безоружен, но я буду защищаться! Я крикну, позову на помощь. Моя жизнь нужна миссис Уэлдон, моим товарищам!

Вглядываюсь в темноту. Луны сегодня нет. Ночь беспросветно черна. Вот среди папирусов сверкнуло два огонька — это глаза леопарда или гиены. Они исчезли... Появились снова...

Трава шуршит. Зверь бросается на меня! Я хочу крикнуть, поднять тревогу.

К счастью, я удержался от крика.

Не верю глазам своим! Это Динго! Динго рядом со мной?! Славный Динго! Как он нашел меня? Какой изумительный инстинкт! Нет, одним инстинктом не объяснить этой чудесной пре-

данности... Динго лижет мне руки. О славный пес, единственный мой друг! Значит, они не убили тебя!

Я ласкаю Динго. Он готов залаять, но я успокаиваю его. Никто не должен знать, что он здесь. Пусть идет следом за караваном. Кто знает, может быть... Но почему это Динго так упорно трется шеей о мои руки? Он как будто говорит мне: «Ищи! Ищи же!» Я ищу и ошупью нахожу что-то на ошейнике... Это тоненькая камышинка, воткнутая в пряжку ошейника, на котором вырезаны загадочные буквы «С» и «В».

Осторожно высвобождаю камышинку. Ломаю ее! Там записка!

Но я не могу прочесть ее в такой темноте. Нужно дождаться дня... Я хотел бы удержать при себе Динго, но славный пес как будто рвется прочь. Он понимает, что поручение, данное ему, выполнено...

Я отпускаю его, и одним прыжком он бесшумно исчезает в траве. Только б он — упаси боже! — не попался льву или гиенам!

Динго, разумеется, вернется к тому, кто его послал. Записка, которую все еще нельзя прочитать, жжет мне руки. Кто ее написал? Миссис Уэлдон? Геркулес? Каким образом преданный пес встретился с ними? Ведь мы считали его мертвым?

Что в этой записке? План избавления или только весточка от дорогих друзей?

Что бы там ни было, но это происшествие радостно взволновало меня. Может быть, бедствиям конец?

Ах, скорее бы настал день!

Я жадно вглядываюсь в небо на горизонте, подстерегая первые лучи рассвета. Я не могу сомкнуть глаз. Вдали по-прежнему слышен рев хищников. Бедный мой Динго, удалось ли тебе избежать встречи с ними?

Наконец занимается день. В тропиках светает быстро. Я свертываюсь клубком, чтобы незаметно прочитать записку, как только станет светло.

Пробую читать...

Еще темно, ничего не видно.

Наконец-то! Я прочел. Записка написана Геркулесом.

Несколько строк набросаны карандашом на клочке бумаги:

«Миссис Уэлдон и маленького Джека посадили на китанду. Гэррис и Негоро сопровождают их. С ними господин Бенедикт. Они опередили караван на три-четыре дня пути. Мне не удалось поговорить с ними. Я нашел Динго. В Динго кто-то стрелял. Он был ранен, но теперь здоров. Мужайтесь и надейтесь, Дик. Я думаю о вас всех и бежал для того, чтобы быть вам полезным.

Геркулес».

Значит, миссис Уэлдон и ее сын живы! Слава богу, что они не с нами: они не вынесли бы этой мучительной дороги! Китанда — это гамак, сплетенный из сухой травы и подвешенный к двум длинным бамбуковым шестам. Такие китанды двое носильщиков несут на плечах. Они покрыты пологом из легкой ткани.

Итак, миссис Уэлдон и Джека несут на китанде. Зачем они нужны Гэррису и Негоро? Эти негодяи, очевидно, направляют их в Казонде. Да, да, несомненно. Я разыщу их там! Какую радостную весть принес мне славный Динго! Забываешь страдания последних дней.

11—15 мая. Караван продолжает свой путь. С каждым днем пленникам все труднее и труднее... Большинство оставляет за собой кровавые следы. Я подсчитал, что до Казонде осталось не меньше десяти переходов. Сколько человек перестанет страдать, прежде чем мы достигнем цели? Но я должен дойти живым! Я дойду! Я дойду!

Это ужасно! В караване есть несчастные, у которых все тело представляет сплошную кровавую рану. Вербки, которыми они связаны, врезаются прямо в обнаженное мясо.

Одна мать несет на руках трупик своего ребенка, умершего вчера от голода!.. Она не хочет с ним расстаться!

Дорога позади нас усеяна трупами. Эпидемия оспы вспыхнула с новой силой.

Мы прошли мимо дерева, у подножия которого лежало несколько трупов. Они были привязаны к дереву. Это были невольники, с которыми за что-то расправились жестоким способом. Привязали их к дереву и оставили умирать с голоду.

16—24 мая. Силы мои на исходе, но я не позволю слабости сломить себя. Я *должен* дойти. Дожди совершенно прекратились. Переходы под палящим солнцем, которые работоторговцы называют «тиркеза», с каждым днем становятся все труднее. Надсмотрщики подгоняют нас, а дорога поднимается в гору довольно круто.

Вчера пробирались через заросли «ньясси» — высокой и жесткой травы. Стебли исцарапали мне все лицо, колючие семена проникли под рваную одежду и нестерпимо жгут кожу. К счастью, сапоги у меня крепкие и еще держатся.

Хавильдары начинают выбрасывать из каравана больных и ослабевших: нам грозит нехватка продовольствия, а солдаты и носильщики взбунтовались бы, если бы их пайки урезали. Вожак каравана отыгрывается на невольниках.

— Тем хуже для них, пусть жрут друг друга! — сказал начальник.

Некоторые молодые, на вид здоровые невольники внезапно падают мертвыми. Я вспоминаю, что и Ливингстон описывал такие случаи. «Эти несчастные, — писал он, — вдруг начинают жаловаться на боль в сердце. Они прикладывают руку к груди и падают мертвыми. Я думаю, что умирают от разрыва сердца.

Сколько я мог заметить, это особенно часто случается со свободными людьми, неожиданно обращенными в рабство: они не подготовлены к таким испытаниям».

Сегодня хавильдары зарубили топорами человек двадцать невольников, которые обессилели настолько, что уже не могли

плестись за караваном. Ибн-Хамис видел эту бойню и не прекратил ее. Это было ужасное зрелище.

Упала с рассеченным черепом и старая Нан. Я споткнулся на дороге о ее труп. Я не могу даже похоронить ее.

Из числа пассажиров, уцелевших после крушения на «Пилигриме», ее первую призвал к себе бог. Бедная, добрая Нан.

Каждую ночь я жду Динго. Но славный пес не появляется больше. Не случилось бы с ним несчастья! А может быть, сам Геркулес попал в беду? Нет... нет! Не хочу верить этому! Геркулес молчит, потому что ему нечего мне сообщить. Кроме того, ему приходится быть очень осторожным и не рисковать ничем...»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Казонде

Двадцать шестого мая караван прибыл в Казонде. Только половина всего количества захваченных невольников. Остальные погибли в дороге. Однако работорговцы все же рассчитывали на значительный барыш: спрос на рабов не убывал, и цены на невольничьих рынках Африки стояли высокие.

Ангола в то время вела крупную торговлю неграми. Однако португальские власти в Сан-Паоло-де-Луанда и Бенгеле были бессильны, так как караваны с невольниками стали направлять через внутренние, недоступные и дикие области материка.

Баракы на побережье были до отказа набиты черными пленниками. Немногие невольничьи корабли, которым удавалось благополучно проскочить мимо патрульных судов, стерегущих африканское побережье, не могли забрать весь груз «черного товара», предназначенный к вывозу в Америку, в колониальные владения Испании.

Казонде, расположенный в трехстах милях от устья Кванзы, считался одним из крупнейших «лакони» — невольничьих рынков Анголы. Купля-продажа людей производилась обычно на «читоке» — главной площади города. Здесь была «выставка товара», и отсюда же трогались в путь караваны, следующие к Большим озерам.

Как все города Центральной Африки, Казонде разделялся на две части. В торговой части помещались жилые дома туземных, арабских и португальских купцов, а также баракы для их невольников; вторую часть составляла резиденция туземного царька. Обычно это был свирепый коронованный пьяница, правящий при помощи устрашения и существующий главным образом за счет щедрых приношений работорговцев.

Весь торговый квартал Казонде принадлежал в то время Хозе-Антонио Альвецу — тому самому работорговцу Альвецу, о котором шла речь у Негоро с Гэррисом, они были только его приказчиками.

В Казонде помещалась главная контора Альвеца, а отделения ее были открыты в Бихе, Касанге и Бенгеле. Через несколь-

ко лет после упоминаемых здесь событий Камерон побывал в бенгельском отделении конторы Альвеца и описал его.

По обеим сторонам главной улицы торгового квартала Казонде тянулись «тембе» — одноэтажные глинобитные домики с плоскими крышами; квадратные их дворики служили загонами для скота. В конце главной улицы находилась большая площадь — читока, окруженная невольничьими бараками. Высоко над домами поднимались пышные кроны великолепных смоковниц; вдоль улиц росли высокие пальмы, похожие на поставленные торчком метелки. На улицах в отбросах копошились стервятники, занятые санитарным обслуживанием городка. Таков был торговый квартал.

Невдалеке от города протекает Лухи — еще не исследованная речка, являющаяся, вероятно, одним из притоков Конго, хотя бы вторичным.

Прилегающая к торговому кварталу «резиденция» царька представляла собой скопище жалких лачуг, раскинувшихся почти на квадратную милю. Некоторые хижины были обнесены тростниковыми изгородями, другие — густо обсажены кустарником, а иные обходились и вовсе без ограды. Между плантациями маниоки, за забором, окруженным живой изгородью из папируса, стояло на отдельном поле десятка три лачуг для невольников царька, несколько хижин для его жен и королевский «тембе», чуть повыше и просторнее других. Вот и все. Муани-Лунга, царьку Казонде, было лет под пятьдесят. Владения его, уже достаточно разоренные его предшественниками, под его управлением пришли в окончательный упадок. У него было сейчас лишь около четырех тысяч солдат, тогда как у португальцев-работоторговцев число наемников достигало двадцати тысяч. Царек не имел возможности, как в добрые старые времена, приносить в жертву богам по двадцать пять — тридцать рабов ежедневно. Разврат и злоупотребление спиртными напитками превратили этого еще не старого человека в дряхлую развалину, в злобного, выжившего из ума маньяка. Ради каприза он увечил и калечил своих рабов, военачальников и министров: он отрезал одному нос или уши, другому ногу, а третьему руку. Подданные с нетерпением ожидали его смерти, и весть о ней была бы принята с радостью.

Только одному человеку во всем Казонде смерть Муани-Лунга причинила бы ущерб — Хозе-Антонио Альвецу. Работоторговец отлично ладил со спившимся владыкой и, пользуясь дружбой с ним, хозяйничал во всей области. После смерти короля престол должен был перейти к его первой жене, королеве Муане. Альвец опасался, что ее не признают и что соседний царек, один из властителей Оукусу, воспользуется смутой и захватит владения Муани-Лунга. Этот царек был моложе, энергичнее и уже завладел несколькими деревнями, подвластными правителю Казонде; к тому же он вел дела с конкурентом Альве-

ца, крупным работорговцем Типо-Типо, чистокровным арабом,— вскоре Камерону пришлось встретиться с ним в Ньянгве.

Пока что истинным властителем этого края был Хозе-Антонио Альвец, ибо он всецело подчинил себе одуревшего негритянского царька, потакая его страстям, ловко пользуясь его пороками.

Хозе-Антонио Альвец, человек уже пожилой, не принадлежал к «мсунгу», то есть к белой расе, португальским у него было только имя, принятое им, конечно, из коммерческих соображений. Альвец был негром по имени Кенделе. Он родился в Дондо, на берегу Кванзы, начал свою карьеру агентом у работорговца. Теперь этот старый негодяй, называвший себя честнейшим человеком на свете, стал одним из крупнейших торговцев черными невольниками. В 1874 году Камерон встретил в Килембо, столице Кассона, этого самого Альвеца и вместе с его караваном прошел всю дорогу до Бихе — то есть семьсот с лишним миль.

По прибытии в Казонде партию рабов привели на главную площадь.

Было 26 мая. Таким образом, расчеты Дика Сэнда оправдались. Путешествие продолжалось тридцать восемь дней со времени выхода из лагеря, расположенного на берегах Кванзы. Пять недель самых ужасных мучений, какие только может выдержать человек! Был полдень, когда вошли в Казонде. Забили барабаны, загудел рог, затрещали ружейные выстрелы: солдаты, сопровождавшие караван, стреляли в воздух, и слуги Хозе-Антонио Альвеца восторженно отвечали им. Все эти бандиты обрадовались встрече с приятелями после четырехмесячной разлуки. Наконец-то они могут отдохнуть и вознаградить себя за потерянное время развратом и пьянством.

До Казонде дошли только двести пятьдесят невольников. Полумертвых от усталости, еле волочивших ноги пленников прогнали, как стадо, по улицам города и заперли в бараках, которые американский фермер признал бы негодными даже для хлева. В бараках в ожидании ярмарки уже сидели тысячи полторы рабов. Ярмарка должна была открыться через день на главной площади.

С прибытием новой партии в бараках стало еще теснее. Тяжелые колодки с невольников сняли, но от цепей не освободили.

Носильщики остановились на площади и сложили на землю свой ценный груз — слоновую кость, предназначенную для продажи в Казонде. Когда им выдадут плату — несколько ярдов коленкора или другой ткани чуть подороже,— они отправятся искать караван, нуждающийся в их услугах.

Итак, старый Том и его спутники избавились от колодок, которые мучили их в продолжение пяти недель. Бат, наконец, мог обнять своего отца. Товарищи по несчастью обменялись рукопожатиями. Перемолвившись несколькими словами, они замолчали. Да и о чем им было говорить? Жаловаться, сетовать на судьбу? Бата, Актеона, Остина — сильных молодых людей, привыч-

ных к тяжелому физическому труду, — усталость не могла сломить. Но старый Том совершенно выбился из сил. Если бы караван задержался в пути еще день-другой, труп Тома бросили бы на съедение хищным зверям, как труп бедной Нан.

Всех четверых толкнули в тесный сарайчик и дверь тотчас же заперли снаружи на замок. Подкрепившись скудной пищей, пленники стали ждать прихода работоторговца. Они навивно надеялись, что Альвец освободит их, узнав, что они американские граждане.

Дика Сэнда оставили на площади под надзором приставленного к нему хавильдара.

Наконец-то он в Казонде! Он не сомневался, что миссис Уэлдон, маленький Джек и кузен Бенедикт давно уже находятся здесь. Он высматривал их на всех улицах, по которым проходил караван, оглядел все тембе и всю читоку, почти пустую в тот час.

Но миссис Уэлдон нигде не было.

«Неужели ее не привели в Казонде? — спрашивал себя Дик. — Где же она в таком случае? Нет, Геркулес не мог ошибиться! Неизвестно, какие планы у Гэрриса и Негоро, но я уверен, что они доставили ее сюда. Однако и их тоже что-то не видно...»

Жгучая тревога охватила Дика Сэнда. Миссис Уэлдон могли держать взаперти — этим объяснялось то, что Дику не удалось увидеть ее. Но где Гэррис, где Негоро? Они, особенно португалец, не стали бы медлить и откладывать свидание с юным капитаном, который теперь был всецело в их власти. Нет, они тотчас же пришли бы, чтобы насладиться своим торжеством, чтобы поиздеваться над Диком, помучить его, чтобы отомстить ему наконец. Почему же их не видно? Неужели их нет в Казонде? Но в таком случае, значит, и миссис Уэлдон находится не в Казонде, а в каком-нибудь другом пункте Центральной Африки? Если б с появлением Гэрриса и португальца Дику Сэнду грозила пытка, и то он с нетерпением ждал бы их. Ведь если они в городе, то, значит, и миссис Уэлдон и маленький Джек находятся здесь.

Динго не появлялся с тех самых пор, как принес Дику записку Геркулеса. Таким образом, юноша не мог отослать с ним подготовленный ответ. А в этом ответе Дик поручал Геркулесу следовать за миссис Уэлдон, не терять ее из виду и по возможности сообщать ей обо всем, что происходит. Динго уже однажды пробрался в лагерь, почему бы Геркулесу не послать его вторично? Но, быть может, верный пес погиб, исполняя это поручение? Или миссис Уэлдон повезли дальше, по какой-нибудь фактории в глубине лесистого плоскогорья, и Геркулес, как это сделал бы и сам Дик, вместе с Динго идет по ее следам?

Мысли эти неотступно преследовали юношу.

Как поступить, если выяснится, что ни миссис Уэлдон, ни ее похитителей нет в городе? Дик настолько сжился с надеждой, быть может обманчивой, встретить в Казонде миссис Уэлдон,

что теперь, не видя ее нигде, был потрясен, пережил минуты отчаяния, с которым не мог совладать.

«К чему жить,— думал,— если не можешь помочь людям, которых любишь? Нет, лучше умереть, чем влачить такое жалкое существование!»

Но, думая так, Дик ошибался в себе. Под ударами тяжких испытаний мальчик стал взрослым. У таких мужественных людей, как Дик, отчаяние — лишь временная дань слабости натуры человеческой.

Вдруг по пустынной площади разнеслись звуки фанфар и громкие крики. Дик Сэнд, уныло сидевший на пыльной земле, мгновенно вскочил на ноги. Всякое новое происшествие могло навести его на след тех, кого он искал. Уныния как не бывало, Дик снова был готов к борьбе.

— Альвец! Альвец! — кричали солдаты и туземцы, толпой валившие на площадь.

Наконец-то появится человек, от которого зависела судьба стольких несчастных людей. Быть может, Гэррис и Негоро сопровождают его. Пятнадцатилетний капитан стоял, выпрямившись во весь рост и широко раскрыв глаза; ноздри его раздувались; он ждал: если эти двое предателей появятся перед ним — он твердо и прямо глянет им в лицо. Капитан «Пилигрима» не дрогнет перед бывшим судовым коком!

В конце главной улицы показались носилки-китанда с заплатаанным пологом из дешевой выцветшей ткани, обшитой ошипанной бахромой. Из носилок вылез старый негр.

Это был работорговец Хозе-Антонио Альвец.

Несколько слуг подбежали к нему с низкими поклонами.

Вслед за Альвecem из носилок вылез его друг метис Коимбра, сын правителя Бихе. По словам лейтенанта Камерона, этот друг Альвеца был самым отъявленным негодяем во всей области. Это был лупоглазый детина с желтым, одутловатым лицом, с нечесаной гривой жестких курчавых волос. Что-то в нем было нечистое и отталкивающее. В рваной рубашке, в сплетенной из травы юбке, в обтрепанной соломенной шляпе он был похож на уродливую старую ведьму. Коимбра был наперсником и доверенным лицом Альвеца, организатором набегов на мирные селения и достойным вождем шайки разбойников, обслуживавшей работорговца.

Что касается Альвеца, то он в своей одежде, похожей на карнавалыный турецкий наряд, был, пожалуй, не так отвратителен, как его наперсник, но ни в коем случае не мог внушить высокого представления о владельцах факторий, ведущих оптовую работорговлю.

К большому разочарованию Дика Сэнда, Гэрриса и Негоро не оказалось в свите Альвеца. Неужели нужно было оставить надежду встретиться с ними в Казонде.

Между тем начальник каравана Ибн-Хамис обменялся рукопожатиями с Альвecem и Коимброй. Те горячо поздравили его

с успешным завершением похода. Правда, при вести о гибели половины каравана невольников Альвец поморщился. Но, в общем, дело было не так уж плохо: вместе с тем «черным товаром», который содержался в бараках, у работорговца оставалось достаточно невольников, чтобы удовлетворить спрос внутреннего рынка. И Альвец даже повеселел, подсчитав в уме, какое количество слоновой кости он сможет получить в обмен на рабов, сколько может выторговать меди, которую вывозят в Центральную Африку в форме «ханн», похожих на андреевский крест.

Работорговец поблагодарил надсмотрщиков и приказал тотчас же расплатиться с носильщиками.

Хозе-Антонио Альвец и Коимбра говорили на португальско-африканском жаргоне, который вряд ли был бы понятен уроженцу Лиссабона и уж, разумеется, был совсем непонятен Дику Сэнду. Но он догадывался, что «почтенные негоцианты» говорят о нем и его спутниках, которых предательством обратили в невольников и пригнали сюда с караваном. Догадка его превратилась в уверенность, когда по знаку Ибн-Хамиса один из хавильдаров направился к сараю, где были заперты Том, Остин, Бат и Актеон.

Всех четырех подвели к Альвецу.

Дик Сэнд незаметно подошел поближе. Он не хотел упустить малейшей подробности этой сцены.

Лицо Хозе-Антонио озарилось довольной улыбкой, когда он увидел великолепное сложение и могучие мускулы молодых негров. Несколько дней отдыха и обильная пища должны восстановить их силы. На Тома он взглянул лишь мельком: преклонный возраст лишал старого негра всякой ценности. Но за трех остальных можно было взять хорошую цену.

Собрав в памяти те несколько английских слов, которым он научился у американца Гэрриса, старик Альвец, гримасничая, иронически поздравил своих новых невольников с благополучным прибытием.

Том сделал шаг к Альвецу и, указывая на своих товарищей и на самого себя, сказал:

— Мы свободные люди... граждане Соединенных Штатов!

Очевидно, Альвец понял его. Он скривил лицо в веселую улыбку и, кивнув головой, ответил:

— Да... да... Американцы!.. Добро пожаловать!.. С приездом!

— С приездом,— повторил за ним Коимбра.

С этими словами он подошел к Остину и, словно барышник, покупающий на ярмарке лошадь, начал ощупывать ему грудь, плечи, бицепсы. Но в тот момент, когда он попытался раскрыть Остину рот, чтобы удостовериться, целы ли у него зубы, сеньор Коимбра получил такой здоровенный удар кулаком, какого до него, вероятно, не получал ни один сын властителя.

Наперсник Альвеца отлетел на десять шагов. Несколько солдат бросились к Остину, и он дорого заплатил бы за свою дер-

зость, если бы Альвец не остановил солдат. Работорговец от души расхохотался, увидев, что его дорогой друг Коимбра лишился двух из уцелевших у него шести зубов. Альвец отличался веселым нравом, и эта сцена очень его позабавила. Кроме того, он не хотел, чтобы солдаты испортили ценный товар.

Он успокоил разъяренного Коимбру. С трудом поднявшись на ноги, тот вернулся на свое место возле работорговца и погрозил кулаком отважному Остину.

В это время хавильдары подтолкнули Дика Сэнда к Альвецу. Работорговец, очевидно, знал, кто этот юноша, как он попал в Анголу и каким образом очутился пленником в караване Ибн-Хамиса. Он посмотрел на него довольно злобно и пробормотал по-английски:

— Ага, маленький янки!

— Да, янки! — ответил Дик Сэнд. — Что вы собираетесь делать со мной и моими спутниками?

— Янки, янки! Маленький янки, — повторил Альвец.

Он не понял или не хотел понять вопроса, который юноша задал ему. Дик повторил свой вопрос. Видя, что работорговец не собирается отвечать, он обратился к Коимбре, в котором он, несмотря на его ужасный вид, угадал европейца. Но Коимбра только угрожающе замахнулся кулаком и обратил в сторону свою опухшую от алкоголя рожу.

Тем временем Альвец оживленно беседовал с Ибн-Хамисом. Видимо, они говорили о чем-то, что имело непосредственное отношение к Дику и его друзьям. «Кто знает, — подумал юноша, — какие планы у Альвеца? Удастся ли нам еще свидеться и обменяться хоть несколькими словами!»

— Друзья мои, — сказал он вполголоса, как будто разговаривая сам с собой, — слушайте меня. Геркулес прислал мне с Динго записку. Наш товарищ шел следом за караваном. Гэррис и Негоро увезли миссис Уэлдон, Джека и господина Бенедикта. Куда? Не знаю. Но, может быть, они в Казонде. Терпите и мужайтесь, а главное, будьте готовы воспользоваться малейшим случаем к побегу! Да смилостивится над нами бог!

— А Нан? — спросил старый Том.

— Нан умерла!

— Первая жертва...

— И последняя, — ответил Дик Сэнд. — Мы сумеем...

В это мгновение тяжелая рука легла на плечо юноши, и хорошо знакомый голос вкрадчиво произнес:

— Ага, если не ошибаюсь, это вы, мой юный друг? Как я рад видеть вас!

Дик Сэнд живо обернулся. Перед ним стоял Гэррис.

— Где миссис Уэлдон? — вскричал Дик, наступая на американца.

— Увы, — ответил Гэррис с деланным огорчением, — несчастная мать! Могла ли она пережить...

— Умерла? — крикнул Дик. — А сын ее?

— Бедный мальчик,— ответил Гэррис тем же тоном,— он не перенес этих тяжких испытаний...

Те, кого Дик любил, умерли... Можно представить себе, что испытал в эту минуту юноша. В порыве неудержимого гнева, охваченный жадной мщенья, он бросился на Гэрриса, выхватил у него из-за пояса нож и всадил ему в сердце по самую рукоятку.

— Проклятие! — вскричал Гэррис, падая на землю.

Это было его последнее слово. Когда к нему подбежали, он был уже мертв.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ярмарка

Порыв Дика Сэнда был так стремителен, что никто из окружающих не успел вмешаться. Но тотчас же несколько туземцев набросились на юношу и зарубили бы его, если бы не появился Негоро.

По знаку португальца туземцы отпустили Дика. Затем они подняли с земли и унесли труп Гэрриса. Альвец и Коимбра требовали немедленной казни Дика Сэнда, но Негоро тихо сказал им, что они ничего не потеряют, если подождут немного. Хавильдарам было приказано увести юношу и беречь его как зеницу ока.

Дик Сэнд не видел Негоро с тех пор, как маленький отряд покинул побережье. Он знал, что этот негодяй — единственный виновник крушения «Пилигрима». Казалось бы, юный капитан должен был ненавидеть Негоро еще больше, чем его сообщника. Но после того как Дик нанес удар американцу, он не удостоил Негоро ни единым словом.

Гэррис сказал, что миссис Уэлдон и ее сын погибли. Теперь ничто больше не интересовало Дика. Ему стала безразличной даже собственная участь. Хавильдары потащили его. Куда? Дик было все равно...

Юношу крепко связали и посадили в тесный сарай без окон. Это был карцер, куда Альвец запирали рабов, приговоренных к смертной казни за бунт или другие проступки. Здесь Дик был отгорожен глухими стенами от всего мира. Он и не сожалел об этом. Он отомстил за смерть тех, кого любил, и теперь казнь не страшила его. Какая бы участь его ни ожидала, он был готов ко всему.

Легко догадаться, почему Негоро помешал туземцам расправиться с Диком: он хотел перед казнью подвергнуть юношу жестоким пыткам, на которые так изобретательны дикари. Пятнадцатилетний капитан был во власти судебного кока. Теперь не хватало только Геркулеса, чтобы мстить Негоро была полной.

Через два дня, 28 мая, открылась ярмарка — «лакони», на которую съехались работоторговцы из всех факторий Внутренней Африки и множество туземцев из соседних с Анголой областей. Лакони — не только невольничий торг, это вместе с тем и бога-

тейший рынок всех продуктов плодородной африканской земли, с которыми стекались туда люди, производившие их.

С самого раннего утра на обширной читоке царило неопишное оживление. Четыре-пять тысяч человек толпились на площади, не считая рабов Хозе-Антонио Альвеца, среди которых были и Том с товарищами. На этих несчастных именно потому, что они чужестранцы, спрос, несомненно, должен был быть особенно велик.

Альвец был самой важной персоной на ярмарке. Он ходил по площади со своим другом Коимброй, предлагая работаровцам из внутренних областей партии невольников. Среди покупателей было много туземцев, были метисы из Уджиджи — торгового города, расположенного у озера Танганьика, и несколько арабских купцов, больших мастеров в области работаровли.

Там было много туземцев, детей, мужчин и женщин, необычайно ревностных торговков, которые по своим торгашеским талантам превзошли бы и торговков белой расы. Ни один рынок большого европейского города, даже в день ежегодной ярмарки, не шумит и не волнуется так, как этот африканский базар, нигде не совершается столько сделок. У цивилизованных народов стремление продать, пожалуй, преобладает над желанием купить. У африканских дикарей и предложение и спрос одинаково возбуждают страсти. Для туземцев лакони — большой праздник, и ради этого торжества они самым парадным образом разукрасились (слово «нарядились» тут было бы неуместным). Главное украшение местных щеголей и щеголих составляли их прически. Иные мужчины заплели косы и уложили их на макушке высоким шиньоном; другие поделили волосы на несколько тоненьких косичек, свисавших наперед, как крысиные хвостики, а на макушку водрузили пышный султан из красных перьев; третьи соорудили из волос изогнутые рога и, обильно умастив их жиром, обмазали для прочности красной глиной, словно суриком, растертым на масле, которым смазывают машины, — и все эти прически из собственных и фальшивых волос были украшены множеством железных и костяных шпилек и палочек; некоторые франты, не довольствуясь этими украшениями, унизали свои курчавые волосы разноцветными стеклянными бусинками — «софи» и в середину сложного пестрого узора воткнули нож для татуировки с резной костяной рукояткой.

Прически женщин состояли из бесчисленных хохолоков, кудряшек, жгутиков, образующих запутанный и сложный рельефный рисунок, или из свисавших на лицо длинных прядей, круто завивавшихся штопором. Только несколько молодых и более милостивых женщин ограничились тем, что просто зачесали волосы назад, предоставив им ниспадать на спину, как у англичанок, или подстригли челку на лбу по французской моде. И почти все женщины обильно смазывали свою шевелюру жирной глиной и блестящей красной «нкола» — смолистым соком сандалового

деревя, так что издали казалось, будто головы туземных фран-тих покрыты черепицей.

Не следует, однако, думать, что парадный наряд туземцев ограничивался только роскошной прической. К чему человеку уши, если в них нельзя продевать палочек, вырезанных из драгоценных древесных пород, медных колец с ажурной резьбой, плетеных цепочек из манисовой соломы или, наконец, тиквенных бутылочек, заменяющих табакерки? Не беда, что точки ушей вытягиваются от этого груза и почти достигают плеч.

Африканские полуголые дикари не знают, что такое карманы, поэтому носят в ушах мелкие обиходные предметы — ножи, трубки, все то, что цивилизованные люди носят в карманах.

Что касается шеи, запястий рук, икр и лодыжек, то, с точки зрения дикарей, эти части тела самой природой предназначены для ношения медных или бронзовых обручей, роговых браслетов, украшенных блестящими пуговицами, ожерелий из красных бус, называемых «саме-саме», или «талака», которые были тогда в большой моде у африканцев. И с этими блестящими драгоценностями, в изобилии выставленными на всеобщее обозрение, местные богачи походили на ходячую разукрашенную раку для мошей.

Кроме того, если природа наделила людей зубами, то разве не для того, чтобы они вырывали себе два-три передних зуба или же подтачивали их, загибали их наподобие острых крючков, как у гремучих змей? А если природа дала им ногти на пальцах, то разве не для того, чтобы отращивать их так, что становится почти невозможным действовать рукой?

Точно так же и кожа, черная или коричневая, прикрывающая человеческое тело, тоже, конечно, существует для того, чтобы ее украшали «теммбо» — татуировкой, изображающей деревья, птиц, месяц, полную луну, или разрисовывали теми волнистыми линиями, в которых. Ливингстон нашел некое сходство с рисунками древних египтян. Татуировка запечатлевалась навсегда при помощи голубоватой краски, которую вводили в надрезы на теле, и узор, украшавший отцов, в точности воспроизводили на телах детей — по нему сразу можно было узнать, к какому роду-племени принадлежит человек. Что же делать, если вы не можете нарисовать его на дверцах кареты ввиду ее отсутствия!

Такое важное место занимают украшения в моде африканцев. Что же касается самой одежды, то у мужчин она состоит просто из передника из кожи антилопы, спускающегося от бедер до колен, или из пестрой юбки, сплетенной из травы. Одежда женщины также состояла только из зеленой юбки, расшитой разноцветными шелками, бисером или ракушками и стянутой поясом из бус. Некоторые женщины вместо юбки носили передник из «ламбы» — весьма ценимой в Занзибаре ткани, сплетенной из трав и окрашенной в синий, черный и желтый цвета.

Но роскошные уборы были доступны только богатым тузем-

цам. Прочие — носильщики и невольники — были одеты куда скромнее, — иначе говоря, ходили почти голые.

Переноской тяжестей здесь преимущественно были заняты женщины. Они стекались на ярмарку с огромными корзинами за спиной, придерживая их ремнем, охватывавшим лоб; выбрав место на площади, они выгружали свой товар и, поставив пустые корзины набок, садились в них на корточки.

Все продукты этой изумительно плодородной земли были в изобилии представлены на ярмарке. Здесь продавался рис, который приносит урожай сам-сто; маис, дающий три жатвы в восемь месяцев и двести зерен на каждое посеянное зерно; кунжут, перец из области Уруа, более острый, чем знаменитый кайенский; маниока, сорго, мускатные орехи, пальмовое масло. На большую площадь согнали сотни коз, свиней, овец, и тонкорунных и курдючной породы, очевидно завезенных из татарских степей, сюда нанесли множество живой и битой птицы, рыбы. Разнообразные, очень ровно вылепленные гончарные изделия привлекали глаз своей яркой раскраской. По площади сновали мальчишки, визгливыми голосами выкрикивавшие названия всяких соблазнительных напитков. Они продавали банановое вино, крепкую настойку — «помбе», «малофу» — сладкое пиво, изготовленное из бананов, и прозрачную хмельную медовую воду.

Но главными товарами на рынке в Казонде были слоновая кость и ткани, тысячи кип всевозможных тканей: «мерикани» — небеленый миткаль производства Салемских фабрик в Массачусетсе, «каники» — голубая хлопчатобумажная ткань шириной в тридцать четыре дюйма, «сохари» — плотная материя в синюю и белую клетку с красной каймой, оттененной голубыми полосками, и, наконец, дорогостоящая «диули» — зеленый, красный и желтый суратский шелк, — отрез его в три ярда стоит не меньше семи долларов, а если он заткан золотом — доходит до восьмидесяти долларов.

Слоновую кость в Казонде доставляли из всех факторий Центральной Африки, и отсюда она уже расходилась в Хартум, Занзибар и в Наталь; многие купцы занимались только этой отраслью африканской торговли.

Трудно себе представить, сколько слонов нужно убить, чтобы добыть те пятьсот тысяч килограммов слоновой кости, которые ежегодно требуют европейские и, в частности, английские рынки. Только для удовлетворения нужд одной английской промышленности ежегодно нужно убивать сорок тысяч слонов¹.

С одного только западного берега Африки вывозят сто сорок тонн этого ценного товара. Средний вес пары слоновых бивней — двадцать восемь фунтов, а в 1874 году цена на них дохо-

---

¹ Одна фабрика ножей в Шеффилде (Англия) потребляет ежегодно 170 тысяч килограммов слоновой кости. (Примеч. авт.)

дила до полутора тысяч франков, но бывают экземпляры, весящие сто шестьдесят и более фунтов. И как раз на рынке в Казонде знатоки могли бы найти великолепную слоновую кость — плотную и полупрозрачную, легко поддающуюся обработке, и, когда с бивня снимали тонкий верхний слой темноватого оттенка, обнажалась белая сердцевина, не желтеющая с течением времени, не в пример слоновой кости, поступающей из других мест. Как же рассчитывались между собой покупатель и продавец при совершении сделок? Какими денежными единицами они пользовались? Как известно, для работорговцев единственным мерилom ценности были невольники. У туземцев деньгами считались стеклянные бусы, фабрикующиеся в Венеции: молочно-белые бусы — «качоколо», черные — «бубулу» и розовые — «сикундерече». Обычная мера этих бус — «фразилах» — весит семьдесят фунтов. Ожерелье из десяти рядов бисера, или «хете», дважды обвивавшее шею, называлось «фундо». Фундо — это целый капитал. Ливингстон, Камерон и Стенли, отправляясь в экспедиции в глубь Африки, всегда брали с собой большой запас этой «монеты». Наряду со стеклянными разноцветными бусами на африканских рынках имеют хождение «писэ» — занзибарская монета в четыре сантима, и «виунга» — ракушки, встречающиеся на восточном побережье. Для племен, у которых сохранилось людоедство, известную ценность представляют также человеческие зубы, и на ярмарке можно было видеть ожерелья из человеческих зубов на шее у какого-нибудь туземца, который, надо полагать, сам же и съел бывших обладателей этих зубов. Но в последние годы такой вид денег начинает выходить из употребления.

Таков был вид читоки в ярмарочный день. К полудню общее возбуждение возросло необычайно и шум стал оглушительным. Словами не передать ярости продавцов, которым не удавалось всучить свой товар покупателям, и гнева покупателей, с которых продавцы запрашивали слишком дорого. То и дело в этой возбужденной, вопящей толпе возникали драки, и никто не унимал дерущихся — стражи было слишком мало.

Вскоре после полудня Альвец приказал привести на площадь невольников, назначенных для продажи. Толпа сразу увеличилась почти на две тысячи человек. Многие из этих несчастных провели в бараках по нескольку месяцев. Длительный отдых и удовлетворительная пища вернули благообразный вид этой партии «товара» и повысили его рыночную ценность. Другое дело вновь прибывшие: у них был очень изнуренный и болезненный вид. Если бы Альвец продержал и эту партию месяц-другой в бараках, он, несомненно, продал бы ее по более высокой цене. Но спрос на невольников был так велик, что работорговец рассчитывал продать их как они есть.

Это было большим несчастьем для Тома и трех его спутников. Хавильдары тоже погнали их в стадо, которое заполнило читоку.

Все четверо по-прежнему были скованы цепями, но взгляды их красноречивее слов говорили, какая ярость и возмущение владеют ими.

— Мистера Дика здесь нет! — сказал Бат, обедя глазами обширную площадь.

— Понятно, — ответил Актеон. — Они не смеют продать его в рабство.

— Но они могут убить его, и убьют непременно! — сказал Том. — А мы можем только надеяться на то, что нас купит всех вместе какой-нибудь работорговец. Хоть бы не разлучаться!

— Ох, как страшно подумать, отец, что ты будешь далеко от меня... Ты... старик... станешь рабом... — рыдая, воскликнул Бат.

— Нет, — ответил Том. — Нет, они не разлучат нас, и, быть может, нам удастся...

— Если бы еще Геркулес был с нами! — сказал Актеон.

Но великан не подавал о себе вестей. С тех пор как он прислал Дику записку, о нем не было ни слуху ни духу. Стоило ли завидовать Геркулесу? О да! Даже в том случае, если он погиб! Ведь он умер как свободный человек, защищая свою жизнь. Ведь он не знал тяжких цепей неволи.

Между тем торг открылся. Агенты Альвеца проводили по площади группы невольников — мужчин, женщин, детей; им не было дела до того, не разлучают ли они мужа с женой, отца с сыном или мать с дочерью. Для этих людей невольники были домашним скотом, не больше... Тома и его товарищей водили от покупателя к покупателю. Агент, шедший впереди, выкрикивал цену, назначенную Альвецем за всю группу. Купцы — арабы или метисы из центральных областей — подходили и внимательно осматривали «товар». Они с удивлением замечали, что молодые товарищи Тома не похожи на негров, пригнанных с берегов Замбези или Луалабы: черты, отличительные для африканских негров, изменились у них в Америке со второго поколения, а по развитию и физической силе они стояли гораздо выше. Поэтому цена им была больше, перекупщики ощупывали их мускулы, оглядывали их со всех сторон, смотрели им в рот, точь-в-точь, как барышники, покупающие на ярмарке лошадей. Они швыряли на дорогу палку и приказывали бежать за ней, чтобы проверить таким образом, может ли невольник быстро бегать.

Так осматривали и проверяли всех невольников. Никто не был освобожден от этих унижительных испытаний. Не следует думать, что несчастные были равнодушны к такому обращению. Нет, все они испытывали чувство стыда и обиды за поруганное человеческое достоинство, и только дети еще не понимали, какому унижению их подвергают. Невольников при этом и осыпали ругательствами и били. Уже успевший напиться Коимбра и агенты Альвеца крайне жестоко обращались с рабами, а у новых хозяев, которые купят их за слоновую кость, коленкор или бусы, их ждала, быть может, еще

более горькая жизнь. Разлучая мужа с женой, мать с ребенком, работорговцы не позволяли им даже попрощаться. Они виделись в последний раз на ярмарочной площади и расставались навсегда.

В интересах этой особой отрасли коммерции рабов разного пола направляют по различным направлениям. Обыкновенно купцы, торгующие невольниками-мужчинами, не покупают женщин. Дело в том, что спрос на невольниц представляет главным образом мусульманский Восток, где распространено многоженство. Поэтому женщин направляют на север Африки и обменивают их там на слоновую кость. Невольники же мужчины используются на тяжелых работах в испанских колониях или поступают на продажу в Маскате и на Мадагаскаре. Поэтому мужчин отправляют на запад или восток, в прибрежные фактории. Прощание мужей с женами сопровождается душераздирающими сценами, потому что расстаются они навеки и знают, что умрут, не свидевшись больше друг с другом.

Том и его спутники должны были подвергнуться общей участи. Но, по правде сказать, это их не страшило. Для них даже было бы лучше, если бы их вывезли в одну из рабовладельческих колоний. Там, по крайней мере, у них явилась бы некоторая надежда восстановить свои права. Если же, наоборот, их вздумали бы оставить в какой-нибудь области Центральной Африки, им нечего было и мечтать о возвращении себе свободы.

Случилось так, как они хотели. У них даже было почти неожиданное утешение — их продали в одни руки. На эту «партию» из четырех негров нашлось много охотников. Работорговцы из Уджиджи спорили из-за них. Хозе-Антонио Альвец потирал от удовольствия руки. Цена на «американцев» поднималась. Покупатели чуть не дрались из-за рабов, каких еще не выдывали на рынке в Казонде. Альвец, конечно, не рассказывал, где он добыл их, а Том и его товарищи, не знавшие местных наречий, не могли протестовать.

В конце концов они достались богатому арабскому купцу. Новый хозяин намеревался через несколько дней отправить их к озеру Танганьика, где главным образом проходят караваны невольников, и оттуда переправить в занзибарские фактории.

Дойдут ли они живыми до места назначения? Ведь им предстояло пройти полторы тысячи миль по самым нездоровым и опасным областям Центральной Африки, где шли к тому же непрестанные войны между вождями различных племен.

Хватит ли на это сил у старого Тома? Или он не выдержит мучений и умрет дорогой, как несчастная Нан?..

Но все-таки четверо друзей не были разлучены! От этого сознания даже цепь, сковывавшая их, как будто становилась легче.

Новый хозяин — араб — велел отвести купленных невольников в отдельный барак. Он заботился о сохранности «товара», который сулил немалый барыш на занзибарском рынке.

Тома, Бата, Остина и Актеона тотчас же увели с площади. Поэтому они не увидели и не узнали, каким неожиданным происшествием закончилась ярмарка в Казонде.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Королевский пунш

Около четырех часов пополудни в конце главной улицы слышался грохот барабанов, звон цимбал и других африканских музыкальных инструментов. Возбуждение толпы в это время достигло предела. Долгие часы споров, драк и криков не приглушали звонких голосов и не утомили неистовых торговцев. Еще не все невольники были проданы.

Покупатели перебивали друг у друга партии рабов с таким пылом, перед которым меркнет даже азарт лондонских биржевых маклеров в день крупной игры на повышение.

Но при звуках этого внезапно начавшегося нестройного концерта все сделки были отложены, и крикуны могли перевести дыхание.

Его величество Муани-Лунга, король Казонде, почтил ярмарку своим посещением. Его сопровождала довольно многочисленная свита из жен, «чиновников», солдат и рабов. Альвец и прочие неготорговцы поспешили ему навстречу. Они не скупились на почтительные приветствия, зная, что коронованный пьянчуга весьма чувствителен к лести.

Старый паланкин, в котором принесли Муани-Лунга, остановился посреди площади, и царек, поддерживаемый десятком услужливых рук, ступил на землю.

Муани-Лунга было пятьдесят лет, но по виду ему можно было дать все восемьдесят, и походил он на дряхлую, облезлую гориллу. На голове у него красовалось некое подобие тиары, отделанной когтями леопарда, покрашенными киноварью, и пучками белой шерсти. Это была корона властителей Казонде. Две вышитые жемчугом юбки из кожи антилопы «куду», более заскорузлые, чем фартук кузнеца, опоясывали бедра короля. Его грудь была разукрашена сложным узором татуировки, свидетельствовавшим о древности королевского рода; если верить этим указаниям, родословная королевского дома Муани-Лунга терялась во тьме веков. На лодыжках, на запястьях, на обоих предплечьях короля звенели медные браслеты с инкрустацией из стеклянных бус, а обут он был в сапоги выездного лакея с желтыми отворотами,— их поднес ему в дар Альвец лет двадцать тому назад. В левой руке король держал палку с круглым серебряным набалдашником, а в правой — хлопушку от мух, с рукояткой, унизанной жемчугом. Парадный наряд короля довершался вздымавшимся над его головой старым зонтом, испещренным разноцветными заплатами, как штаны Арлекина, лупой, висевшей на шее, и очками, украшавшими нос,— предметами, о которых сокрушался кузен Бенедикт,— их обнаружили в

кармане Бата, и Альвец преподнес их его величеству Муани-Лунга.

Таков был этот негритянский монарх, державший в страхе область окрестностью в сто миль.

Уже по той причине, что он занимал королевский престол, Муани-Лунга полагал, что происходит «прямо с небес», а тех своих подданных, которые осмеливались бы усомниться в этом, он отправил бы на тот свет удостовериться в справедливости его утверждения. Муани-Лунга заявлял также, что по своей божественной природе он свободен от всех земных потребностей. Если он ест, то лишь потому, что это ему нравится, а пьет только ради удовольствия. Кстати сказать, невозможно было пить больше, чем Муани-Лунга. Его министры, его чиновники, закоренелые пьяницы, казались трезвенниками по сравнению с ним. Его величество был проспиртован насквозь и непрестанно вливал в себя горячительные напитки: крепкое пиво, настойку «помбе» и в особенности водку, которую в изобилии поставлял ему Альвец.

В гареме Муани-Лунга было множество жен всех рангов и возрастов. Большинство жен сопровождали его на рыночную площадь. Муане — первой жене, носившей титул королевы, — было лет под сорок. На ней был пестрый клетчатый платок и юбка, сплетенная из травы и расшитая бусами. Она напялила на себя столько ожерелий и бус, сколько удалось уместить на шее, на руках и ногах. Многоэтажная, сложная прическа обрамляла ее обезьянье крохотное лицо. В общем — настоящее страшилище. Остальные жены его величества, которые набирались из его сестер и других родственниц, не столь нарядные, но более молодые, следовали за первой женой, готовые по первому знаку властелина приступить к выполнению своих обязанностей... живой мебели: когда королю угодно было сесть, две из них пригибались к земле и служили ему сиденьем, а другие расстилались под его ногами своеобразным черным ковром!

Следом за женами в свите Муани-Лунга шествовали его министры, военачальники и колдуны, как и их монарх, тоже не твердо державшиеся на ногах. При взгляде на этих дикарей прежде всего бросалось в глаза, что у каждого из них не хватало какой-нибудь части тела. Один был безухим, другой — безносым, у третьего недоставало руки, у четвертого — глаза. Среди них не было ни одного, кто мог бы похвастать наличием полного комплекта частей своего тела. Это объяснялось тем, что законодательство Казонде знало только два вида наказаний: смертную казнь или увечье, причем степень наказания зависела от каприза Муани-Лунга. За малейшую провинность приближенных короля калечили и увечили, и больше всего придворные страшились лишиться ушей, ибо тогда уже им невозможно было носить серьги.

Единственной одеждой начальников, «килоло» — то есть правителей районов, занимавших этот пост по наследству или назначаемых на четыре года, был красный жилет и колпак из

полосатой шкуры зебры, а в руках они держали знак своей власти — длинный бамбуковый жезл, один конец которого был нагерт магическим зельем.

У солдат орудием нападения и обороны служили луки, у которых рукоять была обмотана запасной тетивой и украшена бахромой, остро отточенные ножи, копья с длинными и широкими наконечниками и пальмовые щиты, украшенные причудливой резьбой. Что касается мундиров, то его величеству не пришлось на них тратить.

Кортеж замыкали придворные колдуны и музыканты.

Мганнги — колдуны — в то же время являются и лекарями. Африканские дикари слепо верят в чудодейственную силу заклинаний своих мганнгов, верят в гадания и в фетиши, которыми являются у них глиняные фигуры, испещренные белыми и красными пятнами, изображающие фантастических животных, или вырезанные из дерева фигуры мужчин и женщин. Впрочем, многие колдуны были так же изувечены, как и остальные придворные. Видимо, разгневанный монарх подвергал этому наказанию и своих мганнгов, когда их лекарства не приносили ему облегчения.

Музыканты — мужчины и женщины — потрясали невероятно звонкими трещотками, били в гулкие барабаны, колотили длинными палочками с гуттаперчевым шариком на конце по своим «маримеба» — нечто вроде тимпана, сделанного из нескольких тыквенных бутылок различных размеров. В общем, шум получался оглушительный, и выносить его могли только уши африканцев.

Над королевским кортежем развевались знамена и флажки. Воины несли на остриях пик побелевшие черепа соседних негритянских царьков, побежденных Муани-Лунга.

На площади короля встретили бурными приветственными возгласами. Охрана караванов разрядила в воздух ружья, но звук выстрелов потонул в отчаянном реве толпы. Хавильдары поспешно натерли свои черные физиономии порошком киновари, которую они носили в мешках у пояса, и простерлись ниц перед королем.

Альвец, выступив вперед, преподнес королю большую пачку табаку — «успокоительной травы», как ее называют в Казонде. Это было весьма кстати: Муани-Лунга как раз нуждался в каком-нибудь успокоительном средстве, ибо он с утра почему-то пребывал в очень плохом настроении.

Вслед за Альвецом Коимбра, Ибн-Хамис и другие работорговцы, арабы и метисы, заверили в своей преданности могущественного властителя Казонде.

«Мархаба!» — говорили королю арабы, прикладывая руку ко лбу, к губам и к сердцу. «Мархаба» на языке жителей Центральной Африки значит «добро пожаловать». Метисы из Уджиджи хлопали в ладоши и отвешивали низкие, до самой земли,

поклоны. Некоторые мазали лицо грязью и пресмыкались перед своим гнусным властелином.

Но Муани-Лунга даже не смотрел на раболепствующих льстецов. Он проходил мимо них неверной поступью, широко расставляя ноги, словно земля качалась под ним. Так он обошел всю площадь, осматривая выведенных для продажи рабов. Если работорговцы боялись, как бы королю не вздумалось объявить своей собственностью кого-нибудь из невольников, то последние не меньше страшились попасть во власть этого свирепого животного.

Негоро ни на шаг не отходил от Альвеца. Вместе с ним он представился королю. Они беседовали на туземном наречии, если может быть назван беседой разговор, в котором одна сторона пьяна и только мычит или издает какие-то междометия. Речь Муани-Лунга стала членораздельной лишь тогда, когда он попросил своего друга Альвеца пополнить запас водки, исчерпанный последними выпивками.

— Король Лунга — желанный гость на рынке в Казонде! — воскликнул Альвец.

— Пить хочу! — ответил монарх.

— Король получит свою долю в прибылях ярмарки, — добавил Альвец.

— Пить! — бубнил свое Муани-Лунга.

— Мой друг Негоро счастлив лицезреть короля Казонде после долгой разлуки.

— Пить! — рычал пьяница, от которого так и разило отвратительным запахом спиртового перегара.

— Не угодно ли королю откусать помбе или меда? — лукаво спросил работорговец, отлично знавший, чего добивается Муани-Лунга.

— Нет, нет!.. — закричал король. — Огненной воды! За каждую каплю огненной воды я дам моему другу Альвецу...

— По капле крови белого человека! — подсказал Негоро, сделав Альвецу знак, на который тот ответил утвердительным кивком головы.

— Кровь белого человека? Убить белого? — переспросил Муани-Лунга. Дикие инстинкты его сразу ожили при этом предложении.

— Белый убил одного из агентов Альвеца, — продолжал португалец.

— Да, он убил Гэрриса, — подхватил Альвец. — Мы должны отомстить.

— Тогда надо послать его к королю Массонго, в верховья Заира. Воины племени ассау разрежут его на кусочки и съедят живьем. Они не потеряли еще вкуса к человеческому мясу, — воскликнул Муани-Лунга.

Массонго и в самом деле был царьком племени людоедов. В самых глухих углах Центральной Африки еще сохранялся обычай людоедства. Ливингстон в своих путевых записках отмечает,

что племя маньема, живущее на берегах Луалабы, съедает не только врагов, убитых на войне, но и покупает рабов, чтобы пожрать их, заявляя, что «человеческое мясо слегка солоноватое и требует лишь немного приправы». Камерон также столкнулся с племенем людоедов — мэне бугга, которые для еды по нескольку дней вымачивают в проточной воде трупы убитых, а Стенли наблюдал случай людоедства у жителей Оукуса; словом, обычай этот весьма распространен в Центральной Африке.

Но, как ни ужасна была казнь, придуманная королем для Дика Сэнда, она не понравилась Негоро: в его расчеты не входило выпускать жертву из своих рук.

— Этот белый убил нашего друга Гэрриса в Казонде, — сказал он.

— И здесь же он должен умереть! — добавил Альвец.

— Убивай его где хочешь, Альвец, — ответил Муани-Лунга. — Только помни уговор: по капле огненной воды за каждую каплю крови белого!

— Ты получишь огненную воду, король! — ответил работоровец. — И ты убедишься, что ее не даром называют огненной. Она будет пылать! Сегодня Хозе-Антонио Альвец угостит короля Муани-Лунга пуншем!

Пьяница с размаху хлопнул по руке Альвеца. Он не помнил себя от радости. Свита и жены короля разделяли его восторг. Они никогда не видали, как горит «огненная вода», и думали, что ее можно пить пылающей. А затем, упившись, они еще наслаждаются и видом пролитой крови.

Бедный Дик Сэнд! Какая страшная пытка была уготована ему! Если и цивилизованные люди в пьяном виде теряют облик и подобие человеческого, то можно себе представить, какое действие оказывает алкоголь на дикарей!

Нетрудно понять, что возможность подвергнуть пыткам белого человека пришлось по вкусу не только Негоро, у которого были личные счеты с юношей, но также метису Коимбре, Альвецу и всем прочим работоровцам и туземцам.

Вечер подкрался незаметно, и вслед за ним быстро, без сумерек, наступила ночь; в темноте пунш должен был гореть особенно эффектно.

Альвеца осенила действительно блестящая идея предложить его королевскому величеству новый вид спиртного напитка. В последнее время Муани-Лунга уже находил, что огненная вода, собственно говоря, плохо оправдывает свое название. Быть может, полыхающая огнем водка более заметно пощекочет потерпевший чувствительность королевский язык...

Итак, в программе вечера первым номером стоял пунш, а вторым — пытка белого человека.

Дик Сэнд, сидевший в своей темнице, должен был выйти из нее только на смерть. Невольников — проданных и непроданных — загнали обратно в бараки. На обширной читке остались только король, его приближенные, работоровцы, а

также хавильдары и солдаты, надеявшиеся, что им будет дозволено отведать королевского пунша, если после короля и придворных что-нибудь останется.

Хозе-Антонио Альвец, следуя советам Негоро, приготовил все необходимое для пунша. По приказанию работорговца на середину площади вынесли медный котел, вмещающий по меньшей мере двести пинт жидкости. В него вылили несколько бочонков самого плохого, но очень крепкого спирта. Туда же положили перец, корицу и другие пряности, чтобы придать пуншу еще больше крепости.

Участники попойки кольцом окружили короля. Муани-Лунга, пошатываясь, подошел к котлу. Водка притягивала его, как магнит, — казалось, он готов был броситься в котел.

Альвец удержал его и сунул в руку горящий фитиль.

— Огонь! — крикнул он с хитрой улыбкой.

— Огонь! — повторил Муани-Лунга и ткнул горящий фитиль в спирт.

Как загорелся спирт, как красиво заплясали на его поверхности синие огоньки!

Альвец бросил в пунш пригоршню морской соли, чтобы напиток стал еще более острым. Отблески пламени придавали людям, обступившим котел, ту призрачную синеватость, какую человеческое воображение приписывает привидениям. Опьянев от одного запаха алкоголя, туземцы дико завопили и, взявшись за руки, закружились в бешеном хороводе вокруг короля Казонде.

Альвец, вооружившись огромной разливательной ложкой с длинной ручкой, помешивал в котле огненную жидкость; на лица бесновавшихся танцоров падали отсветы синего пламени.

Муани-Лунга шагнул ближе. Он вырвал ложку из рук работорговца, зачерпнул пылающий пунш и поднес его ко рту.

Как страшно вскрикнул король Казонде!

Его насквозь проспиртованное величество воспламенился, как вспыхнула бы бутылка керосина. Огонь не давал большого жара, но тем не менее горение продолжалось.

При этом неожиданном зрелище хоровод туземцев распался.

Один из министров Муани-Лунга бросился к своему повелителю, чтобы погасить его. Но, будучи проспиртован не менее, чем король, министр тут же сам загорелся.

Всему двору Муани-Лунга угрожала та же участь.

Альвец и Негоро не знали, как помочь горящему королю. Королевские жены в страхе бросились бежать. Коимбра бежал еще быстрее, зная свою легковоспламеняющуюся натуру...

Король и министр, упав на землю, корчились от нестерпимой боли.

Когда жировые ткани глубоко пропитаны алкоголем, горение дает только легкое синеватое пламя, которое вода не может погасить. Даже если удастся притушить его снаружи, оно будет

гореть внутри. Нет никакого способа прекратить горение живого организма, все поры которого насыщены спиртом...

Через несколько минут Муани-Лунга и его министр были мертвы, но трупы их еще продолжали гореть. Вскоре только горсть пепла да несколько позвонков и фаланги пальцев, не поддавшиеся огню, но покрытые зловонной сажей, лежали возле котла с пуншем.

Вот и все, что осталось от короля Казонде и его министра.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Похороны короля

На следующий день, 29 мая, город Казонде имел необычный вид. Перепуганные туземцы не смели выйти на улицу. Никогда не видали они, чтобы король божественного происхождения погиб вместе со своим министром такой страшной смертью. Кое-кому из них, особенно старикам, случалось еще поджаривать на костре простых смертных. Они помнили, что такие пиршества всегда требовали сложных приготовлений, так как человеческое мясо очень трудно зажарить. А тут король и его министр сгорели, как лучинки! В этом было что-то непостижимое. Хозе-Антонио Альвец также притаился в своем доме. Он боялся, как бы на него не взыскали ответственность за происшедшее. Негоро объяснил ему причину смерти короля и посоветовал держаться настороже.

Плохи будут дела Альвеца, если смерть короля отнесут на его счет: тогда не выкрутиться ему без изрядных убытков. Но Негоро пришла в голову блестящая мысль. По его совету был пущен слух, что необыкновенная смерть повелителя Казонде — знак особой милости к нему великого Маниту, что это честь, которой боги удостоивают только немногих избранных. Суеверные туземцы легко попались на эту нехитрую удочку. Огонь, пожравший тела короля и министра, был объявлен священным. Оставалось только почтить Муани-Лунга похоронами, достойными человека, возведенного в ранг божества.

Эти похороны и своеобразные обряды, связанные с ними у африканских племен, давали Негоро возможность свести счеты с Диком Сэндом.

Если бы не свидетельство многих исследователей Центральной Африки и, в частности, Камерона, никто не поверил бы, сколько проливается крови на похоронах негритянских царьков вроде Муани-Лунга.

Королева Муана должна была унаследовать королевский престол. Она спешила закрепить свои права на трон и тотчас же отдала приказание приступить к подготовке похорон. Тем самым она провозгласила свои верховные права, опередив таким образом других претендентов, и в первую очередь короля Оукусу, стремившегося стать властителем Казонде. Как правительница государства, Муана избегала жестокой участи, угото-

ванной прочим супругам покойного короля. Наконец она избавлялась от младших жен, немало досаждавших ей — первой по времени и старшей по возрасту супруге. Это особенно пришлось по вкусу свирепой мегере. Она велела поэтому объявить народу при звуках рога и марембы, что завтра вечером тело покойного короля будет предано погребению с соблюдением всех установленных обрядов.

Приказ новой королевы не вызвал возражений ни со стороны двора, ни со стороны народа. Альвецу и другим работаровцам нечего было бояться восшествия на престол королевы Муаны. Они не сомневались, что лестью и подарками подчинят ее своему влиянию. Итак, вопрос о престолонаследии разрешился быстро и мирно. Смущение царило только в гареме покойного короля, и не без причин.

Подготовка к похоронам началась в тот же день. В конце главной улицы Казонде протекал полноводный и стремительный ручей, приток Куанго. На дне его Муана приказала вырыть могилу. Для этого следовало на время отвести в сторону течение ручья. Туземцы принялись возводить плотину, преграждавшую путь ручью и направлявшую его на равнину Казонде. Под конец погребальной церемонии эту плотину должны были разрушить, чтобы вода могла вернуться в прежнее русло.

Негоро решил включить Дика Сэнда в число людей, которые будут принесены в жертву богам на могиле короля. Португалец был свидетелем того удара ножом, которым разгневанный юноша встретил известие о смерти миссис Уэлдон и Джека. Будь Дик на свободе, жалкий трус Негоро побоялся бы к нему подойти, чтобы не подвергнуться участи своего сообщника, но беспомощный, связанный по рукам и ногам пленник был не опасен, и Негоро решил навестить его.

Португалец был из тех отъявленных негодяев, которым недостаточно причинять мучения, им надо еще поиздеваться над своей жертвой. Он хотел насладиться зрелищем страданий Дика Сэнда.

Днем он отправился в сарай, где юношу зорко стерегли хавильдары. Он лежал на полу, связанный по рукам и ногам. В последние сутки ему совсем не давали пищи. Ослабевший от пережитых страданий, измученный болью оттого, что веревки впивались ему в тело, Дик Сэнд думал о смерти — пусть казнь будет жестокой, но она, по крайней мере, положит конец всем его мученьям.

Но при виде Негоро он встрепенулся. Он попытался разорвать путы, чтобы кинуться на изменника и задушить его. Однако даже Геркулес не мог бы справиться с такими крепкими веревками. Дик понял, что борьба не кончена, но характер ее меняется. Он спокойно посмотрел Негоро прямо в глаза. Он решил не утомлять португальца ответом, что бы тот ни говорил.

— Я счел долгом, — так начал Негоро, — в последний раз навестить моего юного капитана и выразить ему соболезнование

по поводу того, что он лишен возможности командовать здесь, как командовал на борту «Пилигрима».

Дик ничего не ответил, и тогда Негоро продолжил:

— Как, капитан, неужели вы не узнаете своего бывшего кока? А я так спешил к вам за распоряжениями! Что прикажете приготовить на завтрак?

Тут Негоро с размаху ткнул ногой распростертого на земле юношу.

— Кстати, у меня еще один вопрос к вам, капитан. Не можете ли вы, наконец, объяснить, каким образом, собравшись пристать к берегам Южной Америки, вы прибыли в Анголу?

Дик Сэнд и без того знал, что догадка его была правильной и что изменник португалец намеренно испортил компас на «Пилигриме». Насмешливый вопрос Негоро был прямым признанием.

Дик ничего не ответил. Это презрительное молчание начало раздражать бывшего кока.

— Признайтесь, капитан,— продолжал Негоро,— для вас было большим счастьем, что на борту «Пилигрима» оказался моряк, настоящий, опытный моряк. Страшно подумать, куда бы вы завезли нас, если бы не его вмешательство. Погиб бы корабль, наткнувшись на какие-нибудь скалы, погибли бы и мы с ним! Но благодаря этому моряку пассажиры попали на гостеприимную землю, в общество людей, дружески к ним расположенных, и вы, наконец, очутились в надежном убежище. Видите, молодой человек, как вы были глубоко не правы, относясь с пренебрежением к этому моряку!

Негоро говорил внешне спокойно, но это спокойствие стоило ему огромных усилий. Кончив речь, он склонился над Диком Сэндом и заглянул ему в глаза. Зверская гримаса перекосила лицо португальца. Казалось, он хочет укусить Дика. Долго сдерживаемая ярость, наконец, прорвалась.

— Каждому своя очередь! — вскричал он в порыве бешеной злобы, расвирепев от непоколебимого спокойствия жертвы. — Сегодня капитан — я! Я хозяин! Твоя жизнь, моряк-неудачник, в моих руках!

— Этим ты меня не испугаешь,— холодно сказал Дик Сэнд. — Но помни, на небе есть бог, он карает за всякое преступление, и час возмездия недалек.

— Ну, если бог думает о людях, пора ему позаботиться о тебе.

— Я готов предстать перед всевышним. Смерти я не боюсь,— не повышая голоса, ответил Дик Сэнд.

— Это мы еще увидим,— зарычал Негоро. — Уж не надеешься ли ты на чью-нибудь помощь? Это в Казонде-то, где Альвец и я всеильны? Безумец! Быть может, ты думаешь, что твои спутники — Том и другие негры — все еще здесь? Ошибаешься! Они давно проданы и бредут уже по дороге к Занзибару... Им не до тебя, они заняты одной мыслью: как бы уберечь собственную шкуру.

— У бога тысячи способов вершить свой суд. Он может воспользоваться и самым малым орудием. Помни, Геркулес на свобде,— заметил Дик.

— Геркулес? — повторил Негоро, топнув ногой.— Его давно растерзали львы и пантеры, и я жалею только о том, что дикие звери отняли у меня возможность отомстить ему.

— Если Геркулес и умер,— ответил ему Дик Сэнд,— то Динго еще жив. А такой собаки, как Динго, более чем достаточно, чтобы справиться с таким человеком, как ты. Я вижу тебя насквозь, Негоро: ты трус! Динго еще найдет тебя, и день встречи с ним будет твоим последним днем.

— Негодяй! — взревел взбешенный португалец.— Негодяй! Я собственноручно застрелил твоего Динго! Динго так же мертв, как миссис Уэлдон и ее сын. И так же, как этот проклятый пес, умрут все, кто был на «Пилигриме»!..

— И ты в том числе,— ответил Дик.— Только ты умрешь раньше.

Спокойный голос юноши и его смелый взгляд окончательно вывели Негоро из себя. Не помня себя от ярости, португалец готов был от слов перейти к делу и своими руками задушить беззащитного пленника. Он уже набросился на Дика, принялся трясти его и вцепился было ему пальцами в горло... но сдержал себя. Убить Дика сейчас — значило избавить его от долгих пыток, которые ему готовились. Негоро выпрямился и, приказав хавильдару, бесстрастно стоявшему в карауле, хорошенько стеречь пленника, быстро вышел из барака.

Эта сцена не только не привела Дика в уныние, но, напротив, вернула ему крепость духа и мужество, способное все вынести. Дик Сэнд вдруг почувствовал прилив сил. Он заметил, что может свободнее шевелить руками и ногами, чем до прихода Негоро. Возможно, что Негоро сам ослабил путы, когда яростно встряхивал его. Юноша подумал, что теперь, может быть, ему удастся без особого труда высвободить руки. Это было бы некоторым облегчением, и только. Ни на что другое Дик не мог рассчитывать в этой наглухо запертой темнице, где постоянно дежурил стражник, не спускавший с него глаз. Но в жизни бывают такие минуты, когда даже самое небольшое улучшение положения кажется неоценимым счастьем.

Разумеется, у Дика не было надежды на освобождение. Спасение могло прийти к нему только извне. Но кто захочет оказать ему помощь? Никто! Да и стоит ли жить теперь? Он вспомнил всех тех, кто уже опередил его на пути к смерти, и хотел теперь лишь одного: поскорее последовать за ними. Негоро подтвердил слова Гэрриса: миссис Уэлдон и Джека уже нет в живых. Вероятно, и Геркулес, которого на каждом шагу подстерегали смертельные опасности, также погиб. Том и его спутники проданы в рабство. Они уже далеко, они навсегда потеряны для Дика.

Надеяться на какой-нибудь счастливый случай было бы чистым безумием. Дик Сэнд решил встретить смерть с твердостью,

смерть, которая прекратит его страдания и не может быть более ужасной, чем его жизнь теперь. И юноша готовился умереть, моля бога только о мужестве, только о том, чтоб, не слабая, выдержать пытки до конца. Но мысль о боге — хорошая, благородная мысль. Не напрасно возносятся душой к всемогущему, и, когда Дик Сэнд уже приготовился расстаться с жизнью, в самой глубине сердца у него забрезжил луч надежды, слабый проблеск, который дуновением свыше, вопреки жестокой очевидности, может превратиться в ослепительный свет.

Часы текли. Приближалась ночь. Лучи дневного света, пробивавшегося сквозь щели в соломенной кровле, постепенно угасли. Успокоилась и площадь — в тот день там вообще было тихо по сравнению с неистовым гамом, стоявшим на ней вчера. Тени в тесной камере Дика сгустились, и наступил полный мрак. Город Казонде затих.

Дик Сэнд заснул и проспал около двух часов. Пробудился он отдохнувшим и бодрым. Ему удалось высвободить из веревок одну руку, опухоли на ней опали, и он с огромным наслаждением вытягивал, сгибал и разгибал ее.

Очевидно, уже перевалило за полночь. Хавильдар спал тяжелым сном: вечером он опорожнил до последней капли бутылку водки, и даже во сне его судорожно сжатые пальцы цепко обхватывали ее горлышко.

Дик Сэнду пришла в голову мысль завладеть оружием своего тюремщика: оно могло пригодиться в случае побега. Но в это время ему послышалось какое-то шуршание за дверью сарая, у самой земли. Опираясь на свободную руку, Дик ухитрился подползти к двери, не разбудив хавильдара.

Дик не ошибся. Что-то действительно шуршало за стеной, — казалось, кто-то роет землю под дверью. Но кто? Человек или животное?

— Ах, если бы это был Геркулес! — прошептал юноша.

Он посмотрел на хавильдара. Тот лежал совершенно неподвижно: мертвецкий сон сковал его. Дик приложил губы к щели над порогом и чуть слышно позвал: «Геркулес!» В ответ раздалось жалобное, глухое тявканье.

«Это Динго! — подумал юноша. — Умный пес разыскал меня даже в тюрьме! Не принес ли он новой записки от Геркулеса? Но если Динго жив, значит, Негоро солгал! Значит, и...»

В это мгновение под дверь просунулась лапа. Дик схватил ее и тотчас же узнал лапу Динго. Но если верный пес принес записку, она должна быть привязана к ошейнику. Как быть? Можно ли настолько расширить дыру под дверью, чтобы Динго просунул в нее голову? Во всяком случае, надо попробовать.

Но едва только Дик Сэнд начал рыть землю ногтями, как на площади залаяли собаки: городские псы услышали чужака. Динго бросился прочь. Раздалось несколько выстрелов. Хавильдар зашевелился во сне. Дик Сэнд, оставив мысль о побеге, пробрался обратно в свой угол. Через несколько часов, показавших-

ся юноше бесконечно долгими, он увидел, что занимается рассвет. Наступил день — последний день его жизни!

В продолжение всего этого дня множество туземцев под руководством первого министра королевы Муаны ревностно работали над сооружением плотины. Надо было закончить ее к назначенному сроку, не то нерадивым работникам грозило увечье: новая повелительница собиралась во всем следовать примеру покойного своего супруга.

Когда воды ручья были отведены в стороны, посреди обнажившегося русла вырыли большую яму — пятьдесят футов в длину, десять в ширину и столько же в глубину.

Перед вечером эту яму начали заполнять женщинами, рабынями Муани-Лунга. Обычно этих несчастных просто закапывают живьем в могилу, но в честь чудесной кончины Муани-Лунга решено было изменить церемониал и утопить их рядом с телом покойного короля.

Обычай требовал, чтобы покойников хоронили в их лучших одеждах. Но на этот раз, поскольку от Муани-Лунга осталось лишь несколько обуглившихся костей, пришлось поступить по-иному. Из ивовых прутьев было сплетено чучело, похожее на Муани-Лунга, даже, пожалуй, красивее. В него положили все, что осталось от Муани-Лунга; затем его обрядили в парадный королевский наряд, стоявший, как известно, совсем недорого. Не были забыты также и очки кузена Бенедикта. В этом маскараде было нечто смешное и в то же время жуткое.

Обряд торжественного погребения полагалось совершить ночью, при свете факелов. По приказу королевы все население Казонде должно было присутствовать при похоронах.

Вечером длинная процессия потянулась от читоки к месту погребения. На главной улице по пути следования кортежа не прекращались ни на миг обрядовые пляски, крики, завывания колдунов, грохот музыкальных инструментов и залпы из старых мушкетов, взятых с оружейного склада.

Хозе-Антонио Альвец, Коимбра, Негоро, арабы-работорговцы и их хавильдары участвовали в этой процессии. Королева Муана запретила приезжим покидать ярмарку до похорон, и все торговцы покорно остались в Казонде. Они понимали, что было бы неосторожно ослушаться приказа женщины, которая еще учится ремеслу повелительницы.

Прах Муани-Лунга несли в последних рядах процессии. Китанду с чучелом короля окружали жены второго ранга. Некоторые из них должны были проводить своего супруга и повелителя на тот свет. Королева Муана в парадном одеянии шла за китандой-катафалком. Ночь наступила прежде, чем процессия достигла берега ручья, но красноватое пламя множества смоляных факелов рассеивало темноту и бросало дрожащие блики на похоронное шествие.

При этом свете ясно видна была яма, вырытая в осушенном русле ручья. Она была заполнена теперь черными телами; при-

кованные цепями к вбитым в землю кольям, эти люди были еще живы. Они шевелились. Пятьдесят молодых невольниц ждали здесь смерти. Одни безмолвно покорились своей участи, другие тихо стонали и плакали.

Королева выбрала среди толпы принарядившихся жен тех, что должны были разделить участь рабынь.

Одну из этих жертв, носившую титул второй жены, заставили стать на колени и опереться руками о землю: она должна была служить креслом мертвому королю, как служила ему живому. Другую заставили поддерживать чучело, третью швырнули на дно ямы — под ноги ему.

Прямо перед чучелом, на противоположном конце ямы, стоял вбитый в землю столб, выкрашенный в красный цвет. К столбу привязали веревками белого человека, обреченного на смерть вместе с прочими жертвами кровавых похорон.

То был Дик Сэнд. На обнаженном до пояса теле юноши были следы пытки, которой его подвергли по приказу Негоро. Дик спокойно ждал смерти, зная, что на земле ему больше не на что надеяться.

Однако минута, назначенная для разрушения плотины, еще не настала.

По знаку королевы Муаны палач Казонде перерезал горло одной из жен — той, что лежала у ног короля. Это послужило сигналом к началу чудовищной бойни. Пятьдесят рабынь были безжалостно зарезаны, и кровь потоками хлынула на дно ямы. Крики жертв потонули в яростных воплях толпы, и тщетно было бы искать в ней чувства жалости или отвращения к этим убийствам.

Наконец королева Муана снова подала знак, и несколько туземцев начали пробивать сток в плотине. С утонченной жестокостью плотину не разрушили сразу, а пустили воду в старое русло тонкой струей. Смерть медленная вместо смерти быстрой.

Вода залила сначала тела рабынь, распростертых на дне ямы. Те из них, которые были еще живы, отчаянно извивались, захлебываясь. Дик Сэнд, когда вода дошла ему до колен, сделал последнее отчаянное усилие: он попытался разорвать веревки, привязывавшие его к столбу.

Вода поднималась. Головы рабынь одна за другой исчезали в потоке, заполнявшем свое старое русло.

Через несколько минут уже не осталось никаких следов того, что на дне ручья вырыта могила, где десятки человеческих жизней были принесены в жертву во славу короля Казонде.

Перо отказалось бы описывать такие сцены, если бы стремление к правде не обязывало меня воспроизвести их во всей их отвратительной реальности. В этой мрачной стране человек еще на такой низкой ступени развития! Нельзя больше игнорировать это.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В фактории

Гэррис и Негоро лгали, утверждая, что миссис Уэлдон и маленький Джек умерли. Мать с сыном и кузен Бенедикт, живые и невредимые, находились в Казонде.

После того как термитник был взят приступом, их под конвоем туземных солдат отправили с берегов Кванзы в Казонде. Гэррис и Негоро возглавляли этот отряд.

Миссис Уэлдон и маленькому Джеку предоставили крытые носилки — китанду, как их здесь называют. Почему вдруг Негоро проявил такую заботливость? Миссис Уэлдон не находила ответа на этот вопрос. Путь от Кванзы до Казонде был пройден быстро и не утомил пленников. Кузен Бенедикт, на которого, видимо, нисколько не влияли тяжелые испытания, оказался отличным ходок. Так как никто не мешал ему рыскать по сторонам, он не жаловался на свою судьбу.

Маленький отряд прибыл в Казонде на неделю раньше каравана Ибн-Хамиса. Миссис Уэлдон с сыном и кузена Бенедикта поселили в фактории Альвеца.

Джек чувствовал себя гораздо лучше. С тех пор как отряд покинул болотистые места, где мальчик заболел лихорадкой, приступы не возобновлялись, он понемногу поправлялся и теперь был почти совсем здоров. Ни мать, ни сын не перенесли бы трудностей пешего перехода с невольничьим караваном. Но, путешествуя в китанде, оба чувствовали себя отлично, по крайней мере, физически. Надо отметить, что в пути по отношению к ним была проявлена даже некоторая предупредительность.

Миссис Уэлдон ничего не удалось узнать о своих спутниках. Она видела, как Геркулес выпрыгнул из лодки и убежал в лес, но не знала, что с ним произошло дальше. Она тешила себя надеждой, что в отсутствие Гэрриса и Негоро, которые не пощадили бы Дика Сэнда, дикари не посмеют плохо обращаться с белым человеком. Но она понимала, что дела Тома, Нан, Бата, Актеона и Остина плохи: они негры, и их никто не пощадит. Им, несчастным, не следовало и приближаться к африканской земле, а предательства Негоро привели их именно сюда.

Не имея никакой связи с внешним миром, миссис Уэлдон не знала даже о прибытии в Казонде каравана Ибн-Хамиса.

Шум и оживление в день открытия ярмарки докатились до фактории, но ничего не объяснили миссис Уэлдон. Она не знала ни того, что Том и его товарищи куплены работорговцем из Уджиджи, ни того, что скоро их уведут из Казонде. Она не слышала ни о гибели Гэрриса, ни о смерти короля Муани-Лунга, ни о его торжественных похоронах, где Дику назначена была роль одной из жертв. Несчастная одинокая женщина была всецело во власти работорговцев и Негоро; она не могла даже искать избавления в смерти, потому что с ней был ее сын.

Миссис Уэлдон ничего не знала об ожидавшей ее судьбе. За

все время путешествия Гэррис и Негоро не перемолвились с ней ни единым словом. В Казонде они не являлись к ней, а самой миссис Уэлдон было запрещено покидать ограду владения богача работаровца.

Стоит ли говорить, что большой ребенок — кузен Бенедикт — ничем не мог помочь миссис Уэлдон. Это само собой разумеется.

Когда distinguished ученый узнал, что он находится в Африке, а не в Южной Америке, как он думал, он даже не спросил, каким образом это могло случиться. Он испытал только глубокое разочарование. В самом деле, он гордился тем, что первым среди ученых нашел в Америке муху цеце и воинственных термитов, и вдруг оказалось, что это самые обыкновенные африканские насекомые, которых до него находили и описывали многие натуралисты. Итак, рухнули его надежды прославить свое имя этим открытием. Кого могло удивить, что ученый-энтомолог привез из Африки коллекцию африканских насекомых?..

Но когда досада улеглась, кузен Бенедикт сказал себе, что эта «земля фараонов» — так он называл Африку — является неисчерпаемой сокровищницей для энтомолога и что он не только ничего не потерял, а даже выиграл, попав сюда, а не в «землю инков»¹.

— Подумать только, — повторял он себе, и не только себе, но и миссис Уэлдон, которая не слушала его, — подумать только, что здесь родина жужелиц-мантикор, этих жесткокрылых жуков с длинными волосатыми лапками, с заостренными, сросшимися надкрыльями и с огромными челюстями! И, конечно, самая замечательная жужелица — бугорчатая мантикора. Это родина жужелиц-краснотелов, гвинейских и габонских жуков-голиафов, ножки которых снабжены шипами; родина пятнистых пчел-антидий, откладывающих свои яйца в пустые раковины улиток; родина священных скарабеев, которых древние египтяне почитали наравне с богами. Здесь родина бабочки-сфинкса, иначе говоря — бабочки «мертвая голова», которая сейчас распространилась по всей Европе, родина «биготовой мухи», укуса которой так боятся сенегальцы. Слов нет, здесь можно сделать изумительные открытия, и я их сделаю, если только эти славные люди позволят мне заняться поисками!

Нетрудно догадаться, кто были эти «славные люди». Но кузен Бенедикт не имел оснований жаловаться на них. Негоро и Гэррис предоставляли ученому-энтомологу некоторую свободу, тогда как Дик Сэнд во время перехода от океанского побережья до Кванзы строго-настрого запрещал ему всякие экскурсии. Навивный ученый был весьма растроган такой снисходительностью.

Итак, кузен Бенедикт был бы счастливейшим энтомологом

---

¹ То есть в Южную Америку. Инки — коренное население Южной Америки, господствовавшее в стране до ее завоевания испанцами.

на свете, если б не одно грустное обстоятельство: жестяная коробка для коллекций по-прежнему висела у него на боку, но очки уже больше не украшали его переносицу, а лупа не красовалась на его груди. Слыханное ли дело — ученый-энтомолог без очков и без лупы! И, однако, кузену Бенедикту не суждено было вступить снова во владение этими оптическими приборами: их похоронили на дне ручья вместе с чучелом короля Муани-Лунга. Несчастному ученому приходилось теперь подносить к самым глазам пойманное насекомое, чтобы различить особенности его строения. Это служило источником постоянных огорчений для кузена Бенедикта. Он готов был уплатить любую сумму за пару очков, но, к несчастью, этот товар ни за какие деньги нельзя было купить в Казонде.

Кузену Бенедикту предоставили право бродить по всей фактории Хозе-Антонио Альвеца, так как знали, что он и не помышляет о побеге. Впрочем, фактория была обнесена со всех сторон высоким частоколом, перелезть через который ученый все равно бы не мог. Участок, огороженный частоколом, имел в окружности почти целую милю. На этой обширной территории росли деревья, кусты, протекало несколько ручейков, стояли бараки, шалаши, хижины — словом, это было самое подходящее место для поисков всяких редкостных насекомых, которые могли если не обогатить, то сделать счастливым кузена Бенедикта... И кузен Бенедикт целиком отдался поискам. Он так старательно изучал пойманных шестиногих невооруженным глазом, что чуть вконец не испортил свое зрение. Коллекция его значительно пополнилась, и, кроме того, он успел набросать в общих чертах план фундаментального труда об африканских насекомых. Если бы ему удалось еще найти какого-нибудь нового жука и связать с находкой свое имя, кузен Бенедикт был бы счастливейшим человеком на свете.

Маленькому Джеку также разрешали свободно гулять по всей фактории, и если площадь ее кузен Бенедикт считал достаточно большой для своих энтомологических изысканий, то уж ребенку она казалась огромной. Но Джека не прельщали игры, увлекающие детей его возраста. Он почти не отходил от матери. Миссис Уэлдон сама не любила оставлять его одного: она боялась, что с ее сыном случится какое-нибудь несчастье.

Джек часто говорил об отце, о котором сильно соскучился в долгой разлуке, просил вернуться к папе поскорее; спрашивал мать о старой Нан, о своем друге Геркулесе, о Бате, Актеоне, Остине. Он жаловался, что даже Динго покинул его. Но особенно часто он вспоминал своего приятеля Дика Сэнда. Впечатлительную детскую душу умиляли счастливые воспоминания, он жил только ими. На все расспросы сына миссис Уэлдон отвечала тем, что прижимала его к груди и осыпала поцелуями. Ей стоило нечеловеческих усилий не плакать при мальчике. Ни во время переезда от Кванзы до Казонде, ни в фактории Альвеца миссис Уэлдон не имела оснований жаловаться на дурное обращение;

по всем признакам работорговцы и не собирались изменить свое отношение к ней. В фактории жили только те невольники, которые обслуживали самого работорговца. Все прочие представляли собой «товар» и жили в бараках на площади, откуда их и забирали покупатели. Здесь же, во владении Альвеца, помещались лишь склады. Они ломились от запасов различных тканей и слоновой кости; ткани Альвец менял на невольников во внутренних областях Африки, а слоновую кость продавал на главные рынки континента для вывоза в Европу.

Итак, в фактории жило немного людей. Миссис Уэлдон отвели отдельную хижину, кузену Бенедикту — также. Ели они за одним столом. Кормили их сытно: мясом, овощами, маниокой, сорго и фруктами.

К услугам миссис Уэлдон была особо приставлена невольница — Халима; эта дикарка привязалась к ней и, как умела, проявляла свою преданность, несомненно искреннюю. С другими слугами Альвеца пленникам совсем не приходилось сталкиваться.

Самого работорговца, занимавшего главное здание фактории, миссис Уэлдон видела лишь изредка. Негоро жил где-то в другом месте, и его она не встретила ни разу с приезда в Казонде. Отсутствие Негоро, совершенно необъяснимое, сначала удивляло, а потом начало даже беспокоить миссис Уэлдон.

«Чего он добивается? — спрашивала она себя. — Чего ждет? Зачем он привез нас в Казонде?»

Так в тревожном ожидании прошли восемь дней, которые предшествовали прибытию в Казонде каравана Ибн-Хамиса, — два дня до похорон Муани-Лунга и шесть дней после них.

Несмотря на собственные горести и заботы, миссис Уэлдон часто думала о том, что испытывает ее муж. Джемс Уэлдон, несомненно, был в отчаянии. Вероятно, ему и в голову не приходило, что его жена приняла роковое решение совершить плавание на борту «Пилигрима». Он думал, что она приедет с одним из океанских пароходов. Эти пароходы прибывали в порт Сан-Франциско регулярно в положенные сроки, но ни миссис Уэлдон, ни Джека, ни кузена Бенедикта на них не было.

Пора уже было вернуться в Сан-Франциско и «Пилигриму». Не получая никаких сведений от капитана Гуля, Джемс Уэлдон, должно быть, занес этот корабль в список пропавших без вести.

Но какой страшный удар постигнет его в тот день, когда придет сообщение оклендских корреспондентов, что миссис Уэлдон выехала из Новой Зеландии на борту «Пилигрима». Как поступит мистер Уэлдон? Он, конечно, не примирится с мыслью, что его жена и сын пропали без вести. Но где он станет их искать? Ясное дело, на тихоокеанских островах и, быть может, на побережье Южной Америки. Где угодно, но только не в этих гибельных краях. Никогда ему не придет в голову мысль, что жена и сын его попали в Африку!

Так рассуждала миссис Уэлдон. Что могла она предпри-

нять? Бежать? Но как? За каждым ее движением следили. И даже при удачном побеге ей пришлось бы предпринять путешествие более чем в двести миль и, пробираясь к побережью, идти наугад по девственному лесу, среди множества смертельных опасностей.

И все же миссис Уэлдон готова была пойти на этот риск, если не представится никакой другой возможности вернуть себе свободу. Но, прежде чем принять решение, она хотела узнать, каковы намерения Негоро.

Настал день, когда она узнала, наконец, планы этого человека.

Шестого июня, через три дня после погребения короля Муани-Лунга, Негоро впервые пришел в факторию. Он направился прямо к хижине, в которой поселили его пленницу.

Миссис Уэлдон была одна. Кузен Бенедикт совершал очередную научную прогулку. Маленький Джек играл внутри ограды фактории под присмотром Халимы.

Негоро толкнул дверь, вошел и сказал без всяких предисловий:

— Миссис Уэлдон, Том и его спутники проданы работоторговцу из Уджиджи.

— Храни их бог! — сказала миссис Уэлдон, вытирая слезу.

— Нан умерла в дороге. Дик Сэнд погиб...

— Нан умерла! И Дик! — вскричала миссис Уэлдон.

— Да, — ответил Негоро. — Справедливость требовала, чтобы ваш пятнадцатилетний капитан заплатил своей жизнью за убийство Гэрриса. Вы одиноки в Казонде, миссис Уэлдон, совершенно одиноки и находитесь всецело во власти бывшего кока с «Пилигрима». Понимаете?

К несчастью, Негоро говорил правду. Том, его сын Бат, Актеон и Остин накануне покинули Казонде с караваном работоторговца из Уджиджи. Ее товарищи по несчастью не имели утешения повидаться с ней, они не знали, что она находится в Казонде, в фактории Альвеца. Впрочем, им все равно не разрешили бы проститься с ней. В этот час они уже брели по направлению к области Больших озер. Перед ними лежал путь, длина которого измерялась сотнями миль; немногим людям удалось пройти по этой дороге; еще меньшему числу людей посчастливилось благополучно вернуться.

— Что вам нужно от меня? — прошептала миссис Уэлдон, пристально глядя на Негоро.

— Миссис Уэлдон, — отрывисто заговорил португалец, — я мог бы отомстить вам за все унижения, какие я вынес на «Пилигриме». Но я готов довольствоваться смертью Дика Сэнда! Сейчас я снова становлюсь купцом, и вот какие у меня виды на вас...

Миссис Уэлдон молча смотрела на него.

— Вы, — продолжал Негоро, — ваш сын и этот дурень, который гоняется за мухами, представляете собой известную ком-

мерческую ценность. И эту ценность я могу выгодно реализовать. Короче говоря, я намерен вас продать!

— Я — свободный человек! — твердо ответила миссис Уэлдон.

— Если я захочу, вы станете рабыней!

— Кто посмеет купить белую женщину?

— Есть человек, который заплатит за вас столько, сколько я попрошу.

Миссис Уэлдон на мгновение поникла головой. Она знала, что в этой ужасной стране все возможно.

— Вы меня поняли? — спросил Негоро.

— Кто этот человек? — задала вопрос миссис Уэлдон.

— Вы спрашиваете, кто захочет купить вас? — издевательски ухмыляясь, спросил португалец.

— Да, как его зовут? — настаивала миссис Уэлдон.

— Этого человека зовут... Джемс Уэлдон. Это ваш муж!

— Мой муж! — воскликнула миссис Уэлдон, не смея верить своим ушам.

— Он самый, миссис Уэлдон. Ваш муж! Ему-то я и собираюсь не то чтобы вернуть, а продать жену и сына и, в качестве бесплатного приложения, — блаженного кузена!

Миссис Уэлдон задала себе вопрос — нет ли какой ловушки в словах Негоро. Но нет, очевидно, он говорил то, что думал. Такому отъявленному негодяю, для которого пожива важнее всего, можно поверить, если речь идет о выгодной для него сделке. А эта сделка действительно сулила ему немалую прибыль.

— Когда же вы думаете совершить эту сделку? — спросила миссис Уэлдон.

— Как можно скорее.

— Где?

— Здесь. Мистер Уэлдон не побоится приехать в Казонде, чтобы выручить из беды жену и сына?

— Разумеется. Но кто его известит об этом?

— Я сам. Я отправлюсь в Сан-Франциско, чтобы повидаться с вашим мужем. Денег на дорогу у меня хватит.

— Тех денег, что вы украли на «Пилигриме»?

— Тех самых... и еще других, — нагло ответил Негоро. — Имейте в виду, что я хочу не только быстро, но и дорого продать вас. Я полагаю, что ваш муж не пожалеет ста тысяч долларов?..

— Не пожалеет, если они у него есть, — холодно ответила миссис Уэлдон. — Вы скажете мужу, что меня держат в плену в Центральной Африке?

— Конечно.

— Но он не поверит вам, если вы не представите доказательства. По одному вашему слову он не бросится очертя голову в Казонде.

— Он приедет сюда, если я доставлю ему написанное вами письмо, где вы изложите положение дел и отрекомендуете меня своим верным слугой, счастливо спасшимся от дикарей.

— Никогда я не напишу такого письма! — решительно сказала миссис Уэлдон.

— Вы отказываетесь? — угрожающе спросил Негоро.

— Наотрез!

Миссис Уэлдон представила себе, с какими опасностями сопряжена поездка в Центральную Африку, подумала о том, что нельзя доверять обещаниям португальца, который, получив выкуп, легко мог задержать мистера Уэлдона в Казонде, и все эти соображения побудили ее без раздумья отклонить предложение Негоро. Но бедняжка забыла, что она не одна, что с ней ее ребенок...

— И все-таки вы напишете это письмо! — заявил Негоро.

— Нет! — твердо ответила миссис Уэлдон.

— Берегитесь! — вскричал португалец. — Вы здесь не одна! Ваш сын в моей власти, как и вы сами! Я сумею заставить вас...

Миссис Уэлдон хотела было сказать, что никакие угрозы не сломят ее решимости, но сердце ее бешено колотилось, она не могла выговорить ни слова.

— Миссис Уэлдон, — закончил Негоро, — обдумайте хорошенько мое предложение. Через неделю я получу от вас письмо к Джемсу Уэлдону, а не то вы горько раскаетесь в своем упорстве!

С этими словами португалец быстро вышел из дому, не дав воли своему гневу. Но видно было, что он ни перед чем не остановится, чтобы заставить миссис Уэлдон повиноваться.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Известия о докторе Ливингстоне

Когда миссис Уэлдон осталась одна, первая ее мысль была о том, что Негоро придет за ответом не раньше чем через неделю. За этот срок надо что-то предпринять. Нельзя полагаться на совесть Негоро. Речь шла о его выгоде.

Та «коммерческая ценность», какую представляла миссис Уэлдон для своего тюремщика, очевидно, должна была уберечь ее от всяких новых опасностей, по крайней мере, на протяжении ближайших дней. А за это время, быть может, ей удастся придумать такой план, при котором возвращение ее в Сан-Франциско не требовало бы приезда мистера Уэлдона в Казонде.

Она не сомневалась, что, получив ее письмо, Джемс Уэлдон тотчас же помчится в Африку, проникнет в самые страшные ее края, невзирая на опасность этого путешествия. Но кто поручится, что ему разрешат беспрепятственно выехать из Казонде с женой, ребенком и кузеном Бенедиктом, когда сто тысяч долларов уже будут в руках у Негоро? Достаточно ведь простого каприза королевы Муаны, чтобы всех их здесь задержали! Не лучше ли было бы, если бы передача пленников и уплата выкупа произошли где-нибудь на океанском побережье? Это избавило бы мистера Уэлдона от необходимости предпринимать опас-

ную поездку во внутренние области Африки и дало бы им возможность действительно вырваться из рук этих негодяев, после того как ее муж внесет выкуп.

Об этом-то и раздумывала миссис Уэлдон. Вот почему она отказалась принять предложение Негоро. Она понимала, что Негоро дал ей неделю на размышление только потому, что ему самому нужно было время, чтобы подготовиться к поездке.

— Неужели он действительно намерен разлучить меня с сыном? — прошептала миссис Уэлдон.

В этот миг Джек вбежал в хижину. Мать схватила его на руки и прижала к груди так крепко, словно Негоро уже стоял рядом, готовясь отнять у нее ребенка.

— Мама, ты чем-то огорчена? — спросил мальчик.

— Нет, сынок, нет! — ответила миссис Уэлдон. — Я думала о папе. Тебе хочется повидать его?

— Да, мама, очень хочется! Он приедет сюда?

— Нет... нет! Он не должен приезжать!

— Значит, мы поедem к нему?

— Да, Джек!

— И Дик тоже? И Геркулес? И старый Том?

— Да... да... — ответила миссис Уэлдон и опустила голову, чтобы скрыть слезы.

— Папа письмо прислал? — спросил Джек.

— Нет, дорогой.

— Значит, ты сама напишешь ему?

— Да... может быть, — ответила мать.

Джек, сам того не зная, коснулся большого места. Чтобы прекратить эти расспросы, миссис Уэлдон осыпала ребенка поцелуями.

К различным причинам, по которым миссис Уэлдон отказывалась дать Негоро письмо, прибавилось еще одно немаловажное соображение. Совершенно неожиданно у нее возникла надежда вернуть себе свободу без вмешательства мужа и вопреки воле Негоро. Это был лишь проблеск надежды, слабый луч, но все же он забрезжил в ее душе. Случайно она услышала несколько фраз из разговора Альвеца с его гостем, и у нее зародилась мысль, что, возможно, близится помощь, которую как будто посылает само провидение.

Как-то раз Альвец и один торговец-метис из Уджиджи беседовали в саду, неподалеку от домика, где жила миссис Уэлдон. Темой их разговора, как и следовало ожидать, была работоторговля. Они говорили о своем деле и о своих довольно печальных видах на будущее — их беспокоили стремления англичан прекратить торговлю невольниками не только за пределами Африки, для чего они пустили в ход свои крейсера, но и внутри континента — с помощью миссионеров и путешественников.

Хозе-Антонио Альвец полагал, что научные исследования и географические открытия отважных путешественников по Внутренней Африке могут сильно повредить свободе коммерческих

операций работорговцев. Его собеседник всецело согласился с этим мнением и добавил, что всех ученых путешественников и попов следовало бы встречать ружейным огнем.

Нередко их действительно так и встречали. Но, к великому огорчению почтенных торговцев, тотчас же после убийства одного любопытного путешественника приезжало несколько других, не менее любопытных. А потом, возвратившись на родину, эти люди распускали сильно преувеличенные, как говорил Альвец, слухи об ужасах работорговли и вредили этому и без того достаточно опороченному делу.

Метис сочувственно поддакивал ему и в свою очередь заметил, что особенно не повезло рынкам в Ньянгве, Уджиджи, Занзибаре и во всей области Больших озер: там побывали один за другим Слик, Грант, Ливингстон, Стенли и многие другие. Целое нашествие! Скоро вся Англия и вся Америка переселятся во внутренние области Африки.

Альвец посочувствовал собрату и сказал, что Западная Африка в этом отношении счастливей: до сих пор проклятые ищейки сюда почти не заглядывали. Однако эпидемия путешествий начинает захватывать и Западную Африку. Казонде пока еще вне опасности, но Кассанго и Бихе, где у Альвеца тоже были свои фактории, уже находятся под угрозой. Помнится даже, что Гэррис говорил Негоро о некоем лейтенанте Камероне, у которого хватило бы наглости пересечь всю Африку от одного берега до другого, — ступив на африканскую землю в Занзибаре, выйти через Анголу.

Опасения работорговцев были вполне обоснованы. Известно, что несколькими годами позже описываемых нами событий Камерон на юге и Стенли на севере действительно проникли в неисследованные области Западной Африки и, описав затем все ужасы торговли людьми, разоблачили неслыханную жестокость работорговцев, продажность европейских чиновников, покровительствовавших этому гнусному промыслу, и возложили ответственность за все это на виновников такого положения вещей.

Имена Стенли и Камерона пока еще не были известны ни Альвецу, ни метису из Уджиджи. Зато они хорошо знали имя доктора Ливингстона. То, что они сказали о Ливингстоне, глубоко взволновало миссис Уэлдон и укрепило ее решимость не сдаваться на требования Негоро: Ливингстон, вероятно, в ближайшие дни прибудет в Казонде со своим эскортом!

Этот путешественник был очень влиятельным лицом в Африке, власти Анголы принуждены были ему содействовать. Зная это, миссис Уэлдон надеялась, что заступничество Ливингстона вернет свободу ей самой и ее близким, наперекор Негоро и Альвецу. Может быть, в близком будущем пленники вернутся на родину и Джемсу Уэлдону не придется для этого рисковать жизнью в путешествии, результат которого мог быть очень печальным.

Но правда ли, что доктор Ливингстон скоро посетит эту

часть континента? Да, это весьма вероятно, ибо, следуя по этому пути, он закончил бы исследование Центральной Африки.

Известно, какова была героическая жизнь Ливингстона.

Дэвид Ливингстон родился 13 марта 1813 года в семье мелкого торговца чаем, в которой он был вторым из шестерых детей. Родиной его была деревня Блэнтайр, в графстве Лэнарк, в Англии. Получив богословское и медицинское образование, Ливингстон после недолгой работы в Лондонском миссионерском обществе прибыл в 1840 году в Кейптаун с намерением присоединиться к миссионеру Моффату в Южной Африке.

Из Кейптауна будущий путешественник отправился в землю бечуанов. Он был первым белым, исследовавшим эту область. Возвратившись в Курумман, он женился на дочери Моффата, женщине, которая оказалась достойной его, и в 1843 году основал миссию в долине Маботса.

Через четыре года Ливингстон переселился в Колобенг, область бечуанов, в двухстах двадцати пяти милях к северу от Курумана.

Еще через два года, в 1849 году, Ливингстон покинул Колобенг вместе с женой, тремя детьми и двумя друзьями — Осуэллом и Мерреем; первого августа того же года он открыл озеро Нгами и вернулся в Колобенг, спустившись вниз по течению реки Цуги.

Во время этого путешествия враждебность дикарей помешала Ливингстону исследовать страну за озером Нгами. Вторая попытка пробраться в этот край оказалась столь же неудачной. Зато третья увенчалась успехом. Предприняв затем новое путешествие на север, в котором участвовали вся его семья и его друг Осуэлл, Ливингстон, следуя по течению Хобе, притока Замбези, добрался до земель племени макололов. Дорога была невероятно трудной. Недостаток пищи и воды чуть не стоил жизни детям Ливингстона. Но все же в конце июня 1851 года река Замбези была открыта.

Затем Ливингстон вернулся в Кейптаун, чтобы отправить на родину, в Англию, свою семью. Отважный исследователь намеревался предпринять новое опасное путешествие в глубь страны и не хотел подвергать риску жизнь своих близких.

Маршрут этого путешествия пересекал Африку наискось с юга на запад, от Кейптауна до Сан-Паоло-де-Луанда.

Ливингстон выступил в путь 3 июня 1852 года в сопровождении нескольких туземцев. От Курумана он направился к западу, вдоль пустыни Калахари. 31 декабря он вошел в Литубарубу. Землю бечуанов он нашел совершенно разоренной бурами — потомками голландских колонистов, которые владели Каплендом до того, как его захватили англичане.

Из Литубарубы Ливингстон вышел 15 января 1853 года. Он проник в центр области бамангуатов и 23 мая добрался до Линьянти, где молодой вождь племени макололов, Секелету, принял его с большим почетом.

Здесь Ливингстона надолго задержала опасная лихорадка. Однако, несмотря на болезнь, путешественник изучал быт и нравы этой страны и впервые установил, какие страшные опустошения производит в Африке работорговля.

Месяцем позже он уже спускался вниз по течению Хобе, до впадения ее в Замбези, побывал в Нальеле, Катонге, Либонте и добрался, наконец, до места слияния Замбези с Либой. Здесь он задумал экспедицию вверх по течению этой реки до западных владений Португалии и после девятидневной отлучки вернулся в Линьянти, чтобы как следует подготовить все необходимое для этой экспедиции.

Одиннадцатого ноября 1853 года Ливингстон выступил из Линьянти во главе отряда из двадцати семи макололов и 27 декабря достиг устья Либы. Затем он поднялся вверх по течению реки, в земли племени балунда, — до того места, где в Либу впадает текущая с востока Макондо.

Ливингстон был первым белым человеком, проникшим в эту область.

Четырнадцатого января 1854 года Ливингстон вступил в Шинте, резиденцию самого могущественного из царьков племени балунда. Несмотря на хороший прием, оказанный ему здесь, неутомимый путешественник через несколько дней переправился на противоположный берег Либы и 26 января оказался во владениях короля Катеме. Здесь его тоже встретили гостеприимно, а 20 февраля отряд Ливингстона уже стоял лагерем на берегу озера Дилоло.

Тут началась полоса неудач. Местность становилась труднопроходимой, туземцы были настроены враждебно, собственный отряд взбунтовался. Над головой путешественника нависла угроза смерти. Менее энергичный человек не устоял бы перед этими трудностями. Но доктора Ливингстона они не сломили, и 4 апреля он добрался до берегов Кванго — полноводной реки, которая образует восточную границу португальских владений и на севере впадает в Заир.

Через шесть дней Ливингстон вступил в Кассангу, где его видел Альвец. 31 мая он прибыл в Сан-Паоло-де-Луанда. Так закончилось это длившееся два года путешествие, во время которого Африка впервые была пересечена наискось, с юга на запад.

Двадцать четвертого сентября того же года Дэвид Ливингстон вышел из Сан-Паоло-де-Луанда. Он следовал вдоль правого берега Кванзы — той самой Кванзы, которая оказалась гибельной для Дика Сэнда и его спутников, — дошел до места слияния этой реки с Ломбе. По пути он столкнулся со многими невольничьими караванами и вторично посетил Кассангу. Отсюда он вышел 20 февраля, переправился через Кванго и в Кававе достиг берегов Замбези. 8 июля он снова был на берегу озера Дилоло, затем снова увидел Шинте, спустился вниз по течению Замбези и возвратился в Линьянти, откуда вновь выступил в путь 3 ноября 1855 года.

Эта часть путешествия должна была завершить первый в истории переход Центральной Африки с западного до восточного ее берега.

Открыв знаменитый водопад Виктория — «Грохочущий дым», Дэвид Ливингстон покинул берега Замбези и направился на северо-восток. Вот беглый перечень главнейших этапов этого маршрута: переход через область племени батока, где люди до одури вдыхали пары гашиша, посещение могущественного местного царька Семалембуэ, переправа через Кафуэ, снова Замбези, визит к королю Мбурума, осмотр развалин старинного португальского города Зумбо, 17 января 1856 года встреча с царьком Мпенде, в то время воевавшим с португальцами, наконец 2 марта прибытие в Тете, на берегу Замбези. Двадцать второго апреля Ливингстон покинул это поселение, некогда славившееся своим богатством, спустился к дельте Замбези и прибыл в Келимане 20 мая, через четыре года после выхода из Кейптауна.

Двенадцатого июля он отплыл на корабле к острову Маврикия и 22 декабря после шестнадцатилетнего отсутствия вернулся в Англию.

Здесь знаменитого путешественника ждала торжественная встреча, премия Парижского географического общества, большая медаль Лондонского географического общества. Всякий другой на его месте решил бы, что заслужил право на отдых, но Ливингстон думал иначе. 1 марта 1858 года он снова отправился в Африку и в мае высадился на мозамбикском берегу. Он намеревался приступить к исследованию бассейна Замбези. В эту поездку Ливингстона сопровождали его брат Чарльз, капитан Бединдфилд, Торнтон, Бейнс, доктора Кирк и Меллер.

Не всем суждено было вернуться на родину.

Маленький пароходик «Ма-Роберт» повез исследователей вверх по течению великой реки. В Тете они прибыли 8 сентября. Первые годы работы новой экспедиции ознаменовались следующими событиями: в январе 1859 года — разведка нижнего течения Замбези и ее левого притока Шире; в апреле того же года — поход к озеру Ширва; исследование области Манганья, 10 сентября открытие озера Ньяса; 9 августа 1860 года новый поход к водопаду Виктория; 31 января 1861 года — прибытие епископа Макензи и его спутников к устью Замбези; в марте 1861 года — исследование Рувумы на пароходе «Пионер»; в сентябре 1861 года — возвращение на озеро Ньяса и пребывание там до конца октября; 30 января 1862 года — прибытие второго парохода, «Леди Ньяса», на котором приехала миссис Ливингстон. К тому времени епископ Макензи и один из миссионеров уже погибли, не выдержав тропического климата, а 27 апреля миссис Ливингстон скончалась на руках мужа.

В мае того же года Ливингстон попытался вторично исследовать Рувуму; в конце ноября он вернулся к Замбези и поднялся вверх по течению Шире. В апреле 1863 года умер его спутник Торнтон. Ливингстон отослал в Европу своего брата Чарльза и

доктора Кирка, которые были совершенно истощены болезнями, и сам 10 ноября в третий раз посетил озеро Ньяса, чтобы довести до конца свою работу по гидрографическому описанию этого озера. Спустя три месяца он вернулся к устью Замбези, откуда направился в Занзибар, и 20 июля 1864 года, после пятилетнего отсутствия, прибыл в Лондон. Там он напечатал свой труд, озаглавленный «Исследование Замбези и ее притоков».

Двадцать восьмого января 1866 года Ливингстон снова высадился в Занзибаре. Он начинал новое путешествие, четвертое по счету.

В Занзибаре Ливингстону довелось воочию убедиться, какое огромное зло причиняет стране торговля рабами. 8 августа он прибыл в Мокалаозе, на берегу Ньясы; его сопровождал на этот раз маленький эскорт, состоявший только из нескольких сипаев¹ и негров. Через шесть недель большая часть эскорта бежала от него и, возвратившись в Занзибар, распространила там ложный слух о смерти Ливингстона.

Но отважный путешественник и тут не отступил: он решил, несмотря ни на что, продолжать исследование пространства, лежащего между озерами Ньяса и Танганьика. 10 декабря вместе с несколькими проводниками-туземцами Ливингстон переправился через реку Лоангава и 2 апреля 1867 года дошел до озера Льеммба. Тут он заболел, и целый месяц жизнь его висела на волоске. Но, не успев еще оправиться от болезни, 30 августа он добирается до озера Мверу, исследуя его северный берег, и 21 ноября приходит в город Казембе. Здесь он отдыхает сорок дней и за это время успевает дважды побывать на озере Мверу.

Из Казембе Ливингстон двинулся на север с намерением побывать в крупном населенном пункте Уджиджи, на берегу Танганьики. Однако от разливов дорога стала непроходимой. Проводники покинули Ливингстона, и он вынужден был вернуться в Казембе. Отсюда он спешно направился на юг, и 6 июня, через шесть недель, он уже достиг большого озера Бангвеоло. Здесь он провел два месяца. 10 августа он возобновил попытку пробраться на север, к Танганьике.

Какое это было мучительное путешествие! В январе 1869 года героический путешественник настолько ослабел, что не мог идти, и его несли на руках. В феврале, наконец, он увидел Танганьiku. В Уджиджи он застал посылку, отправленную ему из Калькутты Восточным обществом.

У Ливингстона была теперь только одна мысль — подняться к северу от Танганьики и разыскать истоки Нила. 21 сентября он уже был в Бамбаре, в Маниуме, области людоедов, и дошел до реки Луалабы, которая, как догадывался Камерон и как впоследствии установил Стенли, представляет собою верховье

---

¹ С и п а и — колониальные войска из местного населения Индии, находящиеся на службе у англичан.

Заира, или Конго. В Мамогеле болезнь снова свалила Ливингстона с ног на восемьдесят дней. К этому времени у него осталось только трое слуг. Наконец, 21 июля 1871 года он отправился в обратный путь, к Танганьике. 23 октября он добрался до Уджиджи. Болезнь и лишения превратили его в настоящий скелет.

В продолжение долгого времени от Ливингстона не поступало никаких известий. В Европе его, вероятно, считали умершим, и он больше не надеялся, что оттуда ему окажут помощь.

Через одиннадцать дней после возвращения Ливингстона в Уджиджи в четверти мили от озера раздались ружейные выстрелы. Ливингстон вышел из своего шалаша. К нему подошел какой-то белый.

— Вы доктор Ливингстон, не правда ли? — спросил пришелец.

— Да, — ответил путешественник и, радушно улыбаясь, приподнял фуражку.

Они обменялись крепким рукопожатием.

— Слава богу! Наконец-то я нашел вас.

— Я счастлив, что задержался тут, что мы встретились, — ответил Ливингстон.

Вновь прибывший был американец Стенли. Он служил репортером в газете «Нью-Йорк геральд», и мистер Беннет послал его в Африку на поиски Дэвида Ливингстона.

Стенли без колебаний, без громких фраз, совсем просто, как и подобает героям, принял на себя это поручение. В октябре 1870 года он сел в Бомбее на корабль, доехал до Занзибара и отправился дальше почти по такому же маршруту, как Спик и Бертон; перенеся в пути бесчисленные лишения, не раз попадая в такое положение, когда жизни его грозила опасность, он прибыл, наконец, в Уджиджи.

Ливингстон и Стенли подружились и вместе предприняли еще одну экспедицию на лодках, к северным берегам Танганьики, добрались до мыса Магалы и после тщательного исследования пришли к выводу, что один из притоков Луалабы служит водостоком для озера Танганьика. (Через несколько лет Камерон и сам Стенли сумели убедиться в правильности этого предположения.) 12 декабря Ливингстон и его спутник вернулись в Уджиджи.

Стенли решил возвратиться на родину. 27 декабря, после восьмидневного плавания, он и Ливингстон прибыли в Уримба. 23 февраля они были уже в Куихаре.

Двенадцатого марта настал день прощания.

— Вы совершили то, на что решились бы немногие, и все сделали гораздо лучше, чем многие испытанные путешественники, — сказал Ливингстон Стенли. — Я вам бесконечно признателен. Да будет над вами и вашими начинаниями благословение господне.

— Надеюсь еще увидеть вас здоровым и невредимым на родине, — ответил Стенли, крепко пожимая ему руку.

И быстро вырвавшись из его объятий, отвернулся, чтобы скрыть слезы.

— Прощайте, доктор, дорогой друг,— сказал он глухим голосом.

— Прощайте,— тихо ответил Ливингстон.

Стенли уехал и 12 июля 1872 года высадился в Марселе, во Франции.

Ливингстон продолжал свои исследования. Отдохнув в Куихаре пять месяцев, 25 августа он отправился к южному берегу Танганьики. На этот раз путешественника сопровождали трое его черных слуг — Сузи, Шума и Амода, двое других слуг, пятьдесят шесть туземцев, оставленных ему Стенли, и Джекоб Кэнрайт.

Через месяц после выступления караван прибыл в Мура. Всю дорогу бушевали грозы, вызванные страшной засухой. Затем начались дожди. Вьючных животных кусали мухи цеце, и они гибли. Туземное население держало себя враждебно. Все же 24 января 1873 года экспедиция Ливингстона пришла в Читункуз. 27 апреля, обогнув с востока озеро Бангвеоло, путешественник направился к деревне Читамбо.

Здесь несколько работорговцев видели Ливингстона. Они общались об этом Альвецу и его достойному сотоварищу из Уджиджи. Были все основания предполагать, что Ливингстон, кончив исследования южного берега Танганьики, двинется на запад, в еще не исследованные им места. Оттуда он направится в Анголу, в мрачный край неготорговли, дойдет до Казонде — маршрут этот казался вполне естественным, и миссис Уэлдон вправе была рассчитывать на скорый приход великого путешественника, ибо уже больше двух месяцев, как он должен был быть на южном берегу Бангвеоло.

Но 13 июня, накануне дня, когда Негоро должен был явиться за письмом, сулившим ему сто тысяч долларов, в Казонде пришла весть, доставившая большую радость Альвецу и прочим работорговцам.

Первого мая 1873 года, на заре, доктор Дэвид Ливингстон скончался!

К несчастью, весть эта была правдивой. Маленький караван Ливингстона 29 апреля добрался до деревни Читамбо, расположенной на южном берегу Бангвеоло. Ливингстона принесли на носилках. 30 апреля ночью под влиянием сильной боли он застонал и чуть слышно произнес: «Боже мой! Боже мой!» — и снова впал в забытие.

Через час он очнулся, позвал своего слугу Сузи, попросил принести лекарства и затем прошептал слабым голосом:

— Хорошо! Теперь можешь идти!

Около четырех часов утра Сузи и пять человек из эскорта вошли в шалаш путешественника.

Дэвид Ливингстон стоял на коленях около своей койки, уронив голову на руки, и, казалось, молился.

Сузи осторожно прикоснулся пальцем к его щеке: щека была холодная.

Дэвид Ливингстон был мертв...

Верные слуги понесли останки путешественника к морскому берегу. Долог и труден был их путь, но через девять месяцев они доставили тело в Занзибар.

Двенадцатого апреля 1874 года Ливингстон был похоронен в Вестминстерском аббатстве среди других великих людей Англии, которых она чтит и отводит их праху место в старинной усыпальнице королей.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Куда может завести мантикора

Утопающий хватается за соломинку. Как бы слабо ни мерцал луч надежды, приговоренному к смерти он кажется ослепительно ярким.

Так было и с миссис Уэлдон. Нетрудно представить себе ее горе, когда она узнала из уст самого Альвеца, что доктор Ливингстон скончался в маленькой негритянской деревне на берегу Бангвеоло. Она почувствовала себя вдруг такой одинокой и несчастной. Ниточка, связывавшая ее с цивилизованным миром, вдруг оборвалась. Спасительная соломинка ускользнула из ее рук, луч надежды угасал у нее на глазах. Тома и его товарищей угнали из Казонде к Большим озерам. О Геркулесе по-прежнему не было никаких известий. Миссис Уэлдон видела, что никто не придет к ней на помощь... Оставалось только принять предложение Негоро, внося в него поправки, которые обеспечили бы благополучный исход дела.

Четырнадцатого июня, в назначенный день, Негоро явился в хижину к миссис Уэлдон.

Португалец, по своему обыкновению, вел себя как деловой человек. Он прежде всего заявил, что не уступит ни одного гроша из назначенной суммы выкупа. Впрочем, и миссис Уэлдон проявила немалую деловитость, ответив ему следующими словами:

— Если вы хотите, чтобы сделка состоялась, не предъявляйте неприемлемых требований. Я согласна на выкуп, который вы требуете, но ставлю условием, чтобы мой муж не приезжал в эту страну. Я ни за что на свете не соглашусь на это. Вы же знаете, что здесь делают с белыми.

После некоторого колебания Негоро принял условия миссис Уэлдон. Вот к чему они сводились: Джеймс Уэлдон не должен предпринимать рискованного путешествия в Казонде. Он приедет в Моссамедес — маленький порт на южном берегу Анголы, часто посещаемый кораблями работорговцев. Негоро хорошо знал этот порт. Он привезет туда мистера Уэлдона. Туда же, в Моссамедес, агенты Альвеца доставят к условленному сроку миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта. Мистер Уэлдон вне-

сет выкуп, пленники получают свободу, а Негоро, который перед мистером Джемсом Уэлдоном будет играть роль честного друга, исчезнет, как только прибудет корабль.

Этот пункт соглашения, которого добилась миссис Уэлдон, был очень важен. Таким образом она избавляла своего мужа от опасного путешествия в Казонде, от риска быть задержанным там после того, как он внесет выкуп, и от опасностей обратного пути.

Расстояние в шестьсот миль, отделяющее Казонде от Моссамедеса, не пугало миссис Уэлдон. Если этот переход будет совершен в таких же условиях, как ее путешествие от Кванзы до Казонде, то он будет не так уж труден. К тому же Альвец, получавший свою долю выкупа, был заинтересован в том, чтобы пленников доставили на место здоровыми и невредимыми.

Уговорившись обо всем с Негоро, миссис Уэлдон написала мужу письмо. Негоро должен был выдать себя за преданного ей слугу, которому посчастливилось бежать из плена. Получив письмо, Джемс Уэлдон, конечно, не колеблясь, последует за Негоро в Моссамедес.

Негоро взял письмо и на следующий день, сопровождаемый эскортом из двадцати негров, двинулся на север. Почему он избрал это направление? Намеревался ли он устроиться пассажиром на каком-либо из кораблей, которые заходили в устье Конго? Или он выбрал этот маршрут, чтобы миновать португальские фактории и каторжные тюрьмы, где он бывал не раз невольным гостем. Весьма вероятно. По крайней мере, именно такое объяснение он дал Альвецу.

Теперь миссис Уэлдон оставалось только запастись терпением и, постаравшись наладить свою жизнь в Казонде возможно более сносно, ждать возвращения Негоро. Отсутствие его должно было при самых благоприятных обстоятельствах продлиться три-четыре месяца — это срок, который требовался на поездку в Сан-Франциско и обратно.

Миссис Уэлдон не собиралась покидать факторию Альвеца. Здесь она сама, ее ребенок и кузен Бенедикт были в относительной безопасности. Заботливость и предупредительность Халимы смягчали суровость заточения. Вряд ли работороговец согласился бы выпустить пленников из своей фактории. Помня о большом барыше, который сулил ему выкуп, он распорядился установить за ними строгий надзор. Альвец придавал этому делу такое большое значение, что даже отказался от поездки в Бихе и Касангу, где у него были фактории. Вместо него во главе новой экспедиции, отправленной для набегов на мирные селения, стал Коимбра. Жалеть об отсутствии этого пьяницы, конечно, не приходилось.

Негоро перед своим отъездом оставил Альвецу подробнейшие наставления насчет миссис Уэлдон. Он советовал бдительно следить за ней, так как неизвестно, что случилось с Геркулесом.

Если великан негр не погиб в опасных дебрях, он, несомненно, постарается вырвать пленников из рук Альвеца.

Работорговец превосходно понял, что нужно делать, чтобы не потерять многотысячный заработок. Он заявил, что будет присматривать за миссис Уэлдон как за собственной кассой.

Дни в заключении тянулись однообразно и скучно. Жизнь в фактории ничем не отличалась от жизни негритянского города. Альвец строго придерживался в своем доме обычаев коренных жителей Казонде. Женщины в фактории выполняли те же работы, что их сестры в городе, угождая своим мужьям или хозяевам. Они толкли в деревянных ступах рис, чтобы вышелушить зерна; веяли и просеивали маис, растирая его между двумя камнями, приготавливали крупу, из которой туземцы варят похлебку под названием «мтиелле»; собирали урожай сорго, род крупного проса,— о том, что оно созрело, только что торжественно оповестили население,— извлекали благовонное масло из косточек «мпафу» — плодов, похожих на оливки; из эссенции их вырабатывают духи, любимые туземцами; пряли хлопок при помощи веретена длиною в полтора фута, прядильщицы быстро вращали его, ссучивая и вытягивая нитку из хлопковых волокон; выделявали колотушками материю из древесной коры, выкапывали съедобные корни, возделывали землю и выращивали растения, идущие в пищу: маниоку, из которой делают муку — «касаву», бобы, которые растут на деревьях высотой в двадцать футов в стручках, называемые «мозитзано», длиною в пятнадцать дюймов; арахис, из которого выжимают масло, употребляющееся в пищу; многолетний светло-голубой горох, известный под названием «чилобе», цветы его придают некоторую остроту пресному вкусу каши из сорго; сахарный тростник, сок которого дает сладкий сироп, лук, гуяву, кунжут, огурцы, зерна которых жарят, как каштаны; приготавливали хмельные напитки: «малофу» из бананов, «помбе» и всякие настойки; ухаживали за домашними животными — за коровами, которые позволяют себя доить только в присутствии теленка или при чучеле теленка, за малопородистыми, иногда горбатыми, телками с короткими рогами, за козами, которые в этой стране, где козье мясо служит продуктом питания, стали важным предметом обмена и, можно сказать, являются ходячей монетой, так же, как и рабы; наконец, заботились о домашней птице, о свиньях, овцах, быках и т. д. Этот длинный перечень показывает, какие тяжелые работы возлагаются на слабый пол в диких областях Африканского континента.

А в это время мужчины курили табак или гашиш, охотились на слонов или на буйволов, нанимались к работорговцам для облав на негров. Сбор маиса или охота на рабов, как всякий сбор урожая и всякая охота, производится в определенный сезон. Из всех этих разнообразных занятий миссис Уэлдон знала в фактории Альвеца только те, которые выпадали на долю женщин.

Гуляя по фактории Альвеца, она иногда останавливалась

возле работавших туземок и следила за однообразными движениями их рук. Негритянки встречали ее далеко не приветливыми гримасами. Они ненавидели белых и, хотя знали, что миссис Уэлдон пленница, несколько не сочувствовали ей. Только Халима представляла исключение. Миссис Уэлдон запомнила несколько слов из туземного наречия и скоро научилась кое-как объясняться с юной невольницей.

Маленький Джек обычно прогуливался с матерью по фактории. В саду было немало любопытного, на высоких баобабах виднелись сделанные из прутьев растрепанные гнезда важных марабу. На ветвях сидели маленькие птички с пурпурно-красными грудками и рыжевато-бурыми спинками — это были амрантовые ткачи, славящиеся своим искусством вить гнезда. По траве скакали вприпрыжку, подбирая осыпавшиеся семена, и ловили насекомых птички-«вдовушки»; голосистые «калао» оглашали воздух веселыми трелями; пронзительно кричали светло-серые, с красными хвостами попугаи, которых туземцы в Манеме называют «роус» и дают это имя вождям племен. Насекомоядные «друго», похожие на коноплянок, но только с красным клювом, перепархивали с ветки на ветку. Множество бабочек висло над кустами, особенно по соседству с ручейками, протекавшими по фактории. Но бабочки — это была область кузена Бенедикта. Джеку они быстро прискучили. Мальчику хотелось хоть одним глазком заглянуть за ограду фактории. Он все чаще думал о своем веселом и неистощимо изобретательном друге Дике Сэнде. Как они лазали вместе на мачты «Пилигрима»! О, если бы Дик был здесь, Джек полез бы с ним на макушку самого высокого баобаба!

Кузен Бенедикт — тот чувствовал себя отлично повсюду, конечно, если вокруг него было достаточно насекомых. Ему посчастливилось найти в фактории крошечную пчелку, которая делает свои ячейки в стволах деревьев, и паразитарную осу, которая кладет яйца в чужие ячейки, как кукушка подкидывает свои яйца в гнезда других птиц. Ученый изучал этих насекомых в той мере, в какой это возможно было без очков и увеличительного стекла.

В фактории, особенно вблизи ручейков, не было недостатка в москитах. Однажды они сильно искушали беднягу ученого. Когда миссис Уэлдон стала упрекать кузена Бенедикта за то, что он позволил зловредным насекомым так изуродовать себя, ученый, до крови расчесывая себе кожу, ответил:

— Что поделаешь, кузина Уэлдон, таков их инстинкт. Нельзя на них за это сердиться!

В один прекрасный день — 17 июня — кузен Бенедикт чуть было не стал самым счастливым человеком среди всех энтомологов. Это происшествие, которое имело самые неожиданные последствия, заслуживает обстоятельного рассказа.

Было около одиннадцати часов утра. Нестерпимая жара за-

гнала в хижины обитателей фактории. На улицах Казонде не видно было ни одного прохожего.

Миссис Уэлдон дремала, сидя возле маленького Джека, который крепко спал.

Даже на кузена Бенедикта этот тропический зной подействовал расслабляюще, и он вынужден был отказаться от очередной энтомологической прогулки. Скажем прямо, сделал он это с крайней неохотой, потому что под палящими лучами полуденного солнца в воздухе реяло бесчисленное множество насекомых. Все же он побрел в лачугу и прилег на постель. Но вдруг сквозь дремоту до слуха ученого коснулось какое-то жужжание, невыносимо раздражающий звук, который насекомое производит взмахами своих крылышек, — иные насекомые могут производить пятнадцать — шестнадцать тысяч взмахов крылышками в секунду.

— Насекомое! Шестиногое! — вскричал кузен Бенедикт.

Сна как не бывало. Кузен Бенедикт из горизонтального положения немедленно перешел в вертикальное.

Без сомнения, жужжание издавало какое-то крупное насекомое.

Кузен Бенедикт страдал близорукостью, но слух у него был необычайно тонкий и изощренный: ученый мог определить насекомое по характеру его жужжания. Однако жужжание этого насекомого было незнакомо кузену Бенедикту, а по силе его казалось, что оно исходит от какого-то гигантского жука.

«Что это за шестиногое?» — спрашивал себя энтомолог.

И он отчаянно тарашил близорукие глаза, стараясь обнаружить источник шума. Инстинкт энтомолога подсказывал кузену Бенедикту, что насекомое, по милости провидения залетевшее к нему в дом, не какой-нибудь заурядный жук, а шестиногое необыкновенное.

Кузен Бенедикт замер в неподвижности и весь обратился в слух. Солнечный луч скупно проник в полумрак, царивший в лачуге, и тогда ученый заметил большую черную точку, кружившуюся в воздухе. Но насекомое летало в почтительном отдалении от ученого, и бедняга никак не мог его рассмотреть. Кузен Бенедикт затаил дыхание. Если бы неизвестный гость укусил его, он даже не шелохнулся бы, из опасения, что неосторожное движение обратит насекомое в бегство.

Успокоенное неподвижностью ученого, насекомое, описав множество кругов, в конце концов село ему на голову. Рот кузена Бенедикта расплылся в улыбке. Он чувствовал, как легкое насекомое бегаёт по его волосам. Его неудержимо тянуло поднять руку к голове, но он сумел подавить в себе это желание и поступил правильно.

«Нет, нет! — думал кузен Бенедикт. — Я могу промахнуться или, что еще хуже, причинить ему вред. Подожду, пока оно спустится ниже. Как оно бегаёт! Я чувствую, как его лапки снуют по моему черепу! Это, наверное, очень крупное насекомое. Господи,

сделай так, чтобы оно спустилось на кончик моего носа! Скосив глаза, я мог бы рассмотреть его и определить, к какому отряду, роду, семейству, подсемейству и группе оно принадлежит!»

Так рассуждал кузен Бенедикт. Но расстояние от остроко-
нечной макушки его головы до кончика его довольно длинного
носа было велико, и кто мог знать, захочет ли прихотливое насе-
комое предпринять такое дальнейшее путешествие? Быть может,
оно направится к ушам, к затылку, удалится от глаз ученого. И
не вспорхнет ли оно, не улетит ли из темной хижины на вольный
воздух, к своим сородичам, призывно жужжащим под жаркими
лучами солнца?

Кузен Бенедикт со страхом подумал, что это весьма вероят-
но. Никогда еще энтомологу не приходилось так волноваться.
Африканское шестиногое не известного науке семейства или хо-
тя бы еще не известного вида сидело у него на темени, и он мог
распознать его только в том случае, если оно соблаговолит при-
близиться к его глазам на расстояние одного дюйма. Однако не-
беса, вероятно, слышали моления кузена Бенедикта.

Побродив по его растрепанным волосам, подобным зарос-
лям дикого кустарника, насекомое медленно начало спускаться
по его лбу, направляясь к переносице. Волнение кузена Бене-
дикта достигло предела: насекомое находилось на вершине
горы, неужели оно не спустится к подножию?

«На его месте я бы обязательно спустился!» — думал до-
стойный ученый.

Всякий другой на месте кузена Бенедикта, несомненно, изо
всей силы хлопнул бы себя рукой по лбу, чтобы убить или хотя
бы прогнать назойливое насекомое. Было нечто героическое в не-
подвижности ученого, терпеливо сносившего щекотку и стоиче-
ски ожидавшего укуса. Спартанец, позволявший лисице терзать
свою грудь, и римлянин, державший в голой руке раскаленные
угли, не лучше владели собой, чем кузен Бенедикт. Несомненно,
ученый-энтомолог был прямым потомком этих двух героев!

Насекомое, побродив по лбу, отдыхало теперь на переноси-
це... У кузена Бенедикта вся кровь прихлынула к сердцу: подни-
нется ли насекомое выше надбровных дуг или спустится вниз по
носу?..

Оно спустилось. Кузен Бенедикт почувствовал, как мохна-
тые лапки семяток по его носу. Насекомое не уклонилось ни
вправо, ни влево. На секунду оно задержалось на легкой горбин-
ке носа, великолепно приспособленной для ношения того опти-
ческого прибора, которого так не хватало сейчас бедному учено-
му, а затем решительно спустилось вниз и остановилось на
самом кончике носа.

Лучшего места насекомое не могло выбрать. Сведя в одну
точку зрительные линии обоих своих глаз, кузен Бенедикт мог
теперь, словно через увеличительное стекло, рассмотреть насе-
комое.

— Боже мой! — вскричал кузен Бенедикт вне себя от радости. — Бугорчатая мантикора.

Грубая ошибка: надо было не выкрикнуть, а только подумывать это! Но не слишком ли многого мы требуем от самого большого энтузиаста среди энтомологов? Как тут не испустить крик радости, когда у вас на носу сидит бугорчатая мантикора с широкими надкрыльями, насекомое из семейства жуужелиц? Редчайшая разновидность мантикоры, водящаяся как будто только в южной части Африки, экземпляр, какого нет в лучших коллекциях! Да разве можно тут не вскрикнуть от радости? Это уже свыше сил человеческих.

Но беда не приходит одна: кузен Бенедикт не только вскрикнул, но и чихнул. Крик оглушил мантикору, а чихание вызвало сотрясение ее опоры. Кузен Бенедикт быстро поднял руку, с силой сжал пальцы в кулак и захватил только кончик собственного носа! Мантикора успела улететь.

— Проклятие! — воскликнул ученый.

Но тут же он взял себя в руки, и все дальнейшее его поведение могло служить образцом замечательного самообладания.

Кузен Бенедикт знал, что мантикора почти не летает, она только перепархивает с места на место, а больше бегаёт. Он опустился на колени. Вскоре он увидел в десяти дюймах от своего носа черную точку, быстро скользившую в солнечном луче. Лучше всего было не стеснять эволюций мантикоры, изучать ее на приволье. Только бы не потерять ее из виду.

— Поймать ее сейчас, — сказал себе кузен Бенедикт, — это значит рисковать раздавить ее. Нет! Я не сделаю этого! Я поползу за ней следом. Я буду изучать ее поведение в естественных условиях! Я буду любоваться ею! А поймать ее я всегда успею.

Разве кузен Бенедикт был не прав? На этот вопрос трудно дать ответ. Как бы то ни было, но кузен Бенедикт, опустив нос к самой земле, пополз на четвереньках вслед за мантикорой, насторожившись, словно охотничья собака, почуявшая след. Через мгновение ученый уже выполз из своей хижины и передвигался по опаленной полуденным солнцем траве прямо по направлению к ограде фактории. Еще через несколько минут он был уже у самого частокола.

Как поступит мантикора? Поднимется в воздух и перенесется через ограду, оставив своего влюбленного преследователя по ту сторону частокола? Нет, это не в характере мантикоры — кузен Бенедикт хорошо знал привычки этих жуужелиц.

И он все продолжал ползти уже слишком далеко от насекомого, чтобы дать ему энтомологическое определение (впрочем, это было уже сделано до него), но настолько близко, что все время видел, как двигается по земле эта крупная точка.

Вдруг путь мантикоре преградило широкое отверстие кротовой норы под самой изгородью. Не задумываясь, жуужелица отправилась в эту подземную галерею — она всегда ищет подземные ходы. Кузен Бенедикт испугался, что насекомое ускользнет

от него. Но, к большому его удивлению, ширина прорытого кротом хода достигала по меньшей мере двух футов. Это была своего рода подземная галерея, по которой сухопарому энтомологу нетрудно было проползти. Он устремился туда вслед за жужелицей и не заметил даже, что, «зарывшись в землю», находится уже под оградой фактории. Кротовый ход соединял огороженную территорию с внешним миром. Через полминуты кузен Бенедикт выполз из фактории на свободу. Но ученый даже не обратил на это внимания: настолько он был поглощен мыслями об изыском насекомом, которое вело его за собой.

Но мантикоре, видимо, надоело ходить пешком. Она раздвинула надкрылья и расправила крылышки. Кузен Бенедикт почувствовал опасность. Он вытянул руку, чтобы накрыть насекомое ладонью, как бы заключить ее в темницу, и вдруг... фрр! Жужелица улетела.

Легко представить себе отчаяние кузена Бенедикта. Но мантикора не могла улететь далеко. Энтомолог поднялся на ноги, осмотрелся и бросился за ней, вытянув вперед руки.

Насекомое кружило в воздухе над его головой; маленькое черное пятнышко неуловимой формы мелькало перед его близорукими глазами. Кузен Бенедикт замер на месте, ожидая, что, покружившись над его взъерошенной шевелюрой, усталая мантикора снова опустится на землю. Все говорило за то, что так она и поступит.

Но, к несчастью для незадачливого ученого, фактория Альвеца, расположенная на северной окраине города, примыкала к большому лесу, тянувшемуся на много миль. Если мантикора вздумает улететь под сень деревьев и там начнет порхать с ветки на ветку, придется распротиться с надеждой водворить в жестяную коробку лучшее украшение коллекции.

Увы, так и случилось! Покружившись в воздухе, мантикора сначала опустилась на землю. Кузену Бенедикту неожиданно повезло: он заметил место, куда село насекомое, и тотчас же с размаху бросился на землю. Но мантикора больше не пыталась летать — она скачками передвигалась по земле.

Совершенно измученный, с ободранными до крови коленями и расцарапанными руками, энтомолог не отставал от нее. Он кидался то вправо, то влево, бросался ничком, вскакивал, как будто земля была раскалена докрасна, и взмахивал руками, словно пловец, в надежде схватить неуловимую черную точку.

Напрасный труд! Руки его хватали пустоту. Насекомое, играючи, ускользало от него. Наконец, добравшись до свежей зелени деревьев, оно взвилось в воздух, задело ученого и исчезло окончательно, подразнив на прощанье его слух самым ироническим жужжанием.

— Проклятие! — еще раз воскликнул кузен Бенедикт. — Скрылась!.. Неблагодарная тварь! А я-то предназначал тебе почетное место в своей коллекции! Ну нет! Я от тебя не отстану, я буду преследовать тебя, пока не поймаю.

Огорченный энтомолог забыл, что при его близорукости бесполезно было искать мантикору среди зеленой листвы. Но он уже не владел собою. Гнев и досада обуревали его. Он сам виноват был в своей неудаче! Если бы он сразу схватил эту жужелицу, вместо того чтобы «изучать ее поведение в естественных условиях», ничего бы не случилось и он обладал бы сейчас великолепным образцом африканской мантикоры — насекомого, которому дали имя сказочного животного, якобы обладавшего человеческой головой и туловищем льва.

Кузен Бенедикт растерялся. Он даже не подозревал, что в погоне за мантикорой выбрался из фактории Альвеца, что неожиданное происшествие вернуло ему свободу. Он думал лишь об одном: вот лес, и где-то в нем — его улетевшая мантикора.

Какой угодно ценой поймать ее!

И он бежал по лесу, не размышляя о том, что делает. Повсюду ему мерещилась драгоценная мантикора. Он махал в воздухе руками и мчался стремглав вперед. Куда заведет его это бессмысленное преследование, как он найдет обратно дорогу и найдет ли он ее вообще, — об этом он себя не спрашивал. Он углубился в лес, по крайней мере, на целую милю, рискуя столкнуться с враждебным туземцем или попасть в зубы хищному зверю.

Вдруг откуда ни возьмись из-за дерева выскочило какое-то огромное существо. Оно бросилось на ученого-энтомолога, как сам он бросился бы на мантикору, схватило его одной рукой за шиворот, другой за штаны и, не давая времени опомниться, утащило в чашу.

Бедный кузен Бенедикт! В этот день он безвозвратно упустил возможность стать счастливейшим среди энтомологов всех пяти частей света!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Мганнга

В этот день, 17 июня, миссис Уэлдон очень встревожилась, когда кузен Бенедикт не явился к обеду. Куда девался этот большой ребенок? Миссис Уэлдон не допускала и мысли, что он бежал из фактории. Ему не перелезть через высокий частокол. Кроме того, она хорошо знала характер своего кузена: он наотрез отказался бы от свободы, если бы при бегстве ему надо было бросить на произвол судьбы коллекцию насекомых, хранящуюся в жестяной коробке. Но коробка со всеми находками, сделанными ученым в Африке, лежала в полной неприкосновенности. Кузен Бенедикт не мог добровольно расстаться со своими энтомологическими сокровищами — такое предположение было просто невероятным.

И все-таки кузена Бенедикта не было в фактории Хозе-Антонио Альвеца!

Весь день миссис Уэлдон искала его по всем закоулкам. Ма-

ленький Джек и Халима помогали ей. Но все поиски были тщетными.

Миссис Уэлдон пришла к печальному выводу: должно быть, кузена Бенедикта увели из фактории по приказу работаровца. Почему Альвец поступил так? Что он сделал с кузенем Бенедиктом? Может быть, он посадил его в один из бараков на читок? Это было совершенно необъяснимо: ведь по условию, заключенному с Негоро, кузен Бенедикт был одним из пленников, которых Альвец должен был доставить в Моссамедес и передать Джемсу Уэлдону за выкуп в сто тысяч долларов.

Если бы миссис Уэлдон знала, как разгневался Альвец, когда ему сообщили, что кузен Бенедикт исчез, она поняла бы, что работаровец непричастен к этому исчезновению. Но если кузен Бенедикт бежал по собственной воле, почему он не открыл ей своего замысла?

Расследование, предпринятое Альвецем и его слугами, вскоре обнаружило существование кротовой норы, соединявшей двор фактории с соседним лесом. Работаровец не сомневался, что «охотник за мухами» бежал именно через этот узкий проход. Легко представить себе, какое бешенство охватило Альвеца при мысли, что бегство кузена Бенедикта будет поставлено ему в счет и, значит, уменьшит долю его барыша.

«Этот полоумный сам по себе ломаного гроша не стоит, а мне придется дорого заплатить за него! Попадись он только мне в руки!» — думал Альвец.

Но, несмотря на самые тщательные поиски и внутри фактории и в лесу, никаких следов беглеца не удалось обнаружить. Миссис Уэлдон пришлось примириться с исчезновением кузена, а Альвецу оставалось только горевать о потерянном выкупе. Кузен Бенедикт, безусловно, не мог действовать по сговору с кем-нибудь из живущих вне фактории; поэтому оставалось предположить, что он случайно обнаружил кротовый ход и бежал, даже не подумав о своих спутниках, словно их и не существовало на свете.

Миссис Уэлдон вынуждена была признать, что, вероятно, это так и случилось. Но ей и в голову не пришло сердиться на бедного энтомолога, совершенно не способного отвечать за свои поступки.

«Несчастный! Что с ним станется?» — спрашивала она себя.

Проход под изгородью уничтожили, конечно, в тот же день и за оставшимися пленниками установили еще более строгий надзор.

Жизнь миссис Уэлдон и ее сына стала с тех пор еще скучнее и однообразнее.

Дождливый период, «мазика», как его называют здесь, окончился еще в конце апреля, но 19 июня снова пошли дожди. Небо было затянуто тучами, и непрерывные ливни затопляли всю область Казонде. Такие явления редко наблюдаются в Центральной Африке в это время года.

Для миссис Уэлдон дожди были только досадной неприятностью — они мешали ее ежедневным прогулкам по фактории. А для туземного населения они представляли настоящее бедствие. Посевы в низменных местах, уже созревшие и ожидавшие жатвы, оказались затопленными разливом рек. Населению, внезапно лишившемуся урожая, угрожал голод, погибли все его труды. Королева Муана и ее министры растерялись, не зная, как предотвратить нависшую катастрофу.

Решили призвать на помощь колдунов. Но не тех колдунов, чье искусство не шло дальше лечения болезней заговорами, заклинаниями, ворожбой. Размеры бедствия были так велики, что только самые искусные мганнги — колдуны, умеющие вызывать и прогонять дожди, — могли помочь горю.

Но и мганнги не помогли. Напрасными оказались заунывное пение и заклинания, попусту звенели погремушки и колокольчики, бессильны были самые испытанные амулеты и, в частности, рог с тремя маленькими разветвлениями на конце, наполненный грязью и кусочками коры. Не подействовали ни обрядовые пляски, ни плевки в лица самых важных придворных, ни навозные шарики, которыми швыряли в них... Злых духов, собирающих облака в тучи, никак не удавалось прогнать.

Положение день ото дня становилось все более угрожающим. Королева Муана велела призвать прославленного кудесника из Северной Анголы. О могуществе этого мганнга рассказывали чудеса, и вера в него была тем сильнее, что он никогда не бывал в Казонде. Это был первоклассный колдун и к тому же прославленный заклинатель «мазики».

Двадцать пятого июня поутру великий мганнга торжественно вступил в Казонде. Переливчатый звон колокольчиков, которыми он был увешан, возвестил о его приходе. Он прошел прямо на читоку, и тотчас же толпа туземцев окружила его тесным кольцом. Небо в этот день было не так густо обложено тучами, ветер как будто собирался переменить направление, и эти благоприятные предзнаменования, совпадавшие с приходом мганнга, располагали к нему все сердца.

Внешность нового мганнга и гордая его осанка произвели на толпу зрителей внушительное впечатление. Это был чистокровный негр, ростом не менее шести футов, широкоплечий и, видимо, очень сильный.

Обычно колдуны соединяются по три, по четыре или по пять и появляются в деревнях только в сопровождении многочисленных помощников и почитателей. Этот мганнга пришел один. Грудь его была испещрена полосками из белой глины. От талии ниспадала складками широкая юбка из травяной ткани, юбка со шлейфом, не хуже, чем у современных модниц. На шее у колдуна висело ожерелье из птичьих черепов, на голове высился кожаный колпак, украшенный перьями и бусами. Вокруг бедер обвивался кожаный пояс, и к нему подвешены были сотни бубенчиков и колокольчиков. При каждом движении мганнга они

издавали звон громче, чем сбруя испанского мула. Таково было облачение этого великолепного представителя африканских кудесников.

Все необходимые принадлежности его искусства — ракушки, амулеты, резные деревянные идолы и фетиши и, наконец, катышки помета, — неизменно применяющиеся в Центральной Африке при всех колдовских обрядах и прорицаниях, были уложены в пузатую корзинку.

Скоро толпа подметила еще одну особенность нового мганнга: он был нем. Но немота могла только увеличить почтение, которое дикири уже начали питать к великану кудеснику. Он издавал какие-то странные, лишенные всякого значения звуки, похожие на мычание. Но это только должно было способствовать успеху его колдовства.

Мганнга начал с того, что обошел кругом всю читоку, исполняя какой-то торжественный танец. Бубенчики на его поясе при этом бешено звенели. Толпа следовала за ним, подражая каждому его движению, как стая обезьян следует за своим вожаком. Вдруг мганнга свернул с читоки на главную улицу Казонде и направился к королевским покоем.

Королева Муана, предупрежденная о приближении нового кудесника, поспешила выйти к нему навстречу в сопровождении всех своих придворных.

Мганнга склонился перед ней до самой земли и затем выпрямился во весь рост, расправив свои широкие плечи. Он протянул руки к небу, по которому быстро бежали рваные тучи. Кудесник указал на них королеве и оживленной пантомимой изобразил, как они плывут на запад, потом, описав круг, возвращаются в Казонде с востока. Этого круговращения туч ничто не в силах прекратить.

И вдруг, к глубокому изумлению зрителей — горожан и придворных, колдун схватил за руку грозную властительницу Казонде. Несколько придворных хотели помешать такому грубому нарушению этикета, но силач мганнга поднял за загривок первого осмелившегося приблизиться к нему и отшвырнул его в сторону шагов на пятнадцать.

Королеве этот поступок колдуна как будто даже понравился. Она скорчила гримасу — это должно было означать любезную улыбку. Но колдун, не обращая внимания на этот знак королевской благосклонности, потащил Муану за собой. Толпа устремилась вслед за ними.

Колдун быстро шагнул прямо к фактории Альвеца. Скоро он дошел до ворот ограды. Они были заперты. Мганнга без видимого усилия толкнул ворота плечом, и, сорвавшись с петель, они упали. Восхищенная королева вошла вместе с ним во двор фактории. Работорговец, его солдаты и невольники хотели наброситься на дерзкого пришельца, взламывающего ворота, вместо того чтобы дожидаться, пока их откроют. Но, увидев, что колдуна

сопровождает королева и что она не возмущена его действиями, они замерли в почтительной позе.

Альвец не прочь был бы спросить у королевы, чему он обязан честью ее посещения, но колдун не дал ему говорить. Он оттеснил толпу в сторону и, став посреди образовавшегося свободного пространства, с еще большим оживлением, чем прежде, повторил свою пантомиму. Он грозил кулаками облакам, заклинал их. Затем, сделав вид, что с трудом удерживает тучи на месте, он надувал щеки и изо всей силы дул в небо, словно надеясь одним своим дыханием рассеять скопление водяных паров. Затем он поднимал руки, весь вытягивался вверх и, казалось, доставая головой до туч, отбрасывал их в разные стороны.

Суеверная Муана, захваченная — другого слова не найдешь — игрой этого талантливой актера, уже не владея собой, вскрикивала и, вся трепеща, инстинктивно повторяла каждое его движение. Придворные и горожане следовали ее примеру, и гнусавое мычание немого было совершенно заглушено воплями, криками и пением экзальтированной толпы.

Что ж, тучи разошлись и перестали заслонять солнце? Заклинания немого мганнга прогнали их? Нет. Напротив, в ту самую минуту, когда королева и народ думали, что злые духи уже побеждены и в страхе бегут, небо, на миг посветлевшее, нахмурилось еще больше, и первые тяжелые капли дождя упали на землю.

В настроении толпы сразу произошел перелом. Все с угрозой посмотрели на нового мганнга, который оказался не лучше прежних. Королева нахмурила брови, и по этому признаку можно было догадаться, что колдуну грозит по меньшей мере потеря обоих ушей. Круг зрителей плотнее сомкнулся вокруг него. Сжатые кулаки уже взлетели в воздух. Еще мгновение — и несдобровать бы мганнге, но новое происшествие направило гнев толпы в другую сторону.

Мганнга — он на целую голову был выше воющих и рычащих зрителей — вдруг вытянул руку и указал на что-то находившееся внутри фактории. Жест его был таким повелительным, что все невольно обернулись.

Миссис Уэлдон и маленький Джек, привлеченные криками и завываниями толпы, вышли из своей хижины. На них-то и указывал разгневанный чародей левой рукой, поднимая правую руку к небу.

Вот кто виновники бедствия! Эта белая женщина и ее ребенок! Вот источник всех зол! Это они призвали тучи из своих дождливых стран, это они накликали наводнение и голод на землю Казонде!

Мганнга не произнес ни одного слова, но все его поняли.

Королева Муана угрожающе простерла руки в сторону миссис Уэлдон. Толпа с яростным криком бросилась к ней.

Миссис Уэлдон поняла, что настал ее смертный час. Прижав

Джека к груди, она стояла неподвижно, как статуя, перед бешеной ревущей толпой.

Мганнга направился к ней. Дикари расступились перед колдуном, который как будто нашел не только причину бедствия, но и средство спасения от него. Альвец, дороживший жизнью своей пленницы, не зная, как поступить, также приблизился к ней.

Мганнга вырвал маленького Джека из рук матери и поднял его к небу. Казалось, он хотел разбить ему череп о землю, чтобы умиловить духов.

Миссис Уэлдон отчаянно вскрикнула и упала без чувств.

Но мганнга сделал королеве знак, который та, по-видимому, хорошо поняла, поднял с земли несчастную мать и понес ее вместе с сыном. Потрясенная толпа почтительно расступилась перед ним.

Альвец был взбешен. Упустить сначала одного пленника, а затем оставаться безучастным свидетелем того, как ускользают двое остальных, а вместе с ними и надежда на большую награду, обещанную ему Негоро, — нет, Альвец не мог примириться с этим, хотя бы всему Казонде грозила гибель от нового всемирного потопа!

Он попытался воспротивиться похищению. Но тогда гнев толпы обратился против него. Королева приказала страже схватить Альвеца, и, понимая, что сопротивление может дорого обойтись, работороговец смирился. Но как проклинал он в душе дурацкое легкоеверие подданных королевы Муаны!

Дикари действительно думали, что тучи уйдут вместе с теми, кто их накликать; они не сомневались, что кудесник кровью чужеземцев умиловит злых духов и прогонит прочь от Казонде дожди, от которых так страдал весь край.

Между тем мганнга нес свои жертвы так же легко, как лев тащит в своей могучей пасти пару козлят. Маленький Джек дрожал от страха, а миссис Уэлдон была без сознания. Обезумевшая от ярости толпа с воплями следовала за колдуном.

Он вышел из фактории, пересек Казонде, ступил под своды леса и тем же твердым и размеренным шагом прошел больше трех миль. Мало-помалу дикари начали отставать. Наконец, и последние повернули назад, поняв, что колдун хочет остаться один. А колдун, не оборачиваясь, все шагал вперед, пока не дошел до берега реки, быстрые воды которой текли на север. Здесь, в глубине узкой бухты, скрытой от глаз густым кустарником, он нашел пирог с соломенной кровлей.

Немой мганнга опустил на дно пирога свою ношу, столкнул легкое суденышко в воду и, когда быстрое течение подхватило его, сказал звучным голосом:

— Капитан, позвольте вам представить миссис Уэлдон и ее сына! А теперь в путь, и пусть в Казонде все тучи небесные прольются ливнем над головами этих идиотов!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Вниз по течению

Слова эти произнес Геркулес, неузнаваемый в облачении колдуна; обращался он не к кому иному, как к Дику Сэнду. Юноша лежал в лодке. Он был еще очень слаб и только с помощью кузена Бенедикта мог приподняться навстречу вновь прибывшим. Динго сидел у ног ученого.

Миссис Уэлдон, придя в сознание, чуть слышно сказала:

— Это ты, Дик? Ты?..

Юноша попытался встать, но миссис Уэлдон поспешила заключить его в свои объятия. Маленький Джек тоже обнял и стал целовать Дика Сэнда.

— Мой друг Дик, мой милый Дик! — повторял мальчик. Затем, повернувшись к Геркулесу, он добавил: — А я и не узнал тебя!

— Хороший был маскарад! — смеясь, сказал Геркулес.

И он принялся стирать с груди белый узор.

— Фу, какой ты некрасивый! — сказал маленький Джек.

— Что ж тут удивительного? Я изображал черта, а черт, как известно, некрасив.

— Геркулес! Друг мой! — воскликнула миссис Уэлдон, протягивая руку смелому негру.

— Он спас и меня, — сказал Дик Сэнд. — Но только не хочет, чтобы об этом говорили.

— Спас, спас... Рано еще говорить о спасении! — ответил Геркулес. — Да если бы не явился господин Бенедикт и не сказал мне, где вы находитесь, миссис Уэлдон, мы вообще ничего не могли бы сделать.

Геркулес напал на ученого, когда тот, увлекшись преследованием своей драгоценной мантикоры, углубился в лес, отдалившись от фактории на две мили. Не будь этого, Дик и Геркулес так и не узнали бы, где работороговец скрывает миссис Уэлдон, и Геркулесу не пришла бы в голову мысль пробраться в Казонде под видом колдуна.

Пирога плыла по течению. Геркулес рассказал миссис Уэлдон все, что произошло со времени его бегства из лагеря на Кванзе: как он незаметно следовал за китандой, в которой несли миссис Уэлдон и ее сына; как он нашел раненого Динго и они вместе добрались до окрестностей Казонде; как он послал Дику записку с Динго, сообщив в ней, что случилось с миссис Уэлдон; как после неожиданного появления кузена Бенедикта он тщетно пытался проникнуть в факторию, которую охраняли очень строго; как, наконец, он нашел способ вырвать пленников из рук ужасного Хозе-Антонио Альвеца.

Случилось это так. Геркулес, по обыкновению, бродил по лесу, следя за всем, что делается в фактории, готовый воспользоваться любым случаем, чтобы проникнуть за ее ограду, и вдруг мимо него прошел мганнга — тот самый северный колдун, кото-

рого так нетерпеливо ожидали в Казонде. Напасть на мгнангу, снять с него одежды и украшения, облачиться в них самому, привязать ограбленного к дереву лианами так, что сам черт не мог бы распутать узлы,— все это заняло не так уж много времени. Затем он раскрасил себе тело, беря за образец привязанного мгнангу. Оставалось только разыграть роль заклинателя дождей, что и удалось блестяще благодаря поразительной доверчивости дикарей.

Миссис Уэлдон обратила внимание на то, что Геркулес не упомянул в своем рассказе о Дике Сэнде.

— А ты, Дик? — спросила она.

— Я, миссис Уэлдон? — ответил юноша. — Я ничего не могу рассказать вам. Последняя моя мысль была о вас, о Джеке!.. Я напрасно пытался порвать лианы, которыми был привязан к столбу... Вода уже захлестнула меня, поднялась выше головы... Я потерял сознание. Когда я пришел в себя, то оказался в укромном уголке в зарослях папируса, а Геркулес заботливо ухаживал за мной...

— Еще бы! Я теперь лекарь, знахарь, колдун, волшебник и предсказатель!

— Геркулес, — сказала миссис Уэлдон, — вы должны рассказать, как вы спасли Дика.

— Разве это я его спас? — возразил великан. — Разве не мог поток, хлынувший в старое русло, опрокинуть столб и унести с собой Дика? Мне оставалось только выловить из воды нашего капитана. Впрочем, разве уж так трудно было в темноте соскользнуть в могилу и, спрятавшись среди убитых, подождать, когда спустят плотину? Разве трудно было подплыть к столбу, поднатужиться и выдернуть столб вместе с привязанным к нему капитаном? Нет, это было вовсе не трудно. Кто угодно мог бы это сделать. Вот хотя бы господин Бенедикт... или Динго! В самом деле, уж не Динго ли и сделал это?

Услышав свое имя, Динго весело залаял.

Джек, обняв ручонками большую голову пса и ласково его похлопывая, заговорил с ним:

— Динго, это ты спас нашего друга Дика?

И тут же покачал голову собаки справа налево и слева направо.

— Динго говорит «нет», — сказал Джек. — Ты видишь, Геркулес, это не он! Скажи, Динго, а не Геркулес ли спас капитана Дика?

И мальчик заставил собаку несколько раз кивнуть головой.

— Динго говорит «да»! Он говорит «да»! — воскликнул Джек. — Вот видишь, значит, это ты?

— Ай, ай, Динго, — ответил Геркулес, лаская собаку, — как тебе не стыдно! Ведь ты обещал не выдавать меня!

Да, действительно Геркулес, рискуя собственной жизнью, спас Дика Сэнда! Но из скромности он долго не хотел признаться в этом. Впрочем, сам он не видел ничего героического в своем

поведении и утверждал, что каждый на его месте поступил бы точно так же.

Конечно, вслед за этим разговор зашел о несчастных товарищах Геркулеса — о Томе, его сыне Бате, об Актеоне и Остине. Несчастных гнали теперь в область Больших озер. Геркулес видел их в рядах невольничьего каравана. Он некоторое время шел следом за караваном, но установить связь с товарищами ему не удалось. Угнали бедняг. Плохи их дела! И по лицу Геркулеса, только что сиявшему добродушной улыбкой, потекли крупные слезы. Великан и не пытался скрыть их.

— Не плачьте, друг мой, — сказала миссис Уэлдон. — Я верю, бог милостив, и когда-нибудь мы еще свидимся с ними.

В нескольких словах миссис Уэлдон рассказала Дик Сэнду обо всем, что произошло в фактории Альвеца.

— Быть может, — заметила она в заключение, — нам безопаснее было бы оставаться в Казонде.

— Значит, я оказал вам медвежью услугу! — воскликнул Геркулес.

— Нет, Геркулес, нет! — возразил Дик Сэнд. — Эти негодяи, несомненно, постараются заманить мистера Уэлдона в ловушку. Мы должны бежать все вместе и немедленно, чтобы прибыть на побережье раньше, чем Негоро вернется в Моссамедес. Там португальские власти возьмут нас под свое покровительство, и когда Альвец явится за своей сотней тысяч долларов...

— Он получит сто тысяч ударов палкой по голове, старый негодяй! — вскричал Геркулес. — И я никому не уступлю удовольствия заплатить ему сполна по этому счету!

О возвращении миссис Уэлдон в Казонде, конечно, не могло быть и речи. Следовательно, нужно было непременно опередить Негоро. Дик Сэнд решил приложить все усилия, чтобы добиться этого.

Наконец-то молодому капитану удалось привести в исполнение давно задуманный план: спуститься по течению реки к океанскому побережью.

Река текла на север. Можно было предположить, что она впадает в Конго. В этом случае вместо Сан-Паоло-де-Луанда Дик Сэнд и его спутники очутятся в устье Конго. Такая перспектива нисколько не смущала их, так как в колониях Нижней Гвинеи они, несомненно, могли рассчитывать на такую же помощь, как и в Сан-Паоло-де-Луанда.

Дик рассчитывал совершить это путешествие на плавучем, заросшем травой островке¹, которые во множестве плывут по течению африканских рек. Однако Геркулесу во время его скитаний посчастливилось наткнуться на пирогу. Случай сослужил хорошую службу. Ничего лучшего и желать было нельзя. Найденная Геркулесом пирога не похожа была на обычный узкий

---

¹ Камерон часто упоминает о плавучих островах. (Примеч. авт.)

челнок, на каких туземцы разъезжают по рекам. Это была вместительная лодка тридцати футов в длину и четырех в ширину; эти лодки рассчитаны на несколько гребцов, и как быстро они несутся под ударами весел на просторе больших озер. Миссис Уэлдон и ее спутники удобно разместились в пироге. Быстрое течение легко несло ее вниз по реке, и достаточно было одного кормового весла, чтобы ею управлять.

Вначале Дик решил плыть только по ночам, чтобы не попасться на глаза туземцам. Но если ехать только двенадцать часов из двадцати четырех, продолжительность путешествия возрастет вдвое. Тогда Дик пришла на ум счастливая мысль: замаскировать пирогу навесом из травы. Этот навес опирался на длинные шесты, выступавшие впереди носа и позади кормы. Трава, свисая до самой воды, скрывала даже кормовое весло. Замаскированная пирога казалась обыкновенным плавучим островком. Она могла плыть и днем, не привлекая ничьего внимания. Навес над пирогой обманывал даже птиц — красноклювых чаек, «архингов» с черным оперением, белых и серых зимородков, — они садились на него, чтобы поклевать зернышек.

Зеленый навес не только маскировал пирогу, но и защищал пассажиров от палящего солнца. Такое плавание не было очень утомительным, но оно все же было опасным.

Путь до океана предстоял долгий, и на всем его протяжении нужно было добывать пропитание для пяти человек. Надо было охотиться на берегах реки, так как одна рыбная ловля не могла прокормить беглецов. А между тем Дик Сэнд располагал только одним ружьем, которое унес с собой во время бегства Геркулес, и очень небольшим запасом зарядов; каждый патрон был на счету. Но Дик не хотел тратить зря ни одного выстрела. Быть может, укрываясь в лодке под навесом и высунув дуло ружья, удастся стрелять более метко, как охотнику, притаившемуся в засаде.

Пирога плыла по течению со скоростью не менее двух миль в час. Дик Сэнд полагал, что за сутки она пройдет около пятидесяти миль. Но быстрое течение требовало от рулевого неустанной бдительности, чтобы огибать препятствия: подводные камни, мели и стволы деревьев. К тому же такая стремительность течения наводила на мысль, что впереди могли оказаться пороги и водопады, весьма часто встречающиеся на африканских реках.

Дик Сэнд, которому радость свидания вернула силы, принял на себя командование и занял место на носу пироги. Сквозь щели в травяном навесе он следил за фарватером реки и успевал давать указания Геркулесу, управлявшему кормовым веслом.

Миссис Уэлдон лежала на подстилке из сухих листьев посреди пироги. Кузен Бенедикт, хмурый и недовольный, сидел у борта, скрестив на груди руки. Временами он машинально подносил руку к переносице, чтобы поднять на лоб очки... которых у него не было. Он с грустью вспоминал драгоценную коллекцию и

энтомологические заметки, оставшиеся в Казонде. Разве поймут дикари, какое сокровище досталось им! Когда взгляд его случайно останавливался на Геркулесе, ученый недовольно морщился, ибо до сих пор не мог простить великану, что тот осмелился помешать ему преследовать мантикору.

Маленький Джек понимал, что шуметь нельзя, но так как никто не запрещал ему двигаться, он, подражая своему другу Динго, ползал на четвереньках по всей пироге.

В продолжение двух первых дней плавания путешественники питались теми запасами, какие Геркулес собрал перед отъездом. Дик Сэнд только по ночам останавливал пирогу, чтобы дать себе несколько часов отдыха. Но он не высаживался на берег: Дик не хотел рисковать без нужды и твердо решил выходить на сушу лишь в тех случаях, когда необходимо будет пополнить запас провизии.

Пока что плавание по течению неизвестной реки не ознаменовалось никакими происшествиями. Ширина реки в среднем не превышала ста пятидесяти футов. По течению двигалось несколько плавучих островков, но, так какплыли они с той же скоростью, что и пирога, можно было не опасаться столкновений, если только их не остановит какая-нибудь преграда.

Берега казались безлюдными: эта часть территории Казонде, очевидно, была мало населена. Пирогaplыла среди двух рядов зарослей, где, блистая яркими красками, теснились ласточник, шпажник, лилии, ломонос, бальзаминовые и зонтичные растения, алоэ, древовидные папоротники, благоухающие кустарники — несравненная по красоте кайма. Иногда опушка леса подступала к самой реке. Вода омывала копаловые деревья, акации с жесткой листвой, «железные деревья» — баугинии, у которых ствол с северной, наветренной стороны, словно мехом, оброс лишайниками; смоковницы, которые, как манговые деревья, поднимались на воздушных корнях, похожих на сваи, и много других великолепных деревьев склонялось над рекой. Деревья-исполины, вздымающиеся вверх на сто футов, переплетаясь ветвями, покрывали реку сводом, не проницаемым для солнечных лучей. Кое-где лианы перекидывали с берега на берег свои стебли, образуя висячие мосты. Двадцать седьмого июня путешественники увидели, как по такому мостику переправлялась стая обезьян. Животные, сцепившись хвостами, образовали живую цепь на случай, если мост не выдержит их тяжести. Зрелище это привело в восторг маленького Джека.

Обезьяны принадлежали к породе маленьких шимпанзе, которых в Центральной Африке называют «соко», и отличались довольно противной мордой: низкий лоб, светло-желтые щеки, высоко поставленные уши. Они живут стаями по десятку, лают, как собаки, и внушают страх туземцам, потому что, случается, похищают детей, царапают и кусают их. Проходя по мостику из лиан, они и не подозревали, что под кучей трав, гонимой течением, находится маленький мальчик, из которого они сделали бы

для себя забаву. Значит, маскировка, придуманная Диком Сэндом, была хорошо сделана, если даже эти зоркие животные были введены в заблуждение.

В тот же день под вечер пирога внезапно остановилась.

— Что случилось? — спросил Геркулес, бессменно стоявший у рулевого весла.

— Запруда, — ответил Дик Сэнд. — Но запруда естественная.

— Раздушим ее, Дик? — спросил Геркулес.

— Да, Геркулес. Придется действовать топором. Запруда, очевидно, крепкая — на нее наткнулось несколько плавучих островков, и она устояла.

— Что ж, за дело, капитан! — сказал Геркулес, переходя на нос пироги.

Запруду образовала трава «тикатика», гибкие стебли которой и длинные глянцевиые листья, переплетаясь, спрессовываются в плотную массу, похожую на войлок. По такому сплетению трав можно переправиться через реку, как по мосту, если не бояться увязнуть по колено в этом травяном настиле. Поразительной красоты лотосы цвели на поверхности этой запруды.

Уже стемнело, и Геркулес без риска мог выбраться из лодки. Ловко орудуя топором, он менее чем за два часа перерубил посередине сплетение трав. Запруда распалась, течение медленно отнесло к берегам обе ее части, и пирога снова поплыла вниз по реке.

Следует ли об этом говорить? Большой ребенок, кузен Бенедикт сначала надеялся, что Геркулесу не удастся одолеть преграду и лодка застрянет. Плавание по реке казалось ученому нестерпимо скучным. Он с сожалением вспоминал факторию Альвеца, свою хижину и драгоценную жестяную коробку с коллекциями. Он был так несчастен, что всем стало жалко его. В самом деле, ни одного насекомого! Ни единого!

Какова же была радость кузена Бенедикта, когда Геркулес, которого он считал своим «учеником», принес ему какое-то безобразное насекомое, найденное в запруде на стебле «тикатика». Странное дело: Геркулес, казалось, был чем-то смущен, передавая свой подарок ученому.

Кузен Бенедикт осторожно зажал насекомое между большим и указательным пальцами и поднес его к самым глазам, с тоской вспомнив о лупе и очках, — как бы они емугодились сейчас!

Вдруг ученый взволнованно крикнул:

— Геркулес! Геркулес! Ты заслужил полное прощение. Кузина Уэлдон! Дик! Это единственное в своем роде насекомое и к тому же, несомненно, африканское! Уж этого-то никто не посмеет отрицать.

— Значит, это действительно ценная находка? — спросила миссис Уэлдон.

— Вы сомневаетесь в этом?! — вскричал кузен Бенедикт. —

Насекомое, которое нельзя отнести ни к жесткокрылым, ни к сетчатокрылым, ни к перепончатокрылым!. Насекомое, которое не принадлежит ни к одному из десяти известных науке отрядов... Пожалуй, можно было бы отнести его к группе паукообразных!. Насекомое, очень похожее на паука! Насекомое, которое было бы пауком, если бы у него было восемь лапок, и которое все-таки остается насекомым, так как у него только шесть лапок. Ах, друзья мои, мог ли я ждать такого счастья?! Несомненно, мое имя войдет в науку! Это насекомое мое будет названо «Hexapodes Benedictus»¹.

Радость ученого была так велика, что, оседлав своего любимого конька, он совершенно забыл о всех перенесенных и еще предстоящих испытаниях. Миссис Уэлдон и Дик от души поздравляли его с находкой.

Между тем пирога продолжала плыть по темной реке. Ночную тишину нарушали только возня гиппопотамов и шуршание крокодилов, ползавших по берегу.

Над верхушками деревьев взошла полная луна. Мягкий свет ее проник сквозь щели в навесе и озарил внутренность пироги.

Вдруг на правом берегу послышался какой-то глухой шум, как будто в темноте заработало одновременно несколько насосов. Это большое стадо слонов, досыта наевшись за день волокнистых стеблей растений, перед сном пришло на водопой. Хоботы их поднимались и опускались с равномерностью механизма. Казалось, громадные животные намерены были осушить всю реку.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Разные события

Следующие восемь дней пирога продолжала спускаться по течению. Ничего примечательного за эти дни не произошло. На протяжении многих миль река протекала среди великолепных лесов. Затем леса кончились, и вдоль обоих берегов потянулись нескончаемые джунгли.

И эта местность также казалась безлюдной. Дик Сэнд, разумеется, нисколько не был этим огорчен. Зато кругом было великое множество животных. По берегам проносились зебры, из зарослей выходили лоси и очень грациозные антилопы «камы». Вечером эти мирные животные исчезали, уступая место леопардам и львам, оглашавшим воздух грозным рычанием и ревом. Однако беглецы до сих пор не имели столкновений ни с речными, ни с лесными хищниками.

Каждый день, чаще всего в послеобеденные часы, Дик направлял пирогу к тому или другому берегу, причаливал и высаживался на землю.

Маленькому отряду приходилось возобновлять запасы про-

---

¹ «Шестиног Бенедикта» (лат.).

довольствия. В этих диких местах нельзя было рассчитывать ни на фрукты, ни на маниоку, ни на сорго, ни на маис, которые составляют главную пищу туземцев. Вернее, все это росло здесь, но в диком виде, и было не пригодно для еды. Дик Сэнд вынужден был охотиться, хотя звуки выстрелов могли привлечь внимание туземцев.

Путешественники добывали огонь, вращая с большой скоростью деревянную палочку в углублении, сделанном в сухой ветви смоковницы. Этот способ они заимствовали у дикарей; говорят, однако, что таким же способом добывают огонь и некоторые гориллы. На костре жарили мясо антилопы или лося, заготавливая пищу впрок, сразу на несколько дней.

Четвертого июля Дик удалось одним выстрелом уложить на месте каму, которая дала им изрядный запас мяса. Это было животное длиною в пять футов, с большими, загнутыми назад рогами, с рыжеватой шерстью, усеянной блестящими пятнышками, и белым брюхом. Мясо его все беглецы признали превосходным.

Из-за ежедневных остановок для ночного отдыха и охоты пи-рога к восьмому июля прошла в общей сложности лишь около ста миль. Однако проехать в Центральной Африке сто миль — дело немалое. Дик уже начинал задумываться, куда заведет их эта река, казавшаяся бесконечно длинной. До сих пор она во-брала в себя лишь несколько мелких притоков, и незаметно было, чтобы она сколько-нибудь расширилась. Сначала река текла прямо на север, но теперь она повернула на северо-запад.

Река тоже доставляла путникам свою долю пищи. Вместо удочек они забрасывали длинную лиану, а вместо крючка привязывали на конце лианы колючку. Так они ловили санджику — мелкую рыбешку, очень нежную на вкус, которая долго сохраняется в копченом виде, довольно вкусных черных «узаков», «монн-десов», с крупной головой и жесткой щетиной вместо зубов, маленьких «дагала», любящих проточную воду и принадлежащих к породе сельдей, — они напоминают уклек, которые ловятся в Темзе.

Девятого июля днем мужество Дика Сэнда подверглось новому испытанию. Юноша был один на берегу. Он подстерегал каму, рога которой виднелись над зарослью кустарника. Как только он выстрелил, откуда ни возьмись, в тридцати шагах от него, выскочил другой и очень страшный охотник. Он явился за своей добычей и, видимо, не собирался ее уступать.

Это был огромный лев, по меньшей мере пяти футов ростом, из той породы, которую туземцы называют «карамо», — они совсем не похожи на так называемых «ньясских львов», лишенных гривы. Одним прыжком лев очутился возле камы, подстреленной Диком Сэндом. С жалобным криком бедное животное судорожно забилось под когтистыми лапами грозного хищника.

Ружье Дика Сэнда было разряжено. Прежде чем юноша успел заложить новый заряд, лев заметил его.

У Дика хватило самообладания остановиться на месте, не делая ни малейшего движения. Он вспомнил, что в такие моменты полная неподвижность бывает иногда спасительна. Он не пытался ни бежать, ни перезарядить ружье.

Налитые кровью кошачьи глаза льва неотступно следили за ним. Хищник, казалось, не знал, какую добычу предпочесть: ту ли, что билась под его лапой, или ту, что стояла неподвижно.

Если бы кама не извивалась под когтями льва, Дик Сэнд пришел бы конец.

Так прошли долгие две минуты. Лев смотрел на Дика Сэнда, а Дик Сэнд смотрел на льва, даже не моргая.

Наконец лев сделал выбор. Мощным движением он схватил в пасть еще живую, трепещущую каму и унес ее, как собака уносит зайца; Дик видел, как бил по кустам его жесткий хвост, как лев исчез в густой чаще леса.

Из осторожности Дик стоял неподвижно еще несколько секунд, потом вернулся к своим спутникам; он ничего не сказал им об опасности, от которой он спасся благодаря своему хладнокровию. Если бы беглецы неплыли по быстрой реке, а пробирались по равнинам и лесам, где водятся такие хищники, то, быть может, ни одного из потерпевших крушение на «Пилигриме» уже не было бы в живых.

Нигде не было видно людей. Края эти казались необитаемыми. Но не всегда они были такими. В иных местах, где берега были отлогими, попадались следы деревень. Опытные путешественники, не раз посещавшие эту область Африки, как Дэвид Линвингстон, безошибочно угадали бы это. Бросив взгляд на высокие живые изгороди, сохранившиеся дольше соломенных хижин, на одиноко растущую за оградой священную смоковницу, он сразу признал бы, что здесь было когда-то селение. По обычаю многих африканских племен, после смерти вождя жители покидают свою деревню и переселяются на новое место.

Возможно также, что здесь, как и в других областях Центральной Африки, жили племена, которые не строят домов, но селятся в ямах, вырытых в земле. Эти дикари стоят на самой низкой ступени развития человечества, они выходят из своих жилищ только по ночам, как хищники из берлог, и так же, как с хищниками, встреча с ними очень опасна.

Дик Сэнд не сомневался, что жители этих мест людоеды. Раз три-четыре ему попадались на лесных полянах в золе угасшего костра обгоревшие кости человеческого скелета — объедки ужасного пиршества. Случай мог привести этих людоедов на берег реки как раз в то время, когда Дик Сэнд там охотился. Поэтому он высаживался на сушу как можно реже и всякий раз брал с Геркулеса слово, что при малейшей тревоге, не дожидаясь его возвращения, он тотчас же отчалит от берега. Геркулес давал требуемое обещание, но все время, что Дик Сэнд находился на берегу, очень тревожился, и ему стоило больших усилий скрывать свое беспокойство от миссис Уэлдон.

Вечером 10 июля Дику Сэнду и Геркулесу пришлось пережить несколько тяжелых минут. На правом берегу реки вдали показался ряд свайных построек. Река расширялась там, образуя небольшую бухту. В этой бухте виднелись сваи помоста, на котором стояло около тридцати хижин. Течение несло пирогу прямо на сваи, и лодка должна была проплыть между ними. Уклониться в сторону не было возможности, так как у левого берега реки нельзя было пробраться — там из воды торчали камни.

Деревня была обитаемой. Над тихой рекой разносилось пение, подобное волчьему вою. В нескольких хижинах светились огоньки. Если бы оказалось, как это часто бывает, что дикари протянули сети между сваями, то положение путешественников стало бы критическим: пирога запуталась бы в сетях, а пока бы ее высвобождали, вся деревня поднялась бы на ноги.

Понизив голос до шепота, Дик Сэнд, стоя на носу, подавал команду, лавируя так, чтобы лодка не наткнулась на эти осклизлые столбы. Ночь была светлая. Это облегчало управление пирогой, но и заметить ее было легче в такую ночь.

Настала страшная минута. На помосте, над самой водой, сидели два туземца. Увлекаемая течением, пирога должна была пройти как раз под ними, и нельзя было свернуть в сторону — проход был очень узкий. Туземцы не могли не заметить лодку. Что, если они поднимут тревогу и разбудят все селение?

Всего какая-нибудь сотня футов отделяла пирогу от свай, и вдруг туземцы всполошились и заговорили громко. Один из них вскочил и указал другому на спускающийся по течению «плавающий островок», который грозил изодрать в клочья только что поставленные ими сети из лиан.

Тотчас же оба начали поспешно вытаскивать сети из воды и громкими криками призывали на помощь соплеменников.

Несколько дикарей выбежали из своих хижин и, бросившись на помост, подняли невообразимый крик.

Зато в пироге царила полная тишина, если не считать приказаний, которые шепотом отдавал Дик Сэнд; полная неподвижность, если не считать чуть заметных движений, какими Геркулес управлял рулевым веслом. Маленький Джек сжимал ручонками палку Динго, чтобы тот не залаял, и пел лишь глухо ворчал; вода с тихим плеском набегала на сваи. А на помосте царила дикая сумятица и раздавались злобные вопли дикарей. Если они успеют убрать свои сети до того, как пирога войдет в проход между сваями, все кончится благополучно. Если нет — пирога застрянет и тогда всем ее пассажирам грозит гибель. Ни остановить пирогу, ни изменить направления движения Дик Сэнд не мог: сваи стеснили реку, и она неслась в этом месте с необычайной стремительностью.

Пирога вступила под помост, и как раз в эту секунду — о счастье! — дикари последним усилием вытащили свои сети из воды. Но тут травяной навес пироги зацепился за сваю, и вся правая сторона его мгновенно была сорвана.

Один из дикарей громко вскрикнул. Успел ли он разглядеть, что скрывалось под навесом? Предупредил ли он своим криком соплеменников? Это было более чем вероятно.

Но как бы там ни было, Дик Сэнд и его товарищи находились уже вне пределов досягаемости. Поток мчал их вперед, и скоро огни свайной деревни скрылись из виду.

— Держать к левому берегу! — скомандовал на всякий случай Дик Сэнд. — Подводных камней больше нет!

— Есть держать к левому берегу! — повторил Геркулес и круто повернул пирогу.

Дик Сэнд перешел на корму и, обернувшись назад, стал пристально вглядываться в освещенную луной поверхность воды. Однако ничего подозрительного он не заметил. Ни одна лодка не преследовала их. Вероятнее всего, у дикарей не было пирога.

Настал день, а дикари не показывались ни на берегу, ни на реке. Однако из осторожности Дик Сэнд продолжал вести пирогу вдоль левого берега.

В течение следующих четырех дней, с одиннадцатого по четырнадцатое июля, путешественники начали замечать, что вид местности очень изменился. Перед их глазами был теперь не только пустынный край, но самая настоящая пустыня, вроде той пустыни Калахари, которую Ливингстон исследовал во время первого своего путешествия. После радовавших взор плодородных долин в верховьях реки эта голая равнина казалась особенно угрюмой.

А река все тянулась вдаль бесконечной голубой лентой и, по всей видимости, должна была впадать в Атлантический океан.

В этих бесплодных местах нелегко было добывать пропитание для пяти человек. От старых запасов продовольствия не осталось и следа. Рыбная ловля давала мало, охота больше ничего не давала. Антилопы и другие травоядные животные здесь не водились, для них не нашлось бы никакого корма, а без них и хищникам тут нечего было делать.

Поэтому по ночам уже не слышно было ставшего привычным рычания львов. Ночную тишину нарушали только лягушачьи концерты, которые Камерон сравнивает с шумами, раздающимися на кораблестроительной верфи, когда там конопатят, бурят и заклепывают морские суда.

Плоская, безлесная, выжженная солнцем равнина тянулась по обоим берегам реки вплоть до отдаленных холмов, замыкавших горизонт на востоке и западе. На этой равнине рос только молочайник, но не та его разновидность, из которой добывается мучнистая масса, кассава, а молочайник, дающий лишь негодное в пищу масло.

Дик Сэнд не знал, что и делать с продовольствием, но тут Геркулес напомнил ему, что туземцы употребляют в пищу молодые побеги папоротника и мякоть, содержащуюся в стеблях папируса. Сам Геркулес не раз утолял таким образом свой голод,

когда он пробирался по лесам вслед за китандой миссис Уэлдон. К счастью, папоротник и папирус в изобилии росли по берегам реки. Сладкая сердцевина папируса понравилась всем путешественникам, а маленькому Джеку в особенности.

Однако это кушанье не отличалось особо питательными свойствами, и если бы не помощь кузена Бенедикта, путешественникам пришлось бы плохо. Со времени находки «шестиного Бенедикта», которая должна была обессмертить его имя, энтомолог снова обрел бодрость и хорошее расположение духа. Спрятав насекомое в надежное место — в тулью своей шляпы, кузен Бенедикт пользовался каждой стоянкой у берега, чтобы продолжать свои исследования. Однажды, шаря в высокой траве, он спугнул какую-то птичку, заинтересовавшую его своим оперением.

Дик Сэнд хотел было застрелить ее, но ученый закричал:

— Не стреляйте, Дик! Не стреляйте! Все равно одной этой птички не хватит на пять человек.

— Но зато хватит одному Джеку, — возразил Дик Сэнд, вторично прицеливаясь в птичку, которая не спешила улететь.

— Нет! Нет! — воскликнул кузен Бенедикт. — Не стреляйте. Это «наводчица», она укажет нам место, где много меду.

Дик Сэнд опустил ружье — ведь несколько фунтов меду ценнее, чем одна птичка. Вместе с кузенем Бенедиктом он пошел за птичкой, которая, то взлетая, то опускаясь на землю, словно приглашала охотников следовать за собой. Им не пришлось далеко ходить: среди зарослей молочайника они увидели старый дуплистый пенек, вокруг которого с жужжанием носились пчелы.

Кузену Бенедикту не хотелось лишать этих перепончаток крылых «плода их трудов», как он выразился. Но Дик держался на этот счет другого мнения. Он зажег охапку сухой травы, выкурил пчел из улья и набрал изрядное количество меда. Затем, предоставив птичке-«наводчице» поживиться пчелиными личинками, составлявшими ее долю добычи, он вместе с кузенем Бенедиктом вернулся к пироге.

Мед встретили с восторгом, но в конце концов этого было мало, и путники очень страдали от голода, пока 12 июля, причалив пирогу к берегу, они не увидели, что вся земля, как ковром, устлана саранчой. Здесь было много миллиардов этих насекомых, которые в два, а местами даже в три слоя покрывали траву и кусты. Кузен Бенедикт сейчас же вспомнил, что туземцы употребляют саранчу в пищу. Путешественники тотчас бросились собирать ее и набрали так много этой «манны небесной», что можно было нагрузить десять лодок. Поджаренная на слабом огне, саранча представляла собой кушанье, которое пришлось бы по вкусу даже менее голодным людям. Правда, кузен Бенедикт вздыхал, но все же ел и, несмотря на свои вздохи, съел немало саранчи.

Где же конец этой длинной веренице физических и нравственных испытаний? Правда, плыть по течению быстрой реки

было не так утомительно, как странствовать по лесам в поисках «гациенды» Гэрриса. Но все же палящий зной днем, влажные туманы ночью и непрестанные нападения moskitov вконец измучили их. Да, пора было уже добраться до цели. И, однако, Дик не видел еще конца этому путешествию. Сколько времени еще продлится плавание? Неделю, месяц? Никто не мог подсказать ответа на этот вопрос. Если бы река действительно текла на запад, течение ее принесло бы путешественников прямо к португальским поселениям, расположенным на побережье Анголы. Дик Сэнд надеялся, что так и случится; но река текла скорее к северу, и вполне возможно было, что она еще очень нескоро доставит их к берегу океана.

Дик Сэнд был крайне обеспокоен, как вдруг утром 14 июля направление реки внезапно изменилось. Маленький Джек находился на носу лодки и глядел сквозь травяной навес, — на горизонте показалось большое водное пространство.

— Море! — закричал мальчик.

При этих словах Дик Сэнд встрепенулся и подошел к Джеку.

— Море? — повторил он. — Нет еще, но, по крайней мере, большая река, она течет на запад, а наша река была только ее притоком. Может быть, это сам Заир?

— Да услышит тебя бог, Дик! — отозвалась миссис Уэлдон.

Да, если это был Заир, или Конго, который Стенли открыл через несколько лет, то оставалось бы только плыть по его течению до самого устья, чтобы достичь португальских поселений, расположенных там. Дик Сэнд надеялся, что так и будет, и у него были основания это думать.

Пятнадцатого, шестнадцатого, семнадцатого и восемнадцатого июля пирога плыла по серебристой поверхности широкой реки. Ее берега уже не были так бесплодны. Но Дик Сэнд продолжал соблюдать осторожность. По-прежнему навес из трав укрывал пирогу, и казалось, что по течению плывет не лодка, а небольшой плывучий островок.

Еще несколько дней — и настанет конец бедствиям пассажиров «Пилигрима»! За это время каждый из них проявил немало самоотверженности и героизма и заслуживал признательности; если Дик Сэнд не признавал, что его доля была здесь самой большой, то это признавали его друзья, и можно было не сомневаться, что миссис Уэлдон позаботится о нем.

Но 18 июля ночью произошло событие, которое чуть не стоило всем жизни, могло бы гибельно отразиться на всех, лишить их всякой надежды на спасение.

Около трех часов пополудни вдалеке послышался какой-то глухой шум. Дик встревожился и никак не мог себе уяснить, что производит этот шум. Не желая будить миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта, которые спали, лежа под навесом, он вызвал Геркулеса на нос лодки и попросил его хорошенько прислушаться.

Ночь была тихая. В воздухе не ощущалось ни малейшего дуновения.

— Это шум моря! — сказал Геркулес, и глаза его засверкали от радости.

— Нет, — возразил Дик Сэнд, покачив головой, — это не море.

— Что же это? — спросил Геркулес.

— Дождемся утра, узнаем. А пока что будем настороже.

Геркулес вернулся на корму к своему веслу, а Дик Сэнд остался на носу лодки. Он напряженно прислушивался. Шум все усиливался. Вскоре он превратился в отдаленный рев.

День настал сразу, почти без зари. На расстоянии полумили вниз по течению над рекой в воздухе парило нечто вроде облака. Но то не был туман, и Дик Сэнд понял это, когда при первых же лучах солнца, пересекая это облако, с одного берега на другой перекинулась великолепная радуга.

— К берегу! — во весь голос крикнул Дик Сэнд, и голос его разбудил миссис Уэлдон. — Впереди водопад! Это облако не что иное, как водяные брызги! К берегу, Геркулес!

Дик Сэнд не ошибался. Русло реки внезапно обрывалось отвесной стеной высотой в сто футов, и река низвергалась с нее стремительным, величественным водопадом. Еще полмили, и пирога была бы увлечена в пропасть.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

«С. В.»

Геркулес мощным ударом весла направил лодку к левому берегу. По счастью, скорость течения пока еще не увеличилась, так как русло реки почти до самого водопада сохраняло тот же пологий уклон. Лишь в трехстах — четырехстах футах от водопада дно круто обрывалось, и река с неукротимой силой несла к обрыву свои воды.

На левом берегу темнел густой, девственный лес. Ни один луч света не проникал сквозь сплошную завесу его листвы. Дик Сэнд с ужасом смотрел на эту землю, где жили людоеды; теперь путешественникам предстояло идти пешком вдоль берега, так как нечего было и думать перетащить пирогу волоком, в обход водопада. Это было не по силам маленькому отряду.

Какой жестокий удар для измученных людей, которые надеялись не сегодня завтра прибыть в португальские поселения, расположенные в устье реки!

Пирога уже подходила к левому берегу. По мере того как она приближалась к земле, Динго проявлял все большее беспокойство.

Дик Сэнд — он был всегда настороже, ведь опасности грозили со всех сторон, — не спускал глаз с собаки и спрашивал себя: не скрываются ли в чаще леса дикари или хищные звери? Но вскоре он понял, что не это беспокоит Динго.

— Смотрите, Динго как будто плачет! — воскликнул маленький Джек.

И он обвил ручонками шею умного пса.

Но Динго вырвался из объятий мальчика и прыгнул в воду. Прежде чем пирога коснулась берега, он уже успел скрыться в высокой траве.

Дик Сэнд и миссис Уэлдон переглянулись, не зная, что подумать. Через несколько секунд пирога мягко врезалась носом в зеленую толщу водорослей. Вспугнутые приближением людей, с резким криком взлетели в воздух несколько зимородков и снежно-белых цапель. Геркулес крепко привязал пирогу к стволу склонившейся над водой мангиферы, и все путешественники вышли на берег.

В лесу не было тропинок, и, однако, примята во многих местах трава свидетельствовала о том, что здесь недавно прошли люди или были звери.

Дик Сэнд с заряженным ружьем и Геркулес с топором пошли впереди отряда. Не прошли они и десяти шагов, как натолкнулись на Динго. Умная собака, опустив нос к земле, с отрывистым лаем бежала по какому-то следу. Что-то непонятное толкнуло ее к берегу и теперь вело в глубь леса. Это было всем ясно.

— Внимание! — сказал Дик Сэнд. — Миссис Уэлдон, возьмите Джека за руку! Господин Бенедикт, не отставайте, пожалуйста! Геркулес, будь наготове!

Динго часто оборачивался и отрывисто лаял, точно просил людей поторопиться. Вскоре он остановился у старой смоковницы.

Под смоковницей ютилась ветхая, покосившаяся набок лачуга. Динго жалобно завыл.

— Эй, кто здесь? — крикнул Дик Сэнд.

Он вошел внутрь хижины.

Миссис Уэлдон и остальные последовали за ним.

На земляном полу были разбросаны побелевшие кости.

— Здесь умер человек! — сказала миссис Уэлдон.

— И Динго знал этого человека! — подхватил Дик Сэнд. — Наверное, это был его хозяин! Смотрите, смотрите!

Дик Сэнд указал пальцем на ствол смоковницы, заменявший четвертую стену лачуги.

Кора на ней была счищена, и на дереве виднелись две большие полустершиеся красные буквы.

Динго уперся лапами в дерево и как будто указывал на эти буквы путешественникам.

— «С» и «В»! — воскликнул Дик Сэнд. — Две буквы, которые Динго узнает среди всех букв алфавита. Те самые буквы, какие выгравированы на его ошейнике!

Юноша вдруг умолк. Нагнувшись к земле, он поднял лежащую в углу небольшую, всю позеленевшую медную коробку.

Когда он открыл коробку, из нее выпал клочок бумаги. Дик Сэнд прочел следующее:

«Здесь... в 120 милях от берега океана... 3 декабря 1871 года... меня смертельно ранил и ограбил мой проводник Негоро... Динго!.. ко мне...

С. Вернон».

Записка разъясняла все. Французский путешественник, Самюэль Вернон, отправившийся исследовать Центральную Африку, взял в проводники Негоро. Крупная сумма денег, которую путешественник имел при себе, пробудила алчность негодяя португальца. Он решил завладеть деньгами. Самюэль Вернон, добравшись до берега Конго, остановился в этой хижине. Негоро смертельно ранил его и, ограбив, бежал в португальские владения. Но там Негоро арестовали, как агента работорговца Альвеца; в Сан-Паоло-де-Луанда его судили и приговорили к пожизненному заключению в одной из каторжных тюрем колонии. Дальнейшее известно: он ухитрился бежать с каторги, пробрался в Новую Зеландию и там поступил коком на «Пилигрим», к несчастью тех, кто плыл на этом корабле.

Но что произошло в хижине после преступления? Это трудно было угадать. Несчастный Вернон перед смертью успел написать записку, обличавшую убийцу. Он спрятал ее в коробку, где раньше хранил деньги, украденные Негоро. Последним усилием он начертал кровью свои инициалы на дереве. Динго, вероятно, немало дней просидел перед этими двумя буквами и научился распознавать их среди всех других букв алфавита. Наконец, поняв, что хозяин никогда больше не встанет, Динго побрел на берег океана, где его и нашел капитан «Вальдека», и, наконец, попал на «Пилигрим», где он снова встретился с Негоро. А прах путешественника тем временем истлевал в дебрях Африки, и все забыли о погибшем, кроме его верной собаки. Видимо, события происходили именно так, как их представлял себе Дик Сэнд. Юноша уже собрался было вместе с Геркулесом предать погребению останки несчастного Самюэля Вернона, как вдруг Динго с неистовым лаем выбежал из хижины.

Тотчас же вслед за этим снаружи донесся ужасный крик. Очевидно, Динго напал на кого-то.

Геркулес бросился за ним. Когда Дик Сэнд и все остальные выбежали из хижины, они увидели на земле какого-то человека, который отбивался от вцепившейся ему в горло собаки.

Это был Негоро.

Приближаясь к устью Конго, где он собирался сесть на отправляющийся в Америку пароход, португалец оставил свой эскорт и один пошел к месту, где он убил доверившегося ему Вернона.

Но у него были свои причины вернуться сюда, и все поняли, какие, увидев в свежевырытой яме у подножия смоковницы несколько горстей французских золотых монет. Очевидно, после убийства Самюэля Вернона он закопал в землю украденные

деньги, с тем чтобы когда-нибудь вернуться за ними. Но в тот момент, когда португалец собрался воспользоваться плодами своего преступления, Динго вцепился ему в горло. Негоро удалось вытащить из-за пояса нож, и он с силой всадил его в грудь собаки как раз в тот момент, когда Геркулес подбежал к нему с возгласом:

— Ах, негодяй! Наконец-то я могу удавить тебя своими собственными руками!

Но вмешательство Геркулеса не понадобилось: небесное правосудие покарало преступника в том месте, где он совершил злодеяние. Динго, истекая кровью, из последних сил сжал челюсти — и португалец перестал дышать; затем верный пес ползком добрался до того места, где был убит Самюэль Вернон, и там умер.

Геркулес закопал в землю останки путешественника, и в той же могиле похоронили оплакиваемого всеми Динго.

Негоро не было больше в живых. Но туземцы, сопровождавшие его от Казонде, должны были находиться где-то неподалеку. Видя, что португалец не возвращается, эти люди, несомненно, отправятся искать его по берегу реки. Это была серьезная опасность для путешественников.

Дик Сэнд и миссис Уэлдон посоветовались о том, что делать дальше. Действовать нужно было немедленно, не теряя ни минуты. Для всех стало ясно, что большая река, к которой они приблизились, была именно Конго, которую туземцы называют Конанго, или Икуто-йя-Конго; под одной широтой ее именуют также Заиром, под другой — Луалабой. Это была та самая великая артерия Центральной Африки, которой герой Стенли присвоил славное имя «Ливингстон», но географам, быть может, следовало бы заменить это имя именем самого Стенли.

Но если не оставалось никаких сомнений, что это Конго, то в записке, оставленной Самюэлем Верноном, было указано, что устье реки находится на расстоянии ста двадцати миль от этого места. К несчастью, дальше нельзя было передвигаться по воде — никакая лодка не прошла бы через водопад, — вероятно, это были водопады Нгама. Надо было пройти пешком по берегу милою или две и, миновав водопад, построить плот и снова пуститься вниз по течению.

— Остается решить, — сказал Дик Сэнд, — по какому берегу мы пойдем: по левому, где мы сейчас находимся, или по правому. И тот и другой небезопасны, миссис Уэлдон, — приходится остерегаться туземцев. Но все-таки мне кажется, что нам лучше было бы переправиться на другой берег. Там, по крайней мере, нам не грозит встреча с эскортом Негоро.

— Хорошо, переправимся на правый берег, — сказала миссис Уэлдон.

— Но есть ли там дороги? — продолжал рассуждать вслух Дик Сэнд. — Негоро пришел по левому берегу, — надо полагать, что это более удобное сообщение с устьем реки. Впрочем, я про-

верю. Прежде чем мы все вместе переправимся на правый берег, я пойду один на разведку. Надо узнать, можно ли спуститься по реке ниже водопада.

И Дик Сэнд сразу же отправился в путь.

Ширина реки в том месте, где стояла хижина француза исследователя, не превышала четырехсот футов, и юноша, отлично умевший править кормовым веслом, без труда мог переплыть реку. Миссис Уэлдон, Джек и кузен Бенедикт до возвращения Дика Сэнда должны были остаться на левом берегу под охраной Геркулеса.

Дик уже сел в пирогу и собирался оттолкнуться от берега, когда миссис Уэлдон сказала ему:

— Ты не боишься, Дик, что течение затянет тебя в водопад?

— Нет, миссис Уэлдон. До водопада еще футов четыреста.

— А на том берегу?..

— Я не высажусь, если замечу какую-нибудь опасность.

— Возьми с собой ружье.

— Хорошо. Но, пожалуйста, не беспокойтесь обо мне.

— А все-таки лучше было бы нам не разлучаться, Дик,— добавила миссис Уэлдон, как будто ее томило предчувствие беды.

— Нет, миссис Уэлдон... Я должен поехать один,— твердо ответил Дик Сэнд.— Это необходимо для общей безопасности. Меньше чем через час я вернусь. Смотри в оба, Геркулес!

С этими словами Дик отчалил и направил лодку к другому берегу.

Миссис Уэлдон и Геркулес, притаившись среди зарослей папируса, не спускали с него глаз.

Дик Сэнд скоро достиг середины реки. Течение здесь было очень сильное, зато в четырехстах футах от этого места вода с диким грохотом низвергалась со скалы, и водяные брызги, подхваченные западным ветром, долетали до пироги, где сидел Дик Сэнд. Юноша содрогнулся при мысли, что если бы он уснул прошлой ночью, то пирога неминуемо попала бы в водопад, который выбросил бы на прибрежные камни лишь пять изуродованных трупов. Но сейчас такой опасности не было: пирога пересекала реку почти по прямой, для этого достаточно было искусно править кормовым веслом:

Через четверть часа Дик добрался до правого берега Заира. Но не успел он ступить на землю, как раздался оглушительный крик, и человек десять дикарей бросились к пироге, которую еще прикрывала куча травы.

Это были дикири-людоеды из свайной деревни. В продолжение восьми дней они крались следом за путешественниками по правому берегу реки. Когда лодка проплывала между сваями и с нее сорвало травяной покров, они увидели, что на мнимом плавучем островке скрываются люди, и пустились в погоню. Они были уверены, что добыча не уйдет от них, так как водопад пре-

граждал течение реки. Беглецам все равно пришлось бы высадиться на берег.

Дик Сэнд понял, что для него нет спасения. Но он спрашивал себя: не может ли он, пожертвовав своей жизнью, спасти спутников? Не теряя самообладания, юноша совершенно спокойно стоял на носу пироги. Наставив на дикарей ружье, он не подпускал их к себе.

Между тем дикари уже успели содрать с пироги защитный навес. Увидев только одного человека там, где они рассчитывали найти много жертв, они яростно завyli. Пятнадцатилетний мальчик на десятерых! Но тут один из туземцев поднялся, протянул руку к левому берегу и указал на миссис Уэлдон и ее спутников, которые все видели и, не зная, что предпринять, вышли из-под прикрытия зарослей папируса. Оставив всякую заботу о себе самом, Дик молил небо вдохновить его на действия, спасительные для его сотоварищей.

Дикари забрались на корму пироги и оттолкнули ее от берега. Ружье в руках Дика все еще удерживало их от нападения, — очевидно, они знали, чем грозит огнестрельное оружие. Один из дикарей, взяв кормовое весло, умело направил пирогу поперек течения. Вскоре она уже была в ста футах от левого берега.

— Бегите! — крикнул Дик Сэнд миссис Уэлдон. — Бегите!

Ни миссис Уэлдон, ни Геркулес не пошевелились, как будто у них отнялись ноги.

Бежать? Зачем? Не пройдет и часа, как все равно их догонят и они попадут в руки людоедов.

Дик Сэнд понял это. И в эту минуту его осенила мысль, о которой он просил небо: он нашел способ спасти тех, кого любил, спасти ценою собственной жизни. И он без колебаний сделал это.

— Господи, защити их! — прошептал он. — И по бесконечной милости своей сжался надо мной!

Опустив ружье, он прицелился и выстрелил. Кормовое весло, расщепленное пулей, переломилось пополам.

У людоедов вырвался крик ужаса. В самом деле, пирога, уже никем не управляемая, поплыла по течению, прямо к водопаду. Она неслась все быстрее, и через несколько мгновений уже не более ста футов отделяло ее от ревущей и грохочущей бездны.

Миссис Уэлдон и Геркулес все поняли. Дик Сэнд, чтобы спасти своих спутников, решил увлечь лодку в пучину водопада — дикари погибнут, но и он погибнет с ними. Маленький Джек и его мать, стоя на коленях, посылали Дику Сэнду последнее прощание, Геркулес в бессильном отчаянии простирал к нему руки...

В эту минуту дикари бросились за борт, очевидно надеясь вплавь добраться до левого берега; лодка перевернулась от толчка.

Дик Сэнд не потерял хладнокровия и перед лицом угрожающей ему смерти. Ему пришла в голову мысль, что лодка, именно

потому, что она плыла килем вверх, может оказаться для него средством спасения.

Двойная опасность могла угрожать Дику Сэнду в те мгновения, когда он будет подхвачен водопадом: захлебнуться в воде, задохнуться в вихре водяной пыли. А перевернутый корпус лодки был как бы ящиком, в котором ему, может быть, удастся укрыть голову от воды и в то же время заслониться от воздушного вихря, в котором он, несомненно, задохнулся бы при быстром падении. При таком заслоне у каждого человека, пожалуй, был бы некоторый шанс спастись от двойной опасности задохнуться, даже если бы он спускался по водопаду Ниагара!

Все это молнией мелькнуло в голове Дика Сэнда. Последним инстинктивным движением он уцепился за скамью, которая соединяла оба борта лодки, и, укрыв голову под опрокинутым корпусом лодки, почувствовал, как поток с непреодолимой силой уносит его и как он почти по отвесной линии падает вниз...

Пирога погрузилась в кипящую пучину у подножия водопада, завертелась в глубине и затем снова всплыла на поверхность реки. Дик Сэнд, отличный пловец, понял, что спасение зависит теперь от силы его рук...

Через четверть часа борьбы с течением он выбрался на левый берег и там увидел миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта, которых поспешно привел туда Геркулес.

Но дикари погибли в бурлящем водовороте; ничем не защищенные во время падения, они задохнулись еще прежде, чем достигли дна пропасти. Бешеный поток швырнул их трупы на острые скалы...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Заключение

Через два дня, 20 июля, миссис Уэлдон и ее спутники встретили караван, направлявшийся в Эмбому, в устье Конго. Это были не работяги, а честные португальские купцы, которые везли в Европу слоновую кость. Беглецам был оказан превосходный прием, и последний участок пути не доставил им особых тягот.

Встреча с этим караваном поистине была милостью небес. Дик Сэнд напрасно надеялся спуститься на плоту к устью реки. Следуя от Нгамы до Иеллалы, Стенли насчитал на этой реке семьдесят два водопада. Никакая лодка не могла бы здесь проскользнуть. В устье Конго неустрашимому путешественнику четыре года спустя пришлось выдержать последний из тридцати двух боев, которые он вел с туземцами. А ниже он попал в водопад Мбело и только чудом спасся от смерти.

Одиннадцатого августа миссис Уэлдон, Джек, Дик Сэнд, Геркулес и кузен Бенедикт прибыли в Эмбому, где их ожидала самая сердечная встреча. Здесь они застали американский пароход, отправлявшийся к Панамскому перешейку. Миссис Уэл-

дон и ее спутники сели на этот пароход и благополучно прибыли в Америку.

Телеграмма, отправленная в тот же день в Сан-Франциско, уведомила Джемса Уэлдона о неожиданном возвращении на родину его жены и ребенка, следы которых он тщетно разыскивал повсюду, где, по его предположениям, мог быть выброшен на берег «Пилигрим».

Наконец 25 августа путешественники приехали по железной дороге в главный город Калифорнии. О, если бы Том и его товарищи были с ними!..

Что сказать о дальнейшей судьбе Дика Сэнда и Геркулеса? Первый стал сыном, второй — другом семейства Уэлдон. Джемс Уэлдон сознавал, что он всем обязан юноше-капитану и отважному негру Геркулесу. Хорошо, что Негоро не успел побывать в Сан-Франциско. Разумеется, мистер Уэлдон не пожалел бы всего своего состояния, чтобы выкупить из плена жену и сына. Он помчался бы к берегам Африки, но кто знает, каким опасностям он подвергся бы там, жертвой какого коварства стал, вернулся ли бы он оттуда целым и невредимым?..

Скажем несколько слов о кузене Бенедикте. В день приезда в Сан-Франциско, наспех пожав руку Джемсу Уэлдону, он заперся в своем кабинете. Кузену Бенедикту не терпелось приняться за писание гигантского труда о «шестиноге Бенедикта» — «Hexapodes Benedictus», — труда, который должен был совершить переворот в энтомологической науке.

В своем кабинете, загроможденном коллекциями насекомых, он первым делом разыскал очки и лупу... Но какой вопль отчаяния вырвался из груди ученого, когда он, вооружившись этими оптическими приборами, впервые хорошенько рассмотрел единственного представителя африканских насекомых, вывезенного им из путешествия!

«Шестиног Бенедикта» оказался совсем не шестиногим! Это был обыкновенный паук! И если у него было шесть ног вместо восьми, то это означало только, что двух передних ног у него не доставало. А не доставало их потому, что Геркулес неосторожно оборвал их, когда ловил паука. Таким образом, мнимый «Hexapodes Benedictus» не представлял никакой ценности с научной точки зрения. Это был обыкновенный паучок, каких много, да к тому — еще инвалид! А заметить это раньше помешала энтомологу его близорукость. Кузен Бенедикт не перенес такого удара; он серьезно заболел, но, к счастью, его удалось вылечить.

Через три года маленькому Джеку исполнилось восемь лет. Он уже начал учиться, и Дик Сэнд помогал ему готовить уроки, урывая время от собственных занятий. Тотчас же по возвращении в Сан-Франциско Дик Сэнд принялся за учение с рвением человека, которого терзают угрызения совести: он не мог себе простить, что по недостатку знаний не мог как следует справиться со своими обязанностями на корабле.

«Да,— говорил он себе,— если бы на борту «Пилигрима» я

знал все то, что должен знать настоящий моряк, скольких несчастий можно было бы избежать!»

Так говорил Дик Сэнд. И в восемнадцать лет он с отличием окончил гидрографические курсы и, получив диплом, готовился вступить в командование одним из кораблей Джемса Уэлдона.

Вот чего достиг благодаря своему поведению, своему труду маленький сирота, подобранный на краю песчаной косы Сэнди-Хук. Несмотря на свою молодость, он пользовался всеобщим уважением, можно даже сказать, почетом; но по скромности своей он и не подозревал этого. Ему и в голову не приходило, что решительность, мужество, твердость, проявленные им во всех испытаниях, сделали из него своего рода героя, хотя он и не прославился блестящими подвигами.

И все же одна горькая мысль преследовала его.

В редкие минуты досуга, которые ему оставляли занятия, он всегда думал о старом Томе, Бате, Актеоне и Остине. Он считал себя ответственным за их несчастья. Миссис Уэлдон также не могла без грусти вспоминать о бедственном положении своих бывших спутников. Джемс Уэлдон, Дик Сэнд и Геркулес готовы были перевернуть небо и землю, чтобы разыскать их. Наконец, благодаря широким связям Джемса Уэлдона в коммерческом мире удалось разыскать их следы: Том и его спутники нашлись на Мадагаскаре, где, кстати сказать, рабство в скором времени было уничтожено. Дик Сэнд хотел отдать свои небольшие сбережения, чтобы выкупить их, но Джемс Уэлдон и слышать не хотел об этом. Один из его агентов совершил эту сделку, и 15 ноября 1877 года четыре негра постучались в двери дома Джемса Уэлдона. То были Том, Бат, Остин и Актеон. Этих славных людей, избавившихся от стольких опасностей, едва не задушили в дружеских объятиях.

И тем, кого «Пилигрим» забросил на гибельный берег Африки, не доставало только бедной Нан. Но старую служанку нельзя было вернуть к жизни, так же, как и Динго. И, конечно, это чудо, что только они двое погибли при таких жестоких испытаниях.

Само собой разумеется, что в день приезда четырех негров в доме калифорнийского купца Джемса Уэлдона был пир, и лучший тост, встреченный всеобщим одобрением, провозгласила миссис Уэлдон в честь Дика Сэнда, «пятнадцатилетнего капитана».

ШКОЛА
РОБИНЗОНОВ
Роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой читатель, если захочет, сможет купить остров
в Тихом океане*

— Продается остров, за наличные! Издержки за счет покупателя! Достанется тому, кто даст больше! — не переводя дыхания, выкрикивал Дин Фелпорг, лицо, назначенное вести этот странный торг.

— Продается остров! Продается остров! — громко вторил его помощник Джинграс, расхаживая взад и вперед по битком набитому залу.

Да, народу собралось видимо-невидимо. Тут были не только американцы из штатов Калифорния, Орегон и Юта, но и французы, из тех, что составляют добрую шестую часть населения здешних мест, и мексиканцы, завернутые в свои серапе, и китайцы в халатах с широкими рукавами, в башмаках с заостренными носами, в конусообразных шляпах, и канаки с островов Океании, и даже несколько индейцев с острова Тринидад.

Аукцион проходил в доме номер десять, по улице Сакраменто, в городе Сан-Франциско, столице Калифорнии. Но уже не в ту пору, когда она служила караван-сараям для авантюристов обоих полушарий, стекавшихся со всех концов света на золотые земли западного склона Сьерра-Невады. Со времен золотой лихорадки, тех бурных сорок девятого, пятидесятого и пятьдесят первого, когда на месте никому не известной испанской Иерба-Буэны внезапно вырос этот единственный в своем роде город, прошло уже двадцать лет. К началу описываемых событий «звезда Тихого океана», он же «слава Западной Америки», раскинувшись по склонам двух холмов (не хватило полоски морского берега), насчитывал уже более ста тысяч населения и затмил собой такие жемчужины Тихоокеанского побережья, как Сантьяго, Вальпараисо, Лима...

В день аукциона, пятнадцатого мая, было еще довольно холодно. В краях, подверженных влиянию полярных течений, первые недели мая напоминают конец марта в Средней Европе. Однако в зале, где проходил торг, жаловаться на холод не приходилось. Колокольчик своим непрерывным звоном привлекал все

новых и новых граждан, и стояла такая жара, что лица присутствующих покрылись потом.

Но из толпившихся в духоте сотен людей вряд ли кто-нибудь явился сюда, чтобы совершить покупку. Не будет преувеличением утверждать, что здесь собрались одни любопытные. И в самом деле, какой чудак, будь он даже богат, как Крез, захотел бы купить остров в Тихом океане, поддавшись на безумную затею правительства? Но вопреки всякой логике мистер Фелпорг и мистер Джинграс с помощью жестов, восклицаний и умеренных похвал старались вызвать интерес к предмету продажи.

— Остров! Продается остров! — повторял Джинграс.

— Продается, но не покупается, — веско заметил какой-то ирландец, хотя его карман не был отягощен даже мелочью.

— Остров, где земля дешевле шести долларов за акр, — выкрикивал Дин Фелпорг.

— Но которая не принесет и цента на доллар, — вставил толстый фермер, как видно, большой знаток сельского хозяйства.

— Остров не менее шестидесяти четырех миль в окружности, площадью в двести двадцать пять тысяч акров!

— А достаточно ли устойчиво его основание? — вдруг выкрикнул мексиканец, известный завсегдатай баров, чья устойчивость в данную минуту была более чем сомнительна.

— Остров с девственными лесами, с лугами, холмами и реками! — не унимался аукционщик.

— С гарантией? — поинтересовался какой-то француз, видимо, не склонный поддаваться на приманки.

— Вот именно, с гарантией, — парировал Фелпорг, слишком профессионал, чтобы обращать внимание на насмешки публики.

— На два года?

— До конца дней.

— А может, больше?

— Остров в полную собственность! — выкрикивал мистер Фелпорг. — Остров, где нет ни вредных животных, ни хищных зверей, ни пресмыкающихся...

— С пляжем? — опять спрашивал какой-то весельчак.

— А там насекомые есть? — подхватывал другой.

— Предлагаем остров! — снова завелся Дин Фелпорг. — Ну-ка, граждане! Давайте раскошеливайтесь! Кто хочет получить во владение остров? В прекрасном состоянии, почти не бывший в употреблении! Кому остров? В Тихом океане, этом океане из океанов! Продается за бесценок! Кто хочет сказать свое слово?.. Вы, сударь?.. Или вы?.. Что же вы качаете головой, как фарфоровый мандарин?.. Предлагаю остров!.. Кому остров?..

— Позвольте взглянуть! — выкрикнул кто-то из толпы, словно речь шла о картине или китайской вазе.

В зале раздался дружный хохот.

Но не думайте, что американцам сбывали остров как kota в мешке. Нет! Желавшие могли своими глазами увидеть, каков он, этот идущий с молотка кусок земли. План был вывешен для всеобщего обозрения: никаких неожиданностей, никаких разочарований — очертания острова, его местоположение, рельеф, водная система, климат, средства сообщения. Можете мне поверить, никакого подвоха!

Журналы и газеты Соединенных Штатов, особенно калифорнийские, выходившие ежедневно и дважды в неделю, еженедельно и дважды в месяц, а также ежемесячно, вот уже почти полгода привлекали внимание публики к этому острову. Его продажа была разрешена Конгрессом.

Речь шла об острове Спенсер, лежащем к западо-юго-западу от Сан-Франциско, в четырехстах шестидесяти милях от калифорнийского берега, под $32^{\circ}15'$ северной широты и $142^{\circ}18'$ западной долготы по Гринвичу. Хоть и был он расположен довольно близко от побережья и даже находился в американских водах, трудно представить себе место более уединенное, более удаленное от пассажирских и товарных морских путей. Постоянные течения отклоняющиеся к северу и к югу, образовали вокруг него нечто вроде спокойного и тихого озера, которое иногда обозначается на картах как «Глубина Флерье». В центре этого бассейна и лежал предлагавшийся остров. Редко-редко проходило мимо него какое-нибудь судно. Главные тихоокеанские пути, связывающие Новый Свет со Старым — будь то Япония или Китай, — лежат гораздо южнее. Парусные суда встретили бы здесь полный штиль, паровым тоже не было никакого смысла заходить в эти воды. Таким образом, ни те, ни другие почти никогда не показывались поблизости, и маленький клочок суши возвышался средь моря подобно одинокой вершине, венчающей подводную скалу, каких немало в Тихом океане.

Правда, для человека, уставшего от городского шума и мечтающего о покое, что может быть лучше такой вот «Исландии», удаленной на несколько сот лье от берега. Идеал для добровольного Робинзона! Но за идеал нужно было выложить кругленькую сумму!

Почему же, однако, Соединенные Штаты захотели отделаться от острова? Не было ли это чьей-то вздорной фантазией? Нет, великая нация не может поддаваться ничьим капризам, будто какое-нибудь частное лицо. Истинная причина заключалась в следующем: остров Спенсер давно уже стал бесполезным. Колонизировать его не имело смысла — там все равно никто не поселился бы. С точки зрения военной стратегии, он тоже не представлял интереса, так как господствовал в абсолютно пустынной части Тихого океана. Что же касается интересов коммерческих, то и их здесь не было. Продукция острова не оправдала бы фрахтовых издержек по ввозу и вывозу. Устроить там исправительную колонию? Для этого остров находился слишком близ-

ко от берега. Владеть же им просто так — зачем? Слишком дорогое удовольствие.

С незапамятных времен Спенсер оставался необитаемым, и Конгресс, состоявший из людей в высшей степени практичных, принял решение продать его с аукциона, но при одном условии: чтобы покупатель был гражданином свободной Америки. Надо заметить, что назначенная сумма — миллион сто тысяч долларов — представляла сущую безделицу для любой акционерной компании. Последняя легко обеспечила бы акциями покупку и эксплуатацию острова, однако, как мы уже говорили, он представлял для людей деловых интересов не больший, чем какой-нибудь айсберг в полярных водах. Для частного же лица, увы, эта сумма была слишком высока. Остров продавался за наличные, а известно, что в Соединенных Штатах найдется немного людей, способных не раздумывая бросить на ветер миллион сто тысяч долларов, без малейшего шанса получить прибыль. Нужно обладать хорошеньким состоянием, чтобы позволить себе такую причуду.

Итак, Конгресс твердо решил не уступать ни цента. Или один миллион сто тысяч, или пускай остров остается за государством! Кроме того, было оговорено, что человек, купивший Спенсер, получит права не суверена, а только президента, и не сможет, подобно королю, иметь подданных. Сограждане должны будут выбирать его на определенный срок, а затем переизбирать снова. И так до конца дней. Таким образом, при всем желании он не сможет стать родоначальником династии. Соединенные Штаты никогда не согласятся на появление королевства в американских водах — каким бы крошечным оно ни было!

Очевидно, последним условием предусматривалось исключить из торгов какого-нибудь слишком честолюбивого миллионера или лишенного власти набоба, который вознамерился бы соперничать с туземными правителями Сандвичевых или Маркизских островов, а также Помоту или какого-то другого архипелага в Тихом океане.

Короче говоря, покупатель не объявлялся. Время шло. Аукционщик надрывался, пытаясь расшевелить собравшихся. Помощник тоже кричал что есть мочи, но никто из присутствующих даже не кивнул головой, — движение, которое прожженные аукционисты не преминули бы заметить, — а уж о цене тем более никто не заикался. Пока молоток Фелпорга неутомимо поднимался над конторкой, со всех сторон доносились насмешливые возгласы и плоские шуточки. Одни предлагали за остров два доллара вместе с издержками, другие требовали возмещения расходов по покупке.

— А вы гарантируете там золотоносные жилы? — интересовался лавочник Стемпи с Мерчет-стрит.

— Нет, но если их обнаружат, государство предоставляет владельцу все права на прииски, — обстоятельно объяснял аукционщик.

— А есть ли там хотя бы вулкан? — задавал вопрос Окхерст, трактирщик с улицы Монтгомери.

— Вулкана нет, — не теряя терпения, отвечал Дин Фелпс. — Иначе остров стоил бы дороже.

Эти слова были встречены громким хохотом.

— Остров продается! Продается остров! Только один доллар, только полдоллара надбавки, и он будет ваш!.. Раз... Два...

Но никто не отзывался.

— Если не найдется желающих, торги будут сейчас же прекращены... Раз... Два...

— Миллион двести тысяч долларов!

Эти четыре слова прогремели в зале как четыре револьверных выстрела.

Толпа на мгновение смолкла. Многие повернули головы, чтобы взглянуть на безумца, назвавшего такую сумму.

Все сразу узнали Уильяма Кольдерупа из Сан-Франциско.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско состязается
с Таскинармом из Стоктона*

Жил на свете поразительно богатый человек, ворочавший миллионами долларов с такой же легкостью, как другие — тысячами. Звали его Уильям Кольдеруп.

Ходили слухи, что он богаче самого герцога Вестминстерского, чей годовой доход достигал восьмисот тысяч фунтов, тратившего пятьдесят тысяч франков ежедневно, иначе говоря, тридцать шесть франков в минуту. Поговаривали также, что Кольдеруп богаче сенатора Джона из Невады, владельца тридцатипятимиллионной ренты, и богаче Мак-Кея, получавшего от своего капитала два миллиона семьсот семь тысяч восемьсот франков в час.

Что же говорить о таких мелких миллионерах, как Ротшильд, Ван дер Билд, герцог Нортумберлендский или Стюарт, или о директорах калифорнийского банка и других капиталистах Старого и Нового Света, которым Уильям Кольдеруп мог бы подавать милостыню. Ему легче было бросить на ветер миллион, чем нам с вами — каких-нибудь сто су.

Этот ловкий делец положил начало своему сказочному богатству разработкой золотых месторождений в Калифорнии, став главным компаньоном швейцарского капитана Зуттера, того самого, на чьей земле в 1848 году открыли первую золотодобывающую жилу. Смело бросаясь в коммерческие авантюры, Кольдеруп благодаря собственной смекалке и везению вскоре стал участником чуть ли не всех крупных предприятий Старого и Нового Света. На его деньги были построены сотни заводов, продукция которых экспортировалась во все части света. Богатство Кольдерупа возрастало не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Говорили, что он из тех миллиардеров, которые

даже не в состоянии сосчитать свой капитал. На самом же деле Кольдеруп с точностью до одного доллара знал, чем располагает, но, в отличие от других, никогда не кичился своим богатством.

Ко времени, когда мы представили его читателям, Уильям Кольдеруп владел двумя тысячами торговых контор, учрежденных чуть ли не во всех странах мира, флотилией из пятисот кораблей, день и ночь бороздивших моря для его вящей выгоды. У него работали сорок тысяч конторских служащих, триста тысяч корреспондентов, на одни только марки и почтовые расходы он тратил не меньше миллиона в год. Короче говоря, Кольдеруп выделялся своим богатством среди всех богачей Фриско, как любовно называют американцы столицу Калифорнии.

И вот, когда присутствовавшим на аукционе стало известно, кто накинул к цене на остров Спенсер сто тысяч долларов, по залу пронесся трепет. Шуточки мгновенно прекратились. Вместо насмешек послышались восторженные возгласы, раздались даже крики «ура!». Затем воцарилась тишина. Никому не хотелось упустить ни малейших подробностей волнующей сцены, какая может разыграться, если кто-нибудь отважится вступить в борьбу с Уильямом Кольдерупом.

Но могло ли такое случиться? Нет! Стоило только взглянуть на легендарного миллиардера, чтобы убедиться — такой человек никогда не отступит от принятого решения, особенно если дело касается финансовой репутации.

Это был высокий, сильный мужчина с крупной головой, широкими плечами и массивным телом. Ни перед кем он не опускал своего решительного взгляда. Его седеющая шевелюра была такой же пышной, как и в юные годы. Прямые складки, идущие от крыльев носа, образовывали почти геометрически правильный треугольник. Усы он брил. Подстриженная на американский манер борода с проседью, очень густая на подбородке, доходила до уголков губ и тянулась к вискам, переходя в бакенбарды. Четко очерченный с тонкими губами рот иногда обнажал ровные белые зубы, но в данную минуту он был плотно сжат. Ничего не скажешь: голова командора, готового противостоять любой буре. Разыграйся битва на повышение цены — каждое движение этого человека, каждый кивок означали бы надбавку в сто тысяч долларов.

— Миллион двести тысяч долларов! Миллион двести тысяч долларов! — выкрикивал Дин Фелпс, и в голосе его звенело ликование дельца, почувствовавшего наконец, что старается он не напрасно.

— Есть покупатель за миллион двести тысяч долларов! — повторял за ним Джинграс.

— Теперь можно набавлять без страха, — пробормотал трактирщик Окхерст, — все равно Кольдеруп не уступит.

На него зашикали. Раз дело дошло до надбавок, нужно соблюдать тишину. Все боялись пропустить какую-нибудь захва-

тывающую подробность. Сердца учашенно бились. Осмелится ли кто выступить против Уильяма Кольдерупа? А тот взирал на аукционистов и на толпу с таким безразличием, будто дело его не касалось. Только стоявшие рядом могли заметить, как глаза миллионщика метали искры, словом, были похожи на два пистолета, заряженных долларами и готовых выстрелить в любой момент.

— Никто не дает больше? — крикнул Дин Фелпорг.

Все молчали.

— Раз!.. Два!..

— Раз!.. Два!.. — продолжал Джинграс привычный диалог с главным аукционщиком.

— Итак, я присуждаю...

— Мы присуждаем...

— За миллион двести тысяч долларов!

— Все видели?.. Все слышали?..

— Никто потом не будет раскаиваться?

— Остров Спенсер за миллион двести тысяч долларов!

Волнение публики росло. Сдавленная грудь каждого судорожно вздымалась и опускалась. Неужели в самую последнюю минуту кто-нибудь решится вступить в схватку?

Дин Фелпорг, вытянув правую руку над столом, размахивал молотком из слоновой кости. Один удар, один-единственный удар, и остров продан. Даже во время самосуда, который именуется в Америке судом Линча, толпа не бывает более возбужденной. Молоток медленно опустился, почти коснувшись стола, поднялся снова, на несколько мгновений застыл, дрожа в воздухе, точно рапира в руке фехтовальщика, готового сделать выпад, потом быстро опустился.

— Миллион триста тысяч долларов!

Раздался единодушный возглас изумления, а вслед за ним — ликующие крики. Желаящий сделать надбавку все-таки нашелся! Итак, борьба продолжается. Но кто же тот смелый герой, вступивший в поединок с самим Уильямом Кольдерупом из Сан-Франциско?

Им оказался Таскинар из Стоктона.

Таскинар был не только очень богатым, но еще и очень толстым человеком: весил около двухсот килограммов и мог сидеть на стуле, лишь сделанном на заказ. Правда, на последнем конкурсе толстяков он завоевал вторую премию, но исключительно потому, что ему не дали закончить обед, отчего произошла потеря в весе не менее пяти килограммов.

Стоктон, в котором жил этот колосс, — один из самых больших городов Калифорнии, центр, куда свозится вся продукция с рудников Юга, тогда как в соперничающем с ним Сакраменто сосредоточена вся добыча рудников Севера. Там же, в Стоктоне, производится погрузка на суда почти всего калифорнийского хлеба.

Свое огромное состояние Таскинар нажил эксплуатацией

рудников и торговлей хлебом, к тому же он был азартным, при этом удачливым, игроком в покер, заменяющий в Соединенных Штатах рулетку. Таскинар богател с каждым часом, но особыми человеческими достоинствами не отличался, и его, не в пример Кольдерупу, никто не назвал бы здесь «почтенным коммерсантом». Однако, как бывает нередко, злословили о нем больше, чем он того заслуживал. Впрочем, слухи о том, что Таскинар по малейшему поводу готов пустить в ход «деррингер» — калифорнийский револьвер, вовсе не были преувеличенными.

Таскинар ненавидел Уильяма Кольдерупа. Он завидовал его состоянию, положению в обществе и репутации. И при этом презирал миллионщика, как только толстый может презирать тощего. Не впервые коммерсант из Стоктона пытался взять верх над богачом из Сан-Франциско, пусть даже в ущерб своей выгоде. Кольдеруп прекрасно знал о том и всякий раз при встрече выказывал пренебрежение к толстяку, чтобы вывести его из равновесия. В частности, Таскинар не мог простить своему сопернику последнего успеха, когда тот буквально разгромил толстяка на выборах. Несмотря на все усилия, угрозы и даже клевету, не говоря уже о тысячах долларов, истраченных на доверенных лиц, в Совете Сакраменто заседал не он, Таскинар, а Уильям Кольдеруп.

И вот этот неудавшийся законодатель пронюхал, что Кольдеруп задумал приобрести необитаемый остров. По правде сказать, Спенсер был ему так же не нужен, как и его противнику. Но это не имело ни малейшего значения, ибо представлялся новый случай вступить в борьбу, сразиться, а может быть, и победить. Такого случая Таскинар упустить не мог.

Теперь читателю понятно, почему он оказался в то утро в зале аукциона, в толпе любопытных, и почему медлил, выжидая, пока соперник не увеличит и без того высокую цену?

И только в тот миг, когда Уильям Кольдеруп уже считал себя обладателем острова, Таскинар выкрикнул оглушительным голосом:

— Миллион триста тысяч долларов!

Все обернулись.

— Толстяк Таскинар! — раздались голоса в толпе.

Это имя переходило из уст в уста.

Еще бы! Ведь толстяк — известная персона, какой-то математик даже доказал с помощью дифференциальных вычислений, что масса Таскинара оказывает заметное влияние на массу спутника Земли и даже значительно нарушает лунную орбиту.

Но не комплекция стоктонца интересовала сейчас собравшихся на аукционе: все были взбудоражены, пытались угадать, на который из двух денежных мешков стоило делать ставку. Оба соперника чертовски богаты, и победа для них — вопрос самолюбия. После первого волнения в зале снова наступила такая тишина, что можно было услышать, как паук тклет свою паутину. Тягостное молчание нарушил возглас Дина Фелпорга:

— Миллион триста тысяч долларов за остров Спенсер!

Он встал, чтобы лучше следить за игрой на повышение.

Уильям Кольдеруп повернулся в сторону Таскинара. Все расступились перед соперниками. Богач из Сан-Франциско и богач из Стоктона оказались лицом к лицу. Справедливость заставляет заметить, что ни один из них не согласился бы первым опустить глаза.

— Миллион четыреста тысяч! — сказал Кольдеруп.

— Миллион пятьсот тысяч! — произнес Таскинар.

— Миллион шестьсот тысяч долларов!..

— Миллион семьсот тысяч долларов!..

Не походило ли это на историю двух капиталистов из Глазго, поспоривших, чья заводская труба будет выше, рискуя даже навлечь катастрофу? Только в данном случае трубы состояли из золотых слитков.

Услышав последнюю надбавку Таскинара, Уильям Кольдеруп задумался, не решаясь снова ринуться в схватку. Таскинар же, напротив, рвался в бой и не хотел ни минуты тратить на размышление.

— Миллион семьсот тысяч долларов! — повторил аукционщик. — Продолжайте, господа. Ведь это сущая безделица.

Все ждали, что Фелпорг, следуя своей профессиональной привычке, непременно добавит: «Вещь стоит гораздо дороже!»

— Миллион семьсот тысяч! — орал Джинграс.

— Миллион восемьсот тысяч! — произнес Уильям Кольдеруп.

— Миллион девятьсот тысяч! — не отступал Таскинар.

— Два миллиона! — не задумываясь, крикнул Кольдеруп и чуть-чуть побледнел, но всем своим видом он давал понять, что так легко не сдастся.

Таскинар был вне себя. Огромное лицо толстяка напоминало теперь красный диск железнодорожника, которым останавливают поезда. Но, видно, Кольдеруп, не считаясь с сигнализацией, продолжал разводить пары. Таскинар это почувствовал. Кровь еще больше прилила к его лицу. Толстыми пальцами, униженными бриллиантами, он теребил массивную золотую цепочку от часов, затем, взглянув на своего противника, на минуту закрыл глаза и снова открыл. Такой ненависти, казалось, не способен выразить человеческий взгляд.

— Два миллиона пятьсот тысяч! — изрек наконец богач из Стоктона, надеясь последним маневром устранить дальнейшую надбавку.

— Два миллиона семьсот тысяч! — спокойно бросил Уильям Кольдеруп.

— Два миллиона девятьсот тысяч!

— Три миллиона!

Да! Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско действительно назвал цифру в три миллиона долларов!

Разразились аплодисменты, но они тут же смолкли, ибо Дин

Фелпорг, повторив последнюю сумму, поднял молоток и приготовился снова опустить его. Даже он, искушенный аукционист, привыкший ко всяким неожиданностям, на этот раз не мог больше сдерживаться.

Взгляды всех собравшихся в зале обратились к Таскинару. Толстяк прямо ощущал их тяжесть, но еще больше давила на него ужасающая сумма: три миллиона долларов. Она буквально навалилась на него. Он хотел что-то сказать, возможно, еще прибавить цену, но не мог... Хотел пошевелить головой... Не тут-то было...

Наконец он произнес слабо, но достаточно внятно:

— Три миллиона пятьсот тысяч!

— Четыре миллиона! — парировал Уильям Кольдеруп.

Это был последний, сокрушительный удар. Таскинар сдался. Молоток в последний раз глухо ударился о мраморный стол.

Остров Спенсер за четыре миллиона долларов был присужден Уильяму Кольдерупу из Сан-Франциско.

— Я отомщу! — злобно прошипел Таскинар.

И, бросив испепеляющий взгляд на противника, выскочил на улицу и зашагал к гостинице.

Тем временем сопровождаемый криками «ура» Уильям Кольдеруп дошел до Монтгомери-стрит. Энтузиазм американцев достиг такого градуса, что они даже забыли пропеть неизменную в подобных случаях «Янки Дудл»!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой беседа Фины Холланей с Годфри Морганом
сопровождается игрой на фортепьяно*

Итак, Уильям Кольдеруп возвратился в свой особняк на улице Монтгомери. Для Сан-Франциско она значит то же, что Риджент-стрит для Лондона, Бродвей для Нью-Йорка или Итальянский бульвар для Парижа. Вдоль громадной артерии, идущей через весь город параллельно набережной, не утихает оживление. Множество трамваев, кареты, запряженные мулами или лошадьми, деловые люди, спешащие по каменным тротуарам вдоль витрин бойко торгующих магазинов, а еще больше — любителей хорошо провести время у дверей баров.

Как описать особняк набоба из Фриско? Здесь было больше комфорта, чем вкуса, меньше эстетического чутья, чем практичности. Ведь то и другое обычно не уживается.

Пусть читатель узнает, что в доме был великолепный салон для приемов, а в нем стояло фортепьяно, звуки которого донеслись до Уильяма Кольдерупа, как только он переступил порог.

«Вот удача! — подумал он. — Оба здесь. Дам только распоряжение кассиру и сразу к ним».

И Кольдеруп направился к своему кабинету, собираясь тут же покончить с делом о покупке острова Спенсер, чтобы больше к нему не возвращаться. Оставалось только реализовать не-

сколько ценных бумаг да уплатить за покупку. Четыре строчки биржевому маклеру, и делу конец, после чего Уильям Кольдеруп сможет заняться другой операцией, не менее приятной, но совсем в другом роде.

Действительно, молодые люди находились в салоне. Она сидела за фортепьяно, а он, полулежа на диване, рассеянно слушал мелодию, которую извлекали из инструмента ее пальцы.

— Ты слушаешь? — спросила она.

— Конечно, Фина!

— Да, но слышишь ли ты хоть что-нибудь?

— Как же, все слышу. Никогда ты так хорошо не играла этих вариаций из «Auld Robin Gray».

— Но ведь это совсем не «Auld Robin Gray», Годфри, это «Гретхен за прялкой» Шуберта.

— Так я и думал, — равнодушно бросил Годфри.

Молодая девушка подняла руки над клавишами и несколько мгновений держала их так, словно собираясь взять аккорд. Потом, повернувшись вполборота, посмотрела на Годфри, который, казалось, избегал встречаться с ней взглядом.

Рано потеряв родителей, Фина Холланей воспитывалась в доме своего крестного, Уильяма Кольдерупа, любившего ее как родную дочь. Фине исполнилось шестнадцать лет. У девушки с миловидными чертами, белокурой головкой и решительным характером было доброе сердце, но не меньше и практического ума, ограждавшего ее от грез и иллюзий, свойственных юному возрасту.

— Годфри? — произнесла она.

— Что, Фина?

— Где сейчас витают твои мысли?

— Как где? Возле тебя... Здесь...

— Нет, Годфри, мысли твои не здесь... Они далеко-далеко... За морями... Не правда ли?

Рука Фины упала на клавиши. Прозвучало несколько минорных аккордов, их грустная интонация, видимо, не дошла до племянника Кольдерупа.

Его мать была родной сестрой богача из Сан-Франциско, она рано умерла, оставив сына на руках дядюшки, ибо отца Годфри Морган потерял еще раньше. Как и Фина Холланей, Годфри получил воспитание в доме Уильяма Кольдерупа, настолько увлеченного делами, что у него не нашлось времени подумать о собственной семье.

Годфри было двадцать два года, и он вел абсолютно праздную жизнь. Хоть молодой человек и удостоился университетского диплома, но более образованным от этого не стал. Жизнь предоставляла Годфри Моргану большие возможности, открывала перед ним пути, по которым он мог идти в любую сторону, но в конце концов пришел бы туда, где ему улыбнулось бы счастье.

Годфри отличался хорошим сложением, воспитанием, эле-

гантностью. Он никогда не носил колец или запонок с драгоценными камнями, одним словом, не питал пристрастия к ювелирным магазинам, до которых так падки его сограждане.

Нет ничего удивительного в том, что Годфри Морган и Фина Холланей уже видели себя женихом и невестой. Да и как могло быть иначе? Прежде всего так хотел Уильям Кольдеруп. Ничего он не желал сильнее, как сделать наследниками своего состояния двух молодых людей, к которым питал отеческие чувства, к тому же его племянник и воспитанница нежно любили друг друга. Помимо всего прочего, а может быть, с этого нужно было начинать, предстоящее супружество имело прямое отношение к делам фирмы. С самого рождения Годфри на его имя был открыт счет, на имя Фины — другой. Теперь оставалось только соединить обе суммы и открыть новый общий счет. Почтенный коммерсант нисколько не сомневался, что бракосочетание состоится и что тут не будет никаких помех.

Однако к тому времени, когда начинается наш рассказ, сам Годфри еще не чувствовал себя готовым к браку. Впрочем, его мнения никто и не спрашивал, во всяком случае, дядюшке было совершенно безразлично, что думает племянник по этому поводу.

Проводя свои дни в праздности, Годфри рано пресытился приятной жизнью со всеми благами, каких только можно пожелать, и ему захотелось повидать свет. Наследник Кольдерупа вбил себе в голову, что познал все, кроме путешествий. Действительно, из всех земель Старого и Нового Света он знал лишь одну географическую точку — свой родной город Сан-Франциско, с которым расставался только во сне.

Но разве может уважающий себя молодой человек, особенно американец, не совершить двух или трех кругосветных путешествий? В противном случае как же он испытает свои силы? Где еще встретятся ему приключения и где он сможет проявить мужество и находчивость? Преодолеть несколько тысяч лье, чтобы многое увидеть, наблюдать, расширить свой кругозор — разве это не полезное дополнение к хорошему образованию?

Примерно за год до начала нашего рассказа Годфри стал с увлечением читать книги о путешествиях. Вместе с Марко Поло он открывал Китай, вместе с Колумбом — Америку, с капитаном Куком — Тихий океан, с Дюмон д'Юрвилем — земли у Южного полюса. С тех пор Годфри загорелся желанием посетить все те места, где побывали прославленные путешественники. Ради экспедиций он готов был пойти на любой риск: встретиться лицом к лицу с малайскими пиратами, участвовать в морских сражениях, потерпеть кораблекрушение и высадиться на необитаемом острове, где он вел бы жизнь подобно Селкирку¹ или Ро-

---

¹ Селкирк — шотландский моряк, проведший несколько лет на необитаемом острове. Биографы Даниэля Дефо утверждают, что Селкирк был прототипом Робинзона Крузо, героя знаменитого романа Дефо.

бинзону Крузо. Робинзон! Стать Робинзоном! Чье молодое воображение не воспламенялось подобной мечтой при чтении романов Даниэля Дефо или Висса?¹ В этом смысле Годфри ничем не отличался от своих сверстников.

И как раз в то время, когда он грезил о путешествиях, о необитаемых островах и пиратах, дядюшка надумал связать его, как говорится, брачными узами. Путешествовать вместе с Финой, после того как она станет миссис Морган? Нет, благодарим покорно! Либо он отправится в путь один, либо вовсе откажется от своих дерзновенных планов. Годфри созреет для подписания брачного контракта не раньше, чем осуществит свои замыслы. Можно ли думать о семейном счастье, если ты еще не побывал ни в Японии, ни в Китае, ни даже в Европе? Нет! Нет! И еще раз нет!

Вот почему был рассеян Годфри, вот почему он с таким безразличием внимал мелодии, которую когда-то не уставал расхваливать.

А Фина, девушка серьезная и сообразительная, тут же все заметила. Сказать, что это совсем не доставило ей огорчения, значило бы покривить душой. Но она привыкла искать во всяком явлении свою положительную сторону и решила, что если Годфри так уж хочет попутешествовать, то лучше он сделает это до женитьбы, чем после.

Вот почему она ответила молодому человеку просто, но многозначительно:

— Нет, Годфри, мысли твои не здесь, не возле меня, они сейчас далеко-далеко, за морями!

Годфри поднялся и, не глядя на Фину, сделал несколько шагов по комнате, затем подошел к фортепьяно и рассеянно ударил по клавише указательным пальцем.

Раздалось ре-бемоль самой нижней октавы, печальная нота, отвечающая его душевному состоянию.

Фина все прекрасно поняла и без долгих колебаний решила сначала вывести жениха на чистую воду, а потом помочь ему устремиться туда, куда влечет его фантазия. Но тут дверь салона отворилась.

В комнату вошел, как всегда озабоченный, Уильям Кольдеруп. Только что покончив с одной операцией, он собирался приступить к другой.

— Итак, — изрек коммерсант, — остается лишь окончательно наметить день.

---

¹ В романе немецко-швейцарского писателя Иоганна Давида Висса «Швейцарский Робинзон» (1812) изображена трудовая жизнь на необитаемом острове не одного человека, как в «Робинзоне Крузо» Дефо, а целой семьей: отца и четырех сыновей с разными характерами и наклонностями. В 1890 году Жюль Верн опубликовал роман «Вторая родина», задуманный как продолжение «Швейцарского Робинзона» Висса.

— День? — вздрогнув, спросил Годфри. — Какой день, дядюшка, что вы имеете в виду?

— Ну, разумеется, день вашей свадьбы, — ответил Кольдеруп. — Надо полагать, не моей.

— Пожалуй, это было бы кстати, — заметила Фина.

— Что ты хочешь сказать? — удивился Кольдеруп. — Назначаем свадьбу на конец месяца. Решено?

— Но, дядя Виль, сегодня нам предстоит наметить не день свадьбы, а день отъезда.

— Отъезда? Какого отъезда?

— Да, день отъезда Годфри, который, перед тем как жениться, хочет совершить небольшое путешествие.

— Значит, ты в самом деле хочешь уехать? — воскликнул Уильям Кольдеруп, схватив племянника за руку, словно опасаясь, как бы тот от него не сбежал.

— Да, дядя Виль, — бодро ответил Годфри.

— И надолго?

— Месяцев на восемнадцать, ну, самое большее, — на два года, если...

— Если?..

— Если вы мне это разрешите, а Фина будет ждать моего возвращения.

— Ждать тебя! Нет, вы поглядите на этого жениха, который только и думает о том, как бы сбежать, — воскликнул Кольдеруп.

— Пусть Годфри поступает как хочет, — сказала девушка. — Дядя Виль! Я на этот счет много передумала. Хотя я и моложе Годфри, но если говорить о знании жизни, то я гораздо старше его. Путешествие поможет ему набраться опыта, мне кажется, не стоит его отговаривать. Собрался путешествовать — пусть едет. В конце концов ему самому захочется спокойной жизни.

— Что? — воскликнул Уильям Кольдеруп. — Ты соглашаешься дать свободу этому вертопраху?

— Да, на два года, которые он просит.

— И ты согласна ждать?

— Если бы я отказалась ждать Годфри, это означало бы, что я его не люблю.

Сказав так, Фина вернулась к фортепьяно, и ее пальцы, сознательно или невольно, тихо заиграли модную в те времена мелодию «Отъезд нареченного». Хотя песня и была написана в мажорной тональности, Фина, сама того не замечая, исполнила ее в миноре.

Смущенный Годфри не мог вымолвить ни слова. Дядя взял его за подбородок и, повернув к свету, внимательно на него посмотрел. Он спрашивал без слов, и для ответа слов тоже не понадобилось.

А мелодия, которую играла Фина, становилась все печальнее.

Наконец Уильям Кольдеруп, пройдя взад и вперед по комнате, направился к Годфри, который стоял словно подсудимый перед судьей.

— Ты это серьезно? — спросил он.

— Очень серьезно! — ответила за жениха Фина, не прерывая игры, а Годфри лишь утвердительно кивнул головой.

— All right! — произнес Кольдеруп, окинув племянника задумчивым взглядом.

Затем сквозь зубы добавил:

— Значит, перед женитьбой ты хочешь попутешествовать? Хорошо, будь по-твоему, племянник!

Сделав еще два-три шага, он остановился перед Годфри и, скрестив руки на груди, спросил:

— Итак, где бы ты хотел побывать?

— Всюду, дядюшка.

— И когда ты собираешься в путь?

— Это зависит от вас, дядя Виль.

— Ладно! Это произойдет очень скоро.

Тут Фина внезапно оборвала игру. Быть может, ей вдруг стало очень грустно? Так или иначе, решения своего она не изменила.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой читателю по всем правилам представляют Т. Артелетта, называемого Тартелеттом

Если бы Т. Артелетт жил во Франции, соотечественники непременно окрестили бы его Тартелеттом¹, и мы находим, что это имя ему очень подходит.

В своем «Путешествии из Парижа в Иерусалим» Шатобриан упоминает маленького человека, «напудренного и завитого, в зеленом костюме, дрогетовом жилете с муслиновыми манжетами и жабо, который пиликал на своей скрипке, заставляя плясать ирокезов».

Калифорнийцы, ясное дело, не ирокезы, но Тартелетт был учителем танцев и изящных манер в Калифорнии. Хоть в уплату за уроки он и не получал, как его предшественник, бобровые шкуры и медвежьи окорока, зато ему платили долларами. Во всяком случае, Тартелетт ничуть не меньше способствовал приобщению своих учеников к цивилизации, чем тот француз, обучавший хорошим манерам индейское племя.

В ту пору, когда мы представили его читателю, Тартелетт был холост и говорил, что ему исполнилось сорок пять. Но десять лет тому назад он чуть было не вступил в брак с одной не слишком юной девицей. Ради такого события его попросили в нескольких строках дать характеристику самому себе, что он и не преминул сделать. Эти данные помогут нам вос-

---

¹ Тартелетт — сладкий пирожок (фр.).

произвести портрет учителя изящных манер с двух точек зрения: моральной и физической.

Родился 17 июля 1835 года в три часа пятнадцать минут утра.

Рост — пять футов два дюйма три линии.

Объем выше бедер — два фута три дюйма.

Вес, увеличившийся за последний год на 6 фунтов,— сто пятьдесят один фунт две унции.

Форма головы — продолговатая.

Волосы — каштановые с проседью, редкие на макушке.

Лоб — высокий.

Лицо — овальное.

Цвет лица — здоровый.

Зрение — отличное.

Глаза — серо-карие.

Брови и ресницы — светло-каштановые.

Нос — средней величины, на краю левой ноздри выемка.

Щеки — впалые, без растительности.

Уши — большие, приплюснутые.

Рот — средний. Гнилых зубов нет.

Губы — тонкие, немного сжатые, обрамлены густыми усами и эспаньолкой.

Подбородок — круглый.

Шея — полная. На затылке родинка.

Когда купается, можно заметить, что тело белое, немного волосатое.

Жизнь ведет правильную, размеренную.

Не обладая крепким здоровьем, сумел тем не менее сохранить его благодаря воздержанности.

Бронхи слабые. По этой причине отказался от дурной привычки — курить табак.

Спиртных напитков, кофе, ликеров, виноградных вин не употребляет.

Короче говоря, избегает всего, что может оказать пагубное воздействие на нервную систему.

Легкое пиво, вода, подкрашенная вином,— его единственные напитки. Благодаря воздержанности ни разу в жизни не обращался к врачу.

Движения — живые, походка быстрая, характер открытый и искренний. Деликатен до крайности — до сих пор не решился соединить свою судьбу с женщиной, боясь сделать ее несчастной.

Вот в каком свете представил себя Тартелетт — безусловно, заманчивом для девицы определенного возраста. Тем не менее брак не состоялся, учитель по-прежнему жил холостяком, продолжая давать уроки танцев и изящных манер.

В таком амплуа Тартелетт и появился в доме Уильяма Кольдерупа, а с течением времени, когда ученики стали мало-помалу отсеиваться, остался приживальщиком в семье богача.

Несмотря на все странности, он был очень славный малый и все домочадцы к нему привязались. Учитель танцев любил Годфри, души не чаял в Фине, и они отвечали ему взаимностью. Теперь у него осталось только одно честолюбивое стремление: передать молодым людям все тонкости своего искусства, сделать их образцом хороших манер.

И вот представьте себе, что именно этого человека и выбрал Уильям Кольдеруп в спутники своему племяннику для предстоящего путешествия. Впрочем, дядюшка имел некоторые основания предполагать, что Тартелетт в какой-то мере способствовал желанию Годфри побродить по свету для завершения образования. Раз так, пусть едут оба! На следующий день, шестнадцатого апреля, Кольдеруп вызвал учителя танцев к себе в кабинет.

Учитель вышел из своей комнаты, на всякий случай прихватив с собой карманную скрипку, поднялся по широкой лестнице, правильно ставя ногу, как и подобает учителю танцев, деликатно постучал в дверь и с любезной улыбкой вошел в кабинет, склонившись и округлив локти.

Затем он встал в другую позицию, поставив ноги таким образом, что пятки соприкасались, а носки смотрели в противоположные стороны. Любой другой на его месте не смог бы удержаться на ногах в столь неустойчивом положении, но учитель танцев без труда сохранял равновесие.

— Мсье Тартелетт,— обратился к учителю Уильям Кольдеруп.— Я пригласил вас, чтобы сообщить одну новость. Надеюсь, она вас не поразит.

— К вашим услугам,— ответил Тартелетт.

— Свадьба моего племянника откладывается на год или на полтора. Годфри решил сначала побывать в разных странах Старого и Нового Света.

— Мистер Кольдеруп,— ответил учитель,— мой ученик с честью будет представлять страну, в которой родился.

— А равно и наставника, обучившего его хорошим манерам,— добавил почтенный коммерсант. Но простодушный Тартелетт, оставаясь безмятежен и будучи убежден, что должен продемонстрировать все классические позиции, сначала отставил ногу вбок, будто собираясь кататься на коньках, затем, слегка согнув колена, поклонился Уильяму Кольдерупу.

— Я подумал,— продолжал коммерсант,— что вам будет не слишком приятно расстаться со своим учеником.

— О, крайне неприятно,— сказал Тартелетт,— но если нужно...

— Совсем не нужно,— возразил Уильям Кольдеруп, нахмурив густые брови.

— Тогда как же? — произнес Тартелетт.

Слегка взволнованный, он отступил назад, чтобы поменить

третью позицию на четвертую, а затем широко расставил ноги, явно не сознавая, что делает.

— Вот так! — безапелляционно заявил коммерсант. — Мне пришло в голову, что было бы очень жестоко разлучать учителя и ученика, достигших редкого взаимопонимания.

— Конечно, путешествия... — пробормотал Тартелетт, казалось, не желавший ничего понимать.

— Да, безусловно... — подхватил Уильям Кольдеруп. — Во время путешествия раскроются не только таланты моего племянника, но и способности учителя, которому он обязан умением хорошо себя держать...

Бедному учителю, этому большому ребенку, ни разу даже в голову не приходило, что в один прекрасный день придется покинуть Сан-Франциско, Калифорнию и даже Америку, чтобы отправиться бороздить моря. Подобной страсти не мог понять человек, занятый больше хореографией, нежели путешествиями, и не выезжавший из города на расстояние дальше десяти миль. И вот теперь ему предлагали, нет, дали понять, что хочет он того или не хочет, но ему придется покинуть свою страну и испытать все трудности и неудобства путешествий, которыми он сам же соблазнял своего ученика! Было от чего взволноваться! Впервые в жизни бедный учитель танцев почувствовал, как задрожали его натренированные за тридцать пять лет ноги.

— Может быть, — сказал он, пытаясь вернуть шаблонную улыбку танцовщика, на мгновение сошедшую с его лица. — Может быть, я не гожусь для...

— Привыкнете! — ответил Кольдеруп тоном, не допускающим возражений.

Отказаться? Нет, это было невозможно. Тартелетт о подобных вещах даже не думал. Кем он был в доме богача? Вещью, тюком, грузом, который можно было отправить на все четыре стороны. Однако предстоящее путешествие его не на шутку встревожило.

— И когда же состоится отъезд? — спросил он, снова пытаясь встать в классическую позицию.

— Через месяц.

— И по какому же бурному морю мистер Кольдеруп отправляет нас с Годфри?

— Сначала по Тихому океану.

— А в какой точке земного шара мы должны ступить на сушу?

— В Новой Зеландии, — ответил коммерсант. — Я заметил, что новозеландцы совершенно не умеют округлять локти! Вы их подучите!

Одного знака Кольдерупа было достаточно, чтобы учитель понял, что аудиенция окончена. Он удалился в таких растрепанных чувствах, что грация, обычно сопровождавшая его поклон, на этот раз изменила ему. Впервые за всю жизнь учитель танцев

Тартелетт, забыв от волнения элементарные правила своего искусства, вышел из кабинета, не выворачивая ног.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

которая начинается со сборов к путешествию и кончается благополучным отплытием

Итак, перед тем как начать долгое путешествие вдвоем, имеваемое супружеством, Годфри должен был совершить путешествие вокруг света, что бывает иной раз намного опасней. Но наш герой рассчитывал на успех своего предприятия. Он вернется домой не зеленым юнцом, а зрелым мужем, многое сможет повидать, многое — наблюдать и сравнивать, пока не удовлетворит своего любопытства, чтобы потом со спокойной совестью наслаждаться семейным счастьем, и уже никакие искушения не заставят Годфри покинуть дом, отказавшись от оседлой жизни.

Правильно рассуждал он или нет? Это покажет будущее.

Годфри сиял от радости, а Фина, старавшаяся не выдавать своей тревоги, смирилась с предстоящим испытанием. Но вот учитель танцев Тартелетт, всегда твердо стоявший на ногах, искушенный в любых поворотах и позициях, на сей раз утратил обычную уверенность и тщетно пытался обрести ее вновь. Его качало на паркетном полу, словно на корабле во время бортовой или килевой качки.

Что касается Уильяма Кольдерупа, то, приняв последнее решение, невозмутимый коммерсант стал еще более сдержанным, особенно с племянником. Хотя по сжатым губам и полужакрытым глазам дядюшки можно было догадаться, что в его голове, где обычно роились сложнейшие финансовые комбинации, засела навязчивая мысль.

— Итак, тебе захотелось путешествовать, — бормотал он сквозь зубы, — путешествовать вместо того, чтобы жениться и сидеть дома. Ну что ж, ты попутешествуешь!

Вскоре начались приготовления.

Прежде всего следовало обсудить и взвесить все вопросы, связанные с выбором маршрута. В какую сторону отправится Годфри — на юг, на восток или на запад? Это предстояло решить в первую очередь.

Если на юг, то пароходные компании «Панама — Калифорния — Британская Колумбия» и «Саутгемптон — Рио-де-Жанейро» помогут добраться до Европы. Если он возьмет курс на восток, то сможет достичь берегов Старого Света, воспользовавшись сначала трансконтинентальной тихоокеанской железной дорогой, которая доставит его до Нью-Йорка, а дальше — любым пакетботом американской или французской трансатлантической судоходной компании.

Если ему вздумается плыть на запад, то, прибегнув к услугам трансокеанской пароходной компании «Золотой Век», он без труда доберется до Мельбурна, а оттуда на каком-нибудь судне,

принадлежащем «Восточной пароходной линии», — до Суэца. Скоординировав математически точно расписание пароходов и поездов, путешествие вокруг света легко сделать обычной туристской поездкой. Однако совсем не так следует путешествовать племяннику набоба из Фриско!

Для своих коммерческих операций Уильям Кольдеруп располагал целой флотилией паровых и парусных судов. Почему бы миллионеру не предоставить одно из них в распоряжение Годфри Моргана, как если бы он был принцем крови и путешествовал ради собственного удовольствия на деньги, заработанные подданными своего отца?

Сказано — сделано.

По приказанию Кольдерупа стали снаряжать «Дрим» — солидный пароход водоизмещением в шестьсот тонн, с двигателем в двести лошадиных сил, под командованием капитана Тюркота, испытанного морского волка, избородившего все океаны под всеми широтами. Бывалый моряк, привыкший к торнадо, тифонам и циклонам, из пятидесяти лет своей жизни сорок отдал навигации. Лечь в дрейф во время шторма или смело двигаться навстречу урагану этому храбрецу было легче, чем противостоять «сухопутной болезни», которой подвергаются морские волки в редкие недели отпуска. От вечной качки на капитанском мостике он приобрел привычку слегка покачиваться вправо и влево, вперед и назад — своего рода «качечный» тик.

Помощник капитана, механик, четыре кочегара и двенадцать матросов вместе с боцманом — всего восемнадцать человек составили экипаж «Дрима», который при спокойном ходе, то есть не более восьми миль в час, мог сойти за образцовое судно. А то, что он не в состоянии развивать хорошую скорость во время бури, — это уж другой вопрос. Но зато его не заливала волна — несомненное преимущество, компенсирующее тихоходность, особенно в тех случаях, когда некуда спешить. К тому же «Дрим» был оснащен как шхуна, и при попутном ветре пятьсот квадратных ярдов¹ парусов всегда могли облегчить работу паровой машины.

Но не подумайте, что плавание на «Дриме» должно стать только увеселительной прогулкой. Уильям Кольдеруп — человек слишком практичный, чтобы не использовать путешествие в пятьдесят — шестьдесят тысяч миль по всем морям земного шара в деловых целях. Правда, отчалить от гавани «Дриму» предстояло без груза, наполнив для устойчивости водобалластные отсеки. Пароход будет загружаться в промежуточных портах, где находятся торговые конторы богатого негоцианта. Таким образом, капитану Тюркоту не придется понапрасну гонять судно и фантазия Годфри Моргана ни на один доллар не

---

¹ Ярд — 90 см.

разорит дядюшкину кассу. Вот как подходят к делу в солидных торговых домах!

Все подробности плавания обсуждались на долгих и секретных совещаниях между Кольдерупом и капитаном Тюркотом. Но, как видно, дело, несложное на первый взгляд, оказалось не таким уж легким, ибо капитану пришлось не единожды навещать кабинет коммерсанта. Каждый раз, как он оттуда выходил, наиболее наблюдательные из домочадцев Уильяма Кольдерупа замечали, что вид у него довольно странный: волосы, словно растрепанные ветром, взъерошены, и качается он на ходу больше, чем обычно. К тому же из кабинета иногда доносились громкие голоса, из чего можно было заключить, что беседы носили далеко не миролюбивый характер. Капитан Тюркот, человек прямой, никогда не гнул спину перед Уильямом Кольдерупом. А богач так любил и ценил капитана, что даже позволял ему противоречить.

Наконец как будто все уладилось. Кто же уступил в конце концов — Уильям Кольдеруп или Тюркот? Трудно сказать, не зная предмета споров, но вряд ли капитан. Так или иначе, после восьмидневных переговоров коммерсант и моряк, как видно, все же пришли к какому-то соглашению, хотя Тюркот продолжал недовольно ворчать:

— Пусть меня унесут пятьсот тысяч чертей, если я когда-нибудь сталкивался с такой работой!

Между тем подготовка «Дрима» к плаванию быстро продвигалась, и капитан прилагал все усилия, чтобы в первой половине июня корабль мог выйти в море.

В порт Сан-Франциско заходит множество судов под разными флагами. Городская гавань стала удобной для погрузки и выгрузки товаров, после того как инженеры возвели здесь искусственные сооружения. В воду вбили прочные сваи из красной ели, а сверху положили дощатый настил, образующий широкую платформу в несколько квадратных миль, и, хотя она заняла большую часть бухты, места еще оставалось достаточно. На площадке для разгрузки высились подъемные краны и громоздилось множество тюков с товарами. К причалу в образцовом порядке, не задевая друг друга, подходили одно за другим океанские суда и речные пароходы, клипера из всех стран и американские рыбацьи баркасы. У одной из таких пристаней, в конце Уорф-Мишн-стрит, снаряжался по всем правилам «Дрим», уже прошедший в особом доке килевание¹.

Подводную часть судна выкрасили суриком, и теперь она резко отличалась своим коричневато-красным тоном от всего корпуса черного цвета, к оснастке не придрался бы лучший из знатоков, котел тщательно проверен, машина и винты блестели как новенькие. Для удобного сообщения с сушей на палубе

---

¹ Килевание — ремонт подводной части судна.

«Дрима» установили быстроходную и устойчивую паровую шлюпку.

Люди, поставленные капитаном Тюркотом для наблюдения за работой машины и парусами, слыли специалистами своего дела, лучших и найти трудно. На нижней палубе в загонах поместили скот и птицу: агути, баранов, коз и кур. Кроме того, здесь сложили большое количество ящиков с отборнейшими консервами.

Что касается маршрута, то пока было известно, что первую остановку они сделают в Окленде, столице Новой Зеландии, если, конечно, потребность в топливе или противные ветры не заставят зайти на какой-нибудь архипелаг или в китайский порт. Впрочем, все эти подробности не имели для Годфри никакого значения с той минуты, как он узнал, что путешествие состоится, и еще меньше интересовали они Тартелетта, чье болезненное воображение с каждым днем рисовало все новые и новые опасности.

Путешественникам оставалось выполнить еще одну формальность: сняться у фотографа.

Какой жених позволит себе отправиться в кругосветное путешествие, не взяв с собой фотографию невесты и не оставив ей своей? Поэтому Годфри в костюме туриста предстал перед Стефенсоном, фотографом с Монтгомери-стрит. Его сопровождала Фина в строгом костюме для прогулок, доверившая объективу свое миловидное, немного опечаленное лицо. Обмен фотографиями — иллюзорный способ сохранить близость во время долгой разлуки. Портрет Фины будет стоять в каюте Годфри, а портрет Годфри — в комнате его невесты.

Несмотря на то что Тартелетт не был женихом и быть им не собирался, решили и его запечатлеть на сверхчувствительной бумаге. Но при всем своем таланте мистер Стефенсон не сумел сделать приличного снимка. На фотографии выходило какое-то смутное пятно, в котором никто не узнавал учителя танцев и изящных манер. А все оттого, что во время съемки Тартеллетт, не слушая указаний ассистентов знаменитого фотографа, беспрестанно ерзал. Попытались испробовать другой, более прогрессивный метод — моментальную съемку. Бесполезно! Тартелетт начал раскачиваться, как капитан «Дрима» на мостике.

Пришлось отказаться от идеи увековечить черты этого замечательного человека — непоправимая потеря для будущих поколений, если (мы, конечно, далеки от столь мрачной мысли) Тартелетт вместо того, чтобы попасть (как он надеялся) в Старый Свет, отправится (чего он опасался) на тот свет, откуда нет возврата.

Итак, приготовления закончились, оставалось лишь сняться с якоря. Девятого июня в особняке на Монтгомери-стрит дали прощальный завтрак. Пили за счастливое путешествие Годфри и за его скорое возвращение.

Молодой человек был очень взволнован и даже не пытался этого скрыть. Фина держалась гораздо спокойнее. Что касается

Тартелетта, то он утопил свои волнения в нескольких бокалах шампанского, действие которого сказывалось до самого отъезда. Он даже забыл захватить с собой карманную скрипку, и ему доставили ее в тот момент, когда на корабле уже отдали концы.

Последние рукопожатия. Последние прощальные возгласы. Несколько оборотов винта — и пароход стал медленно отчаливать.

— Прощай, Фи́на!

— Прощай, Годфри!

— Счастливого пути! — крикнул Уильям Кольдеруп.

— А главное — благополучного возвращения! — крикнул в ответ учитель танцев и изящных манер.

— Смотри, Годфри, — добавил Кольдеруп, — никогда не забывай девиз, который начертан на корме «Дрима»: «Confide, recte, agens!»¹

— Не забуду, дядя Виль! Прощай, Фи́на!

— Прощай, Годфри!

Пароход отошел. С борта и с пристани махали платками до тех пор, пока те и другие могли хоть что-нибудь разглядеть.

Итак, «Дрим» оставил позади бухту Сан-Франциско, едва ли не самую большую в мире, миновал узкий канал «Golden-gate»² и очутился в водах Тихого океана, будто и в самом деле за ним только что закрылись ворота.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой читателю предстоит познакомиться с новым персонажем

Путешествие благополучно началось. Впрочем, читатели согласятся, что выйти из гавани куда легче, чем в нее возвратиться. Поэтому учитель танцев Тартелетт любил повторять со свойственной ему неслгибаемой логикой: «Путешествие всегда имеет начало, но значительно важнее, где и когда оно кончится».

Дверь каюты Годфри выходила на полуют, а там была устроена столовая. Наш юный герой расположился со всем комфортом. Портрет Фи́ны занял свое место на самой светлой стене. Койка, умывальник, несколько шкафчиков для одежды и белья, рабочий стол, удобное кресло — что еще нужно путешественнику двадцати двух лет? В таких условиях можно и двадцать два раза объехать вокруг света! К счастью, юный возраст, крепкое здоровье и хорошее настроение, которыми обладал Годфри, определяли его жизненную философию.

Ах, молодые люди, молодые люди! Путешествуйте, если можете, а если не можете... все равно путешествуйте!

А вот Тартелетту было совсем невесело. Его каюта, находившаяся рядом с каютой Годфри, казалась ему слишком узкой,

¹ Действуй смело и верь! (лат.)

² Золотые ворота (англ.).

койка — невозможно жесткой, а свободное пространство в шесть ярдов явно недостаточным, чтобы проделывать на нем танцевальные па.

Мог ли турист хоть на время подавить в нем учителя танцев и хороших манер? Нет! С этим призванием он родился, и даже в предсмертный час — мы уверены — ноги его лягут в первой позиции: пятки вместе, носки врозь.

Было решено за трапезой собираться всем вместе. Годфри и Тартелетт сидели друг против друга, а капитан и его помощник — на противоположных концах так называемого «качечного стола», или «стола боковой качки». Это ужасное наименование не оставляло сомнений, что место учителя танцев будет часто пустовать.

Девятого июня, в день отъезда, погода стояла прекрасная. Дул легкий северо-восточный бриз. Чтобы прибавить скорость, капитан Тюркот приказал поднять паруса, после чего «Дрим» перестал раскачиваться с боку на бок. А поскольку волна была теперь в корму, уменьшилась и килевая качка. Пароход шел в юго-западном направлении, по спокойному, с редкими барашками, морю, и американский берег скоро исчез за горизонтом.

В течение двух последующих дней ничего значительного не произошло. «Дрим» шел по-прежнему полным ходом.

Но несмотря на спокойное начало путешествия, капитан Тюркот иногда проявлял признаки тревоги, не укрывшиеся от пассажиров. Каждый день он с необыкновенной пунктуальностью определял местонахождение корабля. Затем капитан записался со своим помощником в каюте, и там они долго что-то обсуждали, словно ожидая каких-то важных событий. Правда, эти секретные совещания ускользнули от внимания Годфри, человека неискушенного, но у некоторых матросов они вызывали недоумение — тем более что ночами, уже два или три раза, «Дрим» без видимой причины менял курс. Что является вполне естественным для парусного судна, зависящего от направления ветра, то выглядит весьма странным для парохода, который мог следовать намеченным курсом, спуская паруса при неблагоприятном ветре.

Утром двенадцатого июня на борту произошло нечто неожиданное.

В ту минуту, когда капитан Тюркот, его помощник и Годфри собирались приступить к завтраку, на палубе послышался шум и на пороге столовой показался боцман.

— Капитан! — обратился он к Тюркоту.

— Что случилось? — встревоженно спросил Тюркот; как истый моряк, он был всегда настороже.

— На борту оказался китаец, — ответил боцман.

— Китаец?

— Да. Мы только что обнаружили его в трюме.

— Тысяча чертей! — вскричал Тюркот. — Бросьте его в море.

— All right! — ответил боцман.

Как большинство калифорнийцев, испытывавших настоящее презрение к жителям Срединного царства, боцман с радостью выслушал приказание и готов был исполнить его без малейших угрызений совести.

Капитан Тюркот поднялся от стола и в сопровождении Годфри и своего помощника направился к баку.

Там они увидели китайца, который отчаянно отбивался от двух или трех матросов, пытавшихся скрутить ему руки, награждая при этом увесистыми тумаками. Новый пассажир, человек лет тридцати пяти — сорока, с умным лицом, гладкими щеками, лишенными всяких признаков растительности, выглядел немного осунувшимся, — по-видимому, от шестидневного пребывания в душном трюме. Его обнаружили там по чистой случайности.

Капитан тут же велел матросам отпустить несчастного.

— Кто ты? — спросил он.

— Сын неба.

— Как твое имя?

— Сенг-Ву.

— Что ты здесь делаешь?

— Плыву, — вежливо ответил китаец, — и при этом никому не причиняю ни малейшего вреда.

— Верно! Ни малейшего вреда!.. А когда же ты успел спрятаться в трюме? Незадолго до отхода?

— Так оно и было, капитан.

— Чтобы бесплатно прокатиться из Америки в Китай, на другой берег Тихого океана?

— Да, если вам угодно.

— А если мне это неудобно? Если я предложу тебе добратся до Китая вплавь?

— Попробую, — с китайской улыбкой ответил Сенг-Ву, — но скорее всего я утону по дороге.

— Ах, вот что! Сейчас я покажу тебе, как экономить деньги на проезд.

Не вмешайся Годфри — крайне рассерженный капитан, вероятно, тут же привел бы свою угрозу в исполнение.

— Послушайте, капитан, — обратился к нему молодой путешественник. — Лишний китаец на борту «Дрима» — значит одним китайцем меньше в Калифорнии. А там их и без того достаточно...

— Даже предостаточно, — заметил немного успокоившийся Тюркот.

— Действительно, их там слишком много, — продолжал Годфри. — Итак, за то, что этот оборванец счел нужным освободить от своего присутствия Сан-Франциско, он заслуживает снисхождения. Давайте высадим его где-нибудь неподалеку от Шанхая и забудем о нем.

Утверждая, что в штате Калифорния слишком много китай-

цев, Годфри выражал мнение большинства калифорнийцев. В самом деле, массовое переселение жителей Китая в Америку становилось серьезной проблемой. Трудолюбивый народ, отличавшийся особым мастерством в промывании золота, довольствуясь ежедневной щепоткой риса да несколькими глотками чая, позволял себя безбожно эксплуатировать, тем самым снижая заработки и у местных рабочих. По этой причине, а также из опасения, как бы китайцы не получили голосов в Конгрессе, их иммиграцию, вопреки американской конституции, пытались ограничить особым законом, а именно: китайцы были лишены права гражданства. Жили они обособленно, сохраняя свои обычаи. Граждане Соединенных Штатов относились к ним примерно так же, как к неграм или индейцам.

В столице Калифорнии китайцы поселились в квартале близ улицы Сакраменто, где красовались их вывески и традиционные фонарики. Там разгуливали тысячи китайцев в национальных халатах с широкими рукавами, в конусообразных шапках и сапогах с загнутыми носками. Чаше всего они служили в лавках, занимались садовниками или поварами, работали в прачечных и имели даже свои драматические труппы.

Пора уже сообщить читателям, что Сенг-Ву состоял в одной из таких трупп на ампула первого комика, если подобное ампула вообще может быть применимо к китайскому актеру. Действительно, лица у них столь серьезные, даже когда они шутят, что калифорнийский романист Брет Гарт с полным основанием утверждал, будто никогда не видел на сцене ни одного смеющегося китайского актера. По этой же причине, присутствуя на представлении китайской пьесы, он никак не мог решить, трагедию дают или фарс.

Итак, Сенг-Ву был комическим актером.

Закончив сезон с большим успехом и небольшим количеством звонкой монеты, он решил еще при жизни добраться до родной страны¹, для чего и проскользнул тайком в трюм парохода «Дрим». Запасшись провизией, Сенг-Ву, как видно, надеялся провести на судне несколько недель, а потом незаметно высадиться где-нибудь на китайском берегу.

Годфри сделал правильно, вступившись за безбилетного пассажира, и капитан Тюркот, бывший, в сущности, не таким уж грозным человеком, каким хотел выглядеть в глазах окружающих, с легкостью отказался от своего решения выбросить Сенг-Ву за борт. Теперь китайцу не было надобности забиваться в трюм, и он мог продолжать путешествие. Правда, китайский актер старательно избегал встреч с матросами, не упускавшими случая как-нибудь задеть его. Впрочем, Сенг-Ву так мало весил, что его присутствие на судне не вызвало перегрузки, и, хотя ки-

---

¹ По китайскому обычаю, захоронение нужно производить только на родной земле, и существуют специальные суда, занимающиеся перевозкой трупов. (Примеч. авт.)

таец путешествовал бесплатно, Уильяма Кольдерупа он не разорил ни на один цент.

И все же появление китайца на «Дриме» наводило капитана Тюркота на размышления, которые были понятны только его помощнику:

— Как бы не помешал проклятый китаец, когда дойдет до дела... Вот уж некстати свалился нам на голову этот сын Поднебесной империи! Впрочем, тем хуже для него!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

*в которой читатель сможет убедиться, что Уильям Кольдеруп
не напрасно застраховал свой корабль*

В течение трех следующих дней — тринадцатого, четырнадцатого и пятнадцатого июня — барометр медленно опускался ниже отметки «переменно», стрелка колебалась между «дождем», «ветром» и «бурей». Ветер стал заметно свежее. «Дриму» приходилось бороться с высокими волнами, набегавшими с носа. Паруса предусмотрительно убрали; пароход продвигался вперед только благодаря гребному винту, да и то вращавшемуся не в полную силу, чтобы избежать резких толчков.

Годфри легко переносил и бортовую и килевую качку, не теряя ни отличного настроения, ни завидного аппетита. Кажется, юноша действительно любил море, чего нельзя сказать о Тартелетте.

Тартелетт море ненавидел, и оно платило ему тем же. Надо было видеть несчастного учителя изящных манер, когда, забыв о профессиональной грации, он выписывал на палубе вензеля вопреки всем правилам танцевального искусства! Но ему ничего другого не оставалось: гораздо хуже отсиживаться в каюте, без воздуха, где так же качает и трясет.

Начиналась боковая качка — беднягу швыряло от одного борта к другому.

Начиналась килевая качка — и его перекачивало от кормы к носу.

Подавляя тошноту, Тартелетт цеплялся за планширы, пытался ухватиться за шкоты, принимая самые нелепые, с точки зрения классической хореографии, позы!

Ах, если бы учитель мог взлететь ввысь, как воздушный шар, и не делать больше диких прыжков на постоянно раскачивающейся палубе! И зачем только сумасбродному богачу Уильяму Кольдерупу вздумалось обресть его на такие пытки!

— Долго еще будет продолжаться эта ужасная погода? — по двадцать раз на дню спрашивал он у капитана Тюркота.

— Гм... Барометр пока не радуется, — отвечал капитан, хмурия брови.

— А скоро ли мы прибудем на место?

— Скоро, господин Тартелетт!.. Гм... теперь уже скоро... Придется еще немного потерпеть.

— И этот океан называется Тихим! — повторял несчастный в промежутках между позывами к рвоте и акробатическими кульбитами.

Надо сказать, что учитель танцев страдал не только от морской болезни, но еще и от страха, охватывавшего его при виде громадных валов, поднимавшихся до уровня палубы. Хореограф оглушал грохот машинного отделения, шум выхлопных клапанов, выпускавших отработанный пар мощными толчками. Он всем телом ощущал, как пароход проваливается в какую-то пропасть и тут же выскакивает пробкой, взлетая на водяную вершину.

— Нет, тут ничем не поможешь, корабль непременно перевернется, — повторял несчастный, устремив на своего ученика бессмысленный взор.

— Спокойствие, Тартелетт! — утешал его Годфри. — Кораблю положено качаться на волнах, и при этом плавать, а не тонуть.

— Не вижу оснований для успокоения, — сердился танцор.

Одержимый маниакальной идеей, учитель танцев надел на себя спасательный пояс и не расставался с ним ни днем, ни ночью. Всякий раз, когда море немного успокаивалось, он надует его потуже, но, как ни старался, ему казалось, что пояс еще недостаточно надут. Страх Тартелетта был вполне понятен. Человеку, не привыкшему к морю, разгул стихии доставляет немало тревог, а Тартелетт никогда не плавал даже по тихим водам бухты Сан-Франциско.

А между тем погода ухудшалась, угрожая шквальным ветром. Если бы пароход находился вблизи берега, на это указали бы семафоры¹.

Сотрясаемый гигантскими валами, корабль шел средним ходом, чтобы не вышла из строя машина и не сломался винт, который то погружался в воду, то, взлетая на волнах, работал вхолостую. В такие моменты лопасти били по воздуху, рискуя повредить двигатель. Из-под кормы «Дрима» слышались глухие выстрелы, и поршни двигались с такой скоростью, что механик едва успевал регулировать ход.

Вскоре от внимания Годфри не укрылось одно странное явление, причину которого он сначала никак не мог понять: ночью пароход трясло меньше, чем днем. Следовало ли отсюда заключить, что ветер стихал после захода солнца и наступало некоторое затишье?

Разница была настолько очевидной, что в ночь с двадцать первого на двадцать второе июня Годфри решил выяснить, в чем дело. Как раз в этот день море слегка штормило, ветер усилился, и казалось, что длинный день никогда не кончится. Дождавшись

---

¹ Семафоры — сигнальные приспособления, расположенные в опасных местах или указывающие приближение бури.

полночи, Годфри поднялся, оделся потеплее и вышел на палубу. На вахте стоял капитан Тюркот. Он находился на мостике и пристально вглядывался в даль. Годфри почувствовал, что, хотя ветер и не уменьшился, натиск волн, рассекаемых форштевнем «Дрима», заметно ослабел. Он поднял глаза и посмотрел на задержанную черным дымом трубу — дым отлетал не назад, а вперед, по ходу судна.

«Значит, ветер переменялся», — заметил он про себя.

Очень довольный своим наблюдением, Годфри поднялся на мостик и подошел к Тюркоту.

— Капитан! — окликнул он моряка.

Плотно закутанный в клеенчатый плащ, тот не слышал шагов и не мог скрыть своего удивления, увидев своего пассажира.

— Это вы, мистер Годфри? Вы... Здесь...

— Да, капитан, я пришел спросить у вас...

— О чем? — перебил его Тюркот.

— Ветер не переменялся?

— Нет, мистер Годфри, к сожалению, нет... И я боюсь, как бы он не был предвестником бури.

— Однако ветер теперь сзади!

— Ветер теперь сзади... В самом деле... Да, ветер сзади... — повторил капитан, почему-то раздосадованный замечанием пассажира. — Но... помимо моей воли, — добавил он.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что для безопасности судна пришлось изменить направление, чтобы уйти от бури.

— Досадно, если мы из-за этого задержимся, — сказал Годфри.

— Да, очень досадно, — согласился капитан, — но днем, как только море немного стихнет, я снова поверну на запад. А сейчас советую вам, мистер Годфри, вернуться в каюту. Доверьтесь мне! Постарайтесь уснуть, пока нас качает на волнах. Так будет лучше.

Годфри покорно кивнул головой и бросил тревожный взгляд на небо, по которому стремительно мчались низкие тучи. Затем он покинул мостик и вернулся в свою каюту, где тотчас же погрузился в крепкий сон.

На следующее утро, двадцать второго июня, ветер не успокоился, но «Дрим», как и обещал капитан Тюркот, пошел прежним курсом. Столь странное плавание — днем на запад, ночью, на восток — длилось еще двое суток. Постепенно стрелка барометра стала указывать на повышение давления, и ее колебания были уже не такими резкими. Следовало ожидать, что с переменной ветра корабль избежит бури.

Действительно, так и случилось.

Двадцать пятого июня около восьми часов утра, когда Годфри поднялся на палубу, легкий северо-восточный ветерок гнал по небу облака. Солнечные лучи играли на снастях судна, отбрасывая яркие блики. Море, отсвечивавшее зеленью в глубине,

серебрилось на поверхности, легкий ветерок покрывал пеной гребни волн. Собственно говоря, это и были не волны, а легкая морская зыбь, тихо качавшая пароход. Зыбь или волны, затишье или буря — для учителя танцев Тартелетта все было едино. Он полулежал на палубе, безмолвно открывая и закрывая рот, словно карп, вынутый из воды.

Помощник капитана, стоя на полукате, глядел в подзорную трубу, направив ее на северо-восток.

Годфри приблизился к нему.

— Ну что, — сказал он весело, — сегодня, пожалуй, лучше, чем вчера!

— Да, мистер Годфри, — ответил помощник, — море успокоилось.

— И «Дрим» взял прежний курс?

— Нет еще.

— Нет? Но почему же?

— Потому что шквальный ветер отогнал нас к северо-востоку, и теперь требуется снова проложить курс. В полдень мы произведем наблюдения, и капитан даст нам указания.

— А где он сам? — спросил Годфри.

— Капитана нет на борту.

— Нет на борту?

— Да... ему пришлось ненадолго покинуть судно. Когда небо прояснилось, вахтенные заметили на востоке буруны, не обозначенные у нас на карте. Чтобы узнать, что это за рифы, капитан Тюркот приказал спустить шлюпку и вместе с боцманом и тремя матросами отправился на разведку.

— Давно?

— Часа полтора назад.

— Как жалко, что меня не предупредили! Я бы с удовольствием к ним присоединился!

— Вы еще спали, мистер Годфри, — сказал помощник, — и капитан не хотел вас будить.

— Досадно. Но скажите, в какую сторону ушла шлюпка?

— Туда, — показал помощник капитана, — на северо-восток от правого борта.

— А их можно разглядеть в подзорную трубу?

— Нет, они слишком далеко.

— Надеюсь, скоро вернутся?

— Им нельзя медлить, — ответил помощник, — ведь капитан должен определить местонахождение корабля, а для этого ему необходимо оказаться на борту до полудня.

Поговорив с помощником, Годфри уселся на краю полубака и велел принести морской бинокль. Ему хотелось увидеть возвращающуюся шлюпку. Что же касается морской разведки, предпринятой капитаном Тюркотом, то она его несколько не удивила. Конечно же, «Дрим» не должен наскочить на подводные рифы, если там действительно рифы.

Прошло два часа. Наконец в половине одиннадцатого на го-

ризонте показался тонкий, как стрелка, дымок, поднимавшийся, очевидно, над паровой шлюпкой.

Годфри, наблюдая за ботом в бинокль, видел, как он, словно вырастая из моря, постепенно принимал все более четкие очертания, как на фоне светлого неба все резче вырисовывалась струйка дыма, смешиваясь с облачками пара. Лодка быстро приближалась. Скоро ее уже можно было разглядеть невооруженным глазом, а затем различить и белую полосу пены возле носа, и длинную пенистую борозду за кормой, расходившуюся в стороны, как хвост кометы.

В четверть двенадцатого капитан Тюркот причалил к «Дриму» и поднялся на его палубу.

— Итак, капитан, есть новости? — спросил Годфри, пожимая ему руку.

— Здравствуйте, мистер Годфри! Добрый день!

— Буруны действительно представляют опасность?

— Одна видимость! — ответил капитан. — Мы не обнаружили никаких рифов. Наши люди ошиблись. По правде говоря, я-то не очень им поверил.

— Значит, нас больше ничто не задержит? — спросил Годфри.

— Да, мы пойдем нужным курсом. Но прежде я должен определить координаты.

— Шлюпку можно поднять на борт? — спросил помощник.

— Рано, — ответил капитан, — она еще может понадобиться. Возьмите ее на буксир.

Матросы тут же исполнили приказание капитана.

Спустя сорок пять минут капитан Тюркот с помощью секстанта измерил высоту солнца и определил курс. Покончив с этим делом и бросив последний взгляд на горизонт, он подозвал к себе помощника и увел в свою каюту, где они довольно долго совещались.

Погода стояла прекрасная. «Дрим» мог идти своим ходом, не поднимая парусов. К тому же ветер утих настолько, что даже при усиленной работе винта паруса не наполнились бы, и потому их пришлось убрать.

Годфри блаженствовал. Плавание по спокойному морю, под безоблачным голубым небом вселяло в него бодрость, укрепило душу и тело! Но ничто не могло развеселить бедного Тартелетта. Хотя море и не внушало ему больше опасений, учитель танцев потерял всякую способность реагировать на что-либо. Он заставил себя пообедать, не чувствуя вкуса пищи и без всякого аппетита. Годфри хотел снять с него спасательный пояс, сдавивший грудь, но Тартелетт решительно воспротивился. Разве не могло это сооружение из дерева и железа, именуемое кораблем, в любую минуту дать трещину?

Наступил вечер. Туман надвинулся густой пеленой, повиснув над морем. По всем признакам, ночь будет непроглядной. Хорошо, что хоть рифов не оказалось поблизости! Капитан Тюр-

кот сверил их расположение по карте. Впрочем, случайные столкновения всегда возможны, особенно вот в такие туманные ночи.

После захода солнца на судне зажгли все фонари: белый — высоко на фок-мачте, и два на вантах: справа — зеленый, слева — красный.

Если бы столкновение и произошло, то, во всяком случае, не по вине экипажа, что, впрочем, довольно слабое утешение. Потонуть, даже при соблюдении всех морских правил, — все равно потонуть. Не стоит труда догадаться, кому из пассажиров «Дрима» приходили в голову подобные мысли. Этот достойный джентльмен, катаясь от борта к борту и от носа к корме, добрался все-таки до своей каюты, а Годфри тем временем прошел в свою. Учитель танцев по-прежнему не расстался с сомнением, а молодой человек — с надеждой спокойно провести ночь, ибо «Дрим» тихо покачивался на длинной волне.

Капитан Тюркот, передав вахту помощнику, тоже отправился к себе, надеясь немного передохнуть. Все было в порядке. Корабль твердо держал курс даже в тумане, оставлявшем, впрочем, некоторую видимость. Было похоже на то, что туман не будет сгущаться. Никакая опасность больше не угрожала судну.

Через двадцать минут Годфри крепко спал, а мучимый бессонницей Тартелетт, не снявший одежды и спасательного пояса, протяжно вздыхал, ворочаясь на койке.

Около часа ночи Годфри проснулся от громкого крика.

Вскочив на ноги, молодой человек впопыхах оделся и натянул сапоги. Еще не успев выбежать из каюты, он услышал вопли на палубе: «Мы тонем! Мы тонем!» Годфри бросился наверх. На полуюте он наткнулся на какой-то мягкий неподвижный предмет, в котором с трудом распознал Тартелетта.

Весь экипаж был на палубе. Матросы быстро выполняли приказания капитана и помощника.

— Столкновение? — спросил Годфри.

— Не знаю... Ничего пока не знаю. Такой проклятый туман, — отвечал помощник. — Ясно только, что мы тонем...

— Тонем? — переспросил Годфри.

И действительно, «Дрим», возможно наткнувшись на риф, медленно и неотвратно погружался в пучину моря. Вода дошла до палубы и, без сомнения, уже залила топку и погасила огонь.

— Бросайтесь в море, мистер Годфри! — вскричал капитан. — Нельзя терять ни минуты! Корабль идет ко дну! Если вы будете медлить, вас затынет в водоворот!

— А мой учитель?

— Я позабочусь о нем. Здесь всего около полукабельтова¹ до берега.

---

¹ Кабельтов — морская мера длины — около 200 метров.

— А вы, капитан?

— Мой долг — покинуть корабль последним, и я остаюсь! — твердо сказал капитан. — Быстрее! Быстрее! Дорога каждая секунда!

Годфри колебался, но вода уже начала заливать палубу.

Капитан Тюркот знал, что Годфри плавает, как рыба, он схватил его за плечи и толкнул за борт. И как раз вовремя! Если бы не густая темнота, то можно было бы увидеть, как возле «Дрима» разверзлась водяная бездна.

Благодаря штилю Годфри удалось быстро отплыть от водяной воронки, которая втянула бы его, подобно Мальштрему¹.

Все произошло за какую-нибудь минуту. Под крики отчаяния один за другим погасли корабельные фонари. Сомневаться не приходилось: «Дрим» пошел ко дну...

Вскоре Годфри добрался до высокой скалы, где и нашел укрытие от волн.

В кромешной тьме напрасно он звал на помощь. Не услышав ничего в ответ, не зная, где он находится — на уединенной скале или на вершине какого-нибудь рифа, быть может единственный, уцелевший в кораблекрушении, молодой человек решил дожидаться наступления дня.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*в которой Годфри предается печальным размышлениям
относительно мании путешествий*

Кто знает, сколько часов еще пройдет в ожидании, прежде чем на горизонте появится солнце. В подобных обстоятельствах часы кажутся вечностью.

Для начала — слишком суровое испытание. Но ведь Годфри пустился в море не ради удовольствия! Отправляясь в путешествие, он прекрасно сознавал, что счастливая, безмятежная жизнь остается позади, а дальше придется преодолевать всевозможные трудности, которые встретятся на пути. Но что бы ни случилось, путешественник не должен терять мужества!

Пока что Годфри чувствовал себя в полной безопасности на скале, омываемой морским прибоем. А если начнется прилив?.. «Нет, — рассудил Годфри, — кораблекрушение произошло во время новолуния, когда вода достигает высшего уровня. Значит, волны меня не достанут...»

А что за скала подарена ему судьбой? Была ли она единственной, поднимавшейся из моря скалистой вершиной, или возвышалась над цепью рифов? Что за берег разглядел капитан Тюркот во тьме? Какому он принадлежит матерiku? Очевидно, во время бури, не утихавшей несколько дней, «Дрим» сбился со своего пути, а найти прежний курс не удалось. Безусловно, так оно и случилось, иначе капитан Тюркот не стал бы утверждать,

---

¹ Мальштрем — водоворот около берегов Норвегии.

что на его карте здесь не обозначено рифов. И ведь говорил он это не далее как два-три часа назад. Кроме того, капитан сам ездил на разведку, чтобы проверить утверждение вахтенных, которые будто бы заметили на востоке белые буруны...

Теперь-то стало ясно, что, если бы капитан Тюркот еще чуть-чуть продолжил свою разведку, не произошло бы катастрофы. Но зачем возвращаться к прошлому? Чему быть, того не миновать!

Сейчас для Годфри самое важное — выяснить, нет ли поблизости какой-нибудь земли. Для него это вопрос жизни и смерти. В какой части Тихого океана он очутился, можно будет поразмыслить потом. Как только рассветет, во что бы то ни стало надо покинуть скалу. Но как? Если поблизости не окажется ни островка, ни вообще какой-либо суши? Вполне возможно, что капитана ввел в заблуждение туман и на рассвете Годфри вокруг себя ничего не увидит, кроме беспредельного моря...

Пока он и в самом деле ничего не видел. Не доносилось никаких запахов, говоривших бы о близости земли, до слуха не долетало ни звука, кроме плеска волн. Ни одна птица не пересекала крыльями темноту. Ничего — кроме водяной пустыни... Годфри прекрасно сознавал, что на спасение у него один шанс из тысячи, и речь теперь идет не о том, чтобы продолжать кругосветное путешествие, а чтобы без страха глянуть в лицо смерти. Оставалось терпеливо ждать наступления дня, а затем покориться судьбе — если избавление окажется невозможным, либо решиться на все — если ему представится хотя бы один шанс на спасение.

Поразмыслив, он немного успокоился и поудобнее уселся на плоской вершине не более двадцати шагов в длину и ширину. Чтобы подготовиться в любую минуту пуститься вплавь, Годфри снял с себя вымокшую шерстяную куртку и отяжелевшие от воды сапоги.

Но неужели, кроме него, не спасся ни один человек? Неужели никому из экипажа «Дрима» не удастся добраться до земли? Страшно подумать, что всех могло затянуть в водоворот, который образуется на месте утонувшего корабля! Последний, с кем говорил Годфри, был капитан Тюркот. Отважный моряк решил покинуть судно последним. Он же толкнул Годфри за борт, когда палуба начала уходить под воду...

А как же все остальные: несчастный Тартелетт, на которого Годфри наткнулся, выбегая на палубу, или тот бедный китаец, забившийся в трюм? Что с ними случилось? Неужели только ему одному удалось спастись? Но ведь за парходом на буксире следовала шлюпка! Не мог ли кто-нибудь из команды воспользоваться ею и таким образом спастись с тонущего корабля? Нет, скорее всего шлюпку тоже затянуло в водоворот, и теперь она покоится на глубине двух или трех десятков морских саженей¹.

---

¹ Сажень — около 2 м.

Годфри подумал, что если в этой непроглядной тьме ничего нельзя увидеть, то слышать можно не хуже, чем днем. Ничто не мешало ему сейчас, в полной тишине, кричать и звать на помощь. Быть может, на его зов откликнется кто-нибудь? Он стал изо всех сил кричать, чтобы его могли услышать на большом расстоянии.

Напрасно. Никто не отвечал.

Он повторял свои призывы по нескольку раз, поворачиваясь во все стороны.

Молчание.

— Один... я совсем один,— в отчаянии шептал юноша.

Никакого отзвука. Будь поблизости утесы, скалы или высокие берега, его голос, отраженный препятствием, эхом вернулся бы назад. Итак, либо берег на востоке так низок, что не может отражать звуков, либо, что более вероятно, никакой земли поблизости попросту нет. Скорее всего, скала, на которой нашел убежище Годфри, одиноко торчит посреди моря.

Прошло три долгих часа. Вымокий и продрогший, Годфри ходил взад и вперед по крошечной площадке, пытаясь согреться. Наконец облака в зените посветлели, предвещая появление первых лучей солнца.

Повернувшись в ту сторону, где могла быть земля, бедняга пытался разглядеть, не выступит ли из тьмы силуэт какого-нибудь утеса, поднимающееся солнце должно бы обозначить его контуры. Но заря только-только занималась, и пока еще ничего нельзя было разглядеть. На море лег туман, скрывший очертания прибрежных скал,— если, разумеется, поблизости находился берег.

Конечно, не стоит предаваться иллюзиям. Скорее всего, буря выбросила Годфри на одинокую скалу, затерявшуюся в Тихом океане. А раз так, то его ждет скорая смерть — от голода, от жажды, а может быть,— если он сам того захочет,— в морской пучине, которая станет его последним прибежищем.

Несчастный юноша по-прежнему всматривался в даль, сосредоточив в напряженном взгляде всю силу воли и всю свою еще не погасшую надежду.

Наконец утренний туман стал рассеиваться. Перед глазами Годфри постепенно вырисовывались камни и рифы, окружавшие скалу, точно морские звери: скопление каменных глыб странной формы и всевозможных размеров, обращенных к западу и к востоку. Огромный утес, на вершине которого находился Годфри, возвышался к западу от гряды коралловых рифов, приблизительно в тридцати саженях от того места, где потерпел кораблекрушение «Дрим». Море там, по всей вероятности, очень глубоко, так как от парохода не осталось и следа, не виднелись даже верхушки мачт. Впрочем, подводные течения могли отнести корабль в сторону.

Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы Годфри понял: ждать спасения с этой стороны бесполезно. Все его внимание те-

перь сосредоточилось на полосе бурунов, постепенно выступавших из тумана. Надо заметить, что уровень воды был сравнительно низок благодаря отливу, и над морем выступили многочисленные скалы, разделенные то обширными водными пространствами, то узенькими проливами. Если бы риф примыкал к берегу, добраться до него по камням не составило бы труда. Но ничего похожего на берег не увидел несчастный путешественник!

Туман между тем становился прозрачней. Теперь уже Годфри мог рассмотреть на расстоянии полумили, среди скал песчаные отмели, покрытые водорослями. Неужели поблизости лежит материк или хотя бы остров?

Действительно, в восточной части горизонта вдруг показался ряд низких холмов, усеянных гранитными глыбами. Солнце выпило последние утренние испарения, и теперь огненный диск медленно выплывал из воды.

— Земля! Земля! — закричал Годфри.

Протянув к ней руки, юноша, в радостном порыве, опустился на колени.

И в самом деле, это была земля. Годфри как раз находился на выступе, образованном рифами и являвшемся южным мысом бухты окружностью не менее двух миль. Он представлял собой плоскую отмель, окаймленную маленькими дюнами, поросшими коротенькой травкой. Видно было, как она колыхается под ветром.

Годфри окинул взглядом все побережье.

Ограниченное с севера и с юга неровными мысками, побережье было не больше пяти-шести миль и, конечно, могло являться частью большой земли. Так или иначе, потерпевший кораблекрушение сумеет найти себе здесь хоть временное прибежище.

Годфри вздохнул с облегчением. Утес, на котором он очутился, не был одинокой скалой посреди моря!

— К земле! К земле! — сказал себе юноша и, прежде чем покинуть утес, еще раз бросил взгляд на морской простор. Не заметно ли каких-нибудь следов кораблекрушения?

Ничего, даже шлюпки. Без сомнения, ее постигла общая участь.

И тут Годфри пришла в голову мысль о том, что кто-нибудь из моряков мог, так же, как и он, ожидать сейчас на одном из рифов наступления дня, чтобы попытаться доплыть до берега.

Но никого не было видно ни на скалах, ни на отмели, пустынных, как океан!

Если нет живых людей, может быть, море выбросило тела утонувших? А что, если там, среди рифов, находятся останки кого-нибудь из его спутников?

Нет, ни на одной из скал, отчетливо выступавших из воды после отлива, тропов не было видно.

Итак, он остался один! Перед лицом угрожавших ему опасностей Годфри мог надеяться теперь только на самого себя.

К чести молодого человека, он не пал духом. Прежде всего он решил добраться до земли, от которой его отделяло сравнительно небольшое пространство. Не долго думая, Годфри спустился с утеса и поплыл к ближайшему рифу. А дальше он перепрыгивал проливы или переходил их вброд, когда же расстояние между скалами увеличивалось — снова бросался в воду. Переход по скользким камням, покрытым водорослями, был труден и долг. А ему предстояло одолеть около четверти мили!

И вот наконец проворный юноша ступил на землю, где его, возможно, ждала если не скорая смерть, то жалкое прозябание, которое могло оказаться хуже смерти: голод, жажда и холод, всевозможные лишения и различные опасности. Ни ружья, чтобы подстрелить дичь, ни теплой одежды — он оказался в совершенно беспомощном положении.

Безрассудный человек! Хотел убедиться, способен ли ты противостоять трудностям! Что ж! Теперь ты сможешь проверить свои силы! Ты завидовал Робинзону? Теперь узнаешь, насколько завидна его участь! Годфри вспомнилась беззаботная жизнь в Сан-Франциско в кругу счастливой, любящей семьи, которую он покинул ради приключений, дядя Виль, невеста Фина, друзья... Несомненно, никого из них он больше никогда не увидит. При этой мысли у молодого человека сжалось сердце и, хотя он дал себе слово держаться стойко, на глаза у него навернулись слезы.

Если бы он не был одинок, если бы кому-нибудь из потерпевших крушение тоже удалось добраться до берега! Пусть им будет не капитан Тюркот или его помощник, а любой из матросов, пусть даже учитель танцев Тартелетт! Правда, этот легкомысленный человек в подобных обстоятельствах слабая опора. Все равно! Только не быть одному! Если бы Годфри мог надеяться, что кто-то разделит с ним одиночество, будущее рисовалось бы ему не таким мрачным.

Но нельзя терять надежды... Правда, на прибрежных скалах никого не оказалось, но, может быть, он встретит живого человека, когда достигнет песчаной косы? Не исключена возможность, что кто-то добрался до берега и теперь тоже разыскивает товарищей по несчастью?

Годфри еще раз огляделся, повернувшись вначале на север, потом на юг. Никого. По крайней мере, видимый участок берега необитаем — нигде не видно ни хижины, ни поднимающегося к небу дымка.

— Вперед! Вперед! — подбадривал себя Годфри.

Он зашагал по отмели в северном направлении, решив, что сначала поднимется на песчаный холм, откуда открывается обширное пространство.

Полное безмолвие. На песке никаких следов. Только морские птицы — чайки и поморники — резвятся среди скал, — единственные живые существа в этой пустыне.

Годфри шел около четверти часа и уже начал подниматься на самый высокий склон, поросший тростником и низким кустарником, но вдруг неожиданно остановился. В пятидесяти шагах, среди прибрежных рифов, он заметил какую-то бесформенную вздувшуюся массу, похожую на труп неизвестного морского животного, выброшенного последней бурей.

Годфри бросился туда.

С каждым шагом сердце билось все сильнее. В бесформенной массе, принятой им за останки какого-то зверя, он узнал тело человека.

В десяти шагах от цели Годфри остановился как вкопанный и воскликнул:

— Тартелетт!

Да, действительно, перед ним лежал неподвижный учитель танцев и изящных манер.

Надутый до предела спасательный пояс делал Тартелетта похожим на морское чудовище. Но, может быть, он еще жив? Спасательный пояс должен был удержать его на волнах, а прилив — прибить к берегу...

Годфри принялся за дело. Опустившись на колени перед Тартелеттом, расстегнул спасательное снаряжение и стал изо всех сил растирать бесчувственное тело. Наконец губы учителя зашевелились... Юноша приложил руку к сердцу... Оно билось!

Годфри окликнул Тартелетта.

Тот качнул головой, потом издал хриплый звук, за которым последовало несколько бессвязных слов.

Схватив учителя за плечи, Годфри встряхнул его.

Тартелетт открыл глаза и провел рукой по лбу. Потом поднял другую руку, чтобы убедиться, на месте ли карманная скрипка и смычок.

— Тартелетт! Милый мой Тартелетт! — закричал Годфри, поддерживая голову учителя.

Голова с остатками всклокоченных волос едва заметно покачнулась, как бы кивнув в знак одобрения.

— Это я... Я... Годфри!

— Годфри? — переспросил Тартелетт.

Учитель поднялся на колени, поглядел вокруг, неожиданно улыбнулся и встал на ноги... Наконец-то он почувствовал под собой надежную твердь! В эту минуту Тартелетт понял, что никакая качка ему больше не грозит: под ногами не качающаяся палуба, а неподвижная, надежная земля...

Учитель танцев вмиг обрел свой былой апломб. Ноги приняли классическую позицию, левой рукой он схватил карманную скрипку, в правой появился смычок. Скрипка издала протяжный, меланхоличный звук, и Тартелетт, улыбаясь, произнес:

— В позицию, сударыня!

Добряк в ту минуту подумал о Фине.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой доказывается, что не все прекрасно в жизни Робинзона

Учитель и ученик бросились друг другу в объятия.

— Дорогой Годфри! — вскричал Тартелетт.

— Милый Тартелетт! — ответил Годфри.

— Наконец-то мы прибились к берегу, — воскликнул учитель танцев тоном человека, который пресытился морским путешествием и приключениями.

— Снимите же наконец ваш спасательный пояс, — сказал юноша. — Эта штука душит вас и мешает двигаться.

— Вы полагаете, я действительно могу его уже снять? — спросил Тартелетт.

— Вне всякого сомнения. Положите вашу скрипку в футляр, и отправимся на разведку.

— Не возражаю, — ответил учитель танцев. — Но прежде всего, прошу вас, зайдите в какой-нибудь ресторан. Я умираю от голода. Десяток бутербродов и два-три стаканчика вина сразу поставят меня на ноги.

— Согласен... Зайдем в первый попавшийся... А если нам там не понравится, пойдем в другой...

— Затем, — бодро продолжал Тартелетт, — спросим у кого-нибудь из прохожих, где здесь телеграф. Необходимо послать депешу вашему дяде Кольдерупу. Надеюсь, этот добрейший человек не откажется выслать нам денег на обратный путь. Ведь у меня нет ни цента...

— Договорились! Зайдем в первую же телеграфную контору, а если ее поблизости не окажется, то на ближайшую почту. Итак, в путь, Тартелетт!

Учитель наконец-то освободился от спасательного пояса, повесил его через плечо, как охотничий рог, и путешественники зашагали по направлению к окаймлявшим берег дюнам.

Встреча с Тартелеттом придала Годфри немного бодрости. Теперь его больше всего интересовало, не уцелел ли еще кто-нибудь из экипажа «Дрима».

Четверть часа спустя наши исследователи поднялись на дюну высотой от шестидесяти до восьмидесяти футов и уже почти достигли ее вершины. Отсюда открывалась панорама всего восточного берега, ранее скрытого от глаз.

В двух или трех милях от них возвышалась вторая гряда холмов, замыкавшая линию горизонта. К северу берег заканчивался выступом, но трудно было понять, соединен ли он с каким-то невидимым отсюда мысом. В южной части глубокая впадина рассекала побережье, а дальше синел океан. Поэтому Годфри пришел к выводу, что если их выбросило на полуостров, то перешеек, соединяющий его с другой частью суши, находится на севере или на юго-востоке.

Как бы там ни было, перед учителем и его воспитанником лежала не бесплодная пустыня, а широкая зеленая долина с про-

зрачными ручьями и высоким густым лесом. Деревья спускались вниз по холмам, как по ступеням. Поистине великолепный пейзаж!

Однако нигде не увидели путешественники домов или признаков городка, деревни или поселка. Никаких сельскохозяйственных построек — ни фермы, ни мызы. Из-за деревьев не поднимался дым, по которому легко было бы отыскать скрытую в чаще хижину, не проглядывал купол колокольни или построенная на высоком месте ветряная мельница. Не только хижины, но даже шалаша или вигвама не заметили они вокруг. Ничего! Нигде!

Если в этих неизвестных краях и обитали какие-то живые существа, то они прятались под землей, подобно троглодитам. Нельзя было заметить ни дороги, ни тропинки. Казалось, человеческая нога никогда не ступала на камни отмели или на траву долины.

— Никак не пойму, где же находится город, — заметил Тартелетт, поднимаясь на носки.

— Похоже, тут его и нет, — невозмутимо ответил Годфри.

— Ну, а деревня?

— Тоже нет.

— Тогда где же мы находимся?

— Спросите что-нибудь полегче.

— Как! Вы не знаете? Но скажите, Годфри, мы скоро это узнаем?

— От кого?

— Что же с нами будет? — в отчаянье вскричал Тартелетт, простирая руки к небу.

— Должно быть, мы станем Робинсонами.

При этих словах учитель танцев сделал такой прыжок, какого позавидовал бы любой циркач.

Робинсонами! Они станут Робинсонами! Наследниками того Селкирка, прожившего долгие годы на острове Хуан-Фернандес! Последователями героев Даниэля Дефо и Висса, приключениями которых они так зачитывались! Жить вдаль от родных и друзей, за тысячи миль от людей! Влачить жалкое существование в постоянной борьбе с хищниками, быть может, даже с дикарями, если им вздумается сюда забрести! Не иметь никаких средств к существованию! Ни самых необходимых орудий, ни одежды, ни оружия! Страдать от голода и жажды, самим добывать себе пищу! Нет! Это невозможно!

— Не говорите мне, Годфри, таких ужасных вещей, — вскричал Тартелетт. — Не шутите так жестоко! Я умру, как только представлю себе подобную жизнь! Ведь вы пошутили, не так ли?

— Да, милый Тартелетт, — ответил Годфри. — Успокойтесь, я пошутил! А пока подумаем о ночлеге.

Действительно, прежде всего нужно было найти убежище — пещеру или грот, чтобы укрыться там на ночь. Затем следовало

позаботиться о пище: поискать, например, каких-нибудь съедобных раковин.

Годфри и Тартелетт стали спускаться по склону холма, к рифам: Годфри — возбужденный предстоящими поисками, Тартелетт — растерянный и подавленный всеми ужасами, начавшимися еще до кораблекрушения. Первый внимательно смотрел вперед, назад и по сторонам, второй — ничего не различал и в десяти шагах.

Годфри занимала только одна мысль: «Если здесь нет людей, то, по крайней мере, может быть, есть животные?» Он, конечно, думал о лесной дичи, а не о диких или хищных зверях, которыми изобилует тропическая зона. С теми Годфри не знал, что делать.

Множество птиц кружило над побережьем: выпи, водяные утки, кулики носились взад и вперед, оглашая воздух пронзительными криками, словно протестуя против вторжения человека в их царство.

Годфри смекнул, что они могут насытиться их яйцами. Раз птицы собираются тут большими стаями, значит, в здешних скалах немало расщелин, где они гнездятся. Кроме того, Годфри заметил вдалеке несколько цапель и бекасов, что указывало на близость болота.

Итак, в пернатых здесь не было недостатка. Трудность заключалась в том, чтобы поймать их. Но пока они могли довольствоваться яйцами в сыром или печеном виде. Впрочем, их надо еще найти, а если испечь, то как добыть огонь? Все важные вопросы с ходу решить оказалось невозможно.

Годфри и Тартелетт спустились к рифам, над которыми кружили стаи морских птиц.

Здесь их ожидала приятная неожиданность: среди диких птиц, бегавших по песку или рывшихся в морских водорослях, выброшенных прибоем, оказалось около дюжины американских кур и два-три петуха. Нет, это был не обман зрения. Петухи оглашали воздух бодрым «кукареку».

А дальше еще один сюрприз: среди скал появились какие-то четвероногие животные. Они карабкались на дюны, должно быть, их привлекали зеленые кусты. Нет, Годфри не ошибся! К ним приближались агути — около дюжины, и еще пять или шесть баранов и столько же коз, которые преспокойно щипали траву.

— Глядите, Тартелетт! — вскричал юноша.

Учитель танцев поднял глаза, но ничего не увидел. Бедняга был совершенно выбит из колеи.

Годфри пришло в голову, что все эти животные плыли вместе с ними на «Дриме». Во время кораблекрушения куры каким-то образом добрались до рифов, а уж четвероногим тем более не стоило особого труда достигнуть впасть первых скал побережья.

— Итак, — с грустью заметил Годфри, — то, что не удалось нашим спутникам, совершили животные, ведомые инстинктом. Из всех, кто был на «Дриме», спаслись лишь они.

— Включая нас,— добавил Тартелетт с присущей ему непосредственностью.

И в самом деле, учитель танцев сейчас мало отличался от их четвероногих товарищей по несчастью, действуя также инстинктивно, без малейшего усилия воли.

Для Робинзонов появление на берегу домашних животных было великим счастьем. Если их пребывание на острове затянется, совсем не худо будет заняться разведением домашнего скота и устроить птичий двор.

Пока же Годфри решил ограничиться пищей, какую предоставляли им побережье: яйцами морских птиц и съедобными раковинами. Несчастные путешественники принялись обыскивать щели между камнями и укромные места под водорослями. И не безуспешно. Вскоре они собрали изрядное количество моллюсков, которых можно было есть в сыром виде, а в высоких скалах, замыкавших бухту с севера, им удалось найти несколько десятков утиных яиц. Еды хватило бы и на большую компанию. Измученные голодом, Годфри и Тартелетт не были слишком взыскательны.

— А где взять огонь? — спросил тут один.

— В самом деле, как его добыть? — повторил другой.

Оба тщательное обследовали содержимое своих карманов.

Карманы учителя оказались почти пусты. Там нашлось лишь несколько запасных струн для карманной скрипки да кусок канифоли для смычка. Разве с помощью таких предметов добудешь огонь?

У Годфри дела обстояли не лучше. Однако молодой человек, к своей радости, вытащил из кармана прекрасный нож в кожаном чехле, предохранявшем лезвие от воды.

Этот нож имел дополнительное маленькое лезвие, бурав, пилку, штопор и при сложившихся обстоятельствах оказался очень ценным инструментом. Ничего другого, кроме четырех рук, у них не имелось. А много ли сделаешь голыми руками? К тому же руки Тартелетта способны были только играть на скрипке да еще проделывать грациозные движения.

Годфри пришел к неутешительному выводу, что рассчитывать он должен только на себя. Однако по зрелому размышлению он решил, что можно будет использовать Тартелетта в добычании огня (посредством быстрого трения двух кусков дерева один о другой). Несколько яиц, испеченных в горячем пепле, пришлось бы очень кстати ко второму завтраку.

И вот, пока Годфри опустошал птичьи гнезда, отбиваясь от их обитателей, защищавших свое будущее потомство, учитель танцев, по указанию своего ученика, собрал валявшиеся на склоне холма обломки деревьев и снес их к подножию рифа, защищенному от морских ветров. Затем он выбрал две самые сухие деревяшки, надеясь путем долгого трения получить огонь.

Неужели то, что без труда давалось диким полинезийцам,

окажется не под силу учителю танцев и изящных манер, считавшему себя на много голов выше любого туземца?

Тартелетт начал тереть куски дерева не жалея рук. Но, увы, ничего не получалось! То ли дерево оказалось неподходящим, то ли сухость недостаточной, а может быть, ему просто не хватало умения. Во всяком случае, собственная температура учителя повысилась куда больше, чем температура деревяшек.

Когда Годфри вернулся с птичьими яйцами, учитель танцев буквально обливался потом. Он дошел до такого изнеможения, до какого его едва ли доводили даже самые трудные хореографические упражнения!

— Ну что, не ладится? — спросил Годфри.

— Да, Годфри, ничего не выходит. Я начинаю думать, что все эти методы дикарей — сплошной обман, придуманный для дурачков.

— Вовсе нет, — возразил Годфри. — Надо только, как и в любом деле, иметь сноровку.

— А как же быть с яйцами?

— Есть еще другой способ их испечь, — сказал Годфри. — Яйцо обвязывают ниткой, оставляя длинный конец, затем быстро-быстро его вращают и резко останавливают. Механическая энергия переходит в тепловую, и тогда...

— Яйцо испечется?

— Да, но только, если остановить мгновенно... Но как прекратить вращение и не раздавить яйца? Знаете что, мой дорогой Тартелетт, не проще ли поступить вот так?

И, осторожно разбив скорлупу утиногo яйца, Годфри без дальнейших околичностей проглотил содержимое. Но Тартелетт не мог решиться, и ему пришлось довольствоваться моллюсками.

Оставалось подыскать какой-нибудь грот или пещеру, чтобы там переночевать.

— Робинзонам всегда удавалось найти убежище для ночлега, — заметил учитель танцев. — А потом они приспособливали его под постоянное жилище.

— Пойдем поищем, — согласился Годфри.

Да, героям Дефо и Висса это удавалось, но их невольным последователям явно не везло. Долго бродили они среди скал вдоль северной части бухты. Наконец, когда убедились, что ни пещеры, ни грота, ни даже расщелины, которая могла бы послужить ночлегом, им здесь не найти, Годфри решил начать поиски в другом месте.

Как только учитель и ученик, поднявшись на холм, направились к зеленой долине, туда же, по странной и счастливой случайности, двинулись и все прочие пассажиры «Дрима», спасшиеся во время кораблекрушения. Дружное стадо шло за ними по пятам, не отставая ни на шаг. Должно быть, думал Годфри, эти петухи, куры, овцы, козы и агути, в силу природного инстинкта самосохранения, следуют за людьми. По-видимому,

они плохо чувствовали себя на песчаной отмели, где не нашли ни достаточного количества травы, ни земляных червей.

Три четверти часа пути прошли в полном молчании, и наконец утомленные путники вышли на опушку леса. Никаких следов человека! Местность совершенно пустынна! Казалось, человеческая нога никогда не ступала на эту землю. Прекрасные деревья росли купами, а дальше, на расстоянии четверти мили, темнел густой смешанный лес.

Годфри попытался разрыть старое дупло, чтобы укрыться в нем хотя бы на одну ночь. Но все поиски оказались тщетными. Между тем после долгой ходьбы путники порядком проголодались. На этот раз обоим пришлось насыщаться моллюсками, предусмотрительно собранными на отмели. Потом, смертельно усталые, они повалились на землю у первого же дерева и уснули под покровом звездной ночи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой Годфри делает то, что сделал бы на его месте каждый человек, потерпевший кораблекрушение

Ночь прошла без происшествий. Оба путешественника, обессиленные волнениями и ходьбой, спали так безмятежно, будто находились в комфортабельной спальне особняка на Монтгомери-стрит.

Утром двадцать седьмого июня с первыми лучами солнца их разбудило пение петуха. Годфри сразу вспомнил все, что с ними приключилось, а Тартелетт долго тер глаза и потягивался, прежде чем вернулся к действительности.

— Наш сегодняшний завтрак будет таким же, как и вчерашний обед? — спросил он наконец.

— Боюсь, что да, — ответил Годфри. — Зато, надеюсь, сегодняшний обед будет удачнее.

Лицо учителя танцев выразило досаду. Ах, где чай и сэндвичи, которые обыкновенно приносили ему прямо в постель? Неужели он не дожидается звонка к завтраку и не сможет выпить до этого даже чашку кофе?

Однако нужно было принимать решение. Годфри прекрасно понимал, что все дальнейшее будет зависеть только от него одного. На Тартелетта ни в чем нельзя положиться. В пустой коробке, заменявшей Тартелетту голову, не может зародиться ни одной практической идеи, и потому Годфри должен думать, изобретать и решать за двоих.

И тут он вспомнил о своей невесте Фине, от которой так безрассудно отказался, отложив женитьбу до возвращения, о дяде Виле, так неосмотрительно покинутом им. Но к чему теперь пустые сожаления и грезы...

— Для разнообразия вот еще несколько ракушек и полдюжины яиц! — сказал он, повернувшись к учителю танцев.

— А их никак нельзя испечь?

— Нет! — ответил Годфри. — Но что бы вы сказали, дорогой Тартелетт, если бы у нас и этого не было?

— Что на нет и суда нет, — сухо ответил учитель танцев.

Положение заставляло не сидеть сложа руки. Мужественный юноша поборол уныние и составил план действий. После завтрака — изучение местности. Прежде всего попытаться определить, в какой части Тихого океана произошла катастрофа с «Дримом», потом — найти ближайший на побережье населенный пункт, а там разобратся, что делать дальше: телеграфировать дяде и ждать его распоряжений или сразу же отправиться на родину попутным кораблем.

Годфри рассуждал так: если перейти второй ряд холмов — их причудливые очертания угадывались за деревьями, — то, может быть, удастся что-нибудь разузнать. И он решил потратить на разведку час или два, а если понадобится, то и всю первую половину дня.

Годфри огляделся. Петухи и куры искали корм в высокой траве. Агути, козы и бараны паслись на лугу у кромки леса. Чуть они с Тартелеттом тронутся с места, вся компания снова устремится за ними. Можно ли с такой процессией вести разведку? Подумав, Годфри решил дать им пастуха, чтобы не водить животных за собой и вместе с тем сохранить стадо.

Тартелетту ничего не оставалось, как подчиниться энергичному юноше и принять под свое крыло все разношерстное, блеющее и кудахтающее общество.

— Я пройду через лес и сейчас же вернусь на лужайку. Только, пожалуйста, никуда не уходите, — сказал ему Годфри на прощание.

— Не забудьте телеграфировать дяде Вилю, чтобы он поскорее перевел нам сотни три-четыре долларов! — напомнил Тартелетт.

— Разумеется! Я тотчас же пошлю телеграмму или, в крайнем случае, письмо, — успокоил его Годфри, пожал учителю руку и углубился в чащу леса, определяя направление по солнцу, едва пробивавшемуся сквозь густую листву. Он шел к высоким холмам, что тянулись на востоке.

Годфри не удалось приметить никаких тропинок. На земле виднелись порой отпечатки копыт проходивших здесь четвероногих. Два или три раза Годфри даже показалось, будто в чаще мелькнули какие-то животные, напоминающие жвачных — не то оленей, не то лосей, но, к счастью, он не заметил следов хищников вроде тигров или ягуаров.

Вокруг, в густых зарослях, порхали сотни диких голубей, в глубине лесной чащи скрывались орланы и тетерева. Пронзительными криками оглашали воздух пестрые попугаи, а высоко в небе парили ягнятники, похожие на какаду, с пучками щетиных перьев под клювом. Но ни по одной из пород пернатых нельзя было определить, на какой широте они находятся.

То же самое можно сказать и о породах деревьев. Здесь про-

израстали примерно те же разновидности, что и в той части Соединенных Штатов, которая включает в себя Нижнюю Калифорнию, залив Монтрей и Новую Мексику. Росли земляничники, кусты кизила, клены, березы, дубы, пять или шесть видов магнолии и сосна, вроде той, что встречается в Южной Каролине, а на лужайке — оливковые деревья, каштаны, кусты тамаринда, мастики и мирты — все, что встречается на юге умеренной зоны. Между деревьями можно было пройти, не прибегая ни к огню, ни к топору. Легкий морской ветерок покачивал верхушки, а на земле здесь и там пестрели солнечные блики.

Годфри, одержимый желанием побыстрее взобраться на холмы, окаймлявшие с востока лесную чашу, перешел через нее наискосок, не думая ни о какой опасности. Определяя путь по солнцу, он прямо шел к своей цели и не замечал выпархивавших из-под ног птиц-гидов, названных так оттого, что они всегда летят впереди путников. Птицы то задерживались, то отлетали назад, то снова устремлялись вперед, будто показывая дорогу. Но ничто не могло отвлечь Годфри, и это вполне понятно. Не пройдет и часа, как решится его судьба! Еще немного терпения, и он узнает, можно ли отсюда добраться до первого поселка или города, есть ли здесь люди и сумеет ли он с ними сговориться.

Размышляя о маршруте, проделанном «Дримом» за время семнадцатидневного плавания и вынужденных отклонений от курса, Годфри пришел к выводу, что земля эта вряд ли могла быть японским или китайским побережьем. Во время их плавания солнце всегда стояло на юге, а это показывает, что «Дрим» не выходил за пределы Северного полушария.

За два часа пути Годфри прошел около пяти миль, иногда отклоняясь в сторону, когда на пути вставали очень густые заросли. И тем не менее он уже приблизился ко второй гряде холмов. Деревья поредели и росли здесь группами, солнце свободно просачивалось сквозь верхние ветви. Он шел все вверх и вверх, и вскоре начался крутой подъем.

Годфри очень устал, но был полон решимости и не сбавлял шага и вскоре оказался выше зеленой полосы леса, выше деревьев. Он шел, не оглядываясь назад, не отрывая глаз от оголенного участка земли, видневшегося вверху, в четырех- или пятистах футах впереди.

Из неровной цепи холмов выступал как бы срезанный сверху маленький конус, вознесшийся выше всей остальной гряды.

«Туда! Туда — повторял про себя Годфри. — Надо добраться до самой высокой точки! Гребень уже близок! Но что я оттуда увижу? Город? Деревню?.. Пустыню?..»

В крайнем возбуждении он продолжал взбираться, прижимая руки к груди, чтобы успокоить сердцебиение. Если бы не круча, юноша пустился бы бежать. Он запыхался, но не мог позволить себе хоть на миг остановиться, чтобы передохнуть. До вершины оставалось не больше сотни футов! Еще несколько минут — и он у цели!

Подъем становился все круче и шел теперь под углом в тридцать или тридцать пять градусов. Пришлось карабкаться вверх, цепляясь за траву, за кусты мастики и миртов, росшие до самой верхушки гребня. Годфри сделал последнее усилие! Голова его поднялась над ровной площадкой конуса, и он остановился, пожирая глазами линию горизонта на востоке...

Перед ним простиралось море, бескрайнее море, сходявшееся с небом на расстоянии около двух десятков миль.

Годфри обернулся...

Везде только море — и с запада, и с севера, и с юга — со всех сторон подступало бесконечное море!

— Остров...

От одного этого слова можно было прийти в отчаяние. До сих пор он всерьез не думал, что находится на острове. Но это было именно так! Воображаемый перешеек, который мог связать эту землю с материком, словно внезапно исчез. Годфри чувствовал себя как человек, который заснул в лодке, а пробудившись, увидел, что он в океане — плывет без руля и без ветрил.

Итак, он — Робинзон. В ближайшее время рассчитывать на спасение не приходится. И надеяться можно только на себя. Из этого следует, что пора взять себя в руки, Годфри!

Молодой путешественник занялся осмотром местности и расчетами.

Длина береговой линии, по-видимому, не превышает шестидесяти миль: с юга на север остров имеет около двадцати миль, а с востока на запад — не более двенадцати. Центральная часть, вплоть до гребня холмов, покрыта сплошным лесом. Отсюда можно сойти по откосу к самому побережью — на противоположную сторону острова.

Остальное пространство занято прерией, где местами встречаются купы деревьев, и песчаными отмелями, над которыми громоздятся скалы, образуя далеко уходящие в море мысы. Берег изрезан несколькими заливчиками, в которых могут укрыться по две, по три рыбацких лодки, и только бухта, в которой потерпел крушение «Дрим», имеет от семи до восьми миль в ширину. Она походит на открытый рейд с береговой линией в форме тупого угла, здесь судно не могло бы укрыться от ветра — разве только от восточного.

Что же это за остров? Каково его географическое положение? Относится он к какому-нибудь архипелагу или лежит уединенно?

Во всяком случае, насколько хватало глаз, вокруг не видно было никакой другой земли, никаких других островов: ни больших, ни маленьких, ни низменных, ни гористых.

Годфри приподнялся на цыпочки и внимательно осмотрел горизонт, но на линии, соединяющей небо с землей, по-прежнему ничего не увидел. Если с подветренной стороны и находился другой остров или материк, то где-то очень далеко. Тогда, призвав на помощь все свои знания по географии, юноша попытался оп-

ределить примерные координаты острова. Он рассуждал таким образом: в течение семнадцати дней «Дрим» почти все время шел на юго-запад. При скорости в сто пятьдесят или сто двадцать миль в сутки он должен был пройти около ста пятидесяти градусов. С другой стороны, бесспорно, что экватор он пересечь не успел. Следовательно, остров или архипелаг, частью которого он мог быть, находился между 16° или 17° западной долготы. Если Годфри не изменяет память, в этой части Тихого океана нет другого архипелага, кроме Сандвичевых островов¹. Но ведь по всему океану, вплоть до берегов Китая, рассеяно множество островков. Поди знай, на котором ты находишься!

Да, впрочем, это и не имеет никакого значения. При всем желании Годфри не может отправиться на поиски другой, более гостеприимной земли.

— Ну что ж, — сказал он себе, — раз мне неизвестно его название, то пусть он зовется островом Фины, в память той, кого я покинул, отправившись бродить по свету.

Теперь предстояло выяснить, не населен ли остров в той части, которую Годфри еще не посетил.

С вершины конуса нельзя было заметить никаких признаков обитаемости: ни жилищ где-нибудь среди прерий, ни домиков на краю леса, ни рыбацких хижин на берегу. Море такое же пустынное, как и остров: ни одного корабля не появляется в широком пространстве, обозреваемом Годфри с вершины конуса.

Расследование закончилось, и Годфри ничего иного не оставалось, как спуститься к подножию холма и вернуться на лесную опушку, где ждал Тартелетт. Когда он приготовился к спуску, у северного края прерии внимание его привлекла группа громадных деревьев, настоящих гигантов, каких ему еще не приходилось видеть.

— Пожалуй, там стоит поселиться, — подумал он вслух. — Именно там мы и поищем подходящее место для жилья, тем более что я, кажется, уже вижу ручеек. Он вытекает откуда-то из центральной цепи холмов и вьется по всей долине. Нужно посвятить завтрашний день обследованию этой местности...

На юге открывался иной пейзаж. Леса и прерии занимали здесь небольшую часть территории, занятой в основном широким песчаным ковром, на котором кое-где попадались живописные скалы.

Но каково же было удивление Годфри, когда он вдруг заметил легкий дымок, поднимающийся из-за скал!

— Неужели там кто-нибудь из наших спутников? — вскричал он. — Нет! Это невозможно! Не могли же они со вчерашнего дня забраться так далеко, на много миль от рифа. Быть может, это рыбацкий поселок или какая-нибудь местная деревушка?

Годфри напряженно вглядывался. В самом деле видал ли он

---

¹ Старое название Гавайских островов.

дым или только легкое облачко, которое ветер относил к западу? Здесь трудно было угадать. Во всяком случае, облачко быстро рассеялось в воздухе и через несколько минут совсем исчезло.

Еще одна погибшая надежда!

Юноша в последний раз взглянул на море и, окончательно убедившись, что кругом все пусто, стал спускаться по склону холма; потом углубился в чащу леса и через час вышел на лужайку.

Там его поджидал Тартелетт среди своего двуногого и четырехногого стада. Чем же занимался учитель танцев, пока Годфри отсутствовал? Все тем же: изо всех сил тер друг о дружку два куска дерева, пытаясь добыть огонь.

— Ну, как? — спросил он издали, увидев Годфри. — Удалось вам найти телеграфное отделение?

— Оно закрыто, — ответил молодой человек, все еще не решаясь открыть учителю правду.

— Ну а почта?

— И почта тоже... Но сначала давайте пообедаем... Я умираю от голода!.. Позже я вам все расскажу...

В обед Годфри и его спутнику пришлось довольствоваться тем же скудным меню, состоявшим из сырых яиц и моллюсков.

— Очень здоровый режим! — повторял Годфри, не получая ни малейшей поддержки со стороны Тартелетта.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*в которой герои озабочены поисками убежища
и решают этот вопрос так, как только и можно было решить*

День был на исходе, и Годфри решил отложить до завтра поиски места, удобного для жилья. На расспросы учителя о результатах разведки он в конце концов признался, что они попали на остров.

— Остров? — воскликнул Тартелетт.

— Да... остров. И прежде чем подумать, как отсюда выбраться, нужно обеспечить хотя бы на первое время средства существования.

— Значит, он со всех сторон окружен морем?

— Разумеется, а как же иначе?

— И что же это за остров?

— Я уже сказал вам... Остров Фины... Конечно, вы понимаете, почему я его так назвал.

— Фи... Фи... — передразнил Тартелетт. Учитель был раздражен. — Не вижу никакого сходства... Мисс Fiна, окруженная водой!..

Однако нашим Робинсонам ничего не оставалось, как провести вторую ночь на свежем воздухе. Утолив голод птичьими яйцами, Годфри свалился под деревом и, сломленный усталостью, крепко заснул, тогда как Тартелетт, все еще не прими-

ренный со своим новым положением, долго ворочался с боку на бок, предаваясь невеселым раздумьям.

На другой день, двадцать восьмого июня, оба Робинзона встали ни свет ни заря. Скромный завтрак был таким же, как накануне. К счастью, воду из ручья удалось заменить небольшой порцией молока от одной из коз, позволившей себя подоить.

Ах, достойнейший Тартелетт! Куда девались всевозможные мятные гроги, портвейны, ликеры, хересы и коктейли, которых он, правда, не пивал, но всегда мог заказать в любом из ресторанов или баров Сан-Франциско! А теперь ему придется завидовать курам и козам, никогда не знавшим ни спиртных, ни прохладительных напитков и скромно довольствовавшихся пресной водой! Да, он будет завидовать животным, которые живут на подножном корму, не испытывая потребности ни в вареной, ни в горячей пище! Ведь этим счастливым достаточно кореньев, зерен и трав; завтрак всегда накрыт для них на зеленой скатерти.

— Итак, в путь! — скомандовал Годфри, прервав размышления Тартелетта.

И оба зашагали, сопровождаемые эскортом домашних животных, по-прежнему не желавших от них отставать.

План Годфри состоял в том, чтобы исследовать ту часть северного побережья, где он заметил вчера группу высоких деревьев. Быть может, прилив выкинул на отмель тела погибших при кораблекрушении? Предать земле покойников — первейший долг. Не исключено, что там найдутся и какие-нибудь обломки погибшего корабля. Однако встретить живого человека Годфри уже не надеялся. Ведь после катастрофы прошло тридцать шесть часов.

Первая гряда дюн осталась позади. Годфри и учитель танцев подошли к скалистому мысу, но он был таким же пустынным, как и накануне. Они запаслись здесь провизией, ибо на северном побережье могло не оказаться ни яиц, ни раковин, а затем снова двинулись в путь, жадно всматриваясь в берег, устланный бахромой морских водорослей, оставшихся на песке после прилива.

Ничего! Нигде ничего!

Злая судьба, превратив в Робинзонов двух пассажиров «Дрима», обошлась с ними куда более жестоко, чем с их многочисленными предшественниками. Тем всегда перепало хоть что-нибудь из корабельного имущества. Кроме предметов первой необходимости, прежние Робинзоны могли воспользоваться обломками самого судна. Им доставались и съестные припасы, и орудия труда, и одежда, и оружие, — словом, все необходимое для удовлетворения элементарных жизненных потребностей. Здесь же не было ничего похожего! Темной ночью корабль бесследно исчез в пучине моря, не оставив ни малейших следов! Ничего не удалось спасти, они остались даже без спичек, в которых нуждались больше всего...

Какой-нибудь славный господин, сидя в своей уютной комнате перед пылающим камином, скажет вам с милой улыбкой: «Но ведь нет ничего легче, как добыть огонь! Для этого существует тысяча способов! Например, два камня!.. Немного сухого мху или любого другого горючего материала! Ну или хотя бы тряпица... Да, но как ее зажечь?.. На худой конец, вместо огнива можно воспользоваться ножом... либо двумя кусками дерева, если будете быстро-быстро тереть их друг о друга, как это делают полинезийцы!..»

«Пожалуйста, попробуйте сами!»

Так размышлял Годфри, шагая вперед. В те минуты для него не существовало ничего более важного. В самом деле, как он добудет огонь?

Когда-то и он, сидя у камина и рассеянно помешивая угли, читал о чужих путешествиях. Тогда сам он думал так же, как этот славный господин, любитель давать советы. Но теперь, очутившись на необитаемом острове, Годфри на собственном опыте убедился, что все обстоит совсем иначе и даже добывание огня — необычайно сложная проблема.

Он шел, погруженный в свои мысли, а следом плелся Тартелетт, взявший на себя заботу о стаде. Время от времени учитель танцев подзывал домашнюю птицу и как настоящий пастух подгонял неторопливых баранов, агути и коз.

Неожиданно попался на глаза кустарник, усеянный маленькими яркими яблочками. Множество таких же плодов валялось на земле. Юноша вспомнил, что это так называемая манзанилла, которую употребляют в пищу индейцы в некоторых областях Калифорнии.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Теперь у нас будет и другая пища, кроме яиц и моллюсков!

— Разве это можно есть? — спросил Тартелетт с брезгливой grimасой.

— А почему бы и нет? — сказал Годфри и сорвал с ветки манзаниллы несколько спелых плодов.

Дикие яблоки были довольно терпкими, но приятными на вкус, так что даже учитель танцев, кажется, остался доволен. А Годфри смекнул, что из этих яблок можно приготовить сидр, и он будет наверняка вкуснее простой воды.

Отдав дань новому лакомству, путники двинулись дальше. Песчаные дюны скоро сменились прерией, которую пересекал ручей или неширокая речка. Годфри заметил его вчера с вершины холма. А рядом возвышались огромные деревья, которые заинтересовали юношу еще накануне. Чтобы добраться до них, нашим путешественникам, и без того утомленным четырехчасовым переходом, пришлось проделать еще не менее девяти миль. Только после полудня они добрались до долины.

Уголок этот был удивительно хорош. Все здесь радовало глаз. На широком лугу, среди зарослей манзаниллы и других кустарников, вздымалось к небу десятка два громадных де-

ревьев, относящихся к хвойным породам, что растут в лесах Калифорнии. Они стояли полукругом, а под ними расстился зеленый ковер, покрывавший весь берег речки, а затем переходивший в бывшую отмель — песчаную площадку, усеянную скалами, утесами и обломками камней. С северной стороны она вдавалась в море длинным выступом.

Громадные хвойные деревья были разновидностью мамонтовых, или секвой. Англичане называют их веллингтониями, а американцы — вашигтониями.

Разница очевидна для всех. Но независимо от того, навешают ли эти названия героические воспоминания о флегматичном победителе в битве при Ватерлоо или о знаменитом основателе американской республики, — в любом случае они являются самыми гигантскими представителями растительного мира в Калифорнии и Неваде.

В этих штатах встречаются целые леса подобных деревьев. Например, в Мариопоа и Калавера окружность стволов достигает от шестидесяти до восьмидесяти футов при высоте в триста футов, а в Иоземитской долине известно одно дерево, которое имело в обхвате не менее сотни футов. Верхние ветви этой, теперь уже поверженной, секвойи достигали высоты Мюнстерского собора в Страсбурге, иначе говоря — вздымались до четырехсот футов. Упоминаются и другие феномены растительного царства. Пень, оставшийся от одной из спиленных секвой, послужил для местных жителей танцевальной площадкой, где могли одновременно поместиться от восьми до десяти пар. Но великаном из великанов, гордостью штата была «Мать леса» — старая секвойя в пятнадцати милях от Мерфи, достигшая четырехтысячелетнего возраста. Высота этого исполина — четыреста пятьдесят два фута. Он поднялся выше собора Святого Петра в Риме, выше пирамиды Гизеа, выше железной колоколенки на одной из башен Руанского собора, самого высокого здания в мире.

По странному капризу природы сюда, на отдаленный остров попали семена гигантских деревьев. Самые большие здесь достигали около трехсот футов, самые «маленькие» — двухсот пятидесяти. У некоторых из этих необъятных стволов, прогнивших изнутри от старости, образовалась арка, в которую легко мог проехать целый отряд всадников.

Годфри был потрясен великолепием этих феноменов природы, обычно встречающихся на высоте трех — трех с половиной километров над уровнем моря. Он подумал даже, что ради такого неподобного зрелища стоило совершить далекое путешествие. В самом деле, с чем еще можно сравнить эти стройные светло-коричневые колонны, прямые и ровные, одинаковые в диаметре от корня до первых разветвлений! Величественные стволы на высоте восьмидесяти — ста футов выбрасывали огромные ветви, почти такие же толстые, как и сами стволы, образуя лес, висящий в воздухе.

Одна из секвой — самая большая — привлекла внимание

Годфри. От самого ее основания зияло дупло шириною от четырех до пяти футов и высотой не меньше десяти, куда без труда можно было войти не пригибаясь. Сердцевина ствола превратилась в мягкую белую труху, и теперь дерево держалось вертикально только благодаря толстой коре, скрепленной заболонью¹, и могло простоять так еще не один век.

— За неимением пещеры или грота,— вскричал Годфри,— это дупло послужит нам жилищем! У нас будет деревянный дом и высокая башня, каких не найдешь ни в одном городе. Здесь мы сможем укрыться от непогоды. Идемте же, Тартелетт, идемте!

И, схватив за руку упирающегося учителя, юноша потащил его за собой в дупло. Войдя туда, они обнаружили под ногами толстый слой перегноя, а высоту свода мешала определить темнота. Сквозь плотную кору не просвечивало солнце. Отсюда Годфри сделал заключение, что в стенках не было ни щелей, ни трещин, куда проникал бы дождь или ветер. Итак, наши Робинзоны отыскивали довольно сносное укрытие и теперь могли не бояться любой непогоды. Вряд ли какая-нибудь пещера могла быть более прочной, более сухой и надежной. Ничего не скажешь, лучшего места, пожалуй, не найти!

— Ну, Тартелетт, что вы думаете об этом естественном убежище? — спросил Годфри.

— Оно великолепно, но где же камин?

— Прежде чем говорить о камине, нужно добыть огонь!

Годфри пошел знакомиться с окрестностями. Как мы уже говорили, почти вплотную к секвойям подступала прерия, служившая опушкой леса. Прозрачная речка, вившаяся по зеленому ковру, несла с собой благодатную свежесть. Берега ее поросли кустарником: миртами, мастикой, манзаниллой.

Вдалеке виднелись группы дубов, буков, сикомор, выглядевших кустами рядом с великанами, на рассвете отбрасывавшими тени до самого моря. Вся прерия была покрыта зеленым кустарником. Этот живописный уголок пришелся по вкусу не только юноше, но и животным. Агути, козы и бараны с удовольствием разбрелись по пастбищу, изобилующему травой, куры жадно набросились на какие-то семена и червей на берегу реки. Безмолвие пустынных мест нарушилось кудахтаньем, мычанием, блеянием и топотом. Жизнь вступала в свои права! Годфри вернулся к секвойям и еще раз внимательно осмотрел дерево, в дупле которого они решили поселиться. Первые ветки росли так высоко над землей, что до них невозможно было добраться, по крайней мере по стволу.

«Быть может, удастся взлезть туда изнутри, если дупло доходит до такой высоты...— подумал юный Робинзон.— В этой гус-

---

¹ Заболонь — слой древесины, находящийся непосредственно под корой.

той кроне, на недоступной высоте можно будет найти надежное укрытие в случае опасности».

Тем временем солнце опустилось над горизонтом, и окончательное устройство жилища пришлось отложить на завтра. После ужина с десертом из диких яблок наши путники расположились на ночлег. Что могло быть удобнее для сна, чем мягкий слой перегноя, устилавший дно дупла?

В честь дядюшки Виля, пославшего его в путешествие, Годфри окрестил свое дерево «Вильтри», не считаясь с тем, что соотечественники присвоили гиганту имя одного из великих граждан Американской республики.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой очень кстати разражается удар молнии

Обстоятельства сильнее нас. Годфри, прежде беззаботный, беспечный, никогда ни в чем не получавший отказа, в новых условиях сделался другим человеком. Еще недавно его спокойное существование не омрачали заботы о завтрашнем дне. В роскошном особняке на Монтгомери-стрит ни одна тревожная мысль не нарушала его сна, который ежедневно продолжался не менее десяти часов. Теперь все изменилось. Отрезанный от всего мира, предоставленный самому себе, столкнувшийся лицом к лицу с суровой действительностью, он оказался в ситуации, в какой растерялся бы и менее избалованный человек...

Прежде всего, надо было выяснить, что случилось с «Дримом». Но как это могли сделать два беспомощных человека, заброшенных на остров, затерявшихся в необозримом океане, словно булавка в стоге сена или песчинка на дне морском? Даже неисчислимые богатства дядюшки Кольдерупа в данном случае бессильны!

Хотя убежище казалось вполне надежным, Годфри провел беспокойную ночь: сожаления об утраченном прошлом переплетались с мыслями о неопределенном настоящем и переносились в будущее, которое страшило больше всего! Перед этими суровыми испытаниями его ленивый прежде ум, скованный безмятежным существованием, мало-помалу просыпался от дремоты. Годфри твердо решил всеми силами бороться с обрушившимися на него трудностями и во что бы то ни стало найти выход из создавшегося положения. Если это удастся, такой урок послужит ему на всю жизнь.

Годфри встал на рассвете с намерением заняться устройством удобного жилья. Кроме того, следовало наконец как-то решить вопрос о пропитании и связанной с ним проблемой огня. Затем необходимо позаботиться о предметах первой необходимости — орудиях труда, оружии и одежде, которая в конце концов так обещает, что оба они будут вынуждены подражать моде полинезийских островитян.

А Тартелетт тем временем спал крепким сном. Темнота ме-

шала его видеть, но он напоминал о себе громким храпом. Бедняга, даже пережив кораблекрушение, оставался в свои сорок пять лет таким же легкомысленным, каким был его ученик до пережитой ими катастрофы, и, конечно, теперь был не только бесполезен, но даже обременителен. Годфри постоянно приходилось заботиться о своем учителе. Что поделаешь! Не бросать же его, товарища по несчастью, на произвол судьбы? Ведь это было живое существо, хоть проку от него меньше, чем от дрессированной собаки, послушно исполняющей приказания хозяина и готовой отдать за него жизнь. Как-никак, а с Тартелеттом, при всей его бесполезности, можно иной раз перебраться словами, разумеется, ничего не значащими, а иногда и посетовать вместе с ним на горькую долю. Годфри порой так хотелось слышать человеческий голос! Учитель танцев был все же поумнее Робинзона попугая... С Тартелеттом Годфри чувствовал себя не таким одиноким, а в его обстоятельствах не могло быть ничего ужаснее одиночества!

«Робинзон без Пятницы и Робинзон с Пятницей! — какое тут может быть сравнение!» — рассудил Годфри.

И все же в то утро, двадцать девятого июня, юноша был доволен, что он один и ему не мешают заняться исследованием местности. Быть может, посчастливится обнаружить какие-нибудь плоды или съедобные корни, которым, как ребенок, обрадуется учитель танцев. Итак, предоставив Тартелетту спать сколько заблагорассудится, Годфри пустился в путь.

Легкий туман еще окутывал берег и море, но на севере и востоке воздух уже становился прозрачным — туман таял под солнечными лучами. День обещал быть прекрасным.

Срезав себе толстую палку, Годфри направился к той еще не изведанной части берега, что выдавалась в море. Пройдя около двух миль, он решил сделать привал и приступил к первому завтраку, состоявшему из великолепных устриц и других съедобных моллюсков, водившихся здесь в изобилии.

«Во всяком случае, с голоду не умрешь», — сказал он самому себе. — Тут десятки тысяч устриц, а такая еда не противопоказана даже самому изнеженному желудку! Можно предположить, что устрицы в определенном количестве не менее питательны, чем хлеб и мясо, — утешал себя Годфри. — Если Тартелетт недоволен, то только потому, что он вообще не переносит никаких моллюсков! Ничего, стерпится — слюбится, а потом он без них не сможет и обходиться».

Покончив с завтраком, Годфри взял свою палку и зашагал на юго-восток — по правому берегу реки. Этот путь через прерию должен был вывести его к длинной полосе кустарников, а затем к группам деревьев, замеченных им накануне.

Юноша прошел еще около двух миль, ступая по густой траве, покрывавшей землю зеленым бархатистым ковром. Стаи водяных птиц с шумом летали вокруг незнакомца, вторгшегося в их

владения. В прозрачной воде мелькали какие-то рыбы. В этом месте ширина речки составляла около четырех или пяти ярдов.

Годфри легко мог наловить здесь рыбы. Но как ее изжарить? Задача по-прежнему оставалась неразрешимой!

Благополучно добравшись до первой полосы кустарников, путник, к своей великой радости, обнаружил два вида корнеплодов, являющихся довольно распространенной пищей американских индейцев.

Первый из них, называемый камас, растет на какой угодно почве, даже там, где больше ничего не растет. Из этих корней, напоминающих луковицу, готовят муку, богатую клейковиной и очень питательную. Кроме того, в жареном или печеном виде камас заменяет картофель. Другой род корнеплодов, ямс, хотя и не обладает такими питательными свойствами, как камас, но имеет перед ним важное преимущество: ямс можно употреблять в сыром виде.

Довольный своим открытием, Годфри не замедлил отведать великолепного ямса, затем нарвал пучок и для Тартелетта, перебросил его через плечо и пустился в обратный путь.

Увидев аппетитные луковицы, учитель танцев встретил молодого человека с распростертыми объятиями и с такой жадностью набросился на еду, что Годфри пришлось сдерживать его.

— Не мешайте мне, Годфри! — взмолился Тартелетт. — Сегодня у нас есть эти корешки, а кто знает, будут ли они завтра?

— И завтра, и послезавтра, в любой день и час! Стоит только пойти и нарвать их.

— Прекрасно, Годфри! Но что делать с камасами?

— Из них мы приготовим муку и хлеб, когда у нас будет огонь.

— Огонь! — воскликнул учитель танцев, сокрушенно качая головой. — Огонь! А как его добыть?

— Пока еще не знаю, — ответил Годфри, — но так или иначе, он у нас будет!

— Увы, мой дорогой Годфри! Я впадаю в бешенство, как только подумаю, что другим стоит лишь чиркнуть спичкой, и сразу появится пламя. Вот уж никогда не думал, что окажусь в таком дурацком положении! На Монтгомери-стрит достаточно обратиться к какому-нибудь джентльмену с сигарой во рту, и он немедленно протянет вам коробок... А здесь?

— Здесь не Сан-Франциско и не Монтгомери-стрит, дорогой Тартелетт, и на любезность прохожих рассчитывать не приходится...

— Но почему же нужно непременно печь хлеб или жарить мясо? Почему природа не устроила так, чтобы мы могли питаться одним воздухом?

— Когда-нибудь дойдем и до этого, — сказал Годфри, улыбаясь.

— Вы думаете?

— Да. Ученые, во всяком случае, занимаются этим вопросом.

— Неужели? Но на чем они основываются, изыскивая новые виды пищи?

— На том соображении, что пищеварение и дыхание — функции очень близкие и, вероятно, могут заменить одна другую. Весь вопрос в том, как изобрести питательный воздух; если ученые добьются успеха, можно будет вдыхать свой обед вместо того, чтобы съедать его. Вот и все.

— Какая жалость, что это ценное открытие все еще не сделано! — воскликнул учитель танцев. — С каким удовольствием я вдохнул бы в себя полдюжины сэндвичей и хороший бифштекс!

Предавшись сладкой мечте о воздушных обедах, Тартелетт невольно открыл рот и стал дышать полной грудью, забыв, что с грехом пополам может насытить себя и обычным способом.

Годфри вернул его к действительности.

Нужно было заняться устройством жилища в дупле секвойи: прежде всего очистить дно от мусора и удалить несколько центнеров перегноя, в котором нога утонула по шиколотку. За два часа они едва управились с этой малоприятной работой, но зато их жилище теперь блистало чистотой, хоть при малейшем движении и поднималась пыль столбом.

Толстые, выступающие из земли корни секвойи образовали неровный, но вполне приемлемый пол. В двух противоположных углах друзья устроили себе постели. Тюфяки заменили охапками травы, высушенной на солнце. Со временем Робинзоны расчитывали изготовить необходимую мебель: деревянные кровати, скамейки и столы. Сохранившийся у Годфри прекрасный нож с пилкой и буровом оказался тут очень кстати. Не следовало жаловаться и на отсутствие света: он свободно лился в широкое входное отверстие, в ненастную погоду можно было есть и работать, не выходя наружу. На тот случай, если для большей безопасности придется вдруг закрыть вход, Годфри рассчитывал проделать в коре секвойи одну или две скважины, заменившие бы окна.

Что касается высоты свода, то, во всяком случае, длинный шест — от десяти до двенадцати футов, который Годфри поднял над головой, не встречал никаких препятствий; значит, «потолок» находился на большой высоте, на какой именно — предстояло еще установить. Заняться этим можно будет позднее — дело не из срочных.

Весь день незаметно прошел в работе. Годфри и Тартелетт настолько устали, что ложе из сена показалось им великолепным. Правда, из-за него пришлось вступить в борьбу с курами, пожелавшими устроить себе насест тоже внутри дупла. Ничего иного не оставалось, как наломать веток и загородить ими вход. К счастью, ни бараны, ни козы, ни агути не испытывали подобного искушения, им нравилось пастись на воле, и они даже не пытались перескочить через забор из сухих веток кустарника.

Несколько дней ушло на устройство и оборудование жилища, а также на заготовку провизии. Следовало набрать побольше яиц и моллюсков, корней ямса и плодов манзаниллы. Каждое утро приходилось отправляться на побережье за устрицами. Все это отнимало по нескольку часов, а ведь известно, как быстро летит время, когда у человека забот полон рот.

Посудой им послужили несколько двусторчатых раковин, заменивших чашки и тарелки: их вполне оказалось достаточно для простой еды, какую употребляли наши Робинзоны. Пока что ничего другого им и не требовалось. Стирка белья в реке входила в обязанности Тартелетта, который легко справлялся с нехитрым делом, ибо весь гардероб потерпевших кораблекрушение сводился к двум рубашкам и двум парам штанов, да еще двум носовым платкам и двум парам носков. Во время стирки Годфри и Тартелетт оставались в чем мать родила, но жаркое солнце быстро высушивало белье.

Так они прожили до третьего июля, без дождя или сильного ветра.

Разумеется, нельзя было пренебрегать ни малейшими шансами на спасение. Годфри ежедневно ходил на северо-западный мыс и внимательно осматривал открывавшееся оттуда морское пространство, но ни разу не замечал ни парусника, ни рыбацкого баркаса, ни дыма проходящего мимо парохода. Очевидно, остров Фины лежал в стороне от путей торговых и пассажирских судов. Надо запастись терпением и дожидаться счастливого случая.

И лишь в редкие часы досуга Годфри, побуждаемый Тартелеттом, возвращался к важной и до сих пор не решенной проблеме огня.

Он попробовал подыскать что-нибудь похожее на трут — что-нибудь абсолютно сухое и легковоспламеняющееся. Ему показались подходящими грибные наросты, которые обычно появляются в старых дуплах. После тщательной просушки они, вероятно, могли бы послужить горючим материалом. Собрав несколько таких грибов, Годфри разломал их на мелкие куски и положил сушить на солнечную поляну, пока они в конце концов не превратились в порошок. Затем Годфри стал ударять по камню тупым краем ножа, надеясь высечь искру, чтобы зажечь легковоспламеняющийся материал. Но, несмотря на все усилия, огонь не загорался.

Затем Годфри проделал такие же опыты с древесной трухой, накопившейся за много лет в дупле большой секвойи, потом он попытался употребить в дело высушенную морскую губку, росшую между камней, но у него ничего не получалось. Искра, высеченная из камня от удара ножа, тотчас же гасла, не воспламенив этот импровизированный трут.

Было от чего прийти в отчаяние! До каких же пор они будут обходиться без огня? Годфри и Тартелетт уже с трудом выносили пищу, состоявшую из плодов, корней и моллюсков, не без

основания опасаясь желудочных заболеваний. При виде пасшихся баранов, коз и агути они, и в особенности учитель танцев, испытывали острый голод и пожирали глазами живое мясо.

Так дальше продолжаться не могло!

И вот — в ночь с третьего на четвертое июля, после нескольких дней изнурительной жары, какую не в силах был умерить даже дувший с моря ветер, разразилась настоящая гроза. Годфри и Тартелетт проснулись в первом часу ночи от зловещих ударов грома, сопровождавшихся ослепительными вспышками молнии. Дождь еще не начался, но с минуты на минуту моглиться настоящий ливень.

Годфри поднялся и вышел, чтобы взглянуть на небо. Оно пламенело, будто охваченное заревом пожара, и на этом фоне ажурная хвоя деревьев напоминала четкий рисунок китайских теней.

Вдруг после страшного раската грома все небо прорезал яркий зигзаг. Сверху донизу пробежала электрическая искра.

Годфри, отброшенный сильным ударом на землю, поднялся на ноги среди бушующего огненного дождя: молния воспламенила сухие ветки на вершине дерева, и на землю сыпались раскаленные угли...

— Огонь! Огонь! — закричал Годфри.

— Огонь! — подхватил Тартелетт. — Да будет благословенна молния, пославшая его!

Оба тотчас бросились к пылающим углям, часть которых уже тлела, и быстро сложили их в кучу вместе с сухими ветками у подножия дерева. Ветки затрещали, охваченные языками пламени, и, когда разгорелся костер, хлынул проливной дождь и потушил пожар.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой Годфри снова замечает легкий дымок, но теперь уже на другом конце острова

Гроза разразилась как нельзя более кстати! Теперь нашим героям не нужно изощряться, подобно Прометею, чтобы похитить небесный огонь. Само небо, как выразился Тартелетт, оказалось настолько любезным, что послало им огонь с молнией. Оставалось лишь позаботиться о его сохранении!

— Нет, мы не дадим ему погаснуть! — вскричал Годфри.

— Тем более что топлива тут вдоволь! — ответил Тартелетт, громкими возгласами выражая свою радость.

— Верно, — ответил юноша, — но кто будет поддерживать огонь?

— А уж это предоставьте мне! Если понадобится, я буду бодрствовать и днем, и ночью, — сказал учитель танцев, размахивая горящей головней.

И он действительно просидел у огня до самого восхода солнца.

Как только рассвело, Годфри и Тартелетт, собрав хворост в большую кучу, принялись подбрасывать его в костер, выбрав удобное местечко между толстыми корнями одной из соседних секвой. Яркое пламя вспыхивало с веселым треском, пожирая все новые порции сучьев. Тартелетт, лопаясь от натуги, поминутно дул на него, хотя огонь и не собирался гаснуть. Танцмейстер принимал необычайно рискованные позы, следя за серым дымом — крутыми завитками, поднимавшимися вверх и исчезающими в густой листве.

Однако пора было приниматься за дело! Ведь бедные Робинзоны мечтали о благословенном огне вовсе не для того, чтобы любоваться им или греть руки у костра. В такую жару в том не было нужды. Зато теперь у них будет здоровая и разнообразная еда и они смогут покончить со своим скудным и достаточно надоевшим рационом. Годфри и Тартелетт потратили половину утра на обсуждение этого важного вопроса.

— Перво-наперво мы зажарим пару цыплят! — воскликнул учитель, щелкнув зубами от вожделения. — Затем добавим окорок агутти, жаркое из барашка, козью ножку, несколько куропаток или рябчиков, которых много в прерии, а на закуску выловим двух-трех пресноводных и несколько морских рыб.

— Не торопитесь, Тартелетт, — заметил Годфри, чье настроение заметно поднялось после объявления меню. — Не стоит рисковать и сразу накидываться на пищу после столь длительного недоедания! Кроме того, нужно приберечь кое-что и про запас! Остановимся пока на паре цыплят. Каждому по штуке. Ведь это совсем неплохо! А вместо хлеба используем корни камаса. При умелом приготовлении они вполне могут заменить его.

Это решение стоило жизни двум ни в чем не повинным курам, которых учитель танцев старательно ошипал, выпотрошил, насадил на вертел и зажарил на медленном огне.

А тем временем Годфри готовил корни камаса, припасенные для первого настоящего завтрака на острове Фины. Чтобы сделать их съедобными, он применил индейский способ, известный обитателям прерий Западной Америки.

Сначала Годфри набрал на отмели мелких и плоских камней и бросил их в горящие угли, чтобы раскалить. Быть может, Тартелетт находил, что незачем жарить камни на драгоценном огне, но, поскольку это не мешало ему жарить кур, он не стал возражать.

Пока камни раскалялись, Годфри разметил участок приблизительно в квадратный ярд и вырвал оттуда всю траву, затем он с помощью больших раковин сделал выемку дюймов десяти глубиной, положил на дно сухих веток и зажег их, чтобы земля под ними сильно нагрелась. Когда сучья прогорели, Годфри удалил пепел и положил в яму очищенные корни камаса, прикрыв их травой, а сверху заложил раскаленными камнями и развел новый костер.

Получилось нечто вроде духовой печи. Не прошло и получаса, как все было готово.

Корни, испеченные под слоем камней и дерна, стали совершенно сухими и твердыми. Теперь их следовало смолоть в муку, пригодную для выпечки хлеба, либо съесть в том виде, как они есть.

Мы предоставляем читателю самому вообразить, с каким восторгом наши Робинзоны уселись за завтрак, состоявший из двух жареных цыплят и чудесных камасов, заменивших гарнир из картофеля. Природа словно позаботилась о них: луг, где росли камасы, находился совсем недалеко, и стоило только немного потрудиться, чтобы собрать сотни этих корней.

Покончив с завтраком, Годфри занялся приготовлением муки, с тем чтобы в любую минуту они могли испечь из нее хлеб.

День прошел в непрерывных трудах. Костер все время заботливо поддерживался. На ночь они положили побольше топлива, и все же Тартелетт несколько раз вскакивал со своего ложа, чтобы помешать угли, потом снова укладывался спать, но ему тут же казалось, будто огонь погас, и опять он в страхе подбегал к костру и начинал шевелить угли. И так до самого утра.

Треск костра и пение петуха разбудили Годфри и учителя танцев. Открыв глаза, юноша очень удивился, почувствовав на лице сильную струю воздуха. Это навело его на мысль, что, очевидно, дупло доходит до первого разветвления, а может быть, тянется еще выше, и где-то там, наверху, образовалось отверстие.

«Дыру непременно нужно заделать,— подумал Годфри.— Но почему же я не ощущал тока воздуха в прошлые ночи? Неужели все молнии натворила?»

Он решил внимательно осмотреть ствол секвойи. Обследование показало, что ударом молнии расщепило всю нижнюю часть ствола Вильтри — от первых веток до корней. Если бы электрический разряд попал внутрь, пока они спали, то Годфри и Тартелетта уже не было бы в живых. Лишь благодаря счастливой случайности они избежали смерти.

«Говорят, во время грозы,— продолжал размышлять Годфри,— не рекомендуется прятаться под деревьями. Но эти советы хороши, когда можно укрыться под надежной кровлей, а как же избежать опасности тем, кому дерево служит домом?»

Он оглядел длинный след, оставленный на стволе молнией.

— По-видимому, самый сильный удар попал в верхушку, где и получилась пробоина,— сказал Годфри.— Но раз возникла тяга, значит, дерево насквозь пустое и живет только за счет коры. Нужно все хорошо проверить!

Выбрав сосновую ветку, покрытую смолой, он поднес ее к огню, и она тут же ярко вспыхнула.

С факелом в руке Годфри вошел в свое жилище. Яркий свет разогнал темноту, и теперь нетрудно было рассмотреть, как высоко вверх уходит дупло. Футах в пятнадцати над землей в дереве образовалось нечто вроде свода. Приподняв факел, Годфри

разглядывал узкое трубчатое отверстие, уходящее до самого верха. Значит, сердцевина дерева была пустой от самого основания до верхушки, если только кое-где еще не сохранилась живая древесина. В таком случае можно будет, цепляясь за уцелевшие куски заболони, подняться до первого разветвления или еще выше.

Годфри решил с этим ни в коем случае не медлить. У него наметилась двойная цель: прежде всего — как можно плотнее закрыть отверстие, ибо если в дупло проникнут дождь и ветер, оно станет непригодным для жилья; затем нужно разведать, нельзя ли добраться до верхних ветвей, которые могли бы послужить убежищем в случае нападения хищников или дикарей. Мало ли что может случиться...

Попытка — не пытка. Если во время подъема в этой узкой трубе встретится какое-то препятствие, он всегда сможет спуститься вниз — вот и все.

Укрепив факел между двумя толстыми корневищами, Годфри стал взбираться по внутренним выступам еще не до конца прогнившей древесины. Легкий, сильный и ловкий, хорошо тренированный, как все американцы, он поднимался без всякого напряжения и вскоре достиг самой узкой части. Согнувшись в дугу, Годфри полз вверх на манер трубочиста, опасаясь, как бы новое сужение дупла не заставило его вернуться назад. Но пока еще можно продвигаться вперед, задерживаясь на ступенчатых выступах, чтобы перевести дыхание. Через три минуты юноша уже поднялся на высоту шестидесяти футов. Еще каких-нибудь двадцать футов — и он у цели!

Годфри почувствовал дуновение свежего воздуха и жадно ловил его. Отдышавшись и отряхнув труху, сыплющуюся со стенок дупла, он возобновил подъем. Дупло стало сужаться. Внезапно его внимание привлек подозрительный шум. Наверху послышалось царпанье, а затем свист.

Годфри замер. «Что бы это могло быть? Какое-то животное, укрывшееся в пустом стволе? А может, это змея?.. Нет! Змеи здесь пока не попадались... Должно быть, в дупло залетела птица...»

И не ошибся. Вскоре Годфри услышал сердитый клекот и хлопанье крыльев. Очевидно, он нарушил покой какой-то ночной птицы, гнездившейся в этом дереве. Громогласные «Кыш!», «Кыш!» вспугнули незаконно вторгшееся существо, которое оказалось всего-навсего огромной галкой, поспешившей вылететь через дыру и скрыться в зеленой чаще. Спустя несколько минут Годфри просунул голову в то же отверстие, и вот он уже удобно устроился в развилке громадных ветвей — в восьмидесяти футах над землей.

Мощные суки переплетались наподобие настоящего леса, покоившегося на гигантском стволе. Причудливые горизонтальные ветки образовывали непроницаемую чашу. Густая хвоя

почти не пропускала света. У Годфри было такое впечатление, будто он находится в дремучем бору.

Ему удалось, хотя и не без труда, перелезая с ветки на ветку, добраться до верхушки этого феноменального дерева. Стаи птиц с криками поднимались при его приближении, перелетая на соседние секвойи, уступавшие по высоте великому Вильтри.

Годфри поднимался все выше и выше — до тех пор, пока ветви не стали прогибаться под его тяжестью. С высоты, точно на рельефной карте, перед ним расстилалась широкая водная гладь, окружавшая остров Фины.

Годфри жадно всматривался в морскую даль. Увы, горизонт по-прежнему оставался пустынным! Он смог только лишний раз убедиться, что этот остров в Тихом океане лежит в стороне от торговых путей.

Молодой Робинзон глубоко вздохнул и опустил глаза на ту землю, где судьбой ему предназначено жить, по всей видимости, очень долго, а может быть, и до конца дней. Но каково же было удивление юноши, когда он снова заметил дым, правда, на этот раз не в южной, а в северной части острова. Он стал вглядываться: тонкий, темно-синий дымок спокойно струился вверх в тихом, прозрачном воздухе.

— Нет! Тут двух мнений быть не может! — вскричал Годфри. — Я вижу дым! Недаром же говорится — нет дыма без огня! Только откуда тут взяться огню? Кто мог его зажечь?..

Годфри старался поточнее определить место, откуда поднимался дым.

Он поднимался на северо-востоке, из-за высоких скал, окаймлявших берег, приблизительно в пяти милях от Вильтри. Ошибки быть не могло! Чтобы добраться до этих скал, нужно пересечь прерию в северо-восточном направлении, еще немного пройти по берегу... Это совсем недалеко!..

Дрожа от волнения, Годфри стал спускаться. Добравшись до нижнего разветвления, он на минуту остановился, набрал мху и хвои, затем, опустившись в люк, пробитый молнией, тщательно, как только мог, заделал его. Добравшись наконец до земли, Годфри бросил на ходу несколько слов Тартелетту, чтобы тот не беспокоился, и быстрым шагом направился к побережью.

Сначала он шел по зеленой прерии, среди разбросанных группами деревьев и длинных живых изгородей из дрока, потом зашагал вдоль берега и, наконец, через два часа подошел к последней цепи скал.

Напрасно искал Годфри дымок, который отчетливо видел с верхушки дерева. Однако сомнений в выбранном направлении не возникало, и тогда он начал поиски. Годфри тщательно обследовал все побережье, кричал и звал... Тщетно. Никто не ответил ему. Ни одно живое существо не показалось на отмели. Не видно было и следов погасшего костра среди скал или пепла сгоревших водорослей.

— Нет, я не мог ошибиться,— повторял Годфри.— Я же отчетливо видел дым. Я видел. Это не обман зрения!

Оставалось предположить, что на острове есть гейзер с горячей водой и действие его не постоянно.

В самом деле, разве на острове не могло быть естественных источников? В таком случае появление дыма — обычный геологический феномен.

Годфри пошел обратно. По дороге он внимательно разглядывал местность, на которую почти не обращал внимания, когда шел к берегу, подстегиваемый желанием побыстрее найти тех, кто зажег таинственный огонь. Несколько раз перед ним промелькнули какие-то животные, напоминающие жвачных, и среди них — вапити, их еще называют канадскими оленями, но мчались они с такой быстротой, что их нельзя было разглядеть получше.

Когда Годфри к четырем часам подходил к Вильтри, до него донеслись нежные звуки карманной скрипки, а вскоре он увидел и самого учителя танцев. Славный Тартелетт, словно весталка, бережно охранял доверенный ему священный огонь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

*в которой Годфри находит подарок, выброшенный морем,
и принимает его с большой радостью*

Стойко переносить лишения, если это неизбежно,— принцип практической философии, которая, правда, не вдохновляет на подвиги, но весьма полезна для повседневной жизни. Годфри решил следовать этому принципу: раз уж он оказался на необитаемом острове, то нужно сделать все от него зависящее, чтобы прожить здесь как можно удобнее, пока не представится случая его покинуть.

Поэтому он прежде всего занялся благоустройством жилища в дупле Вильтри. При отсутствии элементарных удобств приходилось особенно заботиться о гигиене: часто менять подстилки из травы и следить за тем, чтобы раковины, служившие посудой, мылись не менее тщательно, чем блюда и тарелки в лучших американских ресторанах. Справедливости ради следует заметить, что Тартелетт справлялся с этой задачей великолепно. С помощью своего ножа Годфри соорудил настоящий стол: вбил в землю четыре ножки и покрыл их широким плоским куском коры, затем приволок чурбаки, заменившие табуретки. Таким образом, если погода не позволит устраивать трапезу на открытом воздухе, обитатели Вильтри могли обедать у себя в дупле с полным комфортом.

Предстояло еще решить не менее важный вопрос — как быть с одеждой. Конечно, под этими широтами можно смело расхаживать в легких штанах и рубахе. Но ведь такая одежда недолговечна! Чем же заменить ее, когда она совсем износится? По примеру Робинзона Крузо сшить штаны и куртки из козьих и

бараньих шкур? Что ж, вполне выполнимо. А пока цела еще старая одежда, Тартелетт успешно справлялся и с обязанностями прачки.

Годфри же занимался добыванием пищи. Каждый день по несколько часов уходило на сбор съедобных корней и плодов манзаниллы, на ловлю рыбы с помощью верш, сплетенных из тростника, которые он устанавливал либо поперек речки, либо между вдававшимися в море скалами. Но даже и при таких примитивных орудиях лова на столе у наших героев нередко появлялись некоторые виды ракообразных, а иногда и крупные рыбы, не говоря уже о моллюсках, которые сами шли в руки.

Однако Годфри и Тартелетт были лишены самой необходимой вещи — обыкновенного котелка — и его ничем было заменить. Ведь без него не пригото́вишь ни бульона, ни вареного мяса, ни рыбы! Приходилось есть все в жареном виде. Тартелетт горько жаловался, что забыл вкус настоящего супа. Но как ему помочь?

Кроме добывания пищи, находились и другие заботы. Внимательно осмотрев все деревья по соседству, Годфри обнаружил еще одну исполинскую секвойю с таким же большим дуплом и устроил там курятник. Куры быстро привыкли к новому жилищу, исправно неслись и высиживали цыплят. По вечерам вход в дупло тщательно закладывался, чтобы защитить курятник от хищных птиц, которые, сидя на деревьях, подстерегали добычу и могли уничтожить весь выводок.

Домашние животные паслись на воле и до наступления сезона дождей в укрытии не нуждались. Корма для них росло вдоволь, притом самого отборного, например, эспарцета, сочными травами изобиловала прерия. Несколько коз успели уже принести потомство, и теперь они не доились: молоко требовалось козлятам.

Одним словом, в Вильтри жизнь была ключом. В часы сильного зноя животные прятались от солнца в тени секвойи. Далеко от Вильтри они не уходили, так что Годфри мог о них не беспокоиться, да и хищников на острове Фины как будто бы не водилось.

Так проходило время. Сегодняшнее существование становилось довольно сносным, но будущее внушало опасения. И вдруг произошло событие, заметно изменившее жизнь наших Робинзонов. Случилось это двадцать девятого июля.

Годфри бродил по отмели на берегу залива, названного им в память о погибшем корабле, — Дримбей. Ему хотелось узнать, так ли богата эта бухта моллюсками, как северная, но втайне он надеялся отыскать какие-нибудь следы крушения «Дрима», хотя бы обломки, выброшенные прибоем.

И вот, когда он дошел до песчаного мыса с северной стороны отмели, его внимание привлек большой камень странной формы, лежавший среди водорослей и морской травы. Неясное предчувствие заставило Годфри ускорить шаг. Каково же было удивле-

ние и радость, когда обнаружилось, что перед ним вовсе не камень, а наполовину занесенный песком сундук!

Неужели это один из сундуков, находившихся на «Дриме»? Неужели он лежит тут со дня кораблекрушения? А может быть, это след другой, более поздней катастрофы? Во всяком случае, откуда бы ни взялся сундук и каково бы ни было его содержимое, от такого подарка грех отказываться.

Годфри внимательно осмотрел находку. Снаружи на ней не было никаких знаков и даже металлической пластинки с именем адресата. Такие пластинки обычно красуются на чемоданах американцев. А может, есть какие-нибудь указания внутри? Если там лежат бумаги, позволяющие определить владельца, то можно надеяться, что эти документы в хорошем состоянии. Ведь сундук плотно закрыт и не должен пропускать воды! Он очень крепкий, этот деревянный сундук, обитый толстой кожей, с металлическими уголками и туго затянутыми широкими ремнями.

Как ни велико было желание узнать, что находится в сундуке, Годфри все же решил попытаться открыть его не взламывая. О том, чтобы перетащить такую тяжесть из Дримбея в Вильтри, не могло быть и речи. Сундук невозможно сдвинуть с места.

«Хорошо,— подумал Годфри,— откроем его здесь, а потом по частям перенесем все содержимое».

Расстояние от бухты до секвой составляло не менее четырех миль пути. Переноска вещей, если, конечно, они тут были, потребует много и времени и сил. Но на отсутствие свободных часов жаловаться не приходилось, а усталость в таком деле не помеха.

«Что же все-таки там лежит?» — ломал голову Годфри.

Сначала он снял ремни, затем, расстегнув пряжку, стащил с замка кожаный клапан. Оставалось лишь отомкнуть замок. Но как?

Задача оказалась нелегкой. Что бы такое могло послужить в качестве отмычки? Нож? Нет, Годфри ни за что не рискнет сломать свой единственный инструмент — неоценимый в жизни Робинзона. Может, поискать камень потяжелее и сбить замок?

Годфри так и сделал. Выбрав на отмели тяжелый булыжник величиной с кулак, он ударил изо всей силы по медной скобе. И вдруг, оттого ли, что сломалась скоба, или оттого, что замок не был заперт на ключ, к великому удовольствию Годфри, задвижка отскочила сама.

С бьющимся от волнения сердцем он поднял крышку и убедился, что ломать сундук стоило бы громадных усилий.

Собственно, его не назовешь даже сундуком, а скорее самым настоящим сейфом, обитым изнутри листами цинка, предохраняющими содержимое от влаги. Следовательно, все, что там находилось, оставалось в полной сохранности.

Ах, что это были за вещи! При виде такого богатства Годфри не мог сдержать крика радости. Без сомнения, сундук

или сейф, как его там ни назови, принадлежал очень практичному человеку, который, должно быть, отправлялся в совершенно дикую страну, где невозможно приобрести даже самого необходимого.

Прежде всего, белье: рубашки, полотенца, простыни, одеяла; затем одежда: шерстяные куртки, шерстяные и нитяные носки, полотняные панталоны, бархатные брюки, трикотажные жилеты, прекрасные сюртуки, две пары ботинок, охотничьи сапоги с высокими голенищами и в придачу ко всему — две фетровые шляпы.

Во-вторых, там оказались предметы, необходимые в хозяйстве, и туалетные принадлежности: котелок — да, да! вожденный котелок! чайник, кофейник, несколько ложек, ножей и вилок, маленькое зеркальце, щетки всех видов, три фляги с водкой по пятнадцать пинт¹, набор всевозможных гвоздей, лопаты, топор, молоток, долото, железные крючки.

В-третьих, тут было оружие: два охотничьих ножа в кожаных футлярах, карабин, два пистонных ружья, три шестизарядных револьвера, фунтов десять пороху, несколько тысяч патронов, порядочный запас свинца и пуль — все это, по-видимому, американского происхождения.

Наконец, в сундуке обнаружилась небольшая дорожная аптечка, подозрительная труба, компас, хронометр, несколько английских книг, писчая бумага, карандаш, чернила, перья, календарь, Библия нью-йоркского издания и вдобавок ко всему — «Руководство по кулинарному искусству».

Если бы понадобилось специально подобрать все необходимое для потерпевших кораблекрушение, трудно было бы составить более полный список. Годфри прыгал от радости. Он не мог отказать себе в удовольствии разложить свое добро на песке и рассмотреть каждую вещь в отдельности.

Но никаких бумаг, которые помогли бы установить имя владельца или название корабля, в сундуке не оказалось. И вот что интересно: никаких следов кораблекрушения на берегу — ни на песке, ни среди камней. Должно быть, ящик довольно долго держался на воде, прежде чем прибой выбросил его на сушу.

Теперь обитатели острова Фины надолго обеспечены необходимыми средствами существования. Счастливый случай подарил им орудия труда и необходимую одежду, оружие и домашнюю утварь. Само собой разумеется, Годфри и помышлять не мог о том, чтобы немедленно перенести все содержимое сундука в Вильтри. Сделать это можно только вместе с Тартелеттом, да и то в несколько приемов. Однако следовало торопиться — в любой день мог начаться тропический ливень.

---

¹ Пинта — единица объема в системе английских мер, равняется приблизительно 0,5 куб. дм.

Уложив большую часть вещей обратно в сундук, Годфри взял с собой ружье, револьвер, немного пороха и пуль, котелок и подозрную трубу. Затем, тщательно закрыв сундук и затянув ремни, он пустился в обратный путь.

С каким восторгом встретил его Тартелетт! Как был счастлив маэстро, когда Годфри рассказал ему о богатствах, найденных в сундуке! Один котелок доставил учителю такую радость, что он тут же проделал целую серию невероятных па, завершившихся эффектным прыжком.

Было только двенадцать часов дня. Годфри решил сразу же, еще до обеда, навеститься в Дримбей. Ему не терпелось перенести в Вильтри подаренные судьбой сокровища. На этот раз Тартелетт без всяких возражений согласился пойти вместе с ним. Теперь незачем сторожить костер, в любую минуту они могли его зажечь с помощью пороха. И все же учитель танцев оставил маленький огонек — для большей уверенности, а заодно, чтобы сварить бульон.

В одну минуту Тартелетт наполнил котелок водой, положил туда мясо агуты и несколько корешков ямса, заменивших овощи, всыпал щепотку соли, которую набрал из расщелин в прибрежных камнях.

— Он сварится и без меня! — торжественно изрек Тартелетт, видимо, очень довольный своей идеей.

Затем оба направились в Дримбей, выбрав самый короткий путь.

Сундук стоял на прежнем месте. Осторожно откинув крышку, Годфри стал сортировать содержимое под радостные возгласы Тартелетта. В первую очередь они, нагрузившись, словно вьючные мулы, понесли оружие, боеприпасы и часть одежды.

Вернувшись к Вильтри, усталые и измученные, друзья уселись за стол, на котором дымился бульон из агуты. Наши герои нашли его великолепным, а что касается мяса, то, по словам учителя танцев, это была пища богов. Вот до чего могут довести лишения!

На другой день, тридцатого июля, Годфри и Тартелетт, поднявшись на рассвете, тут же отправились на берег, и, еще до наступления сумерек, вся утварь, одежда, орудия и оружие были в дупле Вильтри. Наконец, тридцать первого июля, хоть и не без труда, они перетащили и сам сундук, который потом приспособили для хранения белья.

Тартелетт, видевший теперь все в розовом свете, вытащил свою карманную скрипку, подозвал своего ученика и сказал ему самым серьезным тоном, как если бы они находились на Монтгомери-стрит, в доме богача Кольдерупа:

— А что, дорогой Годфри, не возобновить ли нам уроки танцев?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

*в которой происходит то, что, по крайней мере, хоть раз должно
произойти в жизни настоящего Робинзона*

Да, счастливая находка существенно повлияла на течение жизни наших героев. И все же она не вскружила голову обитателям Вильтри. К примеру, их гардероб был теперь в полном порядке, но, не зная, как сложатся в дальнейшем обстоятельства, они договорились менять одежду только по мере необходимости. Впрочем, это предложил Годфри, а Тартелетт недовольно ворчал:

— К чему такая бережливость? Мы все-таки не дикари, чтобы ходить полуголыми!

— Простите, Тартелетт, но я не вижу, чем мы отличаемся от дикарей?

— Ну, это уж слишком! Вот увидите, ко времени отъезда у нас сохранится еще совсем не ношенная одежда.

— Я в этом не уверен,— возражал Годфри.— Пусть лучше будет лишнее, чем совсем ничего!

— Но по воскресеньям-то, я думаю, мы можем хоть немножечко принарядиться?

— Ну, это другое дело. По воскресеньям и в праздничные дни — пожалуйста! — отвечал Годфри, не желая огорчать своего легкомысленного наставника.— Но сегодня только понедельник, и впереди у нас целая неделя.

Следует сказать, что со времени кораблекрушения Годфри аккуратно отсчитывал день за днем, и теперь, найдя в сундуке календарь, убедился, что сегодня действительно понедельник.

Аккуратность и неуклонное следование установленному порядку стали буквально основой и законом жизни Робинзонов. Каждодневную работу они поделили соответственно своим способностям. Тартелетту больше не нужно было приглядывать за огнем, и он без особого сожаления расстался с обязанностями весталки. Отныне на его долю выпала другая работа: собирание корней ямса и камаса, особенно последних, служивших, как мы знаем, для выпечки хлеба. Учителю танцев ежедневно приходилось проделывать путь до кустарников, окаймлявших прерию, что составляло не менее двух миль. Сначала он жаловался на усталость, но вскоре привык и преодолевал это расстояние без труда. В свободное время Тартелетт искал устриц и других моллюсков, по-прежнему, несмотря на увеличение пищевых ресурсов, потреблявшихся в большом количестве.

Годфри взял на себя домашний скот и птицу. Он не находил у себя склонности к работе мясника, но пришлось перебороть отвращение, и теперь благодаря его трудам к столу нередко подавались бульон и жаркое. Что же касается охоты на лесную дичь, которая здесь водилась в изобилии, то Годфри решил с этим немного повременить. Когда будут закончены первоочередные ра-

боты, он сможет бродить по лесам и с успехом использовать имеющиеся в его распоряжении ружья, порох и дробь.

С помощью ниспосланных ему судьбой инструментов он сколотил несколько скамеек и поставил их в дупле и снаружи. Гладко выструганный стол также приобрел более приличный вид и теперь вполне подходил для настоящих тарелок и столовых приборов. Вместо кроватей Годфри сбил деревянные лежаки, а покрытая одеялом травяная подстилка походила на обычную постель. Кухонная утварь уже не валялась на полу: для нее соорудили полку. Кроме деревянного сундука, в дупле Вильтри появился и самодельный стенной шкаф, а на больших гвоздях были развешаны инструменты и оружие, украсившие стены наподобие рыцарских доспехов.

Годфри задумал сделать настоящую дверь, опасаясь, как бы домашние животные не влезли в дом ночью. Но как изготовить доски ручной пилой? И вместо досок в ход пошли большие куски древесной коры. Дверь получилась довольно прочной, она плотно закрывала жилище. С двух сторон дупла Годфри прорубил маленькие окошки и приделал к ним ставни. В комнату поступало теперь достаточно света и воздуха. На ночь ставни закрывались, а днем было так светло, что наши Робинзоны перестали зажигать сильно чадивший факел.

Как будет освещаться их жилье в долгие зимние вечера, Годфри еще не придумал. Быть может, ему удастся изготовить несколько свечей из бараньего сала или — гораздо проще — употребить для этой цели древесную смолу? Об этом стоило подумать.

Предстояло решить и другой, не менее важный вопрос — как сделать дымовую трубу. Пока стояла хорошая погода, для приготовления пищи вполне годился очаг, устроенный снаружи, между корнями одной из секвой. Но как быть, когда начнется сезон дождей и наступят холода? Очевидно, придется разводить огонь в самом жилище, а дым вывести наружу. Впрочем, с этим пока можно повременить!

Сейчас Годфри одолевали другие заботы. Прежде всего он занялся постройкой моста, чтобы соединить оба берега речки, протекавшей неподалеку. Ему удалось, правда, не без труда, забить в песчаное дно несколько свай и настелить на них бревна. Теперь по мосту жители Вильтри легко добирались до северного побережья, тогда как прежде приходилось идти в обход, преодолевая две мили вверх по течению, чтобы перейти речку вброд.

Итак, будущее рисовалось уже менее безотрадным. И все-таки Годфри, стараясь всеми силами благоустроить быт, тем самым скрашивая их одинокое существование на затерянном в океане островке, то и дело подумывал, как бы с ним расстаться. Может, им удастся построить достаточно прочное судно, чтобы добраться до ближайшей земли или до какого-нибудь проходящего мимо корабля?

Он понял, что остров Фины лежит в стороне от морских

путей. Здесь не было никакого порта, где проходящие суда могли запастись провизией. Однако должен же какой-нибудь военный или торговый корабль пройти когда-нибудь мимо? Поэтому стоило подумать, как привлечь к себе внимание вахтенного, дать ему знать, что на острове находятся люди.

С этой целью Годфри решил укрепить на вершине северного мыса мачту, а для флага пришлось пожертвовать одну из простыней, найденных в сундуке. Но так как белый флаг на большом расстоянии незаметен, то решили выкрасить его соком росших у подножия дюн алых ягод. Вскоре на мачте развевался ярко-красный флаг. Правда, окрашен он был примитивно, без помощи стойких химикатов, так что быстро выгорит на солнце или полиняет от дождя. Но что за беда, ведь ягод у подножия дюн сколько угодно!

Так незаметно пролетело время до середины августа; две недели небо радовало голубизной, если не считать двух или трех сильных гроз, обрушивших на иссохшую землю потоки воды.

Настала пора охоты. Однако если Годфри стрелял довольно хорошо, то на Тартелетта нечего было и рассчитывать — учитель ни разу не брал в руки ружья.

Отныне несколько дней в неделю Годфри охотился на четвероногую и пернатую дичь, которой на острове водилось вполне достаточно, чтобы обеспечить пропитание жителям Вильтри. Куропатки и бекасы внесли некоторое разнообразие в привычное меню. Кроме того, юному охотнику удалось подстрелить двух антилоп, и учитель танцев, не принимавший никакого участия в охоте, с аппетитом поглощал их в виде бифштексов или котлет.

Во время своих походов Годфри все больше знакомился с островом. Он исходил вдоль и поперек лес, покрывавший центральную часть острова, поднимался по течению речки до самого ее истока — родника на западном склоне, он взбирался на вершину конуса и спускался оттуда с противоположной стороны — в места, еще не исследованные.

«Из всех моих разведок, — рассуждал про себя Годфри, — можно сделать вывод, что на острове Фины нет ни хищных зверей, ни ядовитых змей, ни других пресмыкающихся! Будь они здесь, их, без сомнения, напугали бы ружейные залпы и я бы их заметил. Нам просто посчастливилось! Неизвестно, как бы мы с ними справились, вздумай они напасть на Вильтри?»

И он продолжал размышлять на ходу: «Можно заключить, что остров Фины необитаем. Иначе туземцы или потерпевшие крушение давно бы прибежали на выстрелы. Вот только что начинается непонятный дым, который, как мне кажется, я видел дважды?..»

В самом деле, до сих пор Годфри не удалось обнаружить следов разведенного кем-либо костра. Что же касается теплых источников, наличием которых он пытался объяснить появление дыма, то здесь, на острове явно не вулканического происхожде-

ния, едва ли они могли быть. Очевидно, дым был просто оптической иллюзией.

Впрочем, он больше не появлялся. Годфри вновь и вновь поднимался на вершину конуса, влезал на верхушку Вильтри, но ни разу не заметил ничего похожего. В конце концов он перестал о нем думать.

За домашними заботами и охотой прошло еще несколько недель.

По воскресеньям Тартелетт наряжался, как индейский петух, и прогуливался под деревьями, наигрывая на своей карманной скрипке. При этом он выделял замысловатые па, словно давая уроки самому себе, так как его ученик решительно от них отказался.

— А к чему эти уроки? — отвечал Годфри на настойчивые просьбы танцмейстера. — Вы можете себе представить Робинзона, берущего уроки танцев и изящных манер?

— А почему бы и нет? — с серьезным видом возражал Тартелетт. — Разве Робинзону помешают хорошие манеры? Ведь они нужны не только для других, а и для себя!

Не зная, что отвечать, Годфри все же не сдавался, и бедный Тартелетт зря терял время на уговоры.

Тринадцатого сентября Годфри испытал самое тяжелое разочарование, какое только может испытать человек, выброшенный кораблекрушением на необитаемый остров. В этот день, около трех часов, когда он прогуливался возле Флагпункта — так был назван мыс, на котором возвышалась мачта с флагом, — его внимание вдруг привлекла тонкая полоска дыма на горизонте. Посмотрев в подзорную трубу, Годфри убедился, что это действительно струйка дыма, а западный ветер относит ее к острову.

Сердце юноши учащенно забилося.

— Корабли! — воскликнул Годфри.

Но пройдет ли он настолько близко, чтобы там заметили или услышали сигналы с берега? Неужели этот дым, едва появившись, исчезнет вместе с судном? Два часа Годфри находился во власти самых противоречивых чувств.

Дым увеличивался, гущался — очевидно, судно набирало скорость, — потом вдруг почти совсем исчез. Однако судно приближалось, и к четырем часам на границе неба и моря отчетливо стал виден корпус большого корабля, двигавшегося на северо-восток. Годфри это точно определил. Если бы оно продолжало плыть в том же направлении, то непременно подошло бы к острову Фины.

Сначала Годфри решил бежать, чтобы предупредить Тартелетта, но потом передумал и остался на месте, продолжая следить за движением корабля в подзорную трубу.

Пароход медленно приближался к острову, хотя пока еще не развернулся к нему носом. К пяти часам линия горизонта осталась уже далеко позади него, и можно было рассмотреть на

судне три мачты. Годфри даже различал цвета штандарта, развевавшегося на гафеле.

Флаг был американский.

«Но если я хорошо вижу флаг корабля,— подумал Годфри,— то и они должны заметить мой флаг, который при таком ветре, как сейчас, нетрудно увидеть в подзорную трубу! Может быть, надо помахать им, и тогда они поймут, что жители острова хотят установить с ними контакт? Скорее! Нельзя терять ни минуты!»

Он подбежал к мачте, стал раскачивать шест и размахивать флагом, потом приспустил полотнище — что у моряков всего мира означает просьбу о помощи.

Пароход приблизился еще мили на три, но моряки по-прежнему не отвечали на сигналы с берега. Годфри почувствовал, как у него сжалось сердце... Очевидно, на судне его не заметили.

Шел седьмой час. Пароход находился не более чем в двух милях от берега, когда солнце стало опускаться за горизонт и начали сгущаться сумерки. С наступлением темноты придется оставить всякую надежду... Годфри снова принялся поднимать и опускать свой флаг, но безуспешно... Тогда он выстрелил несколько раз из ружья. Ответных залпов не последовало. Слишком велико было расстояние, да и ветер дул с моря.

Между тем опускалась ночь. Скоро невозможно будет разглядеть даже силуэт корабля. Годфри стал ломать ветки смолистых деревьев, росших позади Флагпункта, и зажигать их. Сухая сосновая хвоя вспыхнула ярким пламенем. Все тщетно.

Когда густая тьма скрыла от глаз мачты удалявшегося корабля, Годфри грустно поплелся в Вильтри, чувствуя, как никогда прежде, всю тяжесть одиночества.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой рассказывается об одном неожиданном происшествии

Неудача потрясла Годфри. Да и как тут не пасть духом! Когда еще представится такой шанс на спасение! С тем же равнодушием будут проходить мимо и другие суда, если они случайно окажутся в этих водах. Почему бы и нет, если остров Фины не является ни портом, ни просто надежным убежищем?

Несчастный провел тревожную ночь, просыпаясь каждую минуту. Чудилось, будто он слышит пушечные выстрелы в море, и тогда снова вспыхивала надежда, что корабль все же заметил еще не погасший огонь на берегу и отвечает на сигналы. Годфри прислушивался и убеждался, что пушечные выстрелы — лишь игра больного воображения. А с наступлением дня он почти убедил себя, что никакого корабля вообще не было, что все это лишь сон.

Но нет! Юноша отчетливо помнил, что пароход находился в двух милях от острова и прошел мимо, не обращая внимания на алое полотнище.

Годфри ни слова не сказал Тартелетту о постигшей его неудаче. Да и зачем? Беспечный ум хореографа не в состоянии был заглянуть дальше чем на двадцать четыре часа вперед. Тартелетт даже не мечтал о счастливом случае, который помог бы им покинуть остров. Образ Сан-Франциско постепенно стирался в памяти этого легкомысленного человека. У него не осталось там ни невесты, ни дяди Вилия. Если бы здесь, на краю света, Тартелетт мог открыть танцкласс, хотя бы для одного ученика, он был бы наверху блаженства.

Однако скоро оптимизм учителя подвергся суровому испытанию.

Было четыре часа пополудни. Тартелетт, как обычно, отправился собирать устриц и моллюсков на берегу близ Флагпункта, но тут же примчался обратно, испуганный, с развевающимися по ветру волосами. Он явно боялся оглянуться назад.

— Что случилось? — вскричал Годфри, выбежав ему навстречу.

— Там... Там... — бормотал Тартелетт, показывая пальцем на кусочек моря, видневшийся между огромными секвойями.

— Что там? — спросил Годфри.

— Лодка!

— Лодка?

— Да... Дикари... Целая флотилия дикарей!.. Должно быть, это людоеды...

Годфри посмотрел, куда указывал учитель танцев.

Он увидел не флотилию, как показалось обезумевшему от страха Тартелетту, а всего лишь небольшую лодку, тихо скользящую по волнам в полумиле от берега. Казалось, она огибала Флагпункт.

— Почему вы думаете, что это людоеды? — обратился Годфри к учителю танцев.

— Потому что рано или поздно на островах всех Робинзонов являлись людоеды.

— А быть может, это шлюпка с торгового судна?

— С торгового судна?

— Да... С парохода, который вчера прошел близ нашего острова.

— И вы ничего мне не сказали! — воскликнул Тартелетт, в отчаянии воздев руки к небу.

— К чему было говорить? — ответил Годфри. — Ведь я решил, что судно исчезло бесследно. Но вполне возможно, что лодку спустили именно с этого корабля. Сейчас мы узнаем...

Он сбегал в Вильтри за подозрной трубой и выбрал удобную позицию на лужайке под деревьями. С этого наблюдательного пункта можно было хорошо разглядеть лодку, а находившиеся в ней люди непременно заметят флаг, развевающийся на мачте.

Вдруг подозрная труба выпала из рук Годфри.

— Дикари... Это дикари! — вскричал он.

У Тартелетта подкосились ноги, он задрожал всем телом.

В самом деле, в лодке, построенной на манер полинезийской пироги, сидели люди не европейского типа. И направлялись они прямо к острову. Под большим парусом из плетеного бамбука... Годфри ясно различал форму пироги, так называемой «прао», из чего тут же заключил, что остров Фины находится недалеко от Малайского архипелага. Однако в лодке сидели не малайцы, а чернокожие полуголые люди, числом не менее десяти.

Конечно, они не могли не заметить на острове людей, так легкомысленно поднявших флаг (на который не обратили внимание на большом корабле). Спускать его уже не имело никакого смысла.

Ничего не скажешь, положение не из приятных! По-видимому, это соседи, они приплыли сюда, считая, что остров Фины необитаем, а таким он и был до катастрофы на «Дриме». Годфри лихорадочно думал, как укрыться от незваных гостей, если они пристанут к берегу.

Кажется, впервые за все время пребывания на острове Годфри по-настоящему растерялся. Наконец он сообразил, что сначала нужно выяснить, каковы намерения туземцев.

Глядя в подзорную трубу, молодой человек продолжал следить за пирогой. Она прошла вдоль мыса, обогнула его, появилась с другой стороны и, наконец, пристала в устье речки, милях в двух от Вильтри. Если бы аборигенам вздумалось подняться вверх по течению, они очень скоро подошли бы к секвойям, а Годфри и Тартелетт не смогли бы им помешать.

Не мешкая Робинзоны вернулись к своему дому. К счастью, Годфри додумался, по возможности, скрыть следы их пребывания и приготовиться к защите. Мысль Тартелетта работала совсем в другом направлении.

«Ах! — твердил он про себя. — Какая печальная участь! И это неизбежно! Ну разве может Робинзон ни разу не повстречаться с пирогой людоедов? В один прекрасный день они должны высадиться на острове! И вот... Не прошло и трех месяцев — они тут как тут! Действительно, ни господин Дефо, ни господин Висс ни на йоту не отступали от правды. Вот и делайтесь после этого Робинзоном!»

Достойный Тартелетт! Робинзонами не делают, а становятся! Но вы были недалеко от истины, сравнивая свое положение с положением героев английского и швейцарского романистов.

Вернувшись в Вильтри, Годфри тотчас принял меры предосторожности: погасил огонь и разбросал золу, чтобы не осталось никаких следов костра; заложил ветвями вход в курятник, где куры, петухи и цыплята уже устроились на ночлег; скот, за неимением стойла, он угнал в прерию, а все орудия и домашнюю утварь перенес в жилище. Покончив со всем этим, Годфри вошел вместе с Тартелеттом в дупло и плотно закрыл за собой дверь, сработанную из коры секвойи, — по этой причине ее невозможно заметить даже вблизи. Оба окошка плотно закрывались такими же ставнями. Вильтри погрузилась в полный мрак.

Какой бесконечно длинной показалась ночь! Оба путешественника — и Годфри, и Тартелетт — прислушивались к малейшему шороху. Стук упавшей ветки или порыв ветра приводили их в трепет. Им то и дело слышались чьи-то шаги, казалось, будто вокруг Вильтри кто-то ходит. Кончилось тем, что Годфри, поднявшись к одному из окошек, приоткрыл ставни и начал со страхом вглядываться в темноту.

Нет, никого!..

Прошел еще час, и юноша в самом деле услышал шаги. На этот раз слух его не обманул, неизвестный крадучись ходил от двери до окошка, подкарауливая малейший звук из глубины гигантского дупла. С сердцем, готовым выскочить из груди, Годфри бесшумно приоткрыл ставню и увидел, что под деревом бродит коза. Это глупое животное, так некстати заскучавшее по дому, помогло принять важное решение. Оно созрело в голове Годфри за считанные секунды, пока он подползал к окошку.

Итак, если аборигенам удастся обнаружить их жилище в дупле большой секвой, они с Тартелеттом поднимутся внутри дерева до верхних ветвей и оттуда нападут на туземцев. С помощью ружей и револьверов они, может быть, даже сумеют одержать победу над дикарями, лишенными огнестрельного оружия. А если же взломают дверь, — чтобы подняться по длинному дуплу до верхних ветвей, — тогда... тогда Годфри тоже что-нибудь придумает.

Но пока о своих планах он не станет рассказывать Тартелетту. Бедняга и без того напуган появлением людоедов, мысль о переселении на верхушку дерева его не обрадует. Годфри решил, что в случае необходимости насильно потащит танцмейстера наверх, не давая ему времени на размышление.

Ночь прошла в непрерывной смене надежд и опасений. Но на Вильтри никто не нападал. Быть может, дикари не дошли еще до больших секвой? Или они ожидают наступления дня, чтобы отправиться в глубь острова?

— Вероятно, так они и сделают, — произнес Годфри. — Ведь флаг показывает, что на острове есть люди. А туземцев не больше дюжины, и они сами должны бояться нападения. Откуда им знать, что здесь только двое несчастных, потерпевших кораблекрушение? Идти сюда ночью они не рискнут... Если только...

— Если только не уплывут обратно, когда наступит день, — закончил Тартелетт.

— Обратно? Но зачем же тогда они явились на остров Фины? Неужели лишь для того, чтобы провести здесь одну ночь?

— Не знаю... не знаю... — пролепетал учитель танцев, который от страха потерял всякую способность соображать и мог объяснить причину появления островитян единственно желанием полакомиться человеческим мясом.

— Как бы там ни было, — заметил Годфри, — если туземцы завтра не пожалуют в Вильтри, мы сами отправимся на разведку.

— Мы?

— Да, мы! Разлучаться в такой момент было бы крайне неблагоприятно. Кто знает, не придется ли нам прятаться в лесу, в центральной части острова... Быть может, даже несколько дней... до отъезда незваных гостей! Нет, Тартелетт, мы должны держаться вместе!

— Тсс!..— дрожащим шепотом прервал его учитель танцев.— Мне кажется, я слышу шаги...

Годфри снова поднялся к окошку и тут же спустился вниз.

— Нет! — объявил он.— Пока ничего подозрительного... Это вернулись наши козы, бараны и агути.

— Их пригнали дикари? — воскликнул Тартелетт.

— Вряд ли. Они совершенно спокойны. Скорее всего просто ищут укрытия от утреннего холода.

— Ах, вот что,— пробормотал Тартелетт таким жалобным тоном, что при менее серьезных обстоятельствах Годфри не удержался бы от смеха.— Подобного никогда бы не могло случиться в особняке Уильяма Кольдерупа на Монтгомери-стрит!

— Скоро взойдет солнце,— строго сказал Годфри.— Подождем еще час и, если туземцы не придут, оставим Вильтри и отправимся на разведку в северную часть острова. Способны вы держать ружье в руках, Тартелетт?

— Держать?.. О да!..

— А стрелять?

— Не знаю! Никогда не пробовал... Но можете не сомневаться, Годфри, что моя пуля не попадет в цель...

— Кто знает, быть может, достаточно выстрела в воздух, чтобы напугать туземцев...

Через час стало так светло, что можно было разглядеть лужайку позади больших секвой.

Годфри осторожно открыл ставни. С южной стороны все было как обычно. Тихо и спокойно паслись домашние животные. Годфри старательно закрыл окошко и выглянул в другое, из которого просматривалась северная часть бухты. Юноша отчетливо разглядел мачту с флагом, возвышавшуюся на расстоянии двух миль от Вильтри, но устья реки, близ которого накануне высадились гости, рассмотреть было невозможно. Тогда он взял подозрительную трубу и оглядел весь берег до Флагпункта. Никого. Быть может, как предсказывал Тартелетт, аборигены, проведя ночь на берегу, действительно — хотя это и необъяснимо — отправились дальше, так и не разузнав, обитаем ли остров?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в которой ружье учителя танцев Тартелетта поистине творит чудеса

У Годфри вырвался такой отчаянный крик, что танцмейстер подскочил на месте. Вне всякого сомнения, туземцы обнаружили присутствие людей: флаг, развевавшийся на мачте, исчез.

Нельзя было медлить с выполнением задуманного плана: от-

правиться на разведку, чтобы выяснить, здесь ли еще туземцы и что они делают.

— Итак, в путь! — сказал Годфри своему компаньону.

— В путь? Но как же... — прошептал Тартелетт.

— Может быть, вы предпочтете остаться?

— С вами, Годфри, да!

— Нет, без меня.

— Остаться одному? Ни за что на свете!

— Тогда пошли!

Прекрасно понимая, что Годфри не отступится от своего решения, Тартелетт отважился сопровождать его.

Перед тем как отправиться в путь, Годфри еще раз проверил оружие, зарядил оба карабина и один вложил в руки Тартелетту, который уставился на него с таким потерянным видом, словно какой-нибудь абориген Помоту, впервые увидевший незнакомый предмет. Кроме того, бедняге пришлось повесить на пояс патронташ и охотничий нож. В последнюю минуту он надумал захватить с собой еще и карманную скрипку, надеясь, должно быть, улаживать дикарей ее визгливыми звуками, но Годфри, хоть и не без труда, отговорил его от этой нелепой затеи.

Было около шести часов утра. Верхушки секвой весело зеленели под первыми лучами солнца. Годфри приоткрыл дверь и вышел наружу, чтобы осмотреть все вокруг.

На острове царил тишина.

Животные уже паслись в прерии в четверти мили от Вильтри. Они преспокойно щипали травку, в их поведении Годфри не заметил ни малейшего признака тревоги. Он подозвал к себе Тартелетта. Учитель танцев нерешительно приблизился, весь обвешанный оружием.

Молодой человек плотно закрыл дверь дупла и, убедившись, что она совершенно слилась с корой дерева, набросал кучу веток вокруг, а сверху привалил несколько больших камней. Затем он направился к реке, чтобы в случае необходимости спуститься по берегу до самого устья.

Тартелетт плелся сзади, беспокойно озираясь по сторонам и стараясь не отставать от юноши.

Дойдя до лужайки у подножия больших секвой, Годфри остановился, вытащил подзорную трубу и стал с напряженным вниманием разглядывать каждую точку на берегу от северного мыса до северо-восточной оконечности острова.

Ни одно живое существо не попадало в поле зрения, ни одного дымка, который указывал бы на привал людей. Оконечность мыса также выглядела безлюдной, хотя на песке виднелись многочисленные следы босых ног. Да, Годфри не ошибся: мачта на месте, а флаг исчез! Очевидно, туземцы, прельстившись красным цветом, сорвали полотнище и возвратились к своей пироге, спрятанной в устье реки.

Годфри окинул взглядом западное побережье. От Флагпункта до Дримбея было пусто, чистой оставалась и водная гладь —

ни одно судно не бороздило море. Если туземцы двигаются сейчас вдоль берега на своей прао, то теперь они должны быть скрыты за береговыми скалами.

Годфри мучила проклятая неизвестность. Он во что бы то ни стало хотел выяснить, остались ли незваные гости на острове или убрались восвояси. Хочешь не хочешь, а придется пробираться к тому месту, где они высадились накануне,— к бухте в устье реки.

По берегам, на протяжении двух миль, клонились над водой зеленые купы деревьев, тянулись заросли кустарника, а дальше до самого моря оставалось открытое пространство в пятьсот — шестьсот ярдов. Таким образом, можно незаметно приблизиться к устью, если только туземцы не вздумают подняться вверх по реке. Но во избежание неприятностей действовать нужно очень осторожно.

Вряд ли туземцы, уставшие от вчерашнего длинного перехода, успели в столь ранний час покинуть лагерь. Скорее всего они еще спят в своей лироге или рядом с ней — на земле. В таком случае, подумал Годфри, их можно застать врасплох.

Только не надо торопиться! Когда имеешь дело с возможным противником, лучше остаться незамеченным. Все преимущества на стороне нападающего. Проверив курки карабинов и револьверов, Годфри и Тартелетт стали спускаться по левому берегу речки. Все было спокойно. Тишину раннего утра нарушали лишь птицы, безмятежно порхавшие с дерева на дерево и с берега на берег.

Годфри, твердо ступая, шагал впереди, тогда как спутник его тащился понуря голову и, видимо, выбиваясь из сил. Они миновали перелесок и выбрались на открытый берег, поросший высокой травой, которая скорее могла выдать присутствие человека, чем густой кустарник, окаймленный деревьями. На этом участке приходилось продвигаться с крайней осмотрительностью. Малейшая оплошность — и в голову полетят камни и стрелы! Учитель танцев, как назло, то и дело спотыкался, несмотря на предостережения Годфри, и несколько раз падал во всей своей амуниции; при этом он пыхтел, отдувался и производил столько шума, что Годфри начал раздражаться. Как же он не догадался оставить Тартелетта в Вильтри или спрятать где-нибудь в лесу! Но теперь поздно об этом думать.

Прошел уже час с тех пор, как наши Робинзоны покинули свою секвойю. Они проделали уже большую часть пути и не обнаружили ничего подозрительного.

Годфри остановился и окинул взглядом прерию. Мелкая речка несла прозрачные воды среди открытых песчаных берегов. Нигде никаких признаков пришельцев... Конечно, нельзя не учитывать, что туземцы, зная теперь о присутствии на острове людей, вероятно, тоже были начеку. Вполне возможно, в то время как Годфри с Тартелеттом шли вдоль берега вниз по течению, незваные гости могли подняться вверх по реке или засесть

неподалеку в миртовых зарослях, а могли устроить засаду и в лесу.

По мере того как они продвигались вперед, не встречая крокождадных туземцев, учитель танцев мало-помалу успокаивался, избавляясь от своих страхов, и даже стал с пренебрежением отзываться об этих «смешных людоедах». Годфри же, наоборот, все больше и больше тревожился и, перейдя с открытого места в лесок, удвоил внимание.

Прошел еще час. Снова потянулись голые берега, если не считать реденьких зарослей кустарника. Ветер, дувший с моря, пригибал траву. В таком месте трудно было укрыться. Нашим Робинсонам ничего иного не оставалось, как только лечь на землю и продвигаться ползком. Годфри так и сделал, приглашая Тартелетта последовать своему примеру.

Но тому вовсе не хотелось ложиться на землю.

— Дикарей тут больше нет! Людоеды ушли! — заявил учитель изящных манер.

— Они здесь, — тихо и решительно сказал Годфри. — Они должны быть здесь, — повторил он. — Ложитесь на живот, Тартелетт! Живее, живее! И будьте готовы в любую минуту спустить курок! Следите за мной и без моего приказа не стреляйте!

Годфри произнес это таким суровым тоном, что ноги танцмейстера подогнулись сами собой, и он оказался в требуемой позе.

И хорошо сделал. Годфри действительно имел все основания говорить так.

С занятой им позиции не было видно ни берега моря, ни устья речки — все закрывала возвышенность, находившаяся в ста шагах. Но из-за холма поднимался в синее небо густой столб дыма.

Лежа на траве и положив палец на спусковой крючок карабина, Годфри терпеливо ждал.

«Третий раз, — сказал он самому себе, — я вижу на острове дым. Не означает ли это, что туземцы уже высаживались и разводили костры на северном и южном берегу? Нет, невозможно! Ведь я ни разу не находил никаких следов — ни углей, ни пепла! Но сейчас я узнаю, что происходит, и тогда решу, как поступить!»

Сделав несколько скользящих движений, которые тут же скопировал Тартелетт, Годфри добрался до вершины холма, откуда можно было наблюдать за той частью морского побережья, где речная излучина переходила в устье.

Юноша едва сдержал крик. Опустив руку на плечо учителя танцев, он дал понять, что дальше двигаться нельзя. Тартелетт замер, упершись головой в землю, а Годфри увидел все, что хотел увидеть...

На берегу, среди скал, пылал громадный костер, от которого к небу поднимались черные клубы дыма. Вокруг костра суети-

лись те самые чернокожие туземцы, что прибыли вчера на остров, они непрерывно подбрасывали в огонь хворост, сложенный в большую кучу. У берега плясала на волнах привязанная к камню пирога.

Начинался прилив.

Годфри и без всякой подозрительной трубы видел, что происходило на берегу, от костра его отделяли каких-нибудь двести шагов. Он даже слышал, как трещали в огне сухие ветки. Стало ясно, что засады можно не опасаться, так как все туземцы сейчас в сборе.

Из двенадцати человек десять занимались работой: одни поддерживали огонь, другие забивали в землю колья для вертела, как это делают обычно полинезийцы. Одиннадцатый, похожий на предводителя, с важным видом прогуливался по отмели и часто поглядывал в глубь острова, словно опасаясь нападения оттуда. На плечах его Годфри увидел красное полотнище флага, служившее дикарю украшением.

Двенадцатый же, привязанный к бревну, лежал на земле.

Нетрудно было догадаться, какая участь грозила несчастному. Вертел и костер, конечно, предназначались для того, чтобы его изжарить... Выходит, Тартелетт не ошибся, назвав этих людей людоедами!

Как не согласиться с учителем, утверждавшим, что приключения всех Робинзонов, настоящих или придуманных, не отличаются одно от другого! В самом деле, Годфри с Тартелеттом оказались точно в том же положении, что и герой Даниэля Дефо, когда на его острове высадились дикари. И подобно Робинзону Крузо, они должны присутствовать при ужасной сцене людоедства!

Годфри решил действовать подобно бесстрашному Робинзону. Нет, он ни за что не допустит, чтобы каннибалы убили пленника и насытились человеческим мясом! Вооружен он несколько не хуже, чем Робинзон в эпизоде спасения Пятницы! Два ружья — четыре выстрела! Два револьвера — двенадцать выстрелов! Этого вполне достаточно, чтобы подействовать на одиннадцать дикарей, которые могут разбежаться и от одного залпа. Придя к такому заключению, Годфри стал хладнокровно выжидать момента, когда сможет заявить каннибалам о своем присутствии.

Ждать ему пришлось недолго.

Не прошло и двадцати минут, как вождь дикарей приблизился к костру и выразительным жестом указал на пленника своим подданным, только и ожидавшимися приказания.

Годфри поднялся. Поднялся и Тартелетт, не отдавая себе отчета в том, что он делает. Перепуганный учитель танцев даже не догадывался, что собирается предпринять его ученик, до сих пор не сообщивший ему о своих намерениях.

Годфри уже почти не сомневался, что при одном его появле-

нии среди каннибалов поднимется паника: они либо бросятся к пироге, либо побегут врассыпную.

Но не случилось ни того, ни другого. Казалось, пришельцы его даже не заметили. Предводитель снова указал на пленника. Трое чернокожих подскочили к нему, отвязали от бревна и потащили к огню.

Это был еще совсем молодой человек. Понимая, что смерть близка, он, как видно, решил дорого продать свою жизнь и отчаянно отбивался. Но туземцы очень быстро с ним справились, повалили на землю, тут подоспел их главарь и занес над пленником каменный топор, чтобы разmozжить ему голову.

Годфри громко крикнул и нажал на курок. Пуля просвистела в воздухе и, казалось, наповал уложила вождя племени: он упал как подкошенный.

При звуке выстрела туземцы замерли, словно от удара грома, а те, что держали пленника, выпустили его из рук. Воспользовавшись случаем, бедняга тотчас же бросился бежать в том направлении, откуда появился неожиданный спаситель. Дикари с изумлением уставились на людей, пославших смерть.

И тут раздался второй выстрел.

Зажмурив глаза от страха, Тартелетт нажал на спусковой крючок, мгновенно ощутив удар прикладом в правую щеку. Подобной пощечины ему ни разу в жизни не приходилось получать! Однако — бывают же такие удачные выстрелы! — он даже не промахнулся: один из дикарей свалился замертво рядом со своим предводителем.

Туземцы потерпели сокрушительное поражение. Быть может, они решили, что их атакует многочисленное враждебное племя и побоялись принять бой? А может, их напугали двое белых людей, мечущих громы и молнии? Как бы то ни было, но чернокожие, подхватив своих убитых, пустились наутек: вскочив в лодку, они принялись изо всех сил грести, затем подняли парус и быстро обогнули Флагпункт.

Тем временем пленник подбежал к своему спасителю. Вначале он остановился в нерешительности, не скрывая страха перед этими высшими существами, затем приблизился, опустился на колени и, взяв ногу Годфри обеими руками, поставил ее себе на голову в знак того, что признает себя его рабом.

Можно было подумать, что этот уроженец Полинезии читал «Робинзона Крузо».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

*в которой описывается моральный и физический облик жителя
Полинезии*

Годфри поднял несчастного, лежавшего у его ног, и заглянул ему в лицо. Полинезийцу было не больше тридцати пяти лет. Наготу прикрывала лишь набедренная повязка. Чертами лица, телосложением и цветом кожи он напоминал африканского негра.

И правда, этот человек ничуть не походил на жалких аборигенов Полинезийского архипелага, заметно отставших в развитии от представителей африканских племен.

Бывали случаи, когда суданские или абиссинские негры попадали в руки к туземцам Полинезийских островов, и Годфри не удивился бы, заговори этот африканец на английском или на другом европейском языке. Но очень скоро путешественники убедились, что несчастный лопочет на каком-то совершенно неизвестном наречии, по всей видимости, на языке местных туземцев, к которым он, должно быть, попал в раннем детстве.

Годфри заговорил с ним по-английски, но, увы, не получил никакого ответа. Тогда он знаками дал понять негру, что хочет знать, как его зовут. После нескольких бесплодных попыток дикарь, у которого было умное и открытое лицо, произнес:

— Карефиноту.

— Карефиноту! — воскликнул Тартелетт. — Вы слышали что-нибудь подобное?... Я предлагаю назвать негра Пятницей. Ведь сегодня пятница, как это было на острове Робинзона. На островах, где живут Робинзоны, дикарей всегда называют по тому дню недели, когда их спасли. Подумать только, как можно носить такое нелепое имя — Карефиноту?

— Если это имя спасенного, то почему бы не сохранить его? — строго ответил юноша.

В эту минуту рука Карефиноту коснулась груди Годфри, всем своим видом он спрашивал: «А тебя как?»

— Годфри, — назвал молодой человек.

Чернокожий попытался выговорить имя своего избавителя, и, хотя Годфри повторил его несколько раз, туземцу так и не удалось внятно воспроизвести столь непривычное для него чередование звуков.

Потом Карефиноту повернулся к учителю танцев, давая понять, что хотел бы с ним тоже познакомиться.

— Тартелетт, — представился танцмейстер с любезной улыбкой.

— Тар-те-летт! — повторил Карефиноту.

Очевидно, сочетание этих слогов оказалось более подходящим для голосовых связок дикаря, ибо произнес он их очень отчетливо.

Учитель танцев казался польщенным. Да и было отчего!

Тогда Годфри, убедившись в сообразительности туземца, показал ему знаками, что хочет узнать название острова. Он обвел рукой лес, прерию, холмы, потом указал на берег моря и горизонт и, наконец, вопросительно поглядел на негра.

Карефиноту не сразу понял, чего от него хотят, и повторил жест Годфри, а потом обернулся и окинул взглядом окружающее пространство.

— Арнека, — сказал он, подумав.

— Арнека? — повторил Годфри, топая ногой по земле, как бы подтверждая свой вопрос.

— Арнека! — кивнул полинезиец.

Название это ни о чем не говорило Годфри, он не мог припомнить ничего похожего. Скорей всего Арнека — туземное наименование, не известное картографам, и определить по нему, в какой точке Тихого океана они находятся, Годфри все равно не мог.

Между тем Карефиноту с нескрываемым любопытством продолжал рассматривать обоих белых, переводя взгляд с одного на другого, словно сравнивая их. Его губы растянулись в улыбке, обнажив ряд великолепных белых зубов, на которые Тартелетт поглядывал с некоторой опаской.

— Пусть сломается в моей руке карманная скрипка, — воскликнул он, — если эти зубы никогда не жевали человеческого мяса!

— Во всяком случае, — ответил Годфри, — наш новый знакомый уже не походит на человека, которого собираются изжарить и съесть, а это самое главное!

Внимание Карефиноту больше всего привлекало вооружение Годфри и Тартелетта: карабины в руках и револьверы за поясом.

Молодой путешественник сразу понял причину подобного любопытства: очевидно, дикарь никогда не видел огнестрельного оружия, да и вряд ли понимал, что обязан своим освобождением одной из этих трубок, выбрасывающих молнию. Годфри решил дать туземцу представление о своем могуществе. Зарядив ружье, он показал Карефиноту на красную куропатку, летевшую шагах в пятидесяти над прерией, затем прицелился и выстрелил — птица упала.

При звуке выстрела негр сделал громадный прыжок, который Тартелетт тут же оценил глазом хореографа. Затем, оправившись от страха, Карефиноту с быстротой охотничьей собаки подбежал к птице, ковылявшей по траве с перебитым крылом, и принес ее своему господину, радостный и изумленный.

Тогда и Тартелетт захотел показать представителю отсталой расы, что он обладает такой же смертоносной силой. Заметив близ реки спокойно сидящую на старом стволе чайку-рыболова, он поднял карабин и прицелился.

— Не стоит, Тартелетт! — остановил его Годфри. — Не стреляйте!

— Почему?

— Если вам не повезет и вы промахнетесь, мы много потеряем в глазах этого туземца.

— Но почему бы мне не попасть? — возразил танцор не без досады. — Не я ли, впервые взяв в руки ружье, на расстоянии ста шагов поразил прямо в грудь одного из людоедов?

— Вы в него определенно попали, раз он упал. Но послушайте меня, Тартелетт! Ради наших общих интересов не испытывайте судьбу дважды.

Учитель танцев, хотя и без некоторого разочарования, в

конец концов поддался уговорам. Закинув ружье за спину, он вместе с Годфри и Карефиноту зашагал в Вильтри.

Жилище, оборудованное внутри секвойи, вызвало изумление дикаря. Прежде всего, ему пришлось объяснить, как надо обращаться с разными инструментами и домашней утварью. По-видимому, Карефиноту жил среди туземцев, стоявших на самой низкой ступени развития, так как даже железо ему было неизвестно. Когда поставили котелок на горячие угли, чернокожий хотел тут же его снять, боясь, что он сгорит, чем вызвал неудовольствие Тартелетта, занятого своим обычным священнодействием — приготовлением бульона. Но больше всего Карефиноту поразило зеркало, которое он вертел так и эдак, чтобы убедиться, нет ли на другой стороне его собственной персоны.

— Он же ничего не смыслит, этот черномазый, — с презрительной гримасой воскликнул учитель танцев.

— Нет, Тартелетт, ошибаетесь, — возразил Годфри. — Карефиноту смотрит на обратную сторону зеркала, значит, рассуждает, на что способно только мыслящее существо.

— Хорошо! Согласен! Допустим, он не лишен сообразительности, — сказал Тартелетт, с сомнением покачивая головой. — Но будет ли он нам хоть чем-нибудь полезен?

— Я в этом уверен! — твердо произнес юноша.

Между тем Карефиноту очутился за столом, уставленным кушаньями. Сначала он все обнюхал, потом попробовал на зубок и, наконец, стал с жадностью поглощать все подряд: суп из агуты, убитую Годфри птицу, баранью лопатку с гарниром из камаса и ямса.

— Кажется, наш гость обладает завидным аппетитом, — заметил Годфри.

— Вот именно, — подхватил танцмейстер. — Нужно будет глядеть за ним в оба. Как бы не разыгрались каннибальские инстинкты!

— Успокойтесь, Тартелетт! Мы заставим нашего друга забыть вкус человеческого мяса, если он его вообще когда-нибудь пробовал.

— За это я не поручусь! — ответил учитель танцев. — Уж если хоть раз отведал...

Карефиноту с напряженным вниманием слушал их разговор. По умным глазам каннибала было заметно, что ему очень хочется понять, о чем они говорят. Неожиданно у дикаря развязался язык, и он начал им что-то объяснять. Но это был ряд лишенных смысла междометий, с преобладанием гласных «а» и «у», как в большей части полинезийских наречий.

А Годфри тем временем думал: этот негр, которого он чудом спас от смерти, станет теперь их новым товарищем. Без сомнения, Карефиноту будет хорошим слугой. Он силен, ловок, деятелен. И не испугается никакой работы. Удивительная восприим-

чивость дикаря даст возможность добиться значительных успехов в его образовании и воспитании.

Годфри не ошибся. Уход за скотом, сбор корней и плодов, убой баранов или агуты, которые составляли основную пищу, приготовление сидра из диких яблок манзаниллы — всему этому Карефинуто научился быстро и старательно выполнял любые поручения.

Сколько бы ни ворчал Тартелетт, Годфри не испытывал к новому компаньону недоверия и ничуть не раскаивался, что спас его от смерти, рискуя собственной жизнью. Если юношу что-то и тревожило, то только возможность возвращения каннибалов на остров Фины.

В первый же день для Карефинуто устроили постель в дупле секвойи. Но он, если не шел дождь, предпочитал спать на открытом воздухе, превратившись таким образом в верного стража.

Прошло две недели со дня спасения Карефинуто, и он уже несколько раз сопровождал Годфри на охоте. Больше всего ему нравилось, как падают убитые на расстоянии птицы. При этом он с большой готовностью выполнял роль охотничьего пса и мчался за дичью, не останавливаясь ни перед каким препятствием, преодолевая завалы, кусты и широкие ручьи.

Незаметно Годфри привязался к новому товарищу. У Карефинуто обнаружились необычайные способности, он легко поддавался обучению, но одного никак не мог одолеть — английского языка. Несмотря на все усилия, туземец не способен был произнести даже самых простых слов, которым его старательно обучали Годфри и учитель танцев.

Итак, жизнь на острове благодаря счастливому стечению обстоятельств становилась даже довольно приятной, и никакая опасность не угрожала больше его обитателям. Но не было дня, чтобы Годфри не вспоминал свою невесту Фину и дядюшку Виля! Он с тайным страхом ждал наступления зимнего времени, которое воздвигнет между ним и его близкими еще более непреодолимую преграду.

Двадцать седьмого сентября чрезвычайный случай, потребовавший немедленного решения, отвлек племянника Кольдерупа от мучительных раздумий.

В тот день Годфри и Карефинуто, собирая во время прилива моллюсков возле Дримбея, вдруг заметили множество маленьких плавучих островков, подгоняемых к берегу ветром, — целый архипелаг, над которым кружили так называемые морские ястребы — птицы с огромным размахом крыльев. Откуда взялись эти странные островки, плывшие по воле волн, и что они собой представляют?

Пока Годфри стоял в растерянности, не зная, что подумать, Карефинуто лег на живот, вобрал голову в плечи и, растопырив руки и ноги, пополз.

Годфри, ничего не понимая, уставился на него и вдруг сообщил:

— Черепахи!

Карефиноту не ошибся. Действительно, это были черепахи, усеявшие всю поверхность моря на расстоянии не меньше квадратной мили. Они быстро приближались к острову, рассякая воду задними ногами, похожими на ласты. Их ловкие, сильные движения напоминали полет больших хищных птиц, например, орлов. Саженья в ста от берега черепахи спины вдруг скрылись под водой, а их пернатые спутники взмыли в воздух, описывая большие спирали. Прошло несколько минут, и первая приливная волна выбросила на сушу добрую сотню настоящих зеленых морских черепах. Каждая имела не менее трех-четырех футов в диаметре. Огромные мокрые панцири, зеленовато-бурого оттенка, с мраморным рисунком, блестели на солнце.

Изумительное зрелище вызвало в душе Робинзона настоящий восторг, впрочем, тут же уступивший место не столь возвышенному чувству. «Мясо черепахи, великолепное на вкус, отлично сохраняется, если его хорошенько просолить», — учили старые путешественники, и Годфри сейчас очень кстати вспомнил о них. Приближался сезон дождей, и как тут не беспокоиться о запасах продовольствия!

Робинзон и Пятница побежали по отмели к дарам моря, свалившимся им прямо в руки. Чтобы добыча не ускользнула от них, друзья принялись переворачивать животных брюхом вверх, а между тем каждое весило не менее тысячи фунтов. Вот когда пригодилась мускульная сила спасенного туземца!

Домой они вернулись почти в темноте, нагруженные черепахиным мясом. Несколько дней в Вильтри к столу подавался превосходный свежий бульон, который с удовольствием поглощал не один Тартеллет.

Второе происшествие, заставившее несчастного жениха оставить мечты о прошлом и обратиться к реальности, произошло на охоте. Обычно его сопровождал Карефиноту, Тартелетт же предпочитал хозяйничать в Вильтри. Природа явно не наделила учителя танцев талантом стрелка, хотя первый выстрел оказался очень метким.

Однажды Годфри с Карефиноту охотились в лесу у подножия главного хребта острова Фины. С самого утра им встретились лишь две или три антилопы, промелькнувшие в глубине чащи на таком расстоянии, что стрелять в них не имело смысла. За мелкой дичью Годфри не гонялся: пищи у них было вдоволь, а убивать, только чтобы убить, — не в его принципах. Охотников из Вильтри антилопы привлекали скорее не мясом, а шкурами, которые оченьгодились бы Робинсонам в холодные дни. Но на этот раз Годфри возвращался с пустыми руками.

Было около трех часов пополудни. После завтрака на привале охота не стала удачнее, и потому юноша решил больше не задерживаться, а поспешить к обеду в Вильтри. Они уже пересекли опушку леса, как вдруг Карефиноту резко обернулся, под-

скакнул к Годфри, схватил его за плечи и потащил с такой силой, что молодой стрелок, только пролетев двадцать шагов по воздуху, сумел остановиться. Отдышавшись, он вопросительно поглядел на Карефиноту.

Негр с испуганным видом показал рукой на зверя, неподвижно застывшего шагах в пятидесяти от них. Годфри не поверил глазам: перед ними стоял бурый медведь. Обхватив лапами ствол дерева, он зловеще покачивал головой сверху вниз, будто собираясь броситься на охотников.

Смелый охотник не задумываясь поднял ружье и выстрелил, раньше чем Карефиноту успел его удержать.

Сразила ли пуля хищника? Вполне возможно. Убил ли его Годфри? Утверждать трудно. Во всяком случае, медведь, широко расставив лапы, рухнул к подножию дерева.

Нельзя было медлить ни минуты. Поединок с косолапым хозяином мог привести к плачевным результатам. Известно, что в лесах Калифорнии даже лучшим охотникам стоила жизни встреча с бурым медведем. Поэтому Карефиноту, как видно, знакомый с повадками этого сильного зверя, схватил Годфри за руку и потащил к Вильтри, а тот, понимая, что опасность еще не миновала, не стал сопротивляться.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

*в которой положение, и без того весьма серьезное,
все более осложняется*

Присутствие на острове дикого зверя заставило Робинзонов серьезно задуматься. Какие еще испытания уготованы им, несчастным, заброшенным сюда по прихоти судьбы? Годфри не утаил от Тартелетта последнего приключения — и, кажется, поступил опрометчиво.

— Медведь! — воскликнул учитель танцев, с таким испугом озираясь по сторонам, будто целая стая хищников уже осаждала Вильтри. — Но откуда тут взялся медведь? Ведь до сих пор их не было видно на нашем острове! А раз появился один, то, несомненно, появятся и другие, и, может быть, тут водятся не только медведи, но и пантеры, гиены, львы, ягуары.

Воспаленному воображению Тартелетта остров Фины представлялся сплошным зверинцем, наполненным вырвавшимися из клеток хищниками.

Годфри, призвав на помощь все свое хладнокровие, спокойно возразил, что не следует преувеличивать. Он видел пока только одного медведя и не может понять, почему тот не попался ему раньше. Во всяком случае, рано делать вывод, что остров наполнен кровожадными хищниками, которые рыщут в лесах и прериях. Тем не менее нужно помнить об осторожности и не выходить из дома без оружия.

Несчастный Тартелетт! С того дня его существование состоя-

ло из сплошных ужасов, волнений и страхов, к которым примешивалась тоска по далекой Калифорнии.

— Нет уж, спасибо! — повторял он. — Ко всем удовольствиям еще и звери! Довольно! Хватит! Я требую, чтобы меня отправили домой!

Если бы только это было возможно!

Годфри и его спутники стали осторожнее. Звери могли появиться не только со стороны берега или прерии, но и притаиться, например, позади группы высоких секвой. Годфри приготовился принять серьезные меры для защиты на случай внезапного нападения. Прежде всего наши герои укрепили дверь, чтобы она могла выдержать удары лап хищного зверя. Для скота Годфри решил устроить загон, где козы, агуты и бараны будут находиться в безопасности хотя бы ночью. Но это оказалось делом нелегким. Ограда получилась не слишком прочной и недостаточно высокой, чтобы помешать медведю свалить ее, а гиене — перепрыгнуть.

Карефиноту взял на себя ночные дежурства возле Вильтри, что гарантировало от всяких неприятных неожиданностей. Подвергаясь серьезной опасности, негр сознавал, что оказывает услугу своим освободителям, и каждую ночь стоял на часах, хотя Годфри уговаривал его дежурить поочередно.

Прошла еще неделя, страшные гости пока не показывались в окрестностях Вильтри. Теперь Годфри без особой необходимости не уходил далеко от дома. За баранами, козами и агуты, пасшимися на соседнем лугу, учредили строгий надзор, и чаще всего обязанности пастуха исполнял Карефиноту. Ружья он с собой не брал, так как все еще не научился с ним обращаться, зато за поясом у него всегда был охотничий нож, а в правой руке — топор. С таким вооружением ловкий и сильный негр мог сразиться не только с медведем, но, если придется, и с тигром.

Однако ни медведь, ни тигр и никакие другие звери в Вильтри не появлялись. Годфри понемногу успокаивался. Он возобновил свои прогулки по острову и даже стал ходить на охоту, хотя и остерегался забираться в чащу. Когда вместе с Годфри на охоту уходил и Карефиноту, Тартелетт, тщательно заперев дверь, забивался в дупло, и никакие силы не заставили бы его оттуда выйти, даже если ему предложили бы давать уроки танцев! Когда же Годфри уходил один, танцмейстер оставался с туземцем и с большим усердием занимался его воспитанием.

Тартелетт пробовал сначала научить Карефиноту самым элементарным английским словам, но голосовой аппарат негра был настолько неприспособлен к английской фонетике, что от уроков пришлось отказаться.

— Хорошо! — решил Тартелетт. — Раз я не могу быть его учителем, сам стану учеником.

И он принялся повторять за туземцем междометия.

Напрасно Годфри убеждал его, что в этих занятиях никакого

проку: Тартелетт настаивал на своем. Учителю танцев хотелось знать полинезийские названия предметов, которые он показывал Карефиноту.

Очевидно, Годфри недооценивал талантов танцмейстера. Тартелетт оказался способным учеником и по истечении пятнадцати дней запомнил пятнадцать слов. Например, он твердо усвоил, что на языке Карефиноту «бирси» означает огонь, «араду» — небо, «мервира» — море, «дура» — дерево и так далее. Он пребыл в таком восторге от своих успехов, будто получил первый приз на конкурсе знатоков полинезийских наречий. В благодарность он решил обучить Карефиноту хорошим манерам и основным правилам европейской хореографии.

Годфри не мог отказать себе в удовольствии посмеяться от души, глядя на них, и по воскресеньям присутствовал на уроках знаменитого мастера классической хореографии Тартелетта из Сан-Франциско.

Действительно, зрелище было презабавное. Несчастный туземец, обливаясь потом, с невероятным трудом проделывал танцевальные «экзерсисы». При всем его прилежании и покорности не так-то просто оказалось превратить полинезийца с широчеными плечами, отвислым животом и вывернутыми внутрь коленями в нового Вестриса или Сент-Леоне.

Тартелетт приходил в неистовство, а Карефиноту, кротко снося все муки, старался изо всех сил. Вообразите, каких ему стоило усилий встать в первую позицию! Когда же дело доходило до второй, а потом и до третьей — мучениям не видно было конца!

— Гляди на меня, куль с мякиной, — кричал Тартелетт, больше всего ценивший в занятиях наглядность. — Ноги врозь! Еще шире! Носок одной ноги приставить к пятке другой! Раздвинь колени, недотепа! Убери плечи! Голову прямо!.. Руки округлить!..

— Но вы требуете от него невозможного, — вступался за беднягу Годфри.

— Для умного человека нет ничего невозможного! — отвечал Тартелетт.

— Но его тело не приспособлено...

— Приспособится! Отлично приспособится! Потом это дитя природы будет мне признательно за то, что я научил его входить в салон.

— Но ведь ему никогда не представится случай попасть в салон!

— Как знать, Годфри! — невозмутимо возражал учитель.

Учитель танцев брал свою карманную скрипку и начинал наигрывать короткие пронзительные мелодии, приводившие Карефиноту в буйный восторг. Тут уж его не приходилось уговаривать. Не думая о правилах хореографии, туземец с уморительными ужимками выделял всевозможные коленца, прыгал, кувыркался и скакал.

А Тартелетт, глядя на резвящегося сына Полинезии, размышлял: «Не может ли быть так, что эти движения, хотя и противоречащие всем принципам хореографического искусства, более естественны для рода человеческого, чем отработанные веками па?»

Но мы отвлеклись. Оставим учителя танцев и изяшных манер наедине с его философскими раздумьями и вернемся к проблеме более практической и злободневной, а именно: обитанию бурых медведей на острове Фини. Годфри, посвятивший этому вопросу все последние экскурсии, не только ни разу не встретил ни одного из опасной породы зверей, но даже ни разу не видел их следов: ни в чаще леса, ни на берегах речки, куда медведи, пантеры, львы или кто другой могли ходить на водопой. По ночам тишину ни разу не нарушали вой или рычание, и домашние животные по-прежнему спали спокойно.

«Как странно! — говорил себе Годфри. — Ведь ни я, ни Карефиноту не могли ошибиться. Нет сомнения в том, что я видел медведя и стрелял в него. Неужели тот зверь был единственным представителем своего вида на нашем острове?»

Совершенно необъяснимо! Если косолапый действительно был убит, то куда же тогда делся его труп? Годфри повсюду искал, но медведь исчез бесследно. Смертельно раненный, он мог, конечно, добраться до своей берлоги и там околоть. Но тогда на земле остались бы пятна крови... Вся эта непонятная история наводила ужас. Кажется, явись перед Годфри подстреленный им зверь с целым полчищем своих собратьев, ему не стало бы страшнее.

В первых числах ноября начался холодный сезон. Целые дни поливал дождь. Позднее, вероятно, начнутся ливни, не прекращающиеся в этих широтах неделями. Такова здешняя зима, и пора подумать, как ее пережить. Годфри вспомнил о своем намерении устроить очаг в самом дупле, чтобы обогреть его и готовить еду, укрывшись от ветров и ливней.

Он выбрал место у стенки секвойи и положил туда несколько камней — плашмя и на ребро; они-то и станут служить очагом. Сложнее было соорудить дымоход. Выпускать дым через длинное дупло, а затем через отверстие, пробитое молнией, Годфри считал неразумным. Наконец он смекнул, что в качестве дымовой трубы можно приспособить длинный толстый ствол бамбука, росшего кое-где по берегам речки.

Юноше усердно помогал старательный Карефиноту, понявший, хотя и не без некоторых усилий, что от него требуется. Они прошли около двух миль, пока не выбрали достаточно толстые бамбуковые стволы, и вместе занялись сооружением трубы. Стебли бамбука очистили от сердцевины и, подровняв у краев, вставили несколько трубок одна в другую. Получилась довольно длинная дымовая труба, упирающаяся верхним концом в отверстие, пробитое молнией. Такой очаг вполне устраивал всех, требовалось только следить, чтобы бамбук не загорелся. Вскоре

в дупле Вильтри весело запылал огонь, а в воздухе совсем не чувствовалось дыма.

Они успели вовремя, ибо с третьего по десятое ноября дожди полили не переставая. Разводить огонь под открытым небом теперь стало невозможно. Всю эту тоскливую неделю Годфри и его товарищи провели взаперти, выходя из дому лишь для того, чтобы только присмотреть за скотом и курами.

Но вот оказалось, что у них полностью иссяк запас камасов, заменявших хлеб. Отсутствие мучнистых корней становилось все более ощутимым, и Годфри заявил Тартелетту, что, как только погода станет более сносной, он отправится с Карефиноту за камасами. Учителя танцев не слишком прельщала перспектива плестись две мили по мокрой траве, и он охотно остался караулить дом.

Вечером десятого ноября небо, затянутое серыми тучами, набежавшими еще в начале месяца с западным ветром, стало постепенно очищаться. Дождь начал утихать, и на закате показалось солнце. Все говорило о том, что следующий день обещает быть безоблачным.

— Завтра на рассвете,— сказал Годфри,— мы с Карефиноту отправляемся в путь.

— Желаю удачи,— ответил учитель танцев.

К ночи совершенно разошелся туман и высыпали звезды. Тотчас же после ужина Карефиноту снова занял свой сторожевой пост, который он покинул на время дождей. Напрасно Годфри убеждал его вернуться в комнату, говоря, что теперь вовсе не обязательно сторожить Вильтри, ведь ни один дикий зверь больше не показывался. Но Карефиноту не поддавался никаким уговорам, и Годфри вынужден был отступить.

На другой день погода действительно благоприятствовала островитянам. Около семи часов утра Годфри вышел из Вильтри — первые лучи солнца уже золотили густые вершины секвой.

Карефиноту по-прежнему стоял на посту. Он продежурил здесь всю ночь и наконец дождался Годфри. Вооружившись до зубов, они захватили с собой по большому мешку. Простившись с Тартелеттом, охотники направились к речке, чтобы затем пройти по левому берегу туда, где росли камасы.

Через час они без всяких приключений добрались до цели.

Три часа юноша и негр работали, не разгибая спины, и только около одиннадцати пустились в обратный путь с мешками, полными камасов. Шагая рядом и весело переглядываясь, они подошли к речной излучине. В этом месте деревья живописно склонились над водой, образуя своеобразный полог над обоими берегами.

Вдруг Годфри остановился. В этот раз он сам заметил и показал Карефиноту на зверя, неподвижно стоявшего у дерева. Глаза его как-то странно светились.

— Тигр! — воскликнул молодой путешественник.

И он не ошибся. В самом деле, то был громадный тигр! Изо-

гнувшись в дугу, он обхватил когтями ствол дерева, готовясь к прыжку.

Годфри, бросив на землю свой мешок, в одно мгновение прицелился и спустил курок.

— Ура! — закричал он.

Подстреленный тигр отскочил назад. Но рана могла быть и смертельной, а тогда не жди пощады от разъяренного зверя.

Стрелок поднял ружье, чтобы выстрелить второй раз.

Но тут Карефиноту, которого Годфри не успел сдержать, метнулся с ножом вслед за тигром.

Напрасно Годфри кричал, требуя, чтобы тот остановился, напрасно звал... Негр ничего не слышал или не хотел слышать, поглощенный одним желанием: добить зверя, даже если это будет стоить ему жизни.

Юноша бросился к реке. Добежав до берега, он увидел, что Карефиноту вступил в яростную схватку с тигром. Негр сдавил зверю горло и нанес ему страшный удар ножом в сердце. Тигр скатился в речку, полноводную после долгих дождей. Бурный поток подхватил тело животного и стремительно унес его в море.

Медведь! Тигр! Сомнений больше не было: на острове водились хищные звери...

Подойдя к Карефиноту, Годфри убедился, что тот отделался лишь несколькими ссадинами. Они подобрали свои камасы и двинулись в обратный путь, размышляя о новых превратностях, которые готовит им судьба.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

*в которой Тартелетт повторяет на все лады, что хочет
покинуть остров*

Когда Тартелетт узнал, что на острове, кроме медведей, водятся еще и тигры, он пришел в такой ужас, что долго не осмеливался высунуть нос из дупла. Ведь рано или поздно хищники узнают дорогу в Вильтри! Не осталось уголка, где можно чувствовать себя в безопасности! Тартелетт требовал возвести укрепления, каменные стены с эскарпами, контр-эскарпами и бастиянами, которые должны обеспечить безопасность обитателям дупла большой секвойи. А так как соорудить эти фортификационные сооружения было невозможно, он хотел или, вернее, мечтал поскорее покинуть остров.

— Я тоже, — спокойно отвечал ему Годфри.

И в самом деле, условия жизни на острове Фины теперь уже были не те, что прежде. Если до сих пор благоприятный случай помогал им бороться с лишениями, выдерживать непогоду и переносить тяготы зимы, то защищаться от диких зверей и каждую минуту ждать нападения было просто невыносимо..

Положение становилось все более серьезным, а скоро могло стать и критическим.

«Но как объяснить тот факт, — спрашивал себя Годфри, —

что в течение четырех месяцев мы не видели на острове ни одного зверя, а за последние две недели встретились и с медведем, и с тигром. Что бы это значило?»

Действительно, факт был необъясним, хотя настолько очевиден, что нельзя с ним не считаться!

И все же Годфри не пал духом. Превратности судьбы только укрепляли его хладнокровие и мужество. Если им действительно грозят дикие звери, то он примет против этой новой опасности самые решительные меры.

Но какие?

Прежде всего надо сократить выходы в лес и на побережье; покидать дом следует с оружием в руках и только в случае крайней необходимости.

— И в первом и во втором случае,— внушал своим спутникам Годфри,— мы отделались легким испугом, но третья встреча с хищником может кончиться плачевно. Не стоит зря рисковать!

Суровая необходимость заставляла жителей Вильтри не только отказаться от частых прогулок, но и требовала усилить охрану жилища и скота, ибо хищники могли их просто уничтожить. Годфри всерьез подумывал о том, чтобы укрепить Вильтри, хотя от грандиозного проекта Тартелетта — возвести вокруг секвойи пояс оборонительных сооружений,— разумеется, пришлось отказаться. Остановились на том, чтобы поставить высокий, прочный забор между стволами ближайших секвой, иначе говоря, окружить Вильтри надежной оградой, которая обеспечила бы им относительную безопасность и защиту от нападения извне.

Годфри прикинул: сделать такой забор возможно, хотя и не просто. Трудно представить, сколько стволов им придется срубить и обработать, чтобы соорудить подобное ограждение. Но Годфри не страшили никакие трудности. Он посвятил в свои планы Тартелетта, и тот их одобрил, пообещав свое содействие. Учитель танцев сумел кое-как растолковать суть замысла Карефиноту, который, как всегда, готов был броситься на помощь по первому зову.

Робинзоны и верный Пятница без промедления принялись за дело.

В одной миле от Вильтри, вверх по течению речки, была небольшая рощица, где росли корабельные сосны. Наши путешественники ни за что не сумели бы напилить досок из поваленных деревьев. Но если заострить бревна, а затем вбить в землю, получится достаточно прочный забор.

И вот, двенадцатого ноября, на рассвете, Годфри со своей бригадой направился к роще. Они продвигались с крайней осторожностью.

Тартелетт, измученный тревожными днями, то и дело повторял:

— Не по душе мне эта вылазка в лес! Поскорее бы уехать отсюда.

На этот раз Годфри не стал ни утешать его, ни затевать спор, а призвал учителя танцев к благоразумию. Ради общей пользы сейчас нужно действовать не словами, а руками. Приходилось сделаться на какое-то время выючными животными.

Впрочем, на всем пути от Вильтри до сосновой рощи им ничего подозрительного не встретилось, хотя все трое внимательно оглядывали прерию от края до края. Пасшийся на лугу скот не выказывал ни малейшей тревоги. Птицы беспечно щебетали среди ветвей или порхали в воздухе.

Достигнув рощицы, путники тотчас же приступили к работе. Годфри счел более разумным сначала свалить нужное количество деревьев, а потом переправить их в Вильтри. Обрабатывать стволы на месте будет удобнее.

Карефиноту, как и следовало ожидать, научился обращаться с топором и пилой и стал незаменимым помощником. Очень сильный, он не прерывал работы даже тогда, когда Годфри останавливался передохнуть, а Тартелетт в изнеможении падал в траву, раскинув руки и ноги, не в силах даже вытащить свою карманную скрипку. Между прочим, учителю танцев и изящных манер, поневоле ставшему лесорубом, Годфри дал самую легкую работу — очистку стволов от ветвей. Если бы за это платили полдоллара в день, то учитель зарабатывал бы, наверное, не более десяти центов!

Бригада работала шесть дней подряд, с двенадцатого по семнадцатое ноября. Являлись на участок рано утром, в полдень съедали захваченный из дому обед, поздно вечером возвращались и ужинали в Вильтри. Погода была капризная, часто набегали тучи, то парило, то лил дождь. Робинзоны спасались от дождя под деревьями и, чуть только прояснялось, снова принимались за дело.

Восемнадцатого ноября отобранные для ограды деревья лежали на земле — без верхушек, с очищенными от ветвей стволами.

Дикие звери больше не появлялись. Может быть, их вообще не осталось на острове и убитые медведь и тигр жили в одиночку без сородичей? Увы, это невозможно!

Поэтому Годфри и не думал отказываться от своего плана — огородить Вильтри высоким забором, который мог бы защитить их от всяких неприятных неожиданностей. К тому же самое трудное было уже позади, оставалось лишь переправить бревна к месту постройки.

Да, самая тяжелая работа сделана, но как бы они справились с переноской бревен, если бы Годфри не пришла в голову блестящая мысль сплавить лес по реке? После обильных дождей речка стала полноводной. Без особых затруднений можно связать из бревен плоты и спустить их вниз по течению. У мостика

плоты сами останятся и будут разобраны, а оттуда до Вильтри шагов двадцать.

Больше всех радовался учитель танцев: усердный труд помог ему вновь обрести достоинство.

Деятнадцатого ноября первые плоты благополучно прибыли на место. Меньше чем за три дня удалось переправить весь заготовленный лес.

Двадцать первого ноября часть бревен уже забили на два фута в землю. Заостренные вверху столбы скреплялись между собой гибкими, но крепкими прутьями. Забор получился на славу! Годфри радовался быстрому продвижению дела, скоро они действительно заживут как в крепости.

— Чувствовать себя как за крепостной стеной мы будем только на Монтгомери-стрит, в особняке вашего дядюшки Кольдерупа, — не унимался учитель.

Двадцать шестого ноября забор на три четверти был готов. Вильтри оказался в центре ограды, там же росло еще несколько секвой, и среди них та, что служила курятником (сама собой напрашивалась мысль отвести часть огороженного пространства под хлев, устроить его теперь не составляло труда). Через три-четыре дня они закончат забор, останется приделать прочную дверь, и обитатели Вильтри будут в полной безопасности.

Но на следующий день, двадцать седьмого ноября, их работу прервала одна неожиданность, столь же загадочная, как и многое другое, что происходило на острове Фины. В тот день, около восьми часов утра, Карефиноту, взобравшийся вверх по узкой трубе дупла, чтобы законопатить отверстие на случай сильного дождя или ветра, вдруг громко закричал.

Годфри, занимавшийся забором, поднял голову и увидел, что негр жестами зовет его к себе. Понимая, что туземец не стал бы беспокоить по пустякам, юноша, схватив подозрную трубу, быстро поднялся по внутренней стенке дупла, пролез через верхнее отверстие, добрался до разветвления и вскоре уже сидел верхом на одной из громадных веток.

Карефиноту показывал на северо-восток, где вдавался в море закругленный мыс. Там поднимался к небу густой столб дыма.

— Опять! — вскричал Годфри.

Он навел подозрную трубу и убедился, что на сей раз это явно не обман зрения: такой дым мог идти только от большого костра, так как был отчетливо виден на расстоянии пяти миль.

Годфри повернулся к негру, который громкими возгласами и всем своим поведением выражал крайнее беспокойство. Да и сам Годфри встревожился ничуть не меньше.

Впереди взору открывалась морская гладь, чистая и спокойная, ни корабля, ни паруса, ни туземной прао — ничего, что могло бы напомнить о недавней высадке дикарей.

— Больше они меня не проведут! Теперь уж я узнаю, от какого огня идет дым! — воскликнул Годфри.

И, указав негру на северо-восток, а потом на подножие секвойи, Годфри дал знать, что хочет немедленно отправиться на берег, откуда поднимается дым.

Карефиноту мгновенно понял его и одобрил кивком головы.

«Если там скрывается человек, — размышлял Годфри, — я узнаю, кто он и откуда! Нужно выяснить, почему он прячется! Это необходимо знать для нашей безопасности!»

Спустившись с дерева, Годфри рассказал Тартелетту о том, что увидел и что надумал предпринять, предложив учителю отправиться вместе с ним. Однако до северного побережья пути не менее десяти миль, а Тартелетт превыше всего ценил свои ноги, считая, что они предназначены исключительно для благородных упражнений. Именно по этой причине он хотел остаться в Вильтри.

— Хорошо! — сказал Годфри. — Мы пойдем без вас! Но не ждите нас раньше ночи.

Захватив с собой немного провизии, чтобы перекусить на привале, друзья простились с Тартелеттом, не преминувшим заметить, что все равно они ничего не найдут и только зря потратят силы.

Юноша взял с собой ружье и револьвер, а негр — топор и свой любимый охотничий нож. Они перешли по мостику на правый берег речки и направились через прерию — туда, где из-за скал поднимался дым. Разведчики шли быстрым шагом, то и дело озираясь по сторонам и боясь, чтобы нападение зверя, притаившегося где-нибудь в кустах, не застало бы их врасплох; но никаких признаков хищника они не заметили.

В полдень путники сделали короткий привал, а затем продолжили путь и вскоре достигли первых прибрежных скал. До того места, откуда по-прежнему поднимался дым, оставалось еще не менее четверти мили. Годфри и Карефиноту быстрее зашагали вперед, все время держась настороже.

И вдруг дым исчез, будто кто-то внезапно погасил костер. Но Годфри удалось запомнить скалу, откуда он поднимался. Каменная глыба по форме напоминала усеченную пирамиду. Пройдя еще около четверти мили, разведчики преодолели скалистую гряду и, когда оказались шагах в пятьдесят от цели, бросились туда... Никого!.. Но угасающий огонь и тлеющие угли не оставляли сомнений...

— Кто-то здесь был! — воскликнул юноша. — Был только что! Как бы разузнать — кто.

Он крикнул... Никакого ответа! Туземец испустил оглушительный вопль... Тишина.

Вместе они облазили все окрестные скалы, пытаясь выяснить, нет ли поблизости какой-нибудь пещеры, где мог бы спрятаться человек, потерпевший кораблекрушение, или туземец,

осмотрели даже самые узкие щели и выемки. Все напрасно: никаких следов человека...

— Во всяком случае,— повторял Годфри,— нам теперь ясно, что дым идет не от горячего источника, а от горящего костра. Сам собою, конечно, огонь загореться не мог!

Около двух часов пополудни, утомленные напрасными поисками, разочарованные и встревоженные, Годфри и Карефиноту пустились в обратный путь. Годфри шел, погруженный в тяжелые думы. Ему казалось, что остров находится во власти какой-то таинственной силы. Появление дыма, а еще раньше — зверей — все это выглядело крайне загадочно.

Через час он окончательно убедился в справедливости своих подозрений, когда услышал под ногами какой-то странный шум, напоминающий шелест опавших листьев. Карефиноту быстро оттолкнул Годфри, который не сразу заметил темно-серую, с коричневым оттенком, с пятнами и черными поперечными полосками ленту, мелькнувшую в траве.

— Змея! — закричал он. — Ко всему прочему еще и змеи. Разве мало нам медведей и тигров?

Да, одна из опаснейших тварей, встречающихся на Американском континенте, гремучая змея, с характерным шуршанием проползла совсем рядом и скрылась вместе со своими гремушками.

Ловкий негр бросился за ядовитой гадиной, успевшей проскользнуть в густые заросли, догнал и ударом топора отсек ей голову. Но это еще не все! Многочисленные сородичи ужасного создания сопровождали друзей почти до самого дома, пока они не перебрались на другой берег реки, где стоял Вильтри.

По-видимому, остров Фины подвергся нападению ползучих гадов. Откуда они взялись? Почему их не было раньше? В те тревожные минуты Годфри вспомнился легендарный Тенос, получивший известность в древнем мире благодаря змеям, которых там было великое множество. Отсюда даже происходит название одного из видов гадюк.

— Поспешим! — крикнул Годфри, жестом давая понять Карефиноту, что нужно ускорить шаг.

Юношей овладело беспокойство. Не зная, какая ждет их еще беда, он хотел побыстрее возвратиться в Вильтри. Предчувствие его не обмануло. Едва ступив на мостик, он услышал отчаянные вопли и мольбы о помощи.

— Тартелетт! — воскликнул Годфри. — С ним что-то случилось!

Пробежав шагов двадцать, они увидели Тартелетта, мчавшегося им навстречу. За ним гнался громадный крокодил, появившийся, очевидно, из реки. Несчастный учитель танцев, вне себя от страха, неся напрямик вместо того, чтобы свернуть куда-нибудь. Расстояние между ним и чудовищем неумолимо сокращалось... Вдруг учитель танцев споткнулся и упал. Все кончено... Он погиб...

Годфри замер, но тут же, со свойственным ему хладнокровием, сорвал с плеча карабин и прицелился крокодилу в глаз.

Меткий выстрел сразил чудовище наповал.

Карефиноту подбежал к учителю танцев и помог ему подняться. На этот раз Тартелетт отделался только страхом.

Около шести часов вечера Годфри и его спутники были у подножия большой секвойи. Грустные мысли одолевали всех троих за ужином! Сколько долгих бессонных ночей предстоит им еще провести на этом злополучном острове, где, казалось, сама природа ополчилась на бедных Робинзонов?

А Тартелетт все повторял одно и то же:

— Как бы хотел я уехать отсюда!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

которая заканчивается удивительной репликой Карефиноту

Наступила зима — необыкновенно суровая для здешних широт. Годфри правильно поступил, перенеся очаг внутри жилища. Работы по возведению ограды к тому времени закончились, высокий забор и прочная дверь обеспечивали безопасность обитателям Вильтри.

В течение шести недель, то есть до середины января, на острове свирепствовали такие ураганы, что уйти далеко от дома было просто невозможно. Гигантские секвойи раскачивались от страшного ветра, срывавшего сухие ветки. Жильцы дупла подбирали их и складывали про запас: огонь в очаге сжирал много топлива.

Робинзоны закутались во все теплое, что нашлось в сундуке. Во время походов за камасами больше всего имгодились куски шерстяной ткани, но погода с каждым днем ухудшалась, пришлось вовсе отменить эти вылазки. Об охоте нечего было и думать: намело столько снега, словно остров Фины находился не в тропической зоне, а где-то у Полярного круга.

Северная Америка из-за постоянных северных ветров является одной из самых холодных стран земного шара. Зима здесь длится до середины апреля, а с морозами приходится прямо-таки сражаться не на жизнь, а на смерть. Поневоле напрашивался вывод, что остров Фины вопреки первоначальным предположениям Годфри лежал примерно на тех же широтах — где-то севернее Сан-Франциско. Поэтому появилась необходимость основательнее подготовить жилище к зиме. Правда, ветер в дупло не проникал, но сырость и холод давали о себе знать. Наши зимовщики, пока у них хватало провизии, заботились главным образом об утеплении своего дома. Когда же стало подходить к концу засоленное черепашее мясо, пришлось принести в жертву нескольких коз, агути и овец, поголовье которых не увеличилось с тех пор, как они попали на остров.

Было от чего прийти в отчаяние!

А тут вдруг Годфри подхватил лихорадку, терзавшую его около двух недель. Не окажись у них лекарств, обнаруженных в том же сундуке, вряд ли он быстро поправился бы. В отличие от Тартелетта, который не мог оказать больному никакой помощи, Карефиноту самоотверженно ухаживал за Годфри.

Не передать, какие муки испытывал молодой Робинзон, как сожалел о прошлом и винил себя. Ведь по его вине они с Тартелеттом оказались в столь плачевном положении. Сколько раз в болезненном бреду он звал свою невесту Фину и дядюшку Виля, которые остались там, далеко, за сотни миль, и, казалось, навсегда потеряны для него! Как проклинал он теперь жизнь Робинзона, когда-то пленявшую его юношеское воображение и представлявшуюся недостижимым идеалом! И вот жестокая реальность заставила его, типичного городского жителя, испытать все превратности жизни на природе, и не было никакой надежды вернуться снова когда-нибудь в родной дом...

Так прошел самый трудный месяц декабрь, и только перед Новым годом Годфри стал потихоньку поправляться.

Что касается Тартелетта, то он, по милости судьбы, чувствовал себя превосходно, хоть и не переставал охать и стонать. Подобно тому, как грот нимфы Калипсо после отъезда Одиссея «перестал оглашаться веселыми звуками», так и в Вильтри не звучала больше карманная скрипка Тартелетта: ее струны застыли на холоде.

Годфри тревожило не только появление на острове хищных зверей, но и возможная встреча с туземцами. Раз на острове находятся люди, ничто не может им помешать ворваться сюда, бревенчатый забор вряд ли послужит для них препятствием. Придя к такому заключению, Годфри решил, что самым надежным убежищем будут для Робинзонов ветви секвойи, надо только позаботиться о более удобном способе подъема, а также надежно закрыть входную дверь от непрошенных гостей, если попытаются проникнуть в дупло.

С помощью Карефиноту Годфри вырубил в стенках секвойи ступеньки и соединил их, словно перилами, веревкой, свитой из волокнистых растений. В Вильтри появилась лестница.

— Ну вот! — с улыбкой сказал Годфри, окончив работу. — Теперь у нас два дома: внизу — городской, а наверху — загородный.

— Я предпочел бы даже погреб, но только на Монтгомери-стрит, — проворчал Тартелетт.

Наступили рождественские праздники, которые всегда так весело встречают в Соединенных Штатах Америки. Первый день Нового года, наполненный светлыми детскими воспоминаниями, был дождливым, снежным, холодным и неприветливым.

Вот уже пять месяцев, как потерпевшие крушение на «Дриме» были отрезаны от всего мира. Начало года не только не казалось им счастливым, оно сулило еще более тяжкие испытания.

Снег шел не переставая до семнадцатого января. В этот день Годфри выпустил коз на луг, чтобы они сами нашли себе пропитание. К вечеру опять похолодало и стало сыро. Весь остров и высокие темные секвойи погрузились в глубокий мрак.

Годфри и Карефиноту, вытянувшиеся на своих постелях, напрасно старались заснуть. Около десяти часов с севера донесся глухой шум, который с каждой минутой становился все отчетливее.

Ошибки быть не могло — где-то поблизости бродили хищные звери. К зловещим завываниям тигра и гиены присоединилось грозное рычание пантеры и льва. Какой это был ужасный концерт!

Робинзоны и негр в ужасе вскочили со своих постелей. Только Карефиноту был почему-то не столько напуган, сколько удивлен. В отчаянной тревоге прошло два долгих часа. Рычание слышалось все ближе и ближе и вдруг прекратилось. Или кровавая стая, сбившись с пути, подалась в другую сторону? Быть может, Вильтри минует беда?

«Так или иначе,— думал Годфри,— если мы не уничтожим всех хищников до последнего, покоя нам здесь не будет».

После полуночи яростный рев возобновился. Звуки раздавались где-то совсем близко.

Но откуда они здесь появились? Ведь не могли же эти животные приплыть на остров Фины по морю? Значит, они обитали здесь и прежде, до появления Годфри и его спутников! В таком случае, что же побуждало хищных животных старательно прятаться и почему, охотясь в самых отдаленных уголках, Годфри ни разу не напал на их следы? Где же находится таинственное логово, в котором скрываются все эти львы, гиены, пантеры и тигры? Из всех странностей, происходивших на острове, внезапное появление диких зверей было самой неразрешимой загадкой.

Карефиноту, казалось, отказывался верить ушам своим и каждую минуту вздрагивал от грозного рева. При свете очага Годфри замечал, как его лицо перекашивалось странной гримасой. А Тартелетт то принимался жалобно хныкать, то громко причитал в своем углу. Он забрасывал Годфри вопросами, но тот не имел ни желания, ни возможности отвечать. Не раз подходил он вместе с Карефиноту к бревенчатой ограде, чтобы убедиться, что дверь крепко заперта.

Вдруг с истошным блеяньем ограду окружило стадо. Козы, бараны и агути, испуганные голосами голодных зверей, покинули пастбище и в панике устремились под защиту к людям.

— Нужно открыть дверь ограды! — крикнул Годфри.

Карефиноту молча кивнул и тут же выполнил приказание.

В ту же минуту стадо ворвалось внутрь, а следом за ним в глубокой темноте метнулись неясные тени и фосфорическим светом блеснули злые глаза. Годфри не успел опомниться, как Ка-

рефиноту втокнул его в дупло и плотно закрыл за ним дверь. На это туземцу понадобилась одна минута.

Хищники ворвались в ограду. Совсем рядом раздался дикий рев, к которому присоединилось жалобное блеяние коз и овец. Годфри и Карефиноту, прильнув к окошкам, прорубленным в коре секвойи, с трепетом следили за кровавой оргией зверей.

Тигры или львы, пантеры или гиены — в темноте трудно было разобрать — набросились на несчастную скотину.

Тартелетт, в приступе безумного страха, схватил карабин и высунул его наружу, чтобы спустить курок. Годфри едва успел его удержать.

— Остановитесь! — приказал он. — В такой темноте невозможно попасть в цель, а у нас не так много патронов, чтобы тратить попусту. Нужно подождать до рассвета!

И он был прав. Вместо хищников пули могли поразить домашних животных — ведь их поголовье значительно превышало бешеную стаю. Спаси скот казалось совершенно невозможно. Пожалуй, благоразумнее будет ими пожертвовать, чтобы дикие звери, насытившись, поскорее убрались из Вильтри. Тогда придет время поразмыслить, как защититься от нового нападения.

«Лучше всего, — думал Годфри, — постараться не выдать своего присутствия, иначе хищники предпочтут людей домашней скотине».

Но помраченный умом Тартелетт не внимал ни просьбам, ни уговорам. И тогда Годфри без лишних слов отобрал у него ружье. Учитель танцев в отчаянии упал на свою постель, проклиная и путешествия, и путешественников, и вообще всех маньяков, которым не сидится дома.

Тем временем Годфри и Карефиноту снова заняли наблюдательные посты — раз уж они не в силах помешать кошмарной резне, происходившей в нескольких шагах от них. Блеяние коз и баранов постепенно стихло. По-видимому, часть стада звери уже успели растерзать, а уцелевшие козы и овцы выскочили за ограду — навстречу неминуемой смерти. Гибель домашнего скота стала невосполнимой потерей для маленькой колонии. Но будущее сейчас мало заботило Годфри, все его мысли были поглощены настоящим.

Около часа ночи рычание и вой хищников стихли, но юноша и туземец все еще не отходили от окошек: им казалось, что в ограде по-прежнему мелькают зловещие тени. Слышался какой-то шум.

Должно быть, прибежали и другие звери, почуявшие запах крови. Они обнюхивали гигантскую секвойю и кружили возле нее, злобно рыча. Тени напоминали огромных кошек. Очевидно, стада им показалось мало, разгоряченных животных дразнили запахи человеческого жилища.

Годфри и его товарищи замерли, боясь пошевелиться. Если они будут стоять тихо, может быть, звери оставят в покое их жилище. Но тут учитель танцев, предоставленный самому

себе, схватил револьвер и, вообразив, что на него набросился тигр, выстрелил наугад — раньше, чем Годфри и Карефиноту успели ему помешать. Пуля пробила входную дверь.

— Несчастный! Что вы натворили! — воскликнул Годфри, подбегая к учителю, а Карефиноту тем временем сумел отобрать у него оружие.

Но было уже поздно. В ответ на выстрелы раздалось рычание... Хищники бросились в атаку. Громадные когти царапали кору секвойи, трясли дверь, которая вряд ли сможет противостоять такому натиску.

— Надо защищаться! — крикнул Годфри.

Схватив ружье и привесив к поясу патронташ, он снова занял свой пост возле окошка. К его удивлению, Карефиноту сделал то же самое. Да, туземец схватил другой карабин, которым они не пользовались, наполнил карманы патронами и устроился возле второго окошка. При свете вспышек Годфри и Карефиноту смогли разглядеть своих врагов.

Внутри огады, воя от ярости и беснуясь, прыгали и падали под пулями львы и тигры, гиены и пантеры — не менее двух десятков зверей! Их оглушительный рев разносился далеко, ему вторили хищники, рыскавшие поблизости. Слышались завывания, доносившиеся из леса и прерии. Вой этот становился все громче, с каждой минутой приближаясь к Вильтри. Кому-то вздумалось выпустить на остров Фины целый зверинец!

Не обращая внимания на Тартелетта, все еще лежавшего на топчане в изящной позе подбитого лебедя, Годфри и Карефиноту хладнокровно продолжали стрелять. Чтобы не терять даром патронов и бить без промаха, они выжидали, когда перед ними возникнет какая-нибудь тень, и, тщательно прицелившись, стреляли. Раздавался дикий рев — пуля достигла цели.

Через четверть часа вой прекратился — потому ли, что звери устали от непрерывных атак, стойких некоторым из них жизни, или потому, что они ждали рассвета, чтобы возобновить свои попытки проникнуть в жилище людей?

Что бы там ни происходило, Годфри и Карефиноту не отходили от смотровых окошек. Негр стрелял так же хорошо, как и молодой американец, и если его действиями руководил инстинкт подражания, то, нужно признать, он у дикаря был поразительно развит.

Около двух часов ночи ненасытные твари в двойном количестве и с удвоенной яростью ринулись в новую атаку. Опасность подступала все ближе и ближе, положение становилось почти безнадежным. У подножия секвойи раздавался яростный рев. Годфри и Карефиноту со своих наблюдательных постов продолжали бить по скачущим теням. Разъяренные животные трясали и царапали когтями дверь. В любой момент она могла рухнуть... Сквозь щели чувствовалось горячее дыхание кровожадных разбойников.

Годфри и Карефиноту пытались подпереть дверь кольями, на которых стояли топчаны, но все напрасно: дверь сотрясалась и трещала от яростного натиска. Годфри понимал, что дальнейшая борьба бесполезна. Если звери ворвутся в Вильтри, огнестрельное оружие не поможет. Юноша стоял, скрестив руки, и с ужасом глядел, как трясется дверь. Больше ему ничего не оставалось делать.

В отчаянии Годфри потер рукой лоб и тут же вспомнил о главном.

— Лестница! — крикнул он.

Годфри указал рукой на узкий проход в дупле, ведущий наверх, к разветвлению секвойи.

Не теряя ни минуты, они с Карефиноту собрали ружья, револьверы, боеприпасы и поискали Тартелетта, чтобы вынудить его следовать за ними. До сих пор учитель танцев не решался влезть на такую высоту.

Но Тартелетта нигде не было. Пока его товарищи отстреливались, учитель танцев, по-видимому, в состоянии крайнего возбуждения уже вскарабкался наверх по вырубленным в коре ступенькам.

— К дыре! — скомандовал Годфри.

Там было последнее укрытие, на какое они могли надеяться. Если же тигр или пантера вздумают подняться до кроны, защитники Вильтри сумеют отбить атаку, стреляя в отверстие, через которое ползут нападающие.

Не успели Годфри и Карефиноту подняться на тридцать футов, как внутри секвойи послышалось рычание. Очевидно, зверям удалось сорвать дверь. Опоздай Годфри с товарищами на несколько минут, их ждала бы неминуемая гибель.

Они быстро добрались до верхнего отверстия. И тут раздался душераздирающий крик: бедный Тартелетт вообразил, что к нему подбирается пантера или тигр. Несчастный танцмейстер висел на тонкой ветке, обхватив ее руками и ногами, ветка согнулась под его тяжестью и вот-вот могла обломиться.

Карефиноту протянул учителю руку, заставил его спуститься чуть-чуть пониже и привязал к дереву своим поясом. Затем Годфри и туземец уселись с разных сторон развилки, чтобы держать выход из дупла под перекрестным огнем.

Несколько минут прошли в тягостном ожидании. Годфри старался разглядеть, что происходит внизу, но в кромешной тьме ничего не мог различить. Он прислушался. Судя по тому, что рычание не прекращалось, звери не собирались уходить.

Но вот около четырех часов утра у подножия дерева мелькнул яркий свет. Потом засветились окна, и из отверстия дупла повалил едкий дым, поднимавшийся наверх.

— Что там случилось? — воскликнул Годфри и тут же догадался в чем дело.

Звери, ворвавшись в Вильтри, раскидали угли из очага, от них загорелись деревянные топчаны, стол и табуретки, а затем

воспламенилась и сухая кора дерева. Гигантская секвойя ярким пламенем горела снизу.

Положение осажденных стало еще более ужасным, чем прежде. Пламя пожара освещало все вокруг, испуганные звери метались у подножия секвойи.

В ту же минуту раздался оглушительный взрыв, казалось, потрясший гигантское дерево от подножия до верхушки. Струя воздуха вырвалась из верхнего отверстия дупла, словно выпущенная из ружья пуля — взорвались хранившиеся в дупле остатки пороха!

Годфри и Карефиноту чудом удержались на своих местах, а Тарлететта спасло только то, что он был крепко привязан к дереву.

Потрясенные львы, тигры, гиены и пантеры сняли осаду и бросились наутек. После взрыва дерево запылало еще сильнее. Огонь поднимался по огромному стволу, как по вытяжной трубе. Громadные языки пламени лизали стенки секвойи до самой кроны. Сухая кора лопалась с треском, напоминая револьверные выстрелы. Зарево освещало не только лужайку с секвойями, но и все побережье, от Флагпункта до мыса Дримбея.

Огонь быстро бежал по дереву, языки пламени уже лизали нижние ветви, угрожая Годфри и его спутникам. Неужели им суждено погибнуть в этом огне, против которого они бессильны? Неужели у них остался только один выход — броситься вниз? Но ведь и тогда их ждет верная смерть!

Годфри мучительно думал, пытаясь найти какое-нибудь средство спасения, но ничего не мог придумать. А между тем густая пелена дыма, обволакивая все вокруг, закрывала от взоров первые проблески зари.

Вдруг раздался ужасный треск. Сгоревшая у основания, секвойя подломилась и начала медленно клониться вниз.

Годфри и его спутники уже прощались с жизнью. Они неуклонно приближались к земле, и тут объятая дымом секвойя наткнулась исполинскими ветвями на кроны соседних деревьев и так застыла в наклонном положении, под углом в сорок пять градусов к земле.

— Девятнадцатое января! — прозвучал чей-то голос, показавшийся Годфри очень знакомым.

Неужели это Карефиноту?.. Да, Карефиноту! Он, не понимавший до сих пор ни слова, заговорил на чистейшем английском языке!

— Ты сказал по-нашему? — изумился Годфри и поспешил спуститься к нему по веткам.

— Да, мистер Морган, — ответил Карефиноту, — сегодня, девятнадцатого января, сюда на остров должен прибыть ваш дядя Виль. Если он не появится — мы пропали!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,

в которой объясняется все, что казалось до сих пор необъяснимым

Прежде чем Годфри успел что-либо ответить, где-то неподалеку прогремели ружейные выстрелы. В ту же минуту хлынул дождь, настоящий ливень, и загасил пламя, грозившее перекинуться на соседние деревья.

После всех необъяснимых явлений на Годфри обрушилась новая лавина загадок: Карефиноту, вдруг заговоривший как истый лондонец, сообщение о скором прибытии дядюшки Вили и, наконец, неожиданные выстрелы.

Годфри показалось, что он сходит с ума, но у него не было времени разобраться в своих ощущениях. Не прошло и пяти минут после выстрелов, как из-за деревьев показалась группа матросов во главе с капитаном Тюркотом.

Как только Годфри сошел на землю, его окликнули два радостных голоса, которых он не мог не узнать:

— Племянник Годфри! Честь имею кланяться!

— Годфри!.. Дорогой Годфри!..

— Дядя Виль!.. Фина!.. Это вы?.. — воскликнул окончательно сбитый с толку юноша.

Через несколько секунд он заключил в свои объятия обоих.

Двое матросов, выполняя команду капитана Тюркота, быстро влезли на секвойю, отвязали злополучного Тартелетта и спустили его вниз со всеми предосторожностями.

Посыпались вопросы, ответы, объяснения...

— Дядя Виль! Неужели это вы?

— Да, как видишь!

— Но как вам удалось отыскать остров Фины?

— Остров Фины? — переспросил Кольдеруп. — Ты хочешь сказать — Спенсер? О, это не составило большого труда, я ведь купил его шесть месяцев назад!

— Спенсер?

— А ты назвал остров моим именем, милый Годфри? — спросила Фина.

— Ну что ж, это имя мне нравится, и будем впредь его так называть! — заметил Уильям Кольдеруп. — Правда, до сих пор на географических картах он был островом Спенсер, что находится в трех днях пути от Сан-Франциско. Я счел полезным отправить тебя сюда, чтобы ты на собственном опыте познал жизнь Робинзона.

— Что вы говорите, дядя? — воскликнул Годфри. — Если это правда, то, признаю, мне воздано по заслугам. Но как же тогда объяснить кораблекрушение «Дрима»?

— Все было подстроено! — засмеялся Уильям Кольдеруп, пребывая в самом благодушном настроении. — По моему указанию капитан Тюркот наполнил водобалластные камеры, и судно немного опустилось, а ты вообразил, будто корабль тонет. Но как только капитан убедился, что вы с Тартелеттом выбрались

на берег, он дал задний ход и через три дня преспокойно вернулся в Сан-Франциско. На этом же «Дриме» в назначенный мною день мы и прибыли за тобой.

— Значит, никто из экипажа не погиб? — спросил Годфри.

— Никто... Может, только тот несчастный китаец, который прятался в трюме. По крайней мере его нигде не нашли.

— А пирога?

— Тоже имитация. Ее построили по моему указанию.

— А дикари?

— Ненастоящие. К счастью, ты никого из них не убил.

— А Карефинуту?

— Такой же, как и все остальные. Мой верный Джим Брасс, как я вижу, великолепно сыграл предназначенную ему роль Пятницы.

— Да! — сказал Годфри. — Он дважды спас мне жизнь: при встрече с медведем и с тигром.

— С поддельным медведем и искусственным тигром, — сказал Кольдеруп, надрываясь от смеха. — Чучела привезли на остров Джим Брасс и его спутники.

— Но ведь звери ворочали головой и лапами...

— При помощи пружины, которую Джим заводил ночью за несколько часов до ваших встреч с хищниками.

— Так вот оно что! — пробормотал Годфри, немного сконфуженный оттого, что дал себя так легко провести.

— Да, дорогой племянник, на твоём острове все было слишком благополучно, и потому я доставил тебе несколько случаев поvollноваться.

— Тогда, — ответил Годфри, с трудом удерживаясь от смеха, — раз уж вам захотелось дать мне урок, то зачем же было присылать сундук со всеми необходимыми вещами?

— Сундук? — удивился Кольдеруп. — Какой сундук? Я не посылал никакого сундука! Уж не ты ли это постаралась, Фина?.. — Он выразительно посмотрел на девушку, смущенно опустившую глаза.

— Теперь мне все понятно, — продолжал Кольдеруп. — В таком случае, у Фины должен быть соучастник... — И дядюшка повернулся к капитану Тюркоту, который разразился громким смехом.

— Как хотите, мистер Кольдеруп, — сказал капитан, — с вами я еще могу не соглашаться... но слишком трудно было отказать мисс Фине. И вот... четыре месяца назад, когда вы послали меня проверить, что делается на острове, я отправил туда шлюпку с этим самым сундуком.

— Фина! Милая моя Фина! — растроганно произнес Годфри, протягивая девушке руку.

— Но, капитан Тюркот! Вы же обещали мне держать все в секрете, — сказала зардевшаяся Фина.

Но если Годфри слушал все эти объяснения с веселой улыбкой, то Тартелетту было совсем не до смеха! Новость, которую он

только что узнал, потрясла его до глубины души, буквально уничтожила! Как это он, знаменитый учитель танцев и изящных манер, стал жертвой мистификации? Хореограф вышел вперед и произнес с видом оскорбленного достоинства:

— Может быть, вы будете утверждать, мистер Кольдеруп, что гнавшийся за мной крокодил тоже был заводной и сделан из картона?

— Крокодил? — удивился дядюшка.

— Да, мистер Кольдеруп, — заметил Карефиноту, которому пора возвратить его настоящее имя — Джип Брасс. — За господином Тартелеттом действительно гнался самый настоящий крокодил.

Тут пришла очередь удивляться самому Уильяму Кольдерупу. Дядюшка узнал о внезапном нападении множества хищников — львов, тигров, пантер, о нашествии змей, появившихся только два месяца назад, о кострах, что разводили неизвестные в разных концах острова.

Он отказывался что-либо понимать. Ведь доподлинно известно, что на острове Спенсер не водилось ни хищных зверей, ни ядовитых пресмыкающихся. Это даже специально оговаривалось в продажном реестре. Выходило, что многие события, происходившие на острове, не были предусмотрены программой.

Что до Тартелетта, то он не из тех, кого легко поймать на удочку! Танцмейстер не поверил ни одному слову Кольдерупа. По его мнению, все было настоящее: и кораблекрушение, и дикари, и хищные звери. И никто не убедит его в том, что полинезиец, которого он сразил наповал с первого же выстрела, проявив недюжинную храбрость, что этот полинезиец поддельный. Нет, он не желал слушать, что тем людоедом был один из служащих Кольдерупа, притворившийся убитым, а в настоящее время пребывающий в добром здравии, как и сам учитель танцев.

Итак, всему нашлось объяснение, кроме непонятного нашествия зверей и загадочного появления дыма, не на шутку озадачивших Уильяма Кольдерупа. Но будучи человеком практичным, он решил пока отложить загадки и обратился к племяннику с такими словами:

— Годфри, ты с детства любил необитаемые острова и, я думаю, будешь рад услышать, что я дарю тебе такой остров! Можешь здесь жить сколько пожелаешь. Я не собираюсь увозить тебя насильно. Если хочешь быть Робинзоном, будь им хоть до конца дней своих, если это доставляет удовольствие...

— Быть Робинзоном?.. Всю жизнь?.. — Годфри не верил своим ушам.

— Ты остаешься на острове, Годфри? — спросила Фина.

— Нет, уж лучше умереть, чем остаться здесь! — воскликнул молодой человек, напуганный столь радужной перспективой. — Впрочем, — добавил он, приходя в себя, — я остался бы здесь, но только на следующих условиях: во-первых, если и ты останешься вместе со мной, дорогая Фина, во-вторых, если дя-

дюшка Виль согласится жить с нами и, наконец, если священник с «Дрима» сегодня же обвенчает нас.

— На «Дриме» нет священника, и ты это прекрасно знаешь,— возразил Уильям Кольдеруп,— но в Сан-Франциско, надеюсь, они еще есть. Итак, завтра мы отправимся в путь!

Фина и дядюшка Виль пожелали осмотреть остров. Годфри привел их к секвойям, а потом они прошлись вдоль речки до мостика.

Увы! От жилища в Вильтри ничего не осталось, пожар полностью уничтожил их жилище, устроенное в дупле дерева. Если бы не приезд Уильяма Кольдерупа, оба Робинзона и Пятница погибли бы от голода, холода и нашествия диких зверей.

Гуляя по острову, вся группа заметила вдали несколько хищных зверей, которые, к счастью, не решились напасть на многочисленную и шумную компанию.

Но откуда все же взялись хищники?

Когда пришло время отправиться на пароход, Тартелетт пожелал захватить с собой в качестве трофея убитого крокодила.

Вечером все собрались в салоне «Дрима» и за веселым ужином отпраздновали благополучное завершение испытаний Годфри Моргана и его обручение с Финой Холланей.

На другой день, двадцатого января, «Дрим» под командованием капитана Тюркота пустился в обратный путь. Ранним утром Годфри с грустью наблюдал, как на западе исчезали туманные очертания острова, где он провел шесть незабываемых месяцев и приобрел полезный опыт. На этот раз «Дрим» шел прямо к цели, никого не вводя в заблуждение и не отклоняясь от курса. Теперь не было нужды терять ночью то, что приобреталось днем.

Двадцать третьего января в двенадцать часов пополудни судно вошло через Золотые ворота в бухту Сан-Франциско. Когда корабль пришвартовался у набережной Мершен-стрит, из трюма поднялся человек и подошел к Уильяму Кольдерупу.

Кто же это?

Не кто иной, как Сенг-Бу, проделавший на том же корабле обратный путь в Сан-Франциско.

— Простите, мистер Кольдеруп, но я сел на ваше судно в полной уверенности, что оно отправится в Шанхай. Поскольку корабль возвратился в Сан-Франциско, мне придется с вами расстаться.

Пассажиры «Дрима», пораженные внезапным появлением этого человека, не знали, что сказать, и стояли в растерянности, пока китаец как ни в чем не бывало и с выражением крайней любезности сгнул в поклоне.

Первым нарушил молчание Кольдеруп.

— Но, полагаю, ты не в трюме скрывался все шесть месяцев?

— Нет,— ответил Сенг-Бу.

— Где же ты был?

— На острове!
— На острове? — удивился Годфри.
— Да, — ответил китаец.
— Значит... этот дым?..
— От моего костра...
— Почему же ты не пришел к нам, чтобы жить всем вместе?
— Китаец лучше быть одному, — философски ответил Сент-Ву. — Ему достаточно самого себя и больше никого не нужно.

Сказав это, китаец поклонился Уильяму Кольдерупу, сошел по трапу и исчез в толпе.

— Вот кто был настоящим Робинзоном! — воскликнул дядя Виль. — Как считаешь, Годфри, похож ты на него?

— Ладно! — ответил Годфри. — Дыму мы нашли объяснение, но откуда все-таки взялись дикие звери?

— А, главное, этот крокодил! — добавил Тартелетт. — Надеюсь, мне, наконец, объяснят, как он попал на остров?

Уильям Кольдеруп, чувствуя себя сбитым с толку, что было непривычно, потер рукой лоб, словно отгоняя наваждение.

— Это мы узнаем позже, — сказал он. — Нет ничего тайного, что не стало бы явным.

Через несколько дней торжественно отпраздновали свадьбу племянника Уильяма Кольдерупа и его воспитанницы. Во время церемонии Тартелетт блестяще продемонстрировал искусство держаться в обществе: манеры отличались изысканностью, обращение было самым утонченным. Ученик ни в чем не уступал наставнику и вел себя настолько безупречно, что репутация учителя танцев и изящных манер стала еще выше.

После свадьбы Тартелетт занялся своим крокодилом. Так как его нельзя наковать на булавку, о чем танцмейстер очень сожалел, оставалось сделать чучело. Крокодила с расправленными лапами и полураскрытой пастью подвешат к потолку, и он послужит прекрасным украшением комнаты.

Дохлого аллигатора отослали к знаменитому чучельнику, тот через несколько дней с готовым изделием явился в особняк на Монтгомери-стрит. Все удивлялись величине чудовища, едва не проглотившего Тартелетта.

— Знаете, откуда этот крокодил? — вдруг обратился мастер к Кольдерупу.

— Понятия не имею, — ответил дядя Виль.

— К его чешуе была прикреплена этикетка.

— Этикетка? — удивился Годфри.

— Да, вот она! — сказал чучельник.

Он протянул кусок кожи, на котором несмываемыми чернилами были написаны следующие слова:

*От Гагенбека из Гамбурга
Дж. Р. Таскинару, Стоктон, США*

Прочитав надпись, мистер Кольдеруп разразился хохотом. Он все понял.

То была месть его побежденного соперника Таскинара. Он накупил у Гагенбека — владельца всемирно известного зоологического сада — хищных зверей и пресмыкающихся и отправил их на остров Спенсер. Конечно, такая затея обошлась ему недешево, но зато толстяк отомстил своему врагу. Если верить легенде, точно так же поступили англичане с Мартиникой, прежде чем сдать ее французам.

Теперь получило объяснение все, что происходило на острове Фины.

— Ловко придумано! — восхищенно произнес Кольдеруп. — Я не сумел бы выдумать лучше, чем этот старый плут Таскинар.

— Но теперь из-за этих ужасных зверей остров Спенсер... — начала Фина.

— Остров Фины, — поправил ее Годфри.

— ...остров Фины, — продолжала, улыбаясь, молодая женщина, — снова станет необитаемым.

— Что ж, — заметил дядюшка Кольдеруп. — Придется подождать, пока последний лев не съест последнего тигра.

— И тогда, дорогая Фина, ты не побоишься провести там со мной лето? — спросил новоиспеченный супруг.

— С тобой, мой Годфри, я готова ехать куда угодно, — ответила Фина, — а так как тебе все же не удалось совершить кругосветное путешествие...

— Мы его совершим вместе! — воскликнул Годфри. — А если волей судьбы мне придется стать настоящим Робинзоном...

— То возле тебя всегда будет преданная Робинзонша!

1882 г.

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ КАПИТАН. Роман.

Перевод с французского И. Петрова . . . . .

ШКОЛА РОБИНЗОНОВ. Роман.

Перевод с французского Н. М. Брандис . . . . .

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Том двенадцатый

Редактор В. Никитин

Художественный редактор И. Марев

Технический редактор Н. Кленова

Корректоры В. Орешкина, Г. Шалимова, Л. Чуланова

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.

Подписано в печать 03.01.98 г.

Гарнитура Литературная. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 27,14. Цена для членов клуба 13 200 р.

(С 01.01.98 г. цена для членов клуба 13 р. 20 к.)

Издательство «ТЕРРА».

113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.